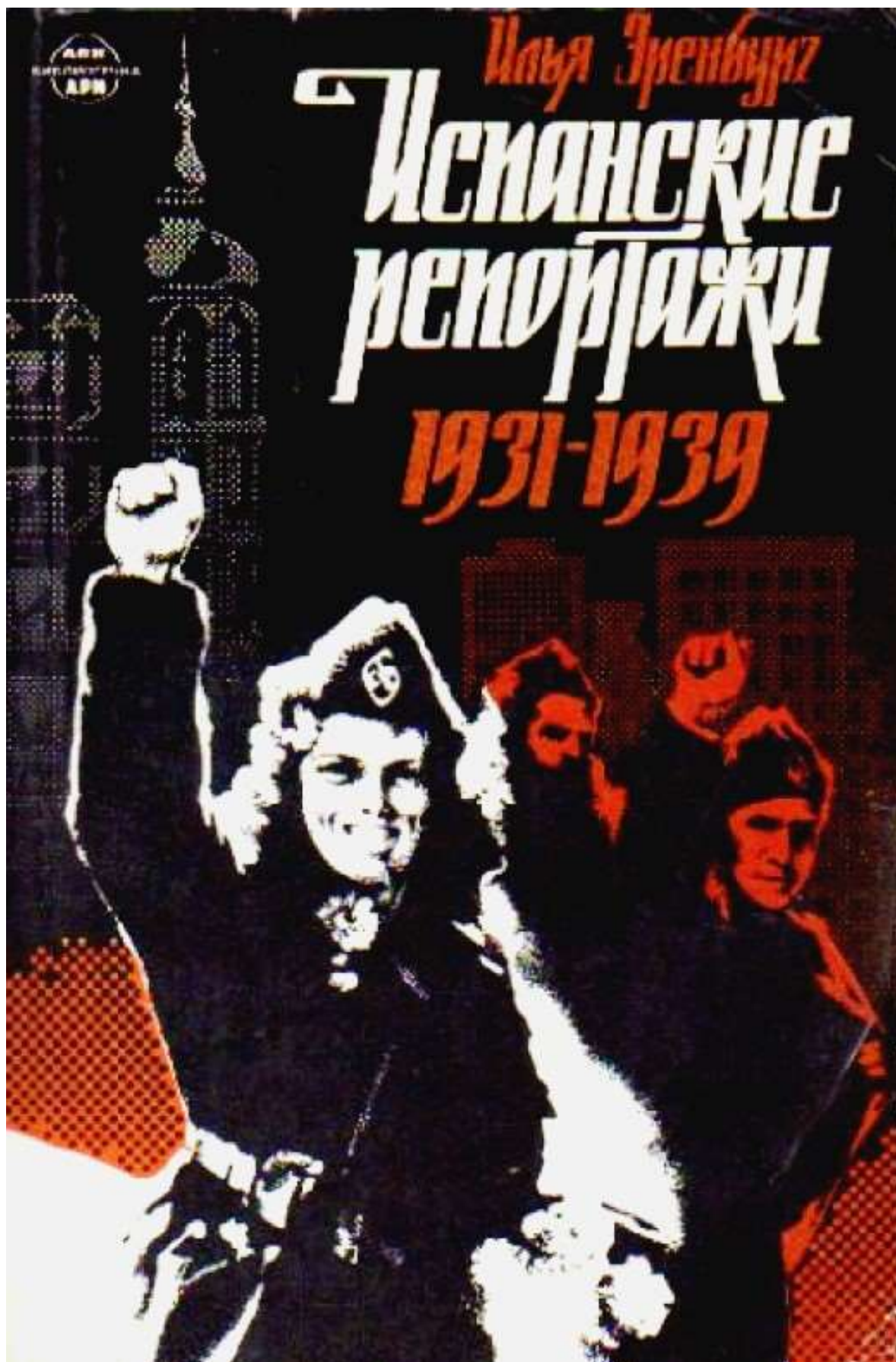

Эренбург Илья

Испанские репортажи 1931-1939

П.И.Батов. К читателям

С волнением прочитал я рукопись этой книги. Она вернула меня мысленно к тому времени, когда я был военным советником в республиканской Испании. Читая ее, я вспоминал своих испанских друзей, интербригадовцев, вспоминал, как формировалась в Альбасете 12-я интернациональная бригада генерала Лукача (венгерского писателя Мате Залки). Передо мною снова вставали картины обороны Мадрида, боев под Гвадалахарой, Теруэльского фронта... И конечно, я вспоминал встречи с Ильей Григорьевичем Эренбургом и там, в Испании, и потом – в Отечественную войну, и после Победы.

Эренбург был не только выдающимся советским писателем, он был выдающимся, яростным антифашистом. Его испанские корреспонденции, регулярно появлявшиеся в «Известиях», были вместе со статьями Кольцова в «Правде» и материалами корреспондентов ТАСС основным источником информации советских людей о том, что происходит в Испании. Они сыграли исключительную роль в антифашистском воспитании советского народа, что в полной мере проявилось в грозных испытаниях Великой Отечественной войны.

Собранные в этой книге статьи и репортажи Ильи Эренбурга дают яркую картину Испании 30-х годов. Они написаны свидетелем и участником описываемых событий, одним из самых знаменитых публицистов века. И хотя за прошедшие с тех пор десятилетия об этом было написано много книг, статьи Ильи Эренбурга не потеряли своего значения. Они позволяют сегодня пройти мысленно день за днем весь путь рядом с героическими защитниками Испанской республики, преисполнившись гордостью за их подвиг и ненавистные к чуме фашизма, унесшей миллионы человеческих жизней. [4]

С 1936 по 1939 год более трех тысяч советских добровольцев сражались с фашистами на земле и в небе Испании. В боях за Мадрид и в Гвадалахарской операции, на Хараме и у Эбро – всюду, где решалась судьба страны, советские добровольцы мужественно и умело выполняли свой интернациональный долг, вдохновляя своим примером всех защитников республики. Имена В. Е. Горева, Я. К. Берзина, Г. М. Штерна, Я. В. Смушкевича, Н. Н. Воронова, К. А. Мерецкова, Р. Я. Малиновского, Н. Г. Кузнецова, А. И. Родимцева, Д. Г. Павлова и многих других навсегда вписаны в героические страницы истории гражданской войны в Испании. По понятным причинам их имен нет в статьях и репортажах, составивших эту книгу. Мы воевали в Испании под вымышленными именами, и о советской помощи Испании в газетных сообщениях говорилось по необходимости скупо. О многом тогдашним читателям этих статей приходилось лишь догадываться. Это единственное, что хочется добавить к книге испанских репортажей Ильи Эренбурга.

Прошло сорок лет после разгрома фашистской Германии, но уничтожить бациллы фашизма так и не удалось. Они все еще дают о себе знать. И здесь не может быть места благодушию и беспечности. Начав с пропаганды расовой и национальной исключительности, фашизм кончает войной, концлагерями, смертью. Забывать об этом мы не имеем права! Человечество должно быть избавлено от человеконенавистнической идеологии и практики фашизма!

Об этом писал, за это боролся, этому отдал свои силы и талант большой писатель, антифашист, солдат мира Илья Григорьевич Эренбург.

Генерал армии дважды Герой Советского Союза П. И. БАТОВ

декабрь 1984 г. [5]

Декабрь 1931 – май 1936

Осел, иди!

Камни, рыжая пустыня, нищие деревушки, отделенные одна от другой жестокими перевалами, редкие дороги, сбивающиеся на тропинки, ни леса, ни воды. Как могла эта страна в течение веков править четвертью мира, заполняя Европу и Америку то яростью своих конкистадоров, то унылым бредом своих изуверов? Большое безлюдное плоскогорье, ветер, одиночество. Пустая страница, только на полях ее, на узких склонах, ведущих к морям, вписала природа зеленые пастбища Галисии или сады Валенсии. Страна, о которой мечтают уроженцы севера, как о потерянном рае, – неприютная и жестокая страна. Ее красота заведомо трагична, а простое довольство становится в ней историческим преступлением.

Люди жадные и неусидчивые давно покинули Испанию. От былой жизни они сохранили только язык, и вот на кастильском языке беседуют друг с другом короли висмута или нитрата, нефтяники Венесуэлы и «старатели» Колумбии, продувные президенты и блистательные сутенеры.

Те, что остались, любят эту землю тупой и величавой любовью. Крестьяне Кастилии или Галисии, ошалев с голоду, взбираются на палубы огромных пароходов, но из пестрой и шумной Америки неизменно они возвращаются назад. Они едят там мясо, они щеголяют в желтых ботинках, но ничего не поделаешь – они возвращаются назад в глухие деревушки, где длинны вечера без светильника, где длинны годы без праздника, годы натошак. Из Нового Света они не привозят ни любви, ни сбережений. Их жизнь – здесь, на печальной и сонной земле, там была поденщина, сутолока, ложь.

Где только не живут здесь люди! На верхушке горы, среди ветров и буранов, дрожит злосчастная хижина: [8] малое человеческое тепло борется с суровой зимой Леона. В Альмерии или возле Лорки иногда несколько лет кряду не бывает дождя – растрескавшаяся злая земля, рыжий туман, зной, голод, а среди трещин – кто знает зачем? – ютятся люди, они все ждут и ждут дождя. В Гуадисе люди живут не в домах, но в пещерах, это кажется справкой об иной эре, но это только обыкновенный уездный город, тихий и нищий, где вместо домов – пещеры, где надо платить пещеровладельцу – помесечно. В долинах Лас-Урдеса земля ничего не производит, это заведомо гиблый край, века он был отрезан от Испании. Недавно провели дорогу, люди могут уйти оттуда, но нет, они не уходят. Цепок человек в Испании, и трудно его выкорчевать.

Да, конечно, в Валенсии золотятся знаменитые апельсины, в Аликанте вызревают финики, прекрасны ставшие поговоркой сады Аранхуэса и академичны достоуважаемые виноградники Хереса. Но все это только описки, только богатые предместья большого и нищего города.

Горы, перевалы, камни, пустая дорога. Вот показалась смутная тень – крестьянин верхом на осле. Я не знаю ничего суровой и величественней, нежели пейзаж Кастилии. По сравнению с ним даже Кавказ кажется достроенным и законченным. Кастилия – это стройка природы, торчат стропила, разбросаны камни – мир здесь еще не доделан. Можно только угадать горделивый замысел зодчего. Человеческое жильё, редкое и непонятное, входит в землю. Оно прячется, как насекомое, от любопытного взора, оно одного цвета с камнями, оно пугливо к ним жметя. Так называемого «царя природы» здесь нет, и в самих камнях – безначалие. Все желто-серое, серое, порой рыжее.

Крестьянин верхом на осле. Он выехал рано утром. На его плече волосатое одеяло. Сейчас из ущелий налетит ледяной ветер: близка ночь. Осторожно перебирает ногами терпеливый ослик, у него крохотные ноги, но они давно привыкли к непостижимым пространствам. Далеко до стойла. Все холодней и холодней. Человек говорит: «?Burro, arre!» Это звучит воинственно и громко, это потрясает своими «ррр». В переводе это значит: «Осел, иди!» Это не окрик и не приказание – осел послушно идет. Но скучно, сиротливо человеку в этой пустыне, он едет час, два, три, он едет весь день, и вот он говорит с ослом – человеку надо с кем-нибудь поговорить. Долго и [9] неотвязно он повторяет: «Осел, иди!» Осел, тот не отвечает, он только исправно переставляет ножки. Холодно! Человек развернул одеяло и закутался в него, как в саван. Стемнело. Только силуэт виден – причудливая тень, рыцарь в плаще на маленьком ослике. Горная тишина, и все то же причитание: «Осел, иди!», как справка о судьбе – и осла, и своей, может быть, о судьбе всей Испании.

Появление Мадрида кажется дурным театральным эффектом. Откуда взялись эти небоскребы среди пустыни?.. Здесь нет даже великолепной нелепости северной столицы, которая заполнила столько томов русской литературы, здесь просто нелепость: среди пустыни сидят изысканные кабальеро и, попивая вермут, обсуждают, кто витиеватей говорил вчера в кортесах¹ – дон Мигель или дон Алесандро?.. Они окутаны ночью и камнями. По камням движутся тени, и, как пароль, звучит: «Осел, иди!..»

декабрь 1931

Небоскреб и окрестности

Испанцы любят утверждать, что в их стране можно увидеть различные эпохи – они отлегли пластами, не уничтожив одна другую. Это верно для историка искусств, однако, если интересоваться в Испании не только соборами, но и жизнью живых людей, встает хаос, путаница, выставка противоречий. Прекрасное шоссе, по нему едет «испано-сюиса» – самые роскошные автомобили Европы, мечта парижских содержанок, изготавливаются в Испании. Навстречу «испано-сюисе» – осел, на нем баба в платочке. Осел не ее, ей принадлежит только четверть осла – это приданое, осел достояние четырех семейств, и сегодня ее день. Вокруг чахлое поле, девка тащит деревянный плуг. Приедем это может показаться постановкой для кино съемки, археологической реконструкцией, но красавец кабальеро, который развалился в «испано-сюисе», не удостаивает девку взглядом: он знает – это попросту быт.

Кабальеро отдыхал в Сан-Себастьяне, там прелестные [10] актрисы из Парижа и баккара². Теперь пора за работу! Сегодня акции «Сальтос Альберче» котировались 76... Вот и Мадрид! Гран Виа. Небоскребы. Нью-Йорк. Здания банков этажей по пятнадцати каждое, на крышах статуи: голые мужчины, вздыбленные кони. Электрические буквы носятся по фасадам. Освещенные ярко таблицы гласят: «Рио Плата, 96... Альтос Орнос, 87...» Внизу под таблицами копошится фауна Мадрида: все безногие, слепые, безносые, парализованные и уроды Испании. Те, у кого осталась рука, сидят часами не двигаясь, с раскрытой ладонью, безрукие протягивают ногу, слепые стонут, немые трясутся. Вместо лица порой проступает череп. Развернуты тряпки, товар показан лицом: струпья, язвы, гнилое мясо. А наверху гранитные мужчины гордо придерживают бронзовых жеребцов.

На Гран Виа светло и шумно. Сотни продавцов выкрикивают названия газет, названия высоко поэтические: «Свобода» или «Солнце». В газетах передовые перья пишут о философии Кайзерлинга, о стихах Валери, об американском кризисе и о советских фильмах. Кто знает, сколько среди этих продавцов вовсе неграмотных?.. Сколько полуграмотных среди блистательной публики? Одеты кабальеро, слов нет, на славу. Какие платочки! Какие ботинки! Нигде я не видал таких франтоватых мужчин. Надо здесь же добавить, что нигде я не видал столько босых детей, как в Испании. В деревнях Кастилии или Эстремадуры дети ходят босиком – в дождь, в холод. Но на Гран Виа нет босых, Гран Виа – Нью-Йорк. Это широкая большая улица. Направо и налево от нее – глухие щели, темные

дворы, протяжные крики котов и ребят.

В каждом маленьком городишке Испании целая армия чистильщиков сапог – блеск неопиcуемый. Бань, однако, нет. Это не от любви к грязи, испанцы – народ чистоплотный, нет, это от путаницы: старый быт разложился, новый не придуман. Какие-то ловкачи успели построить, неизвестно зачем, дюжину небоскребов, но в обыкновенных жилых домах ванн не имеется, об этом никто не позаботился.

В путеводителе потрясает богатство поездов: кроме «скорых» и «курьерских», имеются «роскошные», даже «сверхроскошные». Но вот проехать из Гранады в [11] Мурсию не так-то просто. Это два губернских города, между ними примерно 300 километров, один поезд в день, дорога длится 15 часов, поезд отнюдь не «сверхроскошный» – темные вагончики, готовые развалиться. Бадахос и Касерес – главные города Эстремадуры, 100 километров, один поезд в день, 8 часов пути.

Возле Саморы строят электрическую станцию «Сальтос-дель-Дуэро». Это будет «самая мощная станция Европы». На скалистых берегах Дуэро вырос американский город: доллары, немецкие инженеры, гражданская гвардия, забастовки, чертежи, цифры, полтора миллиона кубических метров, энергия за границу, выпуск новых акций, огни, грохот, цементные заводы, диковинные мосты, не двадцатый, но двадцать первый век. В ста километрах от электрической станции можно найти деревни, где люди не только никогда не видали электрической лампочки, но где они не имеют представления об обыкновенном дымоходе, они копошатся в чаду, столь древнем, что легко вообще забыть о ходе времени.

В каждом городе – государственное бюро для туристов. На стенах пестрые афиши, в шкафах солидные папки, проводники одеты в затейливые мундиры с флажками. «У нас превосходные гостиницы, у нас дивный климат, у нас художественные ценности!..» Всем известно – Испания страна искусств: что ни дом, то музей. Показывая туристам старые церкви, проводники не довольствуются эстетическими восторгами, они знают, как ошеломить пивовара из Нюрнберга или «французика из Бордо»: посмотрите на эту епитрахиль, драгоценные камни, миллион песет! Золотые сосуды в Бургосе – полтора миллиона!.. На богоматери Валенсии ожерелья и безделки – два миллиона, сантим в сантим!.. Туристы богомольно вздыхают. В Саморе туристам показывают романскую часовню. Надо пройти через большую сборную: детский приют. Час обеда. 200 ребят. Командуют монашки. При виде «господ» перепуганные дети встают. Это дети нищеты. Это также дети деревенских кюре, которые плодотворно

утешали своих злосчастных служанок. Одеты дети в какие-то нелепые рваные власяницы. Из ржавых мисок хлебают они баланду – вода и горох. Если возмутиться, проводник объяснит: бедная страна, нет средств... Вот сюда... Направо... Статуя богоматери, шкатулка с изумрудами, коллекция ковров, четыреста тысяч!.. [12]

В кортесах обсуждают вопрос о разводе. Радикалы и социалисты стараются затмить друг друга. На пюпитре советское законодательство о браке. Цитаты из Уэллса, даже из Маркса. Дома отважных депутатов ждут их законные супруги. Они по-прежнему послушно беременеют и нянчатся с детьми...

В Бадахосе, когда в казино входит дама, почтенные посетители встают: это «народ рыцарей». В Бадахосе, как и в других городах Испании, «рыцари» дома от поры до времени лупят своих дам: и галантность и побои равно входят в быт.

Никогда в Испании не следует доверять вывескам. «Религиозная книготорговля» – в окне «Капитал», повести Коллонтай³, «Дневник Кости Рябцева»⁴. Лавка социалистического кооператива – в окне гипсовые статуэтки: святая Тереза и пасхальный барашек. «День всех мертвых» в деревушке Санабрии. Толпа стоит на морозе несколько часов. Свечи. Молитвы. Средневековье. Помолившись вдоволь, крестьянин садится на осла. Осел упрямится. Тогда молельщик кричит: «Начхать мне на деву Марию!» (Собственно говоря, он кричит не «начхать», но точный перевод его изречения неудобен для печати.) Он не очень-то верит в воскресение мертвых. Зато он твердо верит, что, если хорошенько обругать деву Марию, осел пойдет дальше. В Севилье во время крестного хода набожные прихожане ссорятся – чья богоматерь лучше? Один кричит другому: «Моя богоматерь действительно богоматерь, а твоя попросту шлюха!..» В мае этого года испанцы, несколько развеселившись, сожгли сотню церквей. Остались десятки тысяч несожженных. Педро Гонсалес в пятницу был с теми, что подожгли церковь святого Доминика, в воскресенье по привычке, а может быть, и со скуки он побрел в уцелевшую церковь святого Бенедикта.

Я знаю одного художника испанца; в своем ремесле он произвел доподлинную революцию. Его имя с равным трепетом повторяли и московские футуристы, и коллекционеры Филадельфии. Это человек не только высокоодаренный, но и смелый. Однако стоит произнести при нем слово «змея», как тотчас же, стыдясь собеседника, тихонько под столом он начинает водить двумя пальцами. [13] Профессор психологии, который

ездил в советскую Москву, смертельно боится кривых старух: «Они приносят несчастье!»

В Испании сколько угодно передовых умов. Они знают все: и программу Харьковского конгресса⁵, и парижских «популистов», и последнюю картину Эйзенштейна. Они не знают одного: своей страны. Они не знают, что у них под боком не сюрреализм, не пролетарская литература, не парижские моды, но дикая и темная пустыня, деревни, где крестьяне с голодухи воруют желуди, целые уезды, заселенные дегенератами, тиф, малярия, черные ночи, расстрелы, тюрьмы, похожие на древние застенки, вся легендарная трагедия терпеливого и вдвойне грозного в своем терпении народа...

Все это можно воспринимать по-разному – и ослиную элегантность, и небоскреб, и замок дон Хасинто, и красноречие кортесов. Можно издеваться, можно и расчувствоваться. Когда-то я видал в Москве балет «Дон Кихот». Бедный рыцарь был попросту смешон среди классических пуантов и пируэтов. Дон Кихота били, и публика, по большей части гимназисты и гимназистки, весело смеялись: дети любят логику, и они не сентиментальны. Лет двадцать пять спустя я увидел «Ревизора» в постановке Мейерхольда. Хлестаков врал, но никто не смеялся, зрители пугливо ежились. Очевидно, можно сделать трагедию даже из «лабардана». Надо ли говорить о том, что дон Хасинто отнюдь не смешон, что он, скорее, страшен, что миллион донов Хасинто – это безумие, что «суд над доном Альфонсом» не только водевиль, но и жестокая гримаса, на которые столь щедра история этого великолепного и несчастного народа?..

декабрь 1931

Переименовывают

На фасадах дворцов тряпье, под тряпьем корона. На почтовых марках портрет короля снабжен штемпелем «республика». Вывеска «Отель королевы Виктории» – [14] слово «королева» замазано, Виктория стала героиней Гамсуна или орхидеей. Другой отель «Альфонс XII», выломали цифру – Альфонс как таковой.

У себя дома республиканцы куда терпимей. Херес. Виноторговля «Гонсалес и Биас». Портреты короля. Королевские автографы. Королевская признательность. Королевская улыбка. Конечно, для виноторговца легко найти оправдание: десертное вино и дегенеративная монархия прекрасно уживались друг с другом. Труднее понять красу Барселоны сеньора Пландьюры. Экспорт-импорт, кофе, тонны, валюта, «Отель Колумб»,

каталонский патриотизм, наконец, особняк, а в особняке редкостная коллекция: романская скульптура и живопись. Сеньор Пландьюра человек со вкусом, его особняк куда любопытней городского музея, он не боится и новшеств: рядом со статуей XII века – картины Пикассо. Однако кто знает, чем больше гордится этот эстет – своей коллекцией или королевским кивком? При входе дощечка: посетил Альфонсб. Среди картин письмоцо в раме: Альфонс благодарит. Возле Пикассо огромная фотография: все тот же Альфонс, на этот раз он жмет руку сеньора Пландьюры.

Испанский Кобленц обосновался в Биаррице. Если он ведет себя тише Кобленца российского, то это следует объяснить не скромностью роялистов, а, скорее, известным своеобразием Испанской республики. Она столь мила, столь воспитанна, что, право же, трудно с ней рассориться. При благосклонном попустительстве республиканских властей роялисты вывезли за границу все свое добро. Они устраивают «чудеса» для суеверных крестьян Наварры. Они торгуются с отнюдь не суеверными капиталистами Бильбао. Те, что помоложе и поглупей, еще толкуют о заговорах, те, что поопытней, предпочитают любовные свидания с «умеренными республиканцами».

Старая испанская песня рассказывает о грустном конце короля Родриго: когда дон Родриго потерял Испанию, он побрел в горы. Он съел ломоть хлеба, посолив его своими слезами. Потом он лег в могилу и положил себе на грудь змею. Трое суток ждал он, наконец змея сжалилась: она ужалила короля. Так умер дон Родриго. Это был жалкий отсталый король. Он жил в VIII веке, и он не знал всех преимуществ эмиграции. Дон Альфонс – [15] человек XX века. Он не солит хлеба своими слезами и не ждет, пока змея его укусит. Он живет в Фонтенбло, окруженный почетом республиканской Франции... Представители «хаимистов»⁷ беседуют с «легитимистами». Республиканцы не брезгают монархистами. Англичане ничего не имеют против сеньора Камбо⁸, сеньор Камбо ничего не имеет против сеньора Лерруса⁹... Это очень длинная песня. Если змея ужалит кого-нибудь, то уж никак не дона Альфонса.

Республика закрыла короны тряпьем, она переименовала улицы, она переименовала бутафорию. Актеры те же. Им даже незачем разучивать новые роли. Правда, ввиду экономии некоторым офицерам пришлось выйти в отставку, но отнюдь не монархистам, – нет, чересчур беспокойным «мечтателям». Старые королевские полицейские охраняют республиканский порядок. Что ни день, они арестовывают рабочих. Как встарь, они убивают «смутьянов».

Несколько лет тому назад в Барселоне полицейский по имени Падилья явился к председателю синдиката булочников. Он пришел переодетый, якобы от имени одного товарища. Он уговорил рабочего выйти на улицу. Там он его убил. Обыскав убитого, он нашел на нем адрес другого «смутьяна». Рьяный сеньор Падилья тотчас же пошел по найденному адресу. Он застрелил и второго преступника. О подвигах Падильи знала вся Барселона. Полковник Масиа¹⁰ – тогда революционер и изгнанник – говорил: «Падилью следует застрелить!» Теперь полковник Масиа сидит во дворце, он глава местного правительства. Что касается сеньора Падильи, то его не убили, не арестовали, даже не сместили, он занимает видный пост в барселонской полиции...

В Валенсии в декабре прошлого года один из полицейских убил на улице вождя синдикалистов. В госпитале он показал вместо удостоверения револьвер. Никаких протоколов! Возмущение в городе было столь велико, что [16] храброго полицейского убрали. Ему выдали наградные, и он исчез. Сейчас он опора полиции в городе Куэнка. Один наивный журналист, увидав его, возмутился. Он написал об этом главе всей республиканской полиции. Глава прочел. Полицейский продолжает служить республике. Если журналист начнет скандалить, полицейского переведут, конечно, с повышением в Касерес или в Хихон.

Я дожидался испанской визы четыре месяца. Наконец министерство иностранных дел прислало согласие. Посольство в Париже объявило: пойдите в консульство, там вам положат визу. Но консул не мальчик, он служил королю, у него свои вкусы. Иногда он никак не может согласиться с министром иностранных дел. Увидав советский паспорт, он начал кричать: это для меня не паспорт! Это бумажка!.. Вы не получите визы!.. Несколько дней прошло прежде, нежели был улажен конфликт между монархическим консулом и так называемой республикой.

Мадрид. Кафе «Закуска». Слово для испанцев непонятное, но завлекательное. У входа швейцар, он одет под казака. Лакеи в шелковых рубашках с двуглавыми орлами. Это не сиятельные князья в изгнании, но обыкновенные испанские камереро. Подавая пирожные, они наивно приговаривают: «не угодно ли закуску?» Велико бы было разочарование публики, если бы она узнала, что закуска – это, скорее, селедка, нежели вафли. Стиль соблюден: орлы радуют глаз, бравый казак из Арагона кажется верной опорой, мадридская аристократия наслаждается экзотикой. «Закуска» была излюбленным местом придворной челяди. Даже королева любила откусать «закуску» с заварным кремом. Публика после апреля

почти не переменилась. Вот этот франтоватый кабальеро – душа газеты «АВС». В свое время он написал восторженный труд о Примо де Ривере¹¹. Может быть, вскоре ему придется снова приступить к лирической монографии – кто лучше его сможет расхвалить мужество Мауры¹² или ум Лерруса?.. Пока что он не сидит без работы. Он толкует события. Он пишет статьи. Он составляет корреспонденции. Он ест «закуску». Без [17] таких республиканцев туго пришлось бы новорожденной республике.

Газета монархистов называется «АВС»: ее идеи выдаются за азбучные. В Севилье имеется своя «АВС», причем ее редактор состоит председателем «союза журналистов». В Мадриде еще приходится думать о приличии, в Мадриде почти все газеты зовут себя «республиканскими». Другое дело в провинции. В Касересе социалистический муниципалитет, в Касересе три газеты, все три правые. В провинции газеты делятся примерно так: явно монархические, тайно монархические, католические иезуитов и католические просто, последние – это крайне левое крыло.

Во всем, что касается кличек, революция торжествует. Переименовать улицы куда приятней, нежели отдать барскую землю батракам...

Так переименованы тысячи улиц. Так переименовано и государство. Феодално-буржуазная монархия, вотчина бездарных бюрократов и роскошных помещиков, люков и грандов, взяточников и вешателей, английских наемников и либеральных говорунов, торжественно переименована в «республику трудящихся». Стоит ли спорить об имени?..

Словом «республика» трудно теперь кого-либо напугать. Достоевский писал о Франции Мак-Магона: «республика без республиканцев». С тех пор многое переменилось. Республика доказала, что она не шальная девка, но дама из приличного общества. Русская поговорка гласит: «Было бы болото, черти найдутся». Я не знаю, сколько было в Испании республиканцев до 14 апреля. Теперь в них нет недостатка: республика налицо, следовательно, найдутся и республиканцы.

декабрь 1931

«Республика трудящихся»

Смесь розового с серым нас всегда волнует. Может быть, это просто прихоть глаза, может быть, это подсознательное толкование так называемой «жизни». Озеро сейчас светло-серое, горы розовые. Этот край кажется созданным для лирики. Испанский язык, мужественный и жесткий, здесь явно смягчает. Здесь уже можно говорить о [18] любви, не пугая твердыми согласными птиц и тишину. Здесь девушки поют грустные и нежные

рондас. Вот за теми горами – Галисия, с ее зеленью, омытой дождями, и с ее пастухами, склонными к поэзии. Берега озера тихи и безлюдны. С трудом глаз различает на склонах застенчивые хижины. В озере снуют рыбы, над озером кружат птицы. Так художники раннего Возрождения обычно представляли рай – не хватает только кудрявых овец и праведников. Всем ясно, что здесь люди блаженствуют. Здесь побывал Унамуно¹³. Он написал несколько строчек, полных поэтического волнения. Дорога доходит до озера: домик, яичница и форель из озера, книга для посетителей – нечто среднее между курортом и эдемом.

Дальше нет проезжей дороги. Тропинка, осел. Две деревни: Сан-Мартин-де-Кастаньеда и Риваделаго. Туда никто не ездит, туда незачем ездить – там нечего покупать и некому продавать. Там только живописное расположение и проклятая нищета, но и то и другое в Испании не редкость.

Впрочем, деревня Сан-Мартин-де-Кастаньеда может похвастаться даже художественными богатствами: среди жалких хижин стоят развалины монастыря. Вот романские колонны... Вот ниша... Вот оконце... Сто лет тому назад мудрые монахи оставили монастырь, они поняли, что человеку трудно прожить одной красотой, и они перекочевали в места менее поэтичные, но более доходные.

Крестьянам некуда было уйти, крестьяне остались вместе с романскими развалинами. От монастыря сохранились не только безобидные камни, от монастыря сохранилось проклятие – «форо». В былые времена крестьяне платили ежегодно дань монастырю. Когда монахи решили переселиться, они перепродали право на дань какому-то вполне светскому кабальеро. Так, переезжая, продают мебель. Они продали «форо», то есть право ежегодно грабить крестьян. Это было в 1845 году. Прошло почти сто лет. Где-то далеко отсюда, в Мадриде, менялись власти и флаги. Была первая республика. Были либералы и консерваторы. На выборах торжествовали различные партии. Смельчаки кидали бомбы. Смельчаков [19] подвергали «казни через удушение». Король давал концессии американцам. Король ездил в Сан-Себастьян. Король развлекался. Потом короля свергли. Сеньор Алкала Самора¹⁴ сидел в тюрьме. Сеньор Алкала Самора стал главой правительства. Все это было далеко отсюда – в Мадриде. Из Мадрида нужно сначала ехать на скором поезде до Медины-дель-Кампо. Потом почтовым до Саморы. Потом в автобусе до Пуэбло-де-Санабрии. Потом лошадьми до озера. Потом на осле, если таковой имеется. Далек от Мадрида до этой деревушки! Здесь ничего не переменилось. Так же серела, что ни день, вода озера и к вечеру розовели горы. Так же пели

девушки грустные песни. Так же каждый год посылали крестьяне неведомому кудеснику «форо», или, говоря проще, 2500 песет.

У крестьян мало земли, да и та не земля, но земляца: чего от нее дождешься? В деревне триста тридцать жителей. Как во всякой испанской деревне, тьма-тьмущая детей: беднота здесь рождает детей с упорством завзятых фаталистов. Голодные дети. Вместо изб – черные дымные хлева. Не верится, что люди могут так жить постоянно – беженцы? погорельцы?.. Нет, просто податные души. Им никто не приходит на помощь, но ежегодно они посылают все, что им удастся отвоевать у скаредной земли – две тысячи пятьсот песет, пятьсот сказочных дуру, – могущественному кабальеро, который получил от папаша, помимо прочего наследства, право на древнее «форо». Очередного кабальеро зовут Хосе Сан Рамон де Бобилья. Это адвокат. У него прекрасный дом в Пуэбло-де-Санабрии рядом с замком. У него много клиентов. Человек не нуждается, но как адвокат он хорошо знает законы – крестьяне деревни Сан-Мартин-де-Кастаньеда должны ему платить пятьсот дуру ежегодно. Богатые люди от денег не отказываются, и крестьяне получают ежегодно повестку. Они шлют деньги. Сеньор Хосе Сан Рамон де Бобилья расписывается.

В апреле 1931 года свободолюбцы провозгласили в Мадриде республику. Они пошли дальше – объявили в конституции, что «Испания – республика трудящихся». Во избежание кривотолков они пояснили: «республика [20] трудящихся всех классов». В 1931 году, как и в прежние годы, нищие крестьяне деревни Сан-Мартин заплатили дону Хосе две тысячи пятьсот песет. Они трудились круглый год, ковыряя бесплодную землю. Дон Хосе тоже трудился: он послал повестку и расписался на квитанции.

На другом конце озера находится вторая деревня: Риваделаго. Крестьяне Риваделаги не платят «форо», но голодают они с тем же рвением. Еще меньше земли. Крохотные поля картошки, похожие на кукольные огороды. Едят картошку и горох, едят осторожно, чтобы не зарваться. Курные избы – темные бараки без окон. Светильники, зажигают их редко – масло не по карману. В такой норе шесть, восемь, десять человек, больные, старики, дети, все вперемешку. Была школа, потом учителя перевели, нового не прислали. Да и какая же учеба натошак?..

Во всей деревне один только хороший дом с трубой, с окнами, даже с занавесками на окнах. В нем живет уполномоченный сеньоры Викторианы Вильячки. Об этой сеньоре можно сложить эпические песни. В старину поэт сказал бы: «прекрасна она, сильна и богата». Я не знаю, прекрасна ли

сеньора Викториана Вильячика, но, слов нет, она и богата, и сильна. Ей принадлежат несколько домов на мадридской Гран Виа. Ей принадлежит также вода озера Сан-Мартин, вода нежно-серого тона, дарящая лирические чувства и к тому же изобилующая рыбой. Земля не принадлежит сеньоре Вильячике, ей принадлежит только вода. Когда вода подымается, ее владения растут. Это юридическая головоломка, но, наверное, адвокат Сан Рамон, тот, которому соседние крестьяне платят дань, легко разберется и не в таких тонкостях. Сеньоре Вильячике принадлежит вода со всей рыбой. Рыба в озере хорошая – форели. Но ничего с этой рыбой сеньора Вильячика сделать не может – слишком сложна и длинна дорога отсюда в Мадрид. Впрочем, сеньора Вильячика проживет и без рыбы – один этаж одного из ее мадридских небоскребов приносит ей куда больше, нежели все поэтическое озеро.

Уполномоченный диковинной сеньоры ловит форелей. Иногда он продает толику в Самору или в Пуэбло-де-Санабрию. Он продает форелей адвокату. Он и сам ест форелей. Но рыбы в озере много, и рыба плавает, ничего не страшась. Уполномоченный отстроил себе хорошенький дом. Он стал владыкой деревни. Он был даже ее [21] алькальдом¹⁵. Он живет припеваючи. Его права охраняются стражниками. У стражников винтовки. Если изголодавшийся крестьянин ночью попытается словить рыбку, ему грозит штраф или тюрьма: в Испании иногда умеют соблюдать законы. Голодные люди должны глядеть на прекрасное озеро, на голубых и розоватых форелей, глядеть и умиляться. Так художники раннего Возрождения изображали ад; здесь уж ничего не пропущено: грешники корчатся, а черт сидит в домике за занавесками.

Сегодня в деревню Риваделаго приехал доктор из Саморы. Это человек добрый и наивный. Он лечит бесплатно крестьян; как может, он им помогает. Прежде он здесь агитировал за республику: он верил, что республика не только переселит сеньора Алкала Самору из тюрьмы в королевский дворец, но что она также накормит крестьян Риваделаги. Его останавливает высокая женщина, окруженная роем ребят. Ее лицо заострено голодом и горем. Она спрашивает доктора:

– Что же, дон Франсиско, республика еще сюда не доехала?..

Испанская ирония всегда серьезна: это ирония письменности, от протоиерея из Ита до Сервантеса, это ирония любой крестьянки.

Доктор молчит. Что ему ответить? Сказать, что республика – домоседка, что ее пугает путь верхом на осле? Или признаться, что республика давно

доехала до этих мест, что она остановилась в домике уполномоченного сеньоры Вильячики, что она на «ты» с адвокатом из Пуэбло-де-Санабрии, что она знает толк и в «форо» и в форелях, что это не просто республика, но «республика трудящихся всех классов».

декабрь 1931

Лас-Урдес

Саламанка – город пышный и шумный. На главной площади под аркадами с утра до ночи прогуливаются студенты, солдаты и барышни. Они пьют вермут, закусывая [22] его маслинами, обсуждают министерские декларации, влюбляются, томно млеют, пока чистильщики бархатом натирают их невыносимо блистательные ботинки, они строят глазки, ходят взад и вперед, живут на площади и на ней же старятся. Вечером вспыхивают старинные фонари, аркады становятся таинственными, как альковы, прекрасная площадь забивает всех местных красоток, и в нее, не в ту или иную сеньориту, но именно в площадь, в аркады, в фонари, в старые дома, в длинную, как жизнь, прогулку влюблены все жители Саламанки. Шумен и пышен город. Кастильские «xxx», «rrr», «sss» звучат как ратные крики. Гудят автомобили, а им отвечают неизбежные старожилы испанских городов – многострадальные ослы. Из кафе доносится гуд громкоговорителя: не то севильское фламенко, не то речь сеньора Прието¹⁶. Шумен город и пышен. Дворцы Возрождения на каждом шагу, как мелочные лавки, они сходят за простые дома, о них забывает даже «бюро для туристов», в них живут обыкновенные люди, в дворцах с колоннами, в дворцах, облепленных мраморными раковинами, в дворцах с нимфами и с фонтанами, живут просто, когда нужно – глотают касторку, когда нужно – кричат на прислугу: «Почем сегодня телятина?» Университет Саламанки столь великолепен, что трудно понять: как же в нем люди изучают патологию или гражданское право? Он создан для любования. Да, Саламанка – город поэтов!..

В «Гранд-отеле» выставка старинных безделушек, обед из десяти блюд, изысканные лакеи и чарльстон. Кто после этого скажет, что Испания отсталая страна? Это край довольства и неги. Большая площадь все шумит, кружится, поет...

Любители гор могут поехать в Пенья-де-Франсию – это под боком. Прекрасное шоссе. Сто километров. Вот и перевал!.. Перед глазами ад, попытка природы передать все то жестокое и злое, что мучит иногда человека в бессонницу. Крутой спуск в голое, пустое ущелье. Кругом горы

– ни деревьев, ни травы. Человека здесь никто не услышит. Куда же идет эта широкая дорога?.. Может быть, в «убежище» для снобических туристов, которые [23] ищут уединения?.. Может быть, попросту в преисподнюю?.. Еще несколько километров. Лачуги. Здесь кто-то живет...

Дорога идет в край, именуемый Лас-Урдесом. Испанцы нехотя, с явным замешательством произносят это имя. Очевидно, Лас-Урдес никак не вяжется ни с небоскребами на Гран Виа, ни с тирадами кортесов. Но из песни слова не выкинешь: Лас-Урдес – Испания. Это восемнадцать деревень провинции Касерес, на границе с провинцией Саламанка. Еще несколько лет тому назад мало кто знал о существовании Лас-Урдеса – не было ни одной проезжей дороги, которая соединяла бы этот край с Испанией. Исследователи отправлялись туда, как в Центральную Африку. Люди в Лас-Урдесе тихо умирали от голода и болезней. Их стоны не доходили до соседней Саламанки. Это хилые и нищие люди, следовательно, ими не интересовались ни сборщики податей, ни воинские начальники. На беду, король в поисках «народной любви» решил посетить Лас-Урдес: так подают копейку калеке. Лошадь короля, перевалив горы, печально заржала. Когда король увидел неведомых верноподданных, он тоже печально вздохнул: предстояла ночь в аду. Королю негде было переночевать, как бездомному бродяге. Он не решился зайти в вонючие темные норы. Для него разбили палатку на кладбище – кладбище показалось королю самым жилым местом в Лас-Урдесе. Вероятно, он был прав.

После королевского визита в Мадриде заговорили о Лас-Урдесе. Образовалось «Общество покровительства Лас-Урдеса», со статутом столь же благородным, как и «Общество покровительства животным». Провели дорогу. Над деревнями, немного в стороне от них, предпочтительно на вышке, чтобы избежать чересчур зловещего соседства, построили красивые белые домики: для учителя, для священника, для доктора. Крестьяне ютятся по-прежнему в темных землянках, спят вповалку, один согревая другого, без тепла, без воздуха, без света. Но над ними – несколько вполне европейских домов и вывеска «Общество покровительства Лас-Урдеса». Так, наверное, ведут себя белые в захолустьях Африки.

Две трети населения Лас-Урдеса отмечены признаками дегенерации. Среди них много зобастых. Они отличаются малым ростом и слабостью. Дети развиваются медленно: десятилетним никак нельзя дать больше [24] четырех-пяти лет. Половая зрелость у женщин наступает часто лишь в двадцать лет. Потом они сразу старятся. Здесь нет ни юношей, ни людей среднего возраста – дети и старики. Детей очень много, босые,

полураздетые на холоде. Вот девочка тащит новорожденного со скрюченными полиловевшими ногами. Умрет?.. Через год будет новый...

Наверху в белом домике доктор. Он может изучать здесь все виды дегенерации. Помочь он не может: как лечить голодных?.. Тайна Лас-Урдеса весьма проста: люди здесь голодают из поколения в поколение. Земля лишена извести. Удобрения нет. Редкие деревья, оливы и каштаны принадлежат кулакам из села по ту сторону гор, из Ла-Альберки. Крестьяне Лас-Урдеса едят горсть бобов, иногда ломоть хлеба, иногда желуди. Так как лекарство от голода еще не придумано, доктор ведет статистику и наблюдает.

Столь же трудна работа учителя. Дети любят школу: в школе светло и тепло. Они приходят босиком из соседних деревушек: 5-8 километров. Учитель проверяет умственное развитие детей, у него таблицы, диаграммы, цифры. «Расскажи, что изображено на этой картинке?..» Учитель ставит цифры, выводит среднюю, разводит руками: двенадцатилетний по цифрам соответствует трехлетнему. Дети стараются прилежно учиться, среди них много способных. Но в дело вмешивается желудочная резь, пот, озноб, спазмы, все признаки вульгарного голода. Незачем звать доктора: болезнь ясна.

– Среди моих учеников вряд ли найдется один, который хотя бы раз в жизни поел досыта...

Тетрадки, обыкновенные тетрадки, как во всех школах мира. В тетрадках сначала: «Его величество король, наш благодетель...» Потом несколько страниц спустя: «Наша благодетельница, Испанская республика». Тетрадки те же. В Мадриде произошла революция. Исполнительный учитель переменял тексты для чистописания. Больше ничего не переменялось: босиком домой по холодным камням, дымная берлога, мать корчится рожая, две картофелины, несколько сворованных каштанов и сон на земле.

Девочка все тащит младенца. Он еще не умер. Бессмысленно глядит он на враждебный мир. Он не знает, что он дитя проклятого края. Вот этот старик знает: он вводит [25] нас в свой дом – ничего не видно, трудно дышать, но это лучшая изба деревни. Даже запасы – корзина с желудями. Старик спокоен: его дело кончено, он съест желуди, а потом умрет. Кюре в беленьком домике не сидит без дела. Кюре может быть доволен приходом; он не учит и не лечит, он отпевает.

Несчастливые люди с ужасом и надеждой смотрят на автомобиль. Им не привезли ни хлеба, ни спасения. Они забираются назад в свои норы. Только

девочка еще не может успокоиться. Она не сводит глаз с приезжих. Сколько ей лет? Десять? Или, может быть, восемнадцать?.. Новорожденный закрыл голубые глаза. Вокруг величественные горы. Природа здесь издевается над ничтожеством человека. Она показывает свое превосходство: какие вершины, какие пропасти, какое головокружение! Она ничего не дает человеку, она еще свободна от него. Люди пугливо залезают в землянки. Они знают: никто им не поможет. По ту сторону гор живут счастливы: у них оливы, хлеб, песеты, король и республика. Они любят развлекаться. Они провели дорогу. Они приезжают, чтобы посмотреть на жителей Лас-Урдеса. Они приезжают и уезжают. Но никуда не уехать жителям Лас-Урдеса. По-прежнему самое жилое место края – кладбище.

Девочка с синим младенцем осталась позади. Может быть, он уже умер? Автомобиль, пыхтя, рвется вверх. Саламанка. Веселая площадь. «Гранд-отель». Музыка. Где вы были?.. В Лас-Урдесе?.. Нет, об этом не принято говорить в приличном обществе! Сегодня в кино идет новая американская картина...

декабрь 1931

Что такое достоинство

Терраса большого кафе на мадридской Гран Виа. Час ночи – театры кончились, публика начинает собираться, публика, что называется, «чистая» – коммерсанты, «сеньоритос» (так зовут здесь «золотую молодежь»), адвокаты, журналисты. Вокруг столиков бродят продавцы газет, чистильщики сапог, нищие. Деловито они ищут пропитания. Смуглая крупная баба продает лотерейные билеты: «Завтра розыгрыш!..» Другая баба ей приносит [26] грудного младенца. Тогда женщина спокойно придвигает к себе кресло, расстегивает кофту и начинает кормить ребенка. Это нищенка. За столиками шикарные кабальеро. Гарсоны парижского кафе сворой ринулись бы на нищенку, в Берлине поступок показался бы столь необъяснимым, что преступницу, чего доброго, подвергли бы психиатрической экспертизе. Здесь это кажется вполне естественным. Откормив младенца, женщина принимается снова за работу: «Завтра розыгрыш!..»

Не следует думать, что демократизм быта создан испанской буржуазией, он создан наперекор ей. Испанский буржуа ничуть не менее своих иностранных братьев обожает иерархию. Он твердо знает, что дуру в пять раз больше песеты, и его религия тесно связана с начальной арифметикой. Он рад бы провести раздел между собой и «народом», остановка не за ним.

Остановка и не за государством: хитрая сеть древних законов, паутина толкований, все здесь сделано для того, чтобы окрутить безграмотных крестьян. Остановка только за так называемым «народом». Его закабалили, но не принизили.

Сеньор Санчес, «государственный адвокат» и наследственный шулер, едет сегодня из Сеговии в Мадрид. Носильщик тащит его чемоданы, украшенные подозрительными гербами. Сеньор Санчес вчера обыграл в карты сеньора Гарсию – он дает носильщику целую песету. Тот вместо благодарственного прищептывания, улыбнувшись, протягивает сеньору Санчесу руку: «Счастливой дороги!» Адвокату ничего не остается, как принять это рукопожатие. В Мадриде к Санчесу подходит нищий; Санчес отмахивается – «ничего нет!» Нищий вежливо приподымает драную шляпу – «простите, что потревожил». Санчес в городском парке читает «Эль-Соль». Рядом с ним чернорабочий жует гороховую колбасу. Санчес косится – что за соседство!.. Тогда рабочий вежливо предлагает: не хочет ли сеньор попробовать?.. В душе сеньор Санчес отнюдь не одобряет подобной фамильярности, но он родился и вырос в Испании, следовательно, он с ней легко мирится. Перед ним никто не станет унижаться. У него могут попросить медяк. При случае его могут и зарезать, но ползать перед ним на коленях никто не станет. Бедность здесь еще не стала позором. Французский буржуа сумел привить свою мораль даже заклятым врагам: бедняк во Франции стыдится дыр на штанах, голодного блеска глаз, ночевки на скамейке [27] бульвара. Бедняк в Испании преисполнен достоинства. Он голоден, но он горд. Это он заставил испанского буржуа уважать лохмотья.

У меня скрипучее перо и скверный характер. Я привык говорить о тех призраках, равно гнусных и жалких, которые правят нашим миром, о вымышленных Крейгерах¹⁷ и о живых Ольсонах¹⁸. Я хорошо знаю бедность приниженную и завистливую, но нет у меня слов, чтобы как следует рассказать о благородной нищете Испании, о крестьянах Санабрии и о батраках Кордовы или Хереса, о рабочих Сан-Фернандо или Сагунто, о бедняках, которые на юге поют заунывные песни, о бедняках, которые пляшут в Каталонии стройное сердано, о тех, что безоружные идут против гражданской гвардии, о тех, что сидят сейчас в острогах республики, о тех, что борются, и о тех, что улыбаются, о народе суровом, храбром и нежном. Испания – это не Кармен и не тореадоры, не Альфонс и не Камбо, не дипломатия Лерруса, не романы Бласко Ибаньеса, не все то, что вывозится за границу вместе с аргентинскими сутенерами и малагой из Перпиньяна,

нет, Испания – это двадцать миллионов рваных донкихотов, это бесплодные скалы и горькая несправедливость, это песни грустные, как шелест сухой маслины, это гул стачечников, среди которых нет ни одного «желтого»¹⁹, это доброта, участливость, человечность. Великая страна, она сумела сохранить отроческий пыл, несмотря на все старания инквизиторов и тунеядцев, Бурбонов, шулеров, стряпчих, англичан, наемных убийц и титулованных сутенеров!

Испанские крестьяне и рабочие душевно куда тоньше изысканных обитателей европейских столиц. Паноптикум или человеческая выставка – обязательная низость современной жизни – претит им. Они не спрашивают и не разглядывают. Они приходят на помощь просто, как бы невзначай. В Испании нет государственного пособия безработным. Социалистический министр труда занят статистикой и проектами. Число безработных тем временем растет. Как живут эти люди?.. Только помощью товарищей, которые из мизерного заработка уделяют [28] толику еще более обездоленным. В Барселоне квартиры большие, а заработная плата низкая, в каждой квартире живут по несколько семейств. Те, что работают, делятся с безработными. В деревнях Эстремадуры батрак режет хлеб пополам и отдает половину безработному. Это делается незаметно, и мало кто об этом знает. В Мадриде удивленно спрашивают: «Почему безработные еще не умерли от голода?..» Чтобы получить с берлинского бургера пять марок на «суп для несчастных», надо процитировать и Библию, и Брюнинга, надо польстить: «у вас благородное сердце», надо пообещать: «мы напечатаем о вашем поступке в газете», надо пофилософствовать: «если у них не будет хотя бы постного супа, они начнут громить лавки»... Странно, что такое существо и батрак из деревни Оливенса, который содержит семью безработного товарища, скрывая свою жертву даже от соседей, – что оба они могут называться одним архаическим словом «человек».

Дуро – это заставляет усиленно биться сердца всех чиновников Мадрида, всех коммивояжеров Барселоны. Крестьяне и рабочие равнодушны к деньгам. Большие дороги здесь не уничтожили гостеприимства. Французский крестьянин никогда не впустит чужого в свой дом. Если он даст стакан вина, следовательно, это быстро, и за вино он взыщет столько же, сколько стоит стакан в соседнем городке. Если он угостит сыром, следовательно, он уже вычитал в местной газетке, что этот вот сыр «локальная специальность» и что парижане падки на него. Приезжий может зайти в любую испанскую хижину от Галисии до Альмерии – его всюду примут с радушной улыбкой. Ему дадут все, что имеется: хлеб, овощи,

фрукты. Если он предложит деньги, он увидит смущение, а порой и обиду. Мы хотели заплатить за яблоки одному крестьянину в нищей деревне Санабрии; песета для него большие деньги. Ему не на что купить ни соли, ни деревянного масла. Он поглядел на монету и возмущенно отвернулся. Звон серебра еще не заглушил в его ушах человеческого голоса. Другой крестьянин возле Мурсии принес в автомобиль груды апельсинов, причем это был не один из местных кулаков, но бедный старик, у которого всего несколько деревьев и который нанимается к соседу, чтобы выработать три песеты в день. От денег он отказался просто и величественно. Нищенка в Гранаде мне предложила кусок луковой колбасы. Чистильщик [29] сапог в Альхесирасе мне подарил папиросу. Босой мальчонок в Мадриде, улыбаясь, угостил меня карамелькой. Все эти люди знают, что улыбка куда важнее человеку, нежели песета.

Мадридские лежебоки, сидя в одном из кафе, любят рассуждать о горькой судьбе Испании. От них вы услышите, что страна гибнет потому, что крестьяне и рабочие не хотят работать, – это, мол, наследственные лентяи! Опровергать не приходится, опровергает хотя бы тот же Мадрид, та же жизнь лежебоков, те же кафе, банки и дворцы. Чем создано это, если не упорством крестьян, которые добывают из камня хлеб, без удобрения и без машин, если не искусством рабочих, которые на архаических фабриках, среди безграмотных инженеров и жуликоватых управляющих, ухитряются делать вещи на вывоз?.. Непонятно, как может работать батрак Эстремадуры, который ест куда меньше того, что прописывают врачи толстякам в виде «голодной диеты», запрещая при этом малейшее движение!

Испанцы работают прилежно, но вне американской горячки: и в труде они соблюдают достоинство. Форд построил в Барселоне сборочные мастерские. Он установил там свою знаменитую «ленту». Рабочие не пошли к Форду. Квалифицированный рабочий Барселоны получает семь-восемь песет в день. Форд платит пятнадцать, но на его заводе нет ни одного рабочего из профсоюза, только злосчастный сброд, набранный в Китайском квартале. Испанские рабочие любят свое дело, это прекрасные токари, сапожники, столяры. В труде они ищут творчества. Несколько лишних песет их соблазняют куда меньше, нежели свобода.

Право на досуг здесь кажется столь же необходимым и естественным, как право на воздух. Вот сапожник, он отработал столько-то часов, он сидит на пороге и слушает, слушает, как поет девушка с кувшином, как ревет осел, как перекликаются дети. Приходит заказчик: набить подметки...

Сапожник спрашивает жену: «Mujer20, у нас есть сегодня на обед?» Узнав, что на обед есть хлеб и горох, сапожник отсылает клиента к другому сапожнику: он отдыхает. Носильщик в Севилье отнес сундук, получил песету. «Отнеси другой, получишь еще песету»... Носильщик отказывается: с него на сегодня хватит, [30] теперь пусть заработает товарищ... Для мистера Форда это либо сумасшедшие, либо преступники: они не хотят работать до одури, они не понимают, что правда в сбережениях, они не думают о завтрашнем дне. Для испанского рабочего это обыкновенные люди – не лентяи, но и не стяжатели, люди, которые умеют, даже голодая, жить. Батраки Андалусии старательно оговаривают свое право на несколько «сигар», это, конечно, не сигары – у них и на папиросы не хватает, нет, это пятнадцать минут отдыха, столько, сколько предположительно курят сигару, это право несколько раз в день не только работать на процветание графа или маркиза, но лежать на земле, глядеть вдаль или просто дышать.

Храбрость, эта историческая добродетель испанского народа, сохранилась только среди рабочих и крестьян... Журналисты, устраивая в кафе безобидные заговоры, заручались хорошими связями. Умирили рабочие и крестьяне. Их расстреливали гвардейцы при короле, их расстреливают гвардейцы при республике. Они умеют идти против винтовок с голыми руками.

Мадрид. Сентябрь. Демонстрация. Коммунист произносит речь на выступе дома. Это рабочий. Слушают его обитатели квартала Куатро Каминос: рабочие и ремесленники. «Стреляют!» Оратор продолжает говорить. Толпа продолжает слушать.

Каждый день газеты сообщают: в Хихоне рабочие отказались разойтись, один убит, два ранены. В провинции Гранада столкновение крестьян с гвардией, трое убиты. В Севилье два... В Бильбао четыре... В Бадахосе один...

Стреляют, рабочий продолжает говорить, рабочие продолжают слушать... Старая испанская песня восхваляла мужество. Это было давно, в ту пору, когда удаль, прославляемая певцами – жонглерами, еще не свелась к турнирам ради той или иной дамы, или к реверансам перед королем. «Мое украшение – оружие, мой отдых – сражаться, моя кровать – жесткие камни, мой сон – всегда бодрствовать». Эту песню теперь вправе петь не мародеры марокканской войны и не герои республики, которые вели переговоры с Альфонсом о его путешествии из Мадрида в Париж, но только батраки и рабочие, синдикалисты или коммунисты. Правда, у них еще нет оружия, и, следовательно, им нечем себя украсить, зато [31] уже давно их кровать –

это жесткие камни, и, любя отдых, они теперь показывают, что этот «отдых» может быть весьма опасен для изнеженного сна республики.

декабрь 1931

Эстремадура

Трудно сказать, какая провинция в Испании беднее других. Там, где земля плодородна, у крестьян нет земли, там, где у крестьян земля, – это не земля, но камни. Бедна суровая Кастилия, с ее скалами, голыми, как судьба, с ее крохотными деревушками, забытыми всеми, с ее громким именем и с ее миской гороха. Бедна Андалусия, несмотря на солнце и на маслины, на виноградники и на море, бедна, как страна, по которой прошли завоеватели, как изба, из которой выволокли все до последней лоханки; вместо кастильского гороха здесь «гаспачьо» – вода, в воду подлили малость деревянного масла, накидали корки хлеба – это обед и это ужин. Бедны и Арагон, и Ла-Манча. Трудно потягаться с ними, и все же особенно бедной кажется мне широкая и печальная Эстремадура. Это заброшенная окраина. Туда еще не заезжают ни караваны туристов, ни агитаторы барселонской «Конфедерации труда». Там до сих пор думают, что у русских боярские бороды и что социалисты – это доподлинные революционеры. Эстремадура – это так далеко от мира, грустное имя, грустная страна!

В Касересе роскошные дворцы помещиков: флорентийские ворота, мавританские фонтаны, венецианские фонари. У владельца вот этого особняка десять тысяч гектаров. Это изысканный кабальеро и к тому же страстный охотник, он приезжал сюда каждую осень, чтобы стрелять куропаток. После апрельского переворота он уехал из Мадрида в Париж. Теперь время охоты, но темно во дворце, наглухо закрыты окна, не журчит фонтан – кабальеро в отлучке, кабальеро во Франции. Он вывез туда вдоволь песет, а за деньги даже во Франции можно найти настоящих живых куропаток. Опустели дворцы Касереса; помещики получают деньги от управляющих. Что касается климата, то кабальеро люди не столь прихотливые – они могут перезимовать и в Биаррице. [32]

Рядом с дворцами монастыри, один за другим, целый город монастырей. Монахи знают, что Эстремадура отнюдь не бедна. Зачем гневить бога?.. В Эстремадуре пробковые рощи, в Эстремадуре прекрасные нивы, в Эстремадуре прославленное свиноводство: местные окорока – «jamón serrano» – признаны обжорами всего мира. Монахи в Испании водятся не где придется, но только рядом с богатством, как воробьи рядом с конюшней – они клюют золото. Монахи из Касереса не уехали. Они проверили запоры

на воротах, они ласково пошептались с капитаном гражданской гвардии, они пережили несколько тревожных ночей. Они успели отоспаться.

Город, слов нет, пышный. Можно прибавить художественные ценности: собор, дома Ренессанса, древние укрепления. Стоит ли говорить об остальном?.. Хотя бы о воде?.. В Касересе нет водопровода. Утром и вечером женщины, девушки, девочки спускаются вниз с кувшинами. Город на горе, вода внизу. Женщины носят кувшины на голове. Это очень живописно, и это очень тяжело. Конечно, супруга сеньора Торреса не ходит с кувшином – у нее прислуга; сеньор Торрес твердо убежден, что единственное, на что может пригодиться голова его прислуги, – это быть подпоркой для кувшина. Вода в Касересе не только за тридевять земель, вода премерзкая. Здесь никогда не прекращается эпидемия тифа. Сеньоры почище пьют минеральную воду или вино, что касается «народа», то не все ли равно, от чего этот народ умирает?.. Мало ли в Эстремадуре умирают от малярии?.. Тиф ничуть не хуже. Притом в Эстремадуре чересчур много людей, в том же Касересе на тридцать пять тысяч жителей тысяча безработных, и эти безработные умирают не от тифа и не от малярии, а просто от голода.

Туристы ездят в Севилью и в Гранаду, никто не забирается в Касерес, а между тем вряд ли найдется в Испании другой город, столь фантастичный. Если взглянуть на него снизу, это театральная декорация: громоздятся ярусами дома, по крутым улицам карабкаются стройные девушки с кувшинами, люди в широкополых шляпах лежат на камнях – не жизнь, но балет. Если взглянуть на Касерес снизу... Надо ли взбираться вверх, где прекрасные кувшины оказываются наполненными микробами, где в столь живописных домах видишь черную нужду, где благородные статисты, которые лежат [33] на камнях, становятся безработными без пособий, без надежды, осужденными на верную смерть?..

Как щедра Испания на подобные разоблачения! Каждая эпоха смотрит человеческую комедию по-своему – в разных местах раздаются аплодисменты или свистки. Путешественники прошлого века замечали нищету, но, поданная в столь эстетическом окружении, она их умиляла. Они стыдливо отворачивались от трущоб Лондона, они знали, что Диккенс – это мораль. В Испании они отдыхали от морали, они воспринимали картины Мурильо как живую жизнь, а лохмотья нищего – как музейную ценность. Там, где они умилялись, нам хочется свистеть в два пальца. Чем прекрасней земля, чем больше в ней внутренней гармонии, чем стройней ее женщины, чем богаче она и архитектурными перспективами, и

маслиновыми рощами, тем больше возмущает нас ее нестерпимая нищета. Кабальеро, увидев женщину на улице, по привычке кричит ей: «Я в тебя влюблен, красотка» и равнодушно проходит мимо. Стыдно отделаться от красоты Эстремадуры таким комплиментом. Здесь есть что полюбить и что возненавидеть.

Путь от Касереса в Бадахос длится долго, поезд останавливается где-то в поле. Пересадка – надо ждать два часа. Вместо станции лачуга. Возле лачуги огромный кактус, как болезненная опухоль, два осла, заколоченная фабрика. На перроне босые дети и сумасшедший старик. Над всем этим плотная серая скука. Подрались два кобеля, их облили водой. Сумасшедший покричал петухом. Ребята нашли гнилое яблоко и обрадовались. Я не помню имени этой станции, это просто лачуга и это Эстремадура.

Бадахос – граница Португалии, но Бадахос – это то гоголевское захолустье, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». В Бадахосе выходят несколько газет. Самая передовая «Ла-Вос Эстременья». В этой газете боевой фельетон: «Двадцать лет спустя» Александра Дюма. В этой газете обстоятельные отчеты о мировых событиях: «Супруга уважаемого коммерсанта дона Сесилио Алкали Беррокаля донья Серванта Флеча Родригес разрешилась вчера от бремени красавцем сыном... Уважаемый коммерсант дон Луис Перес Альварес отбыл вчера в Сафру... Вчера захворал легкой формой гриппа заведующий «Банко Эспаньол де Кредито» уважаемый дон Хуан Ретамаль... Прибыл наш [34] дорогой друг дон Лауреана Кальсадо Луис, начальник тюрьмы в Алькосере. Мы желаем ему так же, как и его прекрасной супруге донье Авелине, приятного пребывания»... Донов и доний много: они хворают, выздоравливают, женятся – вот и газета заполнена. Можно прибавить литературный отдел – после романа Дюма критический разбор «Бедных людей» Достоевского: «Эта книга позволяет нам легче понять азиатский характер Советской России...»

Депутат Бадахоса – человек просвещенный, он живет не в Бадахосе, но в Мадриде. Однако он мог бы сойти за бадахосского старожилу. Он побывал, например, в Москве и написал об этом книгу. Его книгу читали не только в Бадахосе, но и во всей Испании. В этой книге он описывает разные чудеса. Он, например, видел в Москве попов. У них длинные бороды. Наблюдательный путешественник пишет: «Попы в России евреи». Да, далеко от Бадахоса до Москвы!..

Эстремадура – это не Касерес и не Бадахос, Эстремадура – это деревня.

Следует только забыть о привычном значении некоторых слов: приехав в деревню Эстремадуры, никак нельзя догадаться, что это «деревня». В деревне Оливенса двенадцать тысяч жителей, в деревне Дон Бенито за сорок. В таких деревнях имеется все, вплоть до казино для местных чиновников и лавочников. Все, кроме земли: ни огорода, ни палисадника. Это города, заселенные батраками. Земля вокруг принадлежит разным маркизам и графам, они живут в Мадриде или за границей. Поместья величиной в уезды. Вот, например, у герцога де Орначуелоса 56 000 гектаров вполне девственной земли: герцог любит охоту. У крестьян нет даже хижин. Они снимают комнаты. Они платят за комнату по двадцать, по сорок песет в месяц. Когда небо начинает светлеть, они выходят из деревни, чтобы поспеть к восходу солнца на работу. Иногда поле в десяти километрах от деревни. Так можно было бы, обладая соответствующей фантазией, организовать каторгу. Так в Эстремадуре организован быт деревни.

Оливенса. На улицах толпа. Люди в широких шляпах – сомбреро, в розовых или голубых рубашках. Они стоят на углах и ждут. Приезжий может подумать, что это праздник. На самом деле это забастовка. Хозяева хотят, чтобы батраки работали не «от солнца до солнца», как раньше, но «от зари до зари». Между рассветом и [35] восходом солнца проходит час, столько же между заходом и ночью. Формула поэтична: и «от зари до зари», в переводе на грубый язык это значит: два лишних часа. Забастовщики угрюмо стоят на углах улиц и ждут. Трудно понять, чего именно они ждут. Они уныло ковыряют во рту зубочистками, есть – они давно не ели. У хозяев тоже зубочистки, но перед зубочистками у них сытный обед, и хозяевам ждать куда как легче.

В Оливенсе восемьсот безработных. Этим людям помогали товарищи. Теперь товарищи бастуют. Голодают забастовщики, голодают и безработные. Алькальд Оливенсы социалист, это не мадридский политик, это свой человек. Помочь он, однако, не может. Губернатор не отпускает никаких пособий. Губернатор запретил обложить коммерсантов налогом в пользу безработных. Губернатор шлет алькальду телеграммы: забастовка должна кончиться! Это не совет хозяевам, это приказ батракам. В Оливенсе всего-навсего восемь гвардейцев, но крестьяне Эстремадуры фаталисты: они стоят и ждут. В соседней Андалусии люди умеют хвастаться, привирать, шутить, это актеры и юмористы Испании. Эстремадура молчалива и скудна на жесты. Здесь иногда поют грустные песни, чаще всего здесь молчат. Восемь гвардейцев с зверскими мордами, как

мифологические чудовища, стерегут пленников Оливенсы. В школе монах, он одет в штатское, сладко улыбаясь, он говорит мне: «Здесь людям не на что жаловаться, здесь люди живут хорошо...»

Маргарита Нелькен представляет в кортесах Эстремадуру. Это передовая писательница и социалистка. Она призналась мне: «Нам приходится делать все, чтобы удержать крестьян от бунта...» В Бадахосе я беседовал с одним из местных социалистов. Это мелкий служащий, живет он плохо и по ночам изучает то эсперанто, то «Капитал» в популярном изложении. Он сказал мне: «Если бы не Мадрид, мы давно бы выступили...»

В одной из деревень Эстремадуры крестьяне недавно подписали договор с управляющим огромного поместья. Они добились уступок: до забастовки они получали четыре песеты в день, теперь в договоре сказано: «четыре песеты и еда». Договор был скреплен алькальдом. Управляющий негодовал – «лодыри»! Управляющий слал хозяину горестные послания. Но делать было нечего – договор подписан, управляющий распорядился, чтобы батракам выдавали еду, а именно похлебку без мяса, без [36] рыбы, без овощей – немного воды с деревянным маслом. Рабочие против харча не возражали: они сизмальства знают, что такое «гаспачьо». Но управляющий распорядился не только выдавать рабочим еду, он распорядился также запечатать колодец: «В договоре сказано, что я обязан вас кормить, кормить, но не поить». Вода хозяйская, ничего не поделаешь. Палит южное солнце, рабочих мучит жажда, воды нет. Они не распечатали колодца, они не бросили в этот колодец управляющего, они только послали депутату ходатайство – нельзя ли распечатать колодец? Без воды в такой зной трудно работать!..

В Эстремадуре нет еще ни синдикалистов, ни коммунистов. В Эстремадуре социалисты; это крайняя партия. Социалисты, конечно, бывают разные. Те, что работают в деревнях, думают, будто они готовят революцию. Те, что сидят в Мадриде, делают все, лишь бы удержать рабочих от революции. Испанская песня говорит: «Одни поют то, что знают, другие знают, что они поют...»

Я не знаю, чем кончилась забастовка в Оливенсе, работают ли там теперь «от солнца до солнца» или «от зари до зари». Я знаю, что люди там работают от рождения до смерти. Иногда они поют о горькой судьбе, иногда они бросают лопаты и замирают на углах улиц, суровые и немые. Это прекрасно, как старая испанская живопись, и это страшно, как запечатанный колодец.

январь 1932

«Guardia civil»21

Пятнадцатого апреля многие весьма храбрые испанцы смутились: «Что с нами будет?..» Смутились маркизы и дюки, старшины мадридских клубов, управляющие поместьями в Севилье или в Хаене, банкиры Бильбао, фабриканты Барселоны, редакторы газет и настоятели монастырей. «Что с нами будет?.. Неужели они решатся?..» Речь шла, конечно, не об отречении короля – королем сразу все перестали интересоваться. Храбрые испанцы тревожились не за королевскую корону, но за [37] дурацкую треуголку, отделанную блестящей клеенкой. Они знали, что вместе с этой треуголкой может свалиться их власть. В тревоге они спрашивали друг друга: «Неужели эти безумцы распустят гражданскую гвардию?..» Они еще не знали, что республика подарена народу командиром гражданской гвардии генералом Санхурхо²² и что вместо фригийского колпачка эта республика примеряет теперь клеенчатую треуголку.

При короле в Испании было тридцать три тысячи гвардейцев, теперь их сорок тысяч. Республика уменьшила армию, зато она увеличила гвардию. В Испании тридцать шесть тысяч учителей и сорок тысяч жандармов. В гвардейцы берут главным образом фельдфебелей и вахмистров, берут их по найму сроком на пять лет. Гвардеец получает пятьдесят пять дуро в месяц. Года три-четыре он состоит в «подвижной бригаде» – там он получает ежемесячно восемьдесят пять дуро – в четыре раза больше, нежели рабочий, и в два раза больше, нежели бухгалтер с университетским дипломом.

Ремесло гвардейца несложное: он должен убивать. Вместо «гвардия умирает, но – не сдаётся», здесь можно сказать: «гвардия убивает, но не ранит». Когда гвардейцы разгоняют крестьян или рабочих, редко подбирают раненых – гвардейцы целятся в голову или в живот, и они стреляют без промаха.

Человек в дурацкой треуголке не просто жандарм, это страх всей бедной Испании, им пугает мать ребенка, его невольно ищут в темноте, пробираясь ночью по извилистым улицам, он стал легендой, как в средние века смерть, он танцует – я вижу этот танец, на рыжих скалах Кастилии, на болотах Эстремадуры, на холмах Андалусии – длинная страшная тень, которая бродит, выискивая партнера, которая караулит зазевавшегося, хватается за чудака, которая, извиваясь и раскачиваясь, верхом на коне или ползком, как уж, подбирается, целится, убивает – танец длится. Нет дня, чтобы газеты не

сообщали о новом убийстве: гвардейцы должны убивать, это связано с треуголками, с дуру и с традицией. Они рыщут по стране, заведя лохмотья и голодный блеск глаз, они [38] останавливаются: они напали на дичь. Здесь нечего гадать, все ясно заранее: крохотная телеграмма газетного агентства, вой восьми или десяти сирот и шепелявая латынь «куры»²³.

В Эстремадуре имеется край, который испанцы зовут по наивности «Сибирью», – они думают, что Сибирь – это «страна смерти». Сибирь Эстремадуры и впрямь край, где людям жить незачем. Люди там едят желуди. Желудями помещики кормят свиней. Человек ползет ночью по земле; это барская земля. Он голоден, и, как зверь, он ищет корма. Навстречу ему идет другой человек в дурацкой треуголке. Он стосковался по делу, в его руке винтовка. Два часа спустя гвардеец диктует рапорт: «Я трижды окликнул встречного, после чего я выстрелил... Убитый оказался крестьянином Педро Риусом, 38 лет от роду... При нем найдена корзина с желудями...»

В ноябре возле Талаверы гвардеец убил крестьянина, отца девяти малолетних детей. Гвардеец объявил, что убитый якобы хотел на барской земле словить зайца. Возмущенные крестьяне собрались на митинг. Алькальд города, социалист, долго их уговаривал: Мадрид рассудит! Чтобы успокоить крестьян, алькальд послал в Мадрид телеграмму с просьбой наказать виновного, а также сменить офицера гвардии. В Мадриде привыкли к человеческой наивности. Нельзя наказывать гвардейца за то, что он убил крестьянина, как нельзя наказывать социалиста за то, что он шлет sentimentальные депеши: оба делают свое дело.

Иногда люди выходят из себя. Недавно в Мальмодовар-де-Рио забастовщики окружили казарму гражданской гвардии. Гвардейцы не стали выжидать что будет. Они хорошо поработали: рабочие Рафаэль Ривас, Хосе Гальего, Салюстино Алькарас и Хосе Морено пали замертво. Возле трупов на фотографии стоят убийцы, они опираются на ружья и сосредоточенно смотрят в объектив аппарата. Они не опечалены и не веселы, их лица ничего не выражают – это, скорей всего, призраки, одетые в бутафорские мундиры, они знают одно – убивать.

Республика на словах отменила цензуру, на деле цензура существует. В Барселоне выходит литературно-общественный еженедельник «Ла-Ора». Редактор этого [39] журнала должен посылать гранки на просмотр губернатору. В одном из последних номеров редактор хотел напечатать рисунок: гвардеец верхом на лошади. Под рисунком не было никакого текста. Губернатор, однако, рисунок зачеркнул: «Это слишком мрачно!..»

Губернатор ценит гвардейца на улицах Барселоны, на страницах журнала он его пугает: убийца на коне, этот святой Георгий Испанской республики, не может быть изображаем, как бог Саваоф.

Гвардейцы работают молча. Молча работает их командир генерал Санхурхо. 14 апреля генерал Санхурхо изменил королю – он не послал гвардию против республиканцев. Это было последним днем монархии и первым опытом генерала. В кафе политики спорят, кто станет завтра главой правительства – сеньор Кабальеро²⁴ или сеньор Леррус? Имени Санхурхо никто не поминает – это бог не только с неизображаемым ликом, но и с неизреченным именем. Сорок тысяч людей в треуголках время от времени постреливают, они готовятся к великолепию хорошего повсеместного расстрела.

январь 1932

Ученик Бакунина

Я встретился с ним в Фернан Нуньесе. Несмотря на двойное имя, Фернан Нуньес – обыкновенный поселок Андалусии, заселенный батраками, с казино и с нищетой, поселок, который похож не на деревню, но на скучное предместье большого города. Однако до города далеко, да и город – Кордова – какой-то музейный. В таких поселках, несмотря на отделение банка и на казино, чувствуешь, до чего далеко от Испании до мира. Пиренеи, просверленные несколькими туннелями, все еще Пиренеи, а ветер из Африки, сухой и несносный, твердит о близости пустыни.

Республика послала в провинции новых губернаторов: адвокатов или журналистов. Это походило на волшебную [40] сказку – кабальеро, вчера еще занятые поисками одного дура и отсидкой в мадридских кафе, стали всеильными сатрапами. О своих новых вотчинах они знали смутно по годам школьной учебы. Адвокат из Астурии, пожав друзьям руки, направлялся управлять Эстремадурой. Началось соревнование. Севильский губернатор перещеголял всех. Воспользовавшись доносом домовладелицы на хозяина кафе, некоего Корнелио, он объявил, что в квартире Корнелио якобы помещается штаб вооруженных мятежников. К домику подвезли артиллерию и по пустой лачуге выпустили двадцать два снаряда. После такого боя уж ничего не стоило арестовать сотню рабочих и закрыть ненавистные синдикаты²⁵.

Губернатор соседней Кордовы тоже не зевал: 11 августа он приказал распустить 31 синдикат. Тюрьма Кордовы превратилась в местное отделение «Конфедерации». В провинции Кордова теперь работают только

профсоюзы социалистов: губернатор избавил их от опасных конкурентов.

В Фернан Нуньесе помимо казино имеется «Каса дель Пуэбло» – это клуб социалистов. В клубе висят портреты Карла Маркса и Пабло Иглесиаса²⁶. О первом местные социалисты знают только одно: он боролся с анархистами. Иглесиас почитается духовным отцом теперешних министров: Прието и Кабальеро. Кроме портретов, в клубе висит соблазнительное изображение полуголой республики, как висит оно, впрочем, во всех канцеляриях и даже в полицейских участках.

Вокруг стола сидели социалисты Фернан Нуньеса: хозяин кафе, ветеринар, конторщик, несколько крестьян, Говорил ветеринар. Крестьяне молчали.

Я спросил одного из крестьян, может ли он меня познакомить с кем-нибудь из синдикалистов. Это было, разумеется, бестактно, но в деревнях Испании политические страсти еще не уплотнили человеческих суток: враги иногда стреляют друг в друга, но, поскольку дело не доходит до револьверов, они еще дружески друг с другом беседуют.

Так я с ним встретился. Он вошел угрюмый и спокойный, вежливо всем поклонился и сел под портретом [41] республики. Он не был ни конторщиком, ни ветеринаром. Корявые руки свидетельствовали о профессии: он был обыкновенным батраком. В зависимости от времени года он пахал землю, окапывал лозы или собирал маслины.

Как все батраки он был нищ. Его одежда, купленная некогда за десять песет на базаре, с годами приобрела оттенок благородного несчастья. Он не был ни вождем союза, ни сотрудником барселонской газеты. «От солнца до солнца» он работал. Когда солнце, наконец-то смилостивясь, заходило, он думал, разговаривал, читал. На коварные вопросы он отвечал вежливо, но стойко – ничто не могло его переубедить.

Социалисты?.. Виновато улыбаясь, он смотрит на ветеринара: «социалисты – партия буржуазии». Он за забастовки, за револьверы, за восстание. Слово «диктатура» его, скорее, печалит, нежели пугает: он против государства, он за свободную коммуну. Ветеринар спорит с одним из товарищей: кто вернее защищает рабочих – Второй Интернационал или Третий... Ветеринар, разумеется, за Второй. Здесь раздается тихий отчетливый голос батрака, того, что сидит под портретом республики:

– Я за Первый Интернационал...

Так на минуту встает история, споры семидесятых годов, испанские

анархисты, расколы, пыльные страницы. Так встает и карта Испании – далеко, очень далеко отсюда до жилого мира!..

Он за Первый Интернационал. Кроме того, он за свободу. Это не призрак прошлого, это живой человек, два часа тому назад он собирал маслины, я могу засвидетельствовать, что его корявая рука тепла человеческим теплом, но отчетливо и тихо он говорит: «я за свободу»... Мне хочется понять этого загадочного современника, и я его спрашиваю:

– Вот в Фернан Нуньесе есть вдова. Она верит каждому слову священника. Она не хочет, чтобы ее мальчика взяли в школу. Она боится грамоты, как дьявола. Я знаю, что вы против религии. Можно ли заставить эту женщину посылать мальчика в школу?

Он с минуту молчит. Он смотрит жалобно, как бык, в спину которого втыкают стрелы. Как бык, он не может повернуть.

– Заставить нельзя. Надо убедить. Нельзя убедить?.. Надо убедить!.. [42]

Что ж это – толстовец?.. Духобор?.. Или, может быть, последователь Ганди?.. Нет, он за борьбу. Надо отобрать землю. Надо взять фабрики. Работать, всем работать! Он за революцию, за революцию и за свободу.

– Наш учитель – Бакунин.

На какие только нелепости не падка история! Думал ли барчук Мишель, российский бунтарь и растяпа, медведь, игравший с бомбами, и сентиментальный корреспондент Николая Первого, что через семьдесят лет у него найдется ученик, полуграмотный батрак в деревне Фернан Нуньес?..

Против Бакунина выступал Маркс. Их спор давно решен историей: Маркс стал учителем мощного государства, которое теперь строит Магнитострой и организует колхозы. Это – сто шестьдесят миллионов и победоносная революция. Бакунин стал учителем вот этого батрака...

Ученик Бакунина не одинок, их много и в Фернан Нуньесе, и в Хересе, и в Севилье. Нетрудно доказать всю путаницу их теорий. Нетрудно и проследить, насколько их тактика – эта непрерывная партизанщина, эти частичные забастовки, эти разрозненные залпы – вела и ведет рабочих к поражению.

Но сейчас в этом клубе социалистов, под портретом республики, рядом с витиеватым ветеринаром сидит не теоретик, не вождь, а живой человек, батрак из Фернан Нуньеса, если угодно, чудаки и мечтатели, отважный, нищий и непримиримый.

январь 1932

О человеке

Рядом с французами испанцы кажутся первобытными, несмотря на всю пышность их истории, несмотря на барокко и на Гонгору, на небоскребы и на проказы Рамона Гомес де ла Серны²⁷. Это, конечно, не дети, но это люди, не духи в брюках и не манекены от «Галери Лафайет». Я настаиваю на цельности материала. Это [43] можно проследить на природе: здесь горы – горы, степи – степи. Это можно увидеть и за обеденным столом: испанская кухня гордится не столько искусством обработки, сколько добросовестностью продуктов: девственно белый хлеб, густое вино, ягненок, рыба. Может быть, неудачи государства в известной степени следует объяснить именно этой определенностью отдельных частей – человек здесь слишком человек, и великие реформаторы, которые привыкли иметь дело, скорее, с моллюсками, нежели с быками, наверное, опешили бы, перевалив Пиренеи. Даже католицизм здесь больше озорничал, нежели воспитывал. Расправы инквизиции – это только зрелище, нечто вроде боя быков. Для подлинного творчества монахам пришлось выбрать вместо Испании Парагвай. Над Испанией очень легко царствовать. Любой выродок с плохонькой армией может захватить хоть завтра власть. Управлять Испанией много труднее. Для этого мало соблазнительных идей и мистического тумана, необходима какая-то правда. Я говорю, разумеется, не об адвокатах, но о народе. Эта правда, однако, далека и от фотографии, и от арифметики. Она не дается в готовом виде, ее надо создать. Куда легче с ней познакомиться в музее Прадо перед полотнами Гойи, нежели в соседних с музеем кортесах.

Можно никак не интересоваться искусством, можно приехать в Испанию, чтобы закупить апельсины или чтобы изучить аграрный вопрос, можно быть биржевиком или агитатором, но нельзя пройти мимо Гойи, это лучший проводник по стране. Так прежде всего разрушаются лживые фразы о «художнике кошмаров». Гойя не декадент, не эстет, не одинокий фантаст, Гойя – художник, которого с полным правом можно назвать «социальным». В своей известной картине, изображающей расстрел, он показал, что такое пафос не патетического. Его портреты королевской семьи вовсе не карикатурны: это только вдоволь смелое оголение всячески задрапированных моделей в эпоху, когда искусство знало одно: скрывать, когда назначение цвета или рифмы было ограждать мир от чересчур жестокой действительности. Гойя шел дальше, нежели человеческий глаз, он показывал сущность предмета или чувств, он был подлинным реалистом. Вероятно, поэтому принято говорить, что он был одарен «извращенной

фантазией» и что жил в «мире неправдоподобного». Все так называемые «кошмары» [44] Гойи в Испании ходят по улицам: это маркизы и нищие, это спесь и горе, это генерал Санхурхо среди запуганных батраков Эстремадуры.

Урок Гойи можно дополнить уроками испанской литературы. В начале XIV века в Испании была написана замечательная книга. Ее автором был Хуан Руис, именуемый протоиереем из Ита, священник с подозрительной биографией, в которой важное место занимает тюрьма. Европа тогда довольствовалась эпигонами рыцарской поэзии, рифмованными переложениями «чудес» или молитв, обязательной догмой и столь же обязательной красотой, розой, которая не была цветком, и дамой, которая не была женщиной. Это было задолго до Франсуа Вийона. Протоиерей из Ита написал книгу о своей эпохе, о сластолюбивых монахах и о своднях, об обманутых девушках, о лицемерии и о пастухах, о страхе перед смертью и о попойках, о рыцарях и о силе. Это якобы автобиография: протоиерей изучает грехи, чтобы больше не грешить. Так можно было бы написать сатиру или лирическую поэму; ни то ни другое определение никак не подходит к книге Хуана Руиса. Исследователи много спорили: издевается ли автор или говорит всерьез? Для католиков – это книга покаяния, для вольнодумцев – первая брешь в стене средневековья. Протоиерей влюблен в донью Эндрину. Он описывает себя: он красив – у него толстая шея, крохотные глаза и осанка павлина. Он не смеется над собой: все условно. Он встречается с доньей Эндриной в церкви: это не кощунство, это просто место встречи. Потом донья Эндрина умирает, он ее оплакивает. Потом умирает старая сводня, которая свела его с доньей Эндриной, он оплакивает и сводню, он уверяет, что ее место в раю. Никто не скажет, где здесь кончается хроника, чтобы уступить место правде поэта. Это и есть жизнь, каждый вправе ее толковать по-своему, но отвязаться от нее куда труднее, нежели от обыкновенной достоверности.

Надо ли напоминать, что самое гениальное произведение испанской литературы «Дон Кихот» сделано с тем же реализмом, что он также допускает тысячи толкований, не допуская, в сущности, ни одного, что роман Сервантеса не пародия на литературную моду эпохи, не сатирическое отображение общества, не проповедь мистического самообмана, но только правда о человеке большом и ничтожном, достойном и смешном?.. [45]

Все это меня занимает отнюдь не как эстетические рецепты. Конечно, и в наше время могут жить художники, преданные высокому реализму.

Нетрудно увидеть в рисунках немца Гросса, этого сына Домье и внука Гойи, тот же фанатизм обнажения, который в его первом густом растворе нас так пугает в музее Прадо. Можно добавить, что русский писатель Бабель описывает красноармейцев и шлюх с той же откровенностью отчаяния, с которой протоиерей из Ита описывал монахов и красавиц. Понижение значительности зависит не от понижения талантов, но от роли искусства в жизни: оно было хлебом, оно стало кокаином, которым смягчают зубную боль и которым некоторые сумасшедшие заменяют секрецию желез.

Испанский реализм меня занимает не как художественная школа, но как разгадка многих особенностей этой страны. Я не думаю, чтобы из нее можно было бы сделать новую Византию. Французское остроумие бессильно перед любым планом, перед любой статистикой. Ирония испанского реализма куда страшнее. Здесь можно выдать мельницу за врага, и с мельницей пойдут сражаться – это история человеческих заблуждений. Но здесь нельзя выдать человека за мельницу – он не станет послушно махать руками вместо крыльев. Здесь еще живут люди, настоящие живые люди. Это хлопотно, порой опасно, и это все же очень утешительно.

январь 1932

Испанский эпилог

Это был один из моих последних вечеров в Испании. Барселона не только столица Каталонии, это большой испанский город. Фабричные трубы и политическая путаница притягивают к нему людей из других провинций. Это был, следовательно, эпилог, скорее, испанский, нежели барселонский. Мы пошли в рабочий кабачок, который посещают главным образом выходцы из Андалусии. Они пьют по стаканчику мансанильи, куда больше они поют. Поют не хором, не за столами, но подымаясь на эстраду, как заправские артисты; поют приказчики, сапожники, почтенные матери многочисленных семейств и молоденькие [46] мастерицы. Поют они фламенко – это звучит безысходно, как широта и нищета Андалусии. Слова – о несчастной любви, но заунывность напева много откровенней – это о несчастной жизни.

Общество наше было достаточно пестрым: коммунист, бывший офицер, участвовавший в заговорах, теперь интеллигент без работы, журналист каталонец, тот, что «ладит со всеми», нервный скульптор, влюбленный в искусство и твердо верующий, что человечество должно существовать ради

гениев, два рабочих из Кастилии, вожди синдикалистов. Никто из наших не пел. Скульптор, преданный искусству, слушал песни. Журналист что-то записывал в блокнот. Прочие разговаривали: о своей судьбе, о судьбе Испании.

У одного из рабочих сухие жесткие глаза. Вряд ли он с ними родился. Он просидел сутки в часовне, ожидая казни: смертников в Испании сажали в часовню, чтобы они на прощание поговорили с богом. Потом их выводили из часовни, на шею надевали железный обруч, завинчивали винты: это называлось «казнью через удушение». Он сидел в часовне и ждал обруча. К нему пришел священник и начал говорить о милосердии. Тогда смертник сорвал со стены тяжелое распятие и проучил «куру». Случайно он спасся от обруча. Он работает теперь на заводе и ждет часа решительного объяснения. Когда он смотрит сухими жесткими глазами на журналиста, журналист начинает нервно улыбаться.

Другого зовут Дуррути²⁸. Это имя я прежде встречал в газетах – французских и немецких. У Дуррути престранная биография. Все знают, что во время войны была «ничья земля». На эту землю падали снаряды, она была очень печальной землей, но Дуррути должен пожалеть о том, что Версальский договор не оставил хоть пядь земли «ничьей». Тогда у Дуррути был бы дом. Это очень добродушный человек. Когда скульптор говорит о «святости искусства», он не спорит, но улыбается. Так, наверное, он улыбается и своему двухнедельному сыну. Он мог бы быть прекрасным руководителем детской площадки. Однако его боятся как чумы. Он выслан не то из четырнадцати, не то из восемнадцати государств. Надо сказать, что он все же не руководитель детской площадки, но [47] вождь ФАИ – это означает: «Федерация анархистов Иберии».

Дуррути был приговорен к смертной казни не только в Испании, но еще в Аргентине и в Чили. Французы его арестовали и решили выдать. Спорили только, кому: Испании или Аргентине. На допросах изысканный следователь время от времени проводил рукой по своей шее: он хотел напомнить, что именно ждет Дуррути в Испании или в Аргентине. Дуррути просидел семь месяцев, гадая, кому его выдадут. Пока юристы спорили, в стране началась кампания против выдачи. Дуррути спасся. Его выслали в Бельгию. Из Бельгии его выслали в Германию. Из Германии в Голландию. Из Голландии в Швейцарию. Из Швейцарии во Францию... Это повторялось по многу раз. Как-то в течение двух недель Дуррути кидали из Франции в Германию и назад: жандармы играли в футбол. Другой раз французские жандармы решили провести бельгийских: двое вступили с

бельгийцами в длинную беседу, тем временем автомобиль с живой контрабандой помчался в Брюссель. Дуррути менял что ни день паспорта. Он не менял ни профессии, ни убеждений: он продолжал работать на заводе, и он остался анархистом.

После апреля Дуррути вернулся в Испанию. Его арестовали в Хероне: он числился в списках людей, подлежащих задержанию. Следователь, раскрыв папку, несколько смутился: «Дело о покушении на жизнь его величества»... Дуррути пришлось отпустить. Он работает на фабрике, и он выступает на митингах. Наверное, его скоро снова арестуют. «Ничьей земли» больше нет, и трудно сказать, куда он денется со своим младенцем. Враги о нем говорят: «Это честный и отважный человек». Однако никто не хочет, чтобы человек с такими достоинствами жил бы рядом. Некоторые биографии никак не умещаются в истории. Это хорошо знают многие поэты: так встречаются дуло револьвера и теплый висок. Это знают и социальные мечтатели, те, что не умеют вовремя ни покаяться, ни промолчать.

Дуррути по убеждениям анархист. Однако по роду занятий он рабочий. Это предопределяет неизбежный конфликт. Скульптор легко мог бы стать анархистом: от этого ничего не изменилось бы в его жизни, он мог бы по-прежнему презирать человечество и верить в торжество гения. Рабочий знает, что такое организация; сложность производства приучает его к идее порядка; солидарность [48] требует от него дисциплины. Анархизм испанских синдикалистов – это не анархизм кофейных завсегдатаев, которые сочетают Бакунина со Штирнером²⁹, безначалие с эротикой и свободу с кутежами. Испанские синдикалисты стоят у станка. Их вожди не пьют и не ходят в притоны Китайского квартала: это своеобразный монастырь с тяжелым уставом. Двадцатый век и здесь взял свое: батраки Андалусии еще мечтают – «не принудить, но убедить». Барселонские синдикалисты уже распрощались с некоторыми иллюзиями прошлого столетия. Недавно они приняли постановление о том, что хозяева не должны брать на работу рабочих, которые не состоят в профсоюзе. В другой стране это азбучная истина. В Испании это шло против всех традиций, и это далось с трудом. Анархистам пришлось отказаться от анархии, ревнителям свободы пришлось пойти на насилие. Это было первым шагом. Дуррути теперь стоит за диктатуру рабочих и крестьян. Он может критиковать русскую революцию, но на ней он учится, он и его товарищи, «Конфедерация труда» и рабочие Барселоны.

То, что Дуррути еще лепечет, просто и ясно говорит коммунист: диктатура для него не душевная драма; с нее он начал свою политическую

жизнь. Это жесткое слово он умеет произносить с любовью. Слабость партии и обилие ересей его не смущают: «весной 17-го года в России было не очень-то много большевиков»... У него нет ни авторитета Дуррути, ни его романтической биографии, но ему и не нужно это: за него история. У него даже нет имени, это просто коммунист, скромный человек в потертом пиджаке, и это вместе с тем столько-то миллионов. В этом маленьком кафе он сидит, как посол, аргументируя странами и эпохами.

На эстраде тем временем один певец сменяет другого. Камареро³⁰ тоже не выдержал. Он оставил поднос и поднялся на эстраду. Он поет о своих любовных неудачах, поет протяжно, как муэдзин на минарете, поет и одним глазом все присматривает, чтобы не ушел кто, не заплатив за стаканчик. После лакея на эстраду поднялись несколько человек. Среди них молоденькая девушка лет пятнадцати. Они долго и угрюмо бьют в ладоши. Они смотрят на девушку. Они ждут. Девушка медлит. Она [49] упирается. Она сидя стучит каблуками. Потом она срывается с места и начинает плясать, медленно и страстно. Этот жестокий танец не дает выхода чувству, он только возбуждает и томит. Он сразу кончается, как ветер на море. Он спадает в изнеможении. И снова – заунывная песнь.

Теперь все спорят. Скульптор за красоту. Дуррути за свободу. Коммунист за справедливость. Это спор 1931 года. Его сейчас повторяют в разных странах разные люди. На столе газета: каждая строчка – это голод или кровь. Испания долго была в стороне. Она тешила мечтателей и чудаков гордостью, темнотой и одиночеством. Казалось, она вне игры. Так в Америке люди машин и ожесточенного труда устроили заповедник с девственными лесами и с диким зверьем. Однако в Испании не деревья и не звери, но люди. Эти люди хотят жить – так Испания вступает в мир труда, борьбы и ненависти. Она вступает вовремя.

декабрь 1931 – январь 1932

Мигель Унамуно и трагедия «ничьей земли»

В годы войны между вражескими окопами проходила узкая полоска земли. Каждый день на нее падали снаряды. Ее обволакивали ядовитые газы. Она была покрыта колючей проволокой и трупами. Ее называли: «ничья земля». Кто вздумал бы искать спасения на этой проклятой земле?

В нашу эпоху социальной войны некоторые писатели еще мнят себя нейтральными. Они пытаются обосноваться на «ничьей земле» вместе с пишущими машинками, с музами и с издателями. Они думают, что высокие тиражи или почтительные отзывы предохранят их от снарядов.

Несмотря на дождливую погоду, костер перед зданием берлинской оперы пылал вовсю. Отсветы этого пожарища испугали даже самых «нейтральных»: ведь на костре погибли не только коммунистические трактаты, но с ними заодно романы Джека Лондона, Стефана Цвейга, Федора Сологуба.

Жест немецких фашистов вполне логичен. Перепроизводство бумаги не позволило им отослать «опасные» [50] книги на фабрики. Что касается страха перед мыслью, то он определяется возрастом класса. Советская революция могла преспокойно издавать письма императрицы Александры Федоровны. Так называемая «национальная революция» поспешила сжечь письма Розы Люксембург. Молодой класс лишен суеверных страхов, он не верит в привидения и не воюет с трупами.

Рабочие умеют чтить и Шекспира, и Гёте, и Пушкина. Они строят новый мир не на метафизическом небе, но на земле, удобренной потом многих поколений. Советские издательства выпускают сочинения Вергилия и Сенеки, Кропоткина и Герцена, Ницше и Толстого. В советских библиотеках можно найти романы Марселя Пруста, и в советском театре шли драмы Поля Клоделя. Советские исследователи посвятили ряд серьезных трудов поэтическому гению Тютчева. Их не остановило то, что Тютчев был славянофилом, монархистом и царским цензором. Они знали, что молодые поэты могут многому научиться и у Тютчева.

Рабфаковцам незачем прибегать к огню: история не только инкубатор, это и прекрасный крематорий. Диктатура молодого класса – диктатура любопытных глаз и крепких ног. Умиравший класс прежде всего труслив. Войдя в библиотеку, бездарный литератор и всемогущий министр г-н Геббельс невольно хватается за коробок спичек. Он хочет быть трагическим Дон Кихотом, но он сильно смахивает на того российского градоначальника, который как-то выстрелил из револьвера в тарелку щей, потому что щи оказались горячими.

Советские писатели знают, что путь пролетариата – это путь мучительного, напряженного завоевания культуры. В советском обществе писатели впервые почувствовали себя не отверженными, не схимниками, не людьми, призванными забавлять, но строителями жизни. Никакие отдельные ошибки, допущенные в течение пятнадцати лет по отношению к отдельным писателям или литературным группировкам, не могут изменить этого основного положения. Советская литература – это не декларация, это значительное явление, влияние которого сказывается далеко за пределами СССР. Являясь как по художественным приемам, так и по своей

универсальности прямой наследницей русской литературы прошлого столетия, она несет нечто новое: пафос борьбы, культ труда, радость жизни. Достаточно назвать имена Маяковского [51] и Пастернака, Бабеля и Олеси, Шолохова и Тынянова, Фадеева и Федина, чтобы определить ее удельный вес.

Немецкие фашисты писали предпочтительно на заборах. Теперь им выдали прекрасные лино типы и запасы бумаги. Однако им не о чем писать. Для звериных рефлексов достаточно и тех пятисот слов, которыми обходятся первобытные племена. Но они хотят сохранить все атрибуты цивилизованного общества. Они объявляют новую эру «национальной литературы». Только одного писателя удалось им привлечь к своим радениям – это маститый порнограф Ганс-Гайнц Эверс. Когда-то он пугал барыnek вампирами. Теперь ему незачем напрягать свою фантазию – он может описывать проказы штурмовиков.

Они ответят, что фашистская Германия еще не успела обзавестись своей литературой. Нельзя же все делать сразу – и жечь книги и писать. Обратимся к учителям гитлеровцев – к итальянским фашистам. Впавший в детство Габриэль Д'Аннунцио³¹ продолжает гордо лепетать о своем «великолепии». Но ему теперь не верят даже продавцы коралловых брошек. Маринетти³², тот полон энтузиазма. Чем же он взволнован? Осушением болот? Голодом в Сицилии и Калабрии? Рождением нового сознания? Взаимоотношением труда и поэзии? Нет, этот фашистский фигляр и футуристический академик потрясен иными проблемами. Он, например, не хочет, чтобы итальянцы ели вульгарные макароны. Он предлагает им есть курицу под розовым соусом и ярко-лазореное мороженое. Он также за стеклянные шляпы и за алюминиевые галстуки. Так страна, которая претендует на духовную гегемонию, превратила своего первого поэта в картузника и кондитера. Кондитер, впрочем, не унывает. Он важно рассказывает терпеливым репортерам: «С пластической и в то же время абстрактной радостью мы присутствуем при рождении «я» среди различных гласных, которые стали конкретными». Трудно сказать, что он называет «конкретными гласными». Касторку, которая давно превратилась в тюремную баланду? Слюни безработных, которые мечтают не о розовой курице, но о тарелке макарон? Или поэтические повадки дуче, который, как [52] исправный мегаломан³³, рассылает свои пьесы в дирекции парижских театров?

Д'Аннунцио и Маринетти – люди дофашистской эры. Что же принесло стране «национальное пробуждение»? Единственный роман молодой

фашистской Италии, которому удалось выйти за пределы своей страны, носит достаточно красноречивое название: «Безразличные». Это роман о современной итальянской молодежи. Перед читателем не грубые рабфаковцы, которые учатся на трамвайных остановках и которые работают по восемнадцать часов в сутки. Герои романа Моравиа – безразличные. Им невыносимо скучно жить, и, зевая, автор описывает их никчемную жизнь. Любовник мамы изменяет ей с дочкой. У любовника – лиры, а почтенная семья разорена. Сын хочет убить обидчика, но потом, раздумав, пьет с ним ликер. Автору до того тошно об этом рассказывать, что он то и дело возвращается к обеденному столу – вот прислуга принесла тарелки, вот она унесла тарелки, вот она положила вилки... Таковы литературные признания «молодой пробужденной Италии»³⁴.

Имеется, однако, в Европе страна, где у власти находятся не рабочие и не фашисты, но самые что ни на есть настоящие литераторы. Писатели в республиканской Испании – и министры, и посланники, и губернаторы. Это и есть «ничья земля» – литературное кафе между окопами. Писатели пишут статьи и произносят великодушные речи. За ними стоят владельцы латифундий, международные финансисты и вояки из «гражданской гвардии».

Мигель Унамуно – прекрасный поэт, печальный философ и беспомощный политик. Его опыт поучителен в своей трагичности. Этот человек искренне мечтал о революции. Он любил поступь времени на страницах книг. Когда эта поступь превратилась в гул толпы перед окнами кортесов, он отошел от окон и начал мечтать о той старой Испании, которая жила в глубоком вневременном сне. Он захотел остаться нейтральным между батраками Эстремадуры и гвардейцами.

Унамуно очень храбрый человек. Когда страна в страхе [53] молчала, когда испанские социалисты лепетали о «государственной гармонии», Унамуно выступил против диктатуры. Его отправили в ссылку. Он бежал из ссылки. Во Франции, несмотря на «увещевания» полиции, он продолжал обличать. Он был в то время не зеленым юношей, но почтенным профессором, знаменитым писателем и старым человеком. Он отказался от почета и уюта. Он жил в изгнании, как бедный студент. Когда я говорю, что он испугался истории, это не справка о недостатке гражданского мужества, это естественная трагедия «ничьей земли».

Зимой 1925 года я часто видел Унамуно в парижском кафе «Ротонда». Он сидел, окруженный учениками. Он говорил о свободе и революции. Иногда он вырезывал из бумаги диковинных зверей. Он писал печальные

стихи: «Романсеро изгнания». Он был похож на Дон Кихота в очках и без лат. В его облике сказалось все то суровое и безысходное, что нас потрясает в пейзаже Старой Кастилии. Я тогда еще не читал его книг, но, взглянув на него, я сразу поверил, что это настоящий поэт и непримиримый бунтарь.

Я увидел Мигеля Унамуно шесть лет спустя на трибуне кортесов. Он выступал против требований национальных меньшинств. Реакционную политику он защищал цитатами из классической поэзии. Кажется, цитируемые стихи его волновали куда больше, нежели вопрос о каталонском статуте. Как прежде, его глаза выдавали глубокую тоску. Но это не был поэт в изгнании, это был депутат кортесов и постоянный сотрудник степенно-буржуазной газеты «Эль-Соль».

Унамуно иногда называют «нигилистом». Он не восстает против определения, но ему не нравится слово «нигилист» – оно звучит для него чересчур по-русски. «Ничто» по-испански: «нада», и Унамуно согласен на звание «надиста». «Ничевочество» Унамуно, однако, предназначается для любителей поэзии и философских комментариев. Унамуно-политик теперь защищает достаточно определенные ценности, не только отечество и традиции, но даже собственность.

В своих газетных статьях Унамуно остается поэтичным и возвышенным. Говоря о голоде батраков, о забастовках или о заговорах фашистов, он живописует красоты испанской природы, и он призывает в свидетели всех поэтов и философов: Альфреда де Виньи, Вергилия, [54] Тирсо де Молину, Гюго, Кнута Гамсуна, Кальдерона, Броунинга, Кардуччи, Кеведо, Данте, Пиндара, Сорилью и даже Карла Маркса. Читатели газеты «Эль-Соль» – это обыкновенные испанские буржуа. Они не любили ни короля, ни иезуитов. Но с религиозным чувством они подходят к биржевому бюллетеню и к треуголке гвардейца. После революции в редакции «Эль-Соль» произошел раскол: левые ушли. Унамуно, однако, остался. Его трагический «надизм» никак не восстал против руководителей этой газеты, которые поклялись защищать интересы перепуганных лавочников.

Психология последних не заслуживает особого изучения – они все те же и на Курфюрстендамм и на мадридской Алькала, эти «свободолюбцы», которые сначала поют «Марсельезу», а потом зовут на подмогу гвардейцев или штурмовиков, чтобы спасти свои ценности от так называемой «анархии». Другое дело – психология Унамуно, на ней надлежит остановиться.

Унамуно никогда не стремился к стройной философской системе. Он

предпочитал «комментарии» лирические и грустные. Он много говорил о «трагическом ощущении жизни». Этот светский богослов напоминал дореволюционного Шестова³⁵. Ничто, казалось, не предвещало сближения между последним из донкихотов и умеренными республиканцами. Природа Унамуно обнаружила страсть к чрезмерному. Он не стал, однако, ни роялистом, ни анархистом. Он задержался где-то в центре.

Умеренность Унамуно не синтез, это только результат арифметического сложения. Разгадка таится в характере страны. Феодальный строй до сих пор жив в Испании, он сказывается не только в размере поместий и в нищете крестьян, но также и в известной патриархальности нравов, в презрении к богатству, в гостеприимстве, в примитивной и, однако же, высокой человечности. Испанская буржуазия стремится заменить это если не хорошими машинами, то хорошими дивидендами. Однако она труслива и беспомощна. Это не якобинцы, даже не Жиронда, это наши русские кадеты в сокращенном переиздании.

Унамуно хорошо понимает необходимость и аграрной реформы, и борьбы с монашеством. Но в душе он [55] сожалеет о трогательной нищете, об отрешенности и бескорыстности старой Испании. Он готов повторять на испанский лад: «Эти бедные селенья, эта нищая природа! Край родной долготерпенья!..» Он ищет тормоза – машина времени мчится слишком быстро. Он отрекается от своих прежних помыслов. Он начинает слагать разум и страх, прежние мечты и новую тоску. В итоге этого сложения получается программа куцых реформ, пополняемых карательными экспедициями, программа перепуганного буржуа и его органа «Эль-Соль».

Стоило ли говорить о трагическом ощущении жизни, стоило ли ссылаться на рыцаря Печального Образа и писать элегии, чтобы потом выступать с признанием, достойным любого бакалейного торговца, который из своей приходно-расходной книги делает евангелие и который обожествляет градацию годовых доходов как иерархию небесного воинства? Вот что пишет Мигель Унамуно о справедливости: «Итог иных революций, социальных, – это перевернуть тот же блин... Так рождается кража, ибо крадут не от голода, я это повторяю, но от отвращения к труду и от зависти»...

Унамуно очень культурен и очень сложен. При известных обстоятельствах эти достоинства превращаются в слабость. Он мог быть мудрым, он, однако, мудрствует. Он не хочет увидеть голодных – это слишком просто, и это доступно каждому. Он рассуждает: что такое голод? Он доказывает, что голод, описанный Кнудом Гамсуном, никак не похож на

голод, описанный Кеведо. Это – литературный комментарий для вполне сытых читателей «Эль-Соль». Тем временем сотни тысяч безработных мечтают о миске с горохом. Так постыдно заканчивается в наши дни высокотрагическая философия.

Парадоксы, может быть, и хороши в философских комментариях. Они нестерпимы, поскольку речь идет о человеческой жизни. Унамуну говорит, что вырождение на почве голода испанских крестьян – это досужие басни. Между тем его любимые места – это окрестности Сала-манки. Один горный перевал отделяет их от края, называемого Лас-Урдесом, где живут дегенераты, где голод переменял людей в уродливых карликов, в злосчастных кретинов. Это, конечно, звучит чрезвычайно прозаично рядом с рассуждениями о том, что голод – понятие относительное... Унамуну говорит читателям «Эль-Соль», что вся беда от еды. Это, наверно, справедливо применительно [56] к аристократическим республиканцам с Пасео-дель-Кастельяно. Но я хотел бы послушать, как знаменитый философ стал бы доказывать обитателям Лас-Урдеса свою теорию пагубности питания.

Я не хочу дольше останавливаться на разборе газетных статей Унамуну. Я вовсе не склонен смеяться над его противоречиями, над всей откровенной нищетой этого философского богатства. Я хочу отнестись к трагедии писателя с тем же уважением, которого заслуживает и трагедия крестьян Лас-Урдеса. Я знаю, что ослепление Унамуну родилось не от его привязанности к тем или иным социальным привилегиям. Его личная бескорыстность вне спора. Остается выяснить, какой же дорогой он пришел к тому миру, в котором, как в мутном зеленом аквариуме, плавают различные Леррусы? Не культ материальных богатств привел сюда Унамуну, не тоска по власти, но исконный порок поэтов, философов, а также болтунов – обожествление слова. Унамуну говорит: «Словом наши предки создали все самое прекрасное, словом, а не мечом». Это звучит как утверждение высокой поэзии или как реабилитация Дон Кихота в его борьбе с мельницами. Но слово меняется в зависимости от того, когда и как его произносят. Трибуна кортесов – не парижское кафе, и газета «Эль-Соль» – не дневник нового Вертера. Слово тем и сильно, что оно рождает действие. Мигель Унамуну пишет. Гражданская гвардия работает. У этих современников, правда, не мечи, но карабины, однако в Касас Вьехасе³⁶ они показали, что они быстро переводят некоторые слова на язык огнестрельного оружия.

Я глубоко убежден, что, узнав о трагедии Касас Вьехаса, Мигель

Унамуно пережил тяжелые часы. Здесь его «трагическое ощущение жизни» слилось с правдой, доступной любому безграмотному батраку. Но смысл исторических событий в том, что Унамуно пишет о прекрасных традициях, а гвардейцы наводят винтовки – одно тесно связано с другим. Нейтральной земли больше нет нигде, ее нет и в том, втором мире, в котором хочет жить философ Унамуно... Его личная судьба так же поучительна для колеблющихся писателей, как и берлинские костры. [57]

Для многих из этих колеблющихся пример Унамуно раскрывает и другое: необходимость известного самоограничения. Чем больше писатель любит слово, тем целомудренней и строже он должен к нему подходить. Велика опасность опрощения, нивелировки, замены всех инструментов одним барабаном, отрицания глубины и многообразия жизни. Но не менее страшна и другая опасность – чрезмерного усложнения, подмены живой жизни игрой, жонглирования легкими идеями и редкими словами, инфляции мысли, за которой неизменно следует инфляция крови. Долг писателя теперь неслыханно труден. Литература знавала и прежде цензуру государства, но теперь она должна усвоить другую цензуру – своего гражданского сознания. Лучше стать простой частушкой в устах эстремадурского батрака, нежели глубоким и высокопоэтическим оправданием убийц Касас Вьехаса.

май 1933

В горах Астурии

Сейчас в Москве украшают улицы. Завтра Красная площадь наполнится радостным гулом. Будет весел топот красноармейцев, и широко будут улыбаться милые курносые комсомолки. Но мне трудно сейчас думать о празднике. Я только что говорил с испанцами. Они приехали оттуда. Я вижу перед собою пустынные горы Астурии. Они покрыты снегом. Это все та же Испания, прекрасная и трагическая. Я знаю ее горные перевалы, и я знаю ее людей. Пусто обычно в этих горах. Редко увидишь старого крестьянина. Он закутался в одеяло и грустно покрикивает на выбившегося из сил осла. Теперь, среди снежной метели, бродят люди. Это шахтеры Овьедо и Хихона. Одиннадцать дней и одиннадцать ночей они сражались внизу. Потом они отступили в горы. Они унесли с собой винтовки и то отчаяние настоящего революционера, которое становится самой прекрасной надеждой. За ними гонятся по пятам ищейки Лерруса: люди с пулеметами и с газами. Как стервятники, которых немало в горах Астурии, реют над ними самолеты. Но они все еще отстреливаются, и в тот час, когда на Красной [58] площади будут ползти танки победивших рабочих, далеко от Москвы,

в стране, которая слывет страной тореадоров и кастаньет, высоко в горах еще будут защищать рабочую честь последние красноармейцы Испании.

Я знаю также их усмирителей. Я знаю гражданских гвардейцев в их шутовских треуголках. Это не борцы, это не солдаты, это — профессиональные убийцы, откормленные и выхолненные. За бутылкой вина один гвардеец хвастает перед другим количеством застреленных им в жизни людей. Я знаю и солдат испанского иностранного легиона. В него шли барселонские сутенеры, которые попадались на «мокром деле»: они выдавали себя за португальцев. В него шли парижские апаши и немецкие громилы — люди, которым надо убивать, как другим людям надо жить и смеяться. В него шли русские белые, донкихоты Шкуро и рыцари контрразведки. Горделиво они рассказывали своим сотоварищам по легиону, как в Тихорецкой или Лабинской они вырезывали на лбу пленных красноармейцев звезды. Правительство Лерруса, не доверяя своим солдатам, бросило на испанских рабочих полчища международных убийц. Врываясь в завоеванные города, они кололи штыками и добивали прикладами раненых. Шахты для них были марокканской пустыней. Они жгли, и на десяти языках они пели свои блатные песни.

Борьбу венских рабочих сравнивали с Парижской коммуной: это была борьба вдохновенная и обреченная, полная героизма рабочих и нерешительности вождей, без военных лозунгов, без организации, без веры в победу. Нельзя в 1934 году повторить 1871 год. Борьба астурийских рабочих вдохновлялась иным примером. Фотографический аппарат даже в руках буржуазного репортера способен порою проговориться. Передо мною фотография: развалины Овьедо. На стене — большая надпись: «Да здравствует советская республика Астурия!». Правительственные газеты лгут наивно и невежественно. В них можно прочесть, что карманы убитых повстанцев были набиты приказами на русском языке и советскими рублями. Ни один шахтер Астурии не знал русского языка. Испанская буржуазия тщательно охраняла невежественность, и среди астурийских рабочих было немало людей, которые не умели читать даже по-испански. На рубли в Овьедо нельзя купить ни пушки, ни каравай хлеба. Но великий пример далекой страны, рассказ о земле, где [59] рабочие победили и где нет больше безработицы, магическое слово «советы» вдохновили углекопов Астурии. Не за республику, не за туманную свободу, не за право социал-демократов критиковать канцлера они боролись. Первое воззвание революционного комитета заканчивается словами: «Да здравствует социалистическая революция! Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Да здравствует диктатура пролетариата!».

У них не было ни опыта, ни знаний. Как могли они организовать жизнь на завоеванном ими клочке земли? На колокольнях уже реяли красные флаги, но с колоколен еще стреляли в рабочих белогвардейцы, спрятанные сердобольными священниками. Рабочие опубликовали несколько декретов: о банках, о земле, о снабжении. Они ввели карточки: надо было предохранить рабочие поселки от голода. Каждый гражданин получал в день продовольствия на столько-то песет. Нельзя было думать о мирной жизни: со всех сторон надвигались враги.

Рабочие сразу организовали Красную армию. В декрете значилось: «Красноармейцы должны подчиняться железной дисциплине. В Красную армию не могут вступить лица, принадлежащие к классу эксплуататоров».

5 октября красноармейцы взяли приступом оружейный завод «Ла-Вега». Завод защищал отряд гвардейцев. Бой длился весь день. На заводе рабочие нашли тридцать пять тысяч винтовок и патроны. День спустя рабочие в Туроне захватили государственный военный завод. В Туроне были металлургические мастерские. Рабочие начали изготавливать там ручные гранаты. В Миересе шахтеры наладили свое военное производство. Из железных полос они делали картечь. У шахтеров был динамит. Им удалось отбить у правительственных войск четыре пушки. В течение одиннадцати дней эти пушки помогали красноармейцам отбивать атаки усмирителей. Мадрид понял, что шахтеры Астурии – это не прекрасодушные барселонские адвокаты. Против рабочих была двинута армия: полки – 7-й, 12-й, 14-й, 17-й, 32-й, 35-й, 36-й, шесть кавалерийских эскадронов, африканские стрелки и иностранный легион, девять батарей артиллерии. Крейсера «Либерта» и «Хаиме» обстреливали город Хихон. Разгромив рабочие дома, крейсера произвели десант. К солдатам присоединились матросы. На Овьедо с севера наступали войска под командой генерала Агуирра. С [60] запада продвигался генерал Очоа, главнокомандующий всей экспедицией. С юга шли силы генерала Бельмоса. С востока подходили полки генерала Сольчага. В распоряжении правительства были блиндированные поезда³⁷ и броневики. Сорок самолетов каждый день сбрасывали бомбы на дома рабочих. Воздушной бомбардировкой были уничтожены университет и его ценное книгохранилище. Надо ли говорить о том, что усмирители заявили, будто бы университет подожжен рабочими? 10 октября на городок Миерес неожиданно налетели самолеты. На улицах было много народу, и храбрые летчики Лерруса перебили немало стариков, женщин и детей. Возле Овьедо красноармейцы сбили два самолета.

Мадрид слал подкрепление. Рабочим становилось все труднее и труднее держаться. Нашлись врачи, которые отказывались перевязывать раненых шахтеров... Силы сторон были слишком неравными. Кольцо сжималось. Приближалась развязка. Одиннадцать дней красное знамя реяло над Астурией. На двенадцатый день легионеры со штыками наперевес ворвались в Овьедо. Весь день шли уличные бои. Один из рабочих вождей, Бонифасио Мартин, раненный насмерть, крикнул: «Товарищи, только не сдавайтесь!» Шахтеры не сдавались. Солдаты продвигались по трупам.

«Зачем нам пленные?» – кричали легионеры и, врываясь в рабочие дома, убивали всех без разбора. «Да здравствует Испания!» – вопили пьяные гвардейцы, и, ставя подростков у стены, они бились об заклад, кто из старых вояк лучше стреляет в цель. «Справедливость» торжествовала.

«Мы должны будем вскоре закрыть все банки, потому что за год раньше они не крадывали столько, сколько теперь накрали за один месяц», – сказал один крупный мадридский банкир. Он отнюдь не был монархистом, он просто успел ознакомиться с аппетитом республиканских министров. Сеньоры адвокаты с министерскими портфелями знают в жизни одну мудрость: власть – это нажива. Они поспешили объявить, что красноармейцы грабили банки и магазины. Несколько буржуазных журналистов, съездив в Астурию, наивно написали: «Слухи об ограблении сильно преувеличены». Тогда цензоры Лерруса [61] схватились за ножницы: никаких опровержений! Революционный комитет в Астурии беспощадно расстреливал грабителей. Это не помешало депутату Иглесиасу, изобличенному несколько лет назад в крупном мошенничестве, бодро воскликнуть: «Воровская шайка астурийских коммунистов наконец-то посажена под замок». Газеты, разумеется, писали о зверствах рабочих. За несколько песет расфранченные, но полуголодные альфонсы мадридской печати придумывали различные ужасы: разве вы не знаете, что рабочие в Миересе продавали тела священников, как мясные туши? А в Овьедо они изнасиловали всех великосветских сеньор! Что же, каждый мечтает, как может.

Убийцы тем временем работали. Леррус боялся смертных приговоров, он предпочитал тихую работу легионеров. Среди последних особенно отличились русские белогвардейцы. В Овьедо молоденький рабочий Диего Сантес, не разбираясь толком в мировой политике и узнав, что среди солдат имеются русские, с доверием кинулся к светлоглазому капралу: «Товарищ русский, не нужно меня расстреливать. У меня старуха мать!..» Капрал усмехнулся: «Ага, – товарищ!» Он увел Диего Сантеса в сторону, чтобы

там, глумясь, его прикончить. В Овьедо приехал буржуазный журналист Луис де Сирваль. Его задержали на улице и отвели в штаб. Офицер иностранного легиона, белогвардеец Иванов, спросил у журналиста: «Зачем вы приехали в Овьедо?» – «Чтобы выяснить на месте правду». Тогда сеньор Иванов вынул револьвер и застрелил Сирваля: «Вот тебе правда!»

Газета «Эпока» пишет: «Только не милосердие! Как истинные христиане мы будем сегодня молиться богу за павших солдат, за то, чтобы правосудие свершилось. Смерть красным убийцам!» Газета «Эль-Дебате» требует расстрелов: «Чем меньше теперь будет шахтеров в Астурии, тем легче умиротворить этот край. Что касается угля, то уголь мы сможем покупать за границей». Таковы эти христиане и эти патриоты.

Король Альфонс, который, притаясь, ждет своего часа, прислал щедрый дар: пятьдесят тысяч песет героям гвардейцам. Так господин, находясь даже в отлучке, заботится о своих слугах. Леррус, тот куда скупее: он ограничивается орденами и нашивками. Полковники становятся генералами: это война все же была легче, нежели марокканская! Генералы скромно говорят друг другу, что [62] пушками и самолетами можно, пожалуй, победить рабочих, у которых только винтовки и отвага.

Но беспокойны генералы, и беспокойен Леррус. Кажется, они могли бы торжествовать: вместо Овьедо – развалины. Могильщики не могут справиться с работой. На подмогу им посланы саперы. Но все же тревожен Мадрид. Повстанцы все еще бродят по снежным горам Астурии. Вчера самолеты скидывали воззвания: «Сдавайтесь, и мы простим всех, кроме членов революционных советов!». Они скидывали воззвания и бомбы. Повстанцы стреляли в них из винтовок. Генерал Лопес Очоа сказал, что метель препятствует удачному завершению операции. Когда метель уляжется, войска захватят последние отряды Красной армии.

Может быть, он и прав. Метель скоро уляжется, метель, но не революция. Храбрый генерал не понимает одного: то, что было в Астурии, это не бунт, даже не восстание, это только один из эпизодов испанской революции. За угольщиками Астурии придут шахтеры Бискайи, литейщики Сагунто, рабочие Севильи и Барселоны, батраки Андалусии и Эстремадуры. Придет и для Испании день ее праздника. Но теперь как пусто, как страшно в Астурийских горах! Воет ветер. Кружат самолеты. Красноармейцы сжимают в коченеющих руках так тяжело доставшиеся им винтовки, и, может быть, один из них поет вполголоса старую испанскую песню: «Мое украшение – оружие. Мой отдых – сражаться. Моя кровать – это жесткие камни. Мой сон – всегда бодрствовать».

ноябрь 1934

Женщины Испании

Когда веселая француженка Бланш, которой суждено было стать испанской королевой, переехала через Пиренеи, она улыбалась. Ее отвезли в Эскуриал. Ночью к ней пришел ее супруг, христианнейший повелитель Испании. Впереди шел духовник с распятием, за ним мажордом с ночной посудиной, за мажордомом две старые дуэньи, похожие на ведьм, за ведьмами ступал молодой супруг. Бланш еще улыбалась. Тогда дуэнья сказала ей: [63]

– В этой стране женщины не улыбаются. В этой стране женщины молятся.

Дон Хиль Роблес... недавно сказал:

– Место женщины в церкви, на кухне и в кровати.

Я видал в Бадахосе, в Малаге, в Саморе тысячи коленапреклоненных женщин. Священники... пугают женщин адом, они говорят о щипцах, которыми черти вырывают груди, о кипящем масле, в которое ввергают грешниц. Настоятель иезуитского монастыря в Саламанке собрал купцов, помещиков и полковников. Он улыбнулся, покрутил богомольно пальцами и сказал:

– Девочку не следует учить грамоте: ее следует учить повиновению.

Дочь буржуа не смеет выйти одна на улицу. На юге она разговаривает с женихом через решетку, как арестант или как зверь. Нашлись сотни поэтов, которые воспели эту решетку. Впрочем, нет той лжи и того позора, которого не воспели бы сотни поэтов.

Когда женщина проходит по улицам, вылощенные адвокаты, сыновья банкиров, офицеры гвардии неизменно чмокают губами и кричат: «Милашка!» Они чмокают губами, видя студенток с книгами, работниц, женщин, темных от горя, каталонских революционерок, мужа которых расстреляны, женщин Астурии, мужа которых погибли в шахтах, они всем снисходительно кричат: «Милашка!» Диктатор Испании Примо де Ривера особым декретом запретил этот ритуал: он хотел сделать из Испании корректное полицейское государство. Но он был воспитан теми же дуэньями и теми же иезуитами. Его губы невольно шевелились: он чмокал, кричал «милашка» и здесь же уплачивал штраф.

Я видел в Мурсии дом: там сидела женщина, совершившая тяжкое преступление, – она осмелилась сойтись со своим возлюбленным без

благословения апостольской церкви. Родители заточили ее. Четыре года она просидела в темной комнате. Ей подавали еду и показывали на распятие: «Молись!»

Либеральные адвокаты и учителя не раз говорили мне: «Наши жены сидят дома. Мы не берем их ни в кафе, ни в клуб; они слишком глупы; их нельзя показать людям».

Работницы и батрачки Испании работают, как пятьсот лет назад. Об этой работе мог бы рассказать Данте. О ней сухо сказано в договорах о найме: «От зари до зари». [64]

Гранада – это имя звучит, как песня. В прекрасной Гранаде прекрасные женщины стоят у станков. Они работают в темных, зловонных мастерских. Они работают по 12 часов в сутки. Они получают в день 2 песеты...

В Лас-Урдесе я видал крохотных девочек – им было двадцать лет. Я видел согбенных, сморщенных старух – им было тридцать. Женщины Лас-Урдеса стали карлицами: они никогда в жизни не видали мяса. Они редко едят хлеб; в их похлебке бобы кажутся лакомством.

В тюрьмах Эстремадуры сидят тысячи женщин, осужденных за кражу: в лесах, принадлежащих графам и маркизам, они посмели взять охапку хвороста или горсть желудей, – когда у людей нет хлеба, они едят желуди.

По главным улицам Мадрида, Севильи, Барселоны гуляют нарядные барышни. Их сопровождают матери, тетушки или прислуга. На лбу челка, взгляд полон нежности: они ищут богатых женихов. Не на Алькала, нет, в рабочем квартале Мадрида, в Куатро Каминос я видал настоящих женщин Испании. Они идут, озабоченные и суровые. Их караулит голод. Они знают тяжесть ломовой работы. Они требуют жизни, как, задыхаясь, можно требовать глотка свежего воздуха. Напротив Гранады, на холме Альбасина, в страшных лачугах женщины стирают белье. В Лорке они подметают звериные норы – там люди живут не в домах, но в пещерах. Черны трущобы Барселоны. Неподалеку от мавританских дворцов, выстроенных разбогатевшими судовладельцами и маклерами, можно найти конуру без света, без воздуха; на полу на куче тряпья женщина рожает. Напротив Севильи, по ту сторону реки, находится Триана. Там никто не поет серенад. Там на площади, среди лохмотьев, солнца и едкой пыли, женщина говорит соседкам:

– Голосуйте за коммунистов!

Теперь народ Испании проснулся. Он не хочет дольше терпеть

помещиков и монахов; он хочет жить. Народ отважный и великодушный, создавший прекрасные песни, полный гостеприимства и доброты, способный работать с воодушевлением и умирать, улыбаясь, этот народ не хочет дольше прозябать в пещерах, в тущобах, в лачугах. Любимица этого народа – Долорес Ибаррури³⁸. [65]

Народ зовет ее «Pasionaria» – «Неистовая». Она дочь бедного крестьянина и жена шахтера. Она уже не молода, но ее лицо выражает всю суровую красоту Испании. У нее горячие глаза. Она всегда одета в черное. Она хорошо говорит: ее слышно на самой большой площади Мадрида. Это – душа толпы, и толпа кричит: «Да здравствует Пасионария!» Она отвечает: «Я рядовой член партии. Да здравствует наша коммунистическая партия!»

Ее знают в пещерах Лорки и в лачугах Альбасина. Она едет из одного города в другой: она зовет женщин на битву. Она – из Астурии, может быть, ее черное платье – это память о сотнях шахтеров, погибших за советскую республику.

Шесть недель тому назад она сидела в мадридской тюрьме. Она писала там обращение к женщинам: «Вперед, за наших братьев, за наших мужей, за наших сыновей, за нашу женскую судьбу, за труд, за счастье, вперед, женщины Испании!».

Ее выбрали в кортесы; она – представитель города-мученика, разграбленного и расстрелянного, улицы которого помечены рабочей кровью и над которым несколько дней бился на осеннем ветру алый флаг, – Овьедо.

В Овьедо жила молоденькая девушка, дочь маляра Лафуэнте. Ей было шестнадцать лет. Она смеялась с утра до вечера, и, глядя на нее, смеялись все. Она шла с корзиной; она несла домой бобы или картошку; она шла и пела. Она никогда не ходила в церковь: она была комсомолкой. Когда солдаты иностранного легиона подступили к Овьедо, дочь маляра, которую народ прозвал «Libertaria» – «Свободой», попросила одного из бойцов:

– Покажи мне, как стреляют из пулемета!..

Падали снаряды, падали люди. Легионеры добивали раненых. На улице больше никого не было. Но маленькая «Свобода» еще стояла у своего пулемета. Легионеры обошли ее кругом. Она их увидела. Она крикнула:

– Труссы! Что же вы меня не убиваете?!

Тогда один из легионеров проткнул ее штыком. Передо мной ее фотография: эта мертвая девушка на карточке весело смеется. Ее детский

смех связан для меня с ее подвигом: она любила жизнь, и за жизнь, за право всем радоваться и смеяться в октябрьский день она умерла среди развалин Овьедо.

Прошло полтора года. Народ празднует победу: палачи [66] бегут в Гибралтар, в Португалию, во Францию. Из тюрем вышли бойцы Астурии: сорок тысяч пленных. На большой площади митинг. Вот молоденькая девушка; она улыбается, как улыбалась «Свобода», – это ее родная сестра: Маруха Лафуэнте. Она тоже комсомолка. Она тоже готова и жить, улыбаясь, и погибнуть как героиня. Она говорит:

– Октябрь Астурии жив. На кровь погибших мы должны ответить вторым Октябрем. Настоящим. Как там, в России...

Я вспоминаю другую женщину. Когда солдаты в Мьервесе разыскивали спрятавшихся повстанцев, они увидели на улице старуху. Она стояла одна, подняв к небу руки. На ней был черный платок. Она кричала:

– Да здравствует революция!

Офицер сказал ей:

– Тебе нужно думать о смерти, а не о революции.

Старуха ответила:

– О смерти нужно думать тебе, собака! А я думаю о моих детях. Ты слышишь меня? Да здравствует революция!

Офицер ее пристрелил. Наверно, теперь он бродит по горным тропинкам, пробираясь в Португалию: там нанимают убийц. В Мьервесе первого марта праздновали память погибших героев. На могилу убитой старухи шахтеры положили несколько красных роз. Она не знала цветов при жизни. Она мыла полы и варила горох. Она умерла за то, чтобы у молодых были цветы. На ее могиле девочка Кончита сказала:

– Мы, женщины Испании, клянемся бороться до конца!

Кончите одиннадцать лет, но она знает, что говорит. В ее детские сны вмешался рев пушек, песни, выстрелы, стоны. Она – дочь шахтера, и она – женщина Испании.

март 1936

В Испании

Каждый день – митинги. Огромные арены, где обычно происходят бои быков. Сотни тысяч людей. Они жадно слушают каждое слово. Напряженный вид, сжатые кулаки. Крестьяне идут десятки километров

через горы [67] по снегу, чтобы услышать оратора. Слова гнева и надежды. Портреты Маркса, Ленина, Сталина. Пароль бойцов Астурии – «Соединяйтесь, братья-пролетарии!». Они требуют права на жизнь. Правительство помещиков, иезуитов и жандармов довело страну до разорения. 800 тысяч безработных, рабочие в землянках и в пещерах, батраки, которые едят желуди, – вот что оставил после себя Хиль Роблес³⁹. Правительство Народного фронта провело амнистию, десятки тысяч рабочих вышли на свободу. В тюрьме они многому научились, тюрьмы Хиля Роблеса оказались рабочими университетами. Правительство обязало фабрикантов и владельцев железных дорог принять на работу рассчитанных рабочих. Хиль Роблес понизил заработную плату, увеличил число рабочих часов. Правительство Народного фронта восстановило все, что рабочие завоевали накануне октябрьского разгрома. Борьба продолжается. Вчера закончилась победой забастовка рабочих-металлургов Барселоны. Сегодня кончили бастовать шоферы Мадрида – они также победили. Безземельные крестьяне на местах проводят аграрную реформу. В Эстремадуре свыше 60 тысяч крестьян уже запахали помещичьи земли. В провинции Толедо крестьяне сейчас занимают поместья дворян. Они не делят земли, они устраивают сельские кооперативы для коллективной работы. Жадно они слушают рассказы о советских колхозах.

Враги Народного фронта не разоружены. «Союз военных», в который входят генералы фашисты, открыто призывает к государственному перевороту. Гражданская гвардия по-прежнему преследует рабочих и крестьян. Позавчера во время военного парада мадридские рабочие освистали гражданскую гвардию. В Сеговии фашисты напали на республиканцев. Рабочие стали кричать: «Да здравствует республика!», тогда гвардия избила рабочих. Министров Каталонии теперь «охраняют» те самые охранники, которые в 1934 году их арестовывали.

Пограничники каждый день хватают спекулянтов, которые перевозят капиталы за границу. Фабриканты грозят локаутом. Рабочие управляют предприятиями, брошенными [68] владельцами. Трамваи Мадрида, многие копи Астурии, стекольный завод в Барселоне превращены в рабочие кооперативы. Банки стремятся понизить курс песеты и этим вызвать недовольство в стране. Консервативные газеты «АВС», «Эль-Дебате», «Информасьонес» клеветают на правительство, на рабочий класс, на республику... Правые генералы подготовляли военный бунт. Партии, входящие в Народный фронт, раскрыли заговор. Тогда фашисты перешли на убийства в розницу. Судья Педрегаль, приговоривший одного из

фашистских убийц к тюремному заключению, застрелен на улице. 14 апреля во время празднования годовщины республики фашисты стреляли в толпу. Ранено 10. Фашисты стремились вызвать сначала панику, а потом свалку, чтобы расколоть Народный фронт. Фашист в офицерской форме кинулся к трибуне правительства с револьвером. Его успели обезоружить. Вокруг трибуны правительства собрались рабочие – это они охраняли Асанью⁴⁰. Вчера фашисты стреляли из монастыря в рабочих Хереса. Толпа сожгла монастырь. Наемные убийцы застрелили трех крестьян-социалистов в деревне возле Толедо. Монархическая газета «АВС» открыто собирает деньги на оплату наемных убийц, она называет их «рабочими, пострадавшими от марксизма». Она говорит о том, что этим «рабочим» предстоят «героические и бескорыстные подвиги». Значит, завтра наемные пистолерос снова застрелят несколько рабочих. Жертвователи открыто именуют себя фашистами, поклонниками Гитлера или врагами Советского Союза.

Рабочие и крестьяне требуют роспуска СЭДА и других фашистских организаций, удаления заговорщиков из армии и-гражданской гвардии, вооружения трудящихся.

Вчера в кортесах организаторы фашистского террора осмелились выступить против рабочих организаций. Черносотенец Кальво Сотело⁴¹ обвинял марксистов в убийствах, а премьера Асанью – в попустительстве. Он вопил о [69] развалинах монастыря святого Франциска в Хересе, не упомянув, конечно, о том, что в стенах этой никак не тихой обители прятались убийцы. Хиль Роблес говорил осторожнее. Он скромно протягивал свою руку Асанье: «Мы согласны поддержать вас, если вы порвете с рабочими партиями». Но Асанья отказался пожать руку, запачканную кровью астурийских горняков. Хиль Роблес тревожно повторял: «Нет, я не убийца». Тогда с трибуны журналистов раздались крики: «А Сирваль?» Во время астурийских карательных экспедиций легионер Иванов застрелил сотрудника буржуазной газеты Сирваля за то, что тот протестовал против зверств фашистов. Легионер Иванов был обласкан Хилем Роблесом.

Народный фронт крепок. Рабочие поддерживают правительство Асаньи. Республиканцы на своей шкуре узнали, что такое тюрьма фашизма. Пока Хиль Роблес говорит в кортесах о законности, его молодчики стреляют из-за угла. Наступают решительные дни...

Мадрид, 18 апреля 1936

Враги

Испанская буржуазия ленива, жадна и безграмотна. Она напоминает наших Митрофанушек. Она покупает английские товары, лопочет по-французски и презирает свой народ. В Испании есть все: тучные нивы, богатейшие пастбища, маслиновые рощи, апельсиновые сады, виноградники Хереса и Малаги, необычайные огороды, рисовые поля Валенсии, рыбные промыслы, пробковое дерево, уголь, руда, медь, цинк, свинец, ртуть, искусные ремесленники, опытные садоводы, превосходные рабочие. Эта богатейшая страна доведена до нищеты: люди живут в пещерах, ходят полуголые, едят желуди. В Испании 800 000 безработных, они не получают никакого пособия. Только солидарность рабочего класса спасает их от голодной смерти: бедняк отдает полхлеба товарищу.

Государство все сдает на откуп: железные дороги, телефоны, табачную монополию. Короли сначала, Леррусы потом превратили Испанию в колонию. Французские «бароны рельс», господа Ротшильды и К^о наложили свою лапу и на железные дороги Испании. Редкие поезда, [70] грязные полуразрушенные вагоны, неимоверно высокие тарифы. Дешевле отправить апельсины из Валенсии в Англию и из Англии в Сантандер, нежели переправить их прямо из Валенсии в Сантандер. Железные дороги приносят каждый год миллионы убытка. Дефицит покрывается, разумеется, государством. Французы взяли себе железо Бискайи, уголь Астурии. Легко понять, почему правые газеты Франции с такой ненавистью говорят о «злодеяниях» Народного фронта.

Англичанам принадлежат медь и свинец. Американцы захватили телефоны. Так испанские «патриоты» разбазарили свою страну.

Основное богатство Испании – маслины. Промышляют этим итальянцы, масло идет в Италию, а оттуда экспортируется в другие страны. Теперь цены на масло пали, вывоз сократился. За абиссинские подвиги черных рубашек отчитываются крестьяне Андалусии⁴².

«Банко де'Эспанья» – государственный банк и вместе с тем частное кредитное заведение. Это государство в государстве. Банк грозит правительству падением песеты. Во время одной из демонстраций рабочие Мадрида несли плакат: «Банко де'Эспанья» – общественный враг № 1». «Банко де'Ипотекарио» отчаянно сопротивляется аграрной реформе. Его представители беседуют с Асаньей, как послы великой державы: «Мы не допустим»... Страной правят банкиры. Они не останавливаются даже перед живописными проделками: так, например, крупный банкир Марч⁴³

выпустил на Балеарских островах свои собственные ассигнации.

В правых газетах можно найти объявления: «Продается чудесная вилла в Биаррице», «Продается прекрасный особняк в Лозанне». Испанская буржуазия, несмотря на все свое легкомыслие, начинает подумывать о будущем. Наиболее рассудительные заблаговременно перевели основные капиталы за границу. Каждый день пограничники арестовывают контрабандистов, которые перевозят через границу «последние крохи» – сотни тысяч песет.

Г-н Риверальта – один из крупнейших промышленников Испании. Ему принадлежат заводы «Уралит» и две [71] большие газеты умеренно-либерального толка: «Эль-Соль» и «Ла-Вос». Г-н Риверальта напоминает русских промышленников последнего призыва – Рябушинских или Морозовых, меценатов и вольнодумцев, издателей «Золотого руна» и коллекционеров французской живописи. В молодости он писал стихи. Он построил себе дворец. Лежа в постели, он нажимает кнопку, и тотчас же тропический сад освещается сотнями фонарей. Г-н Риверальта сказал мне, что с рабочими он «ладит»:

– Однажды у меня была забастовка. Рабочие были вполне правы. Я не сразу уступил, чтобы у них было ощущение победы.

Г-н Риверальта жаловался мне, что его сотоварищи по классу поддерживают фашистов:

– Еще раз правительство Хуля Роблеса, и тогда неминуема коммунистическая революция. Конечно, и теперь не исключена возможность диктатуры рабочих: пример России слишком соблазнителен. Но все же это лучше другого. Пора понять, что Асанья – последняя ставка испанской буржуазии.

Другие капиталисты обходятся без кнопок и без стихов, они ставят не на Асанью, но на фашизм. В вагоне первого класса, в дорогих ресторанах, в клубах можно услышать разговоры, знакомые нам по лету 1917 года.

– Рабочим вовсе не так плохо живется. Их науськивают вожди. Народ окончательно распустился.

– Они говорят, что они – безработные. На самом деле это попросту лентяи.

– Ужасно! Забастовала прислуга! Теперь одна надежда – другие державы не позволят Испании дойти до коммунизма...

«Интервенция» – наиболее храбрые (или наиболее трусливые) уже

выволакивают это слово. Монархическая газета «АВС» пишет:

«Канцлер Гитлер во всеуслышание объявил новую правду: среди европейских стран больше нет вассалов. Испания перестала быть страной свободы и чести, каковой является Италия, она стала страной рабства. Европа не сможет равнодушно взирать на торжество большевизма, которое подготавливает революция, начавшаяся в 1931 году. Европа вмешается, как она однажды вмешалась в дела России и как она скоро снова вмешается в русские дела. Европа никогда не согласится жить между большевистскими клещами». [72]

Несмотря на цензуру, это сказано достаточно ясно. Кого поджидают испанские буржуа? Г-на Гитлера? Чернорубашечников из страны «свободы и чести»? Или рваных жандармов португальского диктаторенка г-на Салазара?

Наиболее здравые понимают, что Европе сейчас не до испанских замков. Они предпочитают револьвер в руке Гитлеру в Берлине. Правительство Хилья Роблеса выдало 250000 разрешений на ношение оружия. Вооружены все толки: монархисты и карлисты⁴⁴, сторонники фаланги⁴⁵ и последователи СЭДА. В кортесах вождь фашистов Кальво Сотело проклинает марксизм и призывает испанцев установить корпоративное государство. Газета «АВС» собирает пожертвования в пользу «рабочих, пострадавших от марксизма»: так называются штрейкбрехеры из фашистских профсоюзов и босяки из Китайского квартала Барселоны. Газета скромно указывает, что этим «беззаветным героям» еще предстоят «истинные подвиги». Список жертвователей достаточно красноречив:

«Поклонник Гитлера 1 п. – За бога и Испанию 10 п. – Проснись, Испания! 5 п. – Национал-синдикалист 10 п. – Сторонник фаланги 5 п. – Хильроблист 10 п. – Монархист 2 п.» и т. д.

Всего они набрали триста тысяч. Это, конечно, на мелкие револьверные выстрелы. На бомбы, на разгром квартир левых вождей, на крупные предприятия, как; например, на стрельбу по правительству в день годовщины республики, деньги собираются более прозаично – без лозунгов и без квитанций. У банкиров еще остались песеты, которые они не успели переправить за границу.

Доминиканец отец Гафо особым посланием закликает верующих жертвовать «на героев, которые не позволят нашей стране стать вторым, дополненным изданием России».

Ублагодотворенные как молитвами, так и песетами, фашисты работают. На

всех заборах Наварры, этой испанской Вандеи, можно прочесть надпись, скорее, лестную для премьер-министра: «Да здравствует бог! Смерть [73] Асанье!» В Кордове фашисты убивают молодого социалиста Лафуэнте Гарсия. В Мадриде сторонники фаланги убивают престарелого судью Педрегала. В Эскалопе они нападают на крестьян: четверо убиты. Молодой фашист подбрасывает адскую машину в квартиру адвоката Ортеги-и-Гассета. В церкви Сан Хинес – огромный склад оружия. Фашисты устраивают «Христианский орден» – члены этой организации решают убить секретаря кортесов. В Номарозе 45 кулаков, получив телеграмму из Мадрида, берутся за винтовки и кричат: «Началось!»... В Мадриде убийцы взбираются на леса и оттуда стреляют в толпу. Каждый день несколько выстрелов, несколько трупов.

Полиция как будто играет с фашистами в кошки-мышки. 28 марта полиция закрыла дом фашистской молодежи в Памплоне. 10 апреля полиция разрешила открыть дом. 21 апреля она снова закрыла дом. Чем занимались в этом доме молодые фашисты между 10 и 21 апреля? 30 марта полиция арестовала в Овьедо 52 фашиста. Их освободили 9 апреля. Их снова арестовали 20-го. Вероятно, они не лодырничали одиннадцать дней, проведенных на свободе.

Гражданская гвардия 16 апреля взбунтовалась против правительства. Кортесы в этот день охранялись так называемой штурмовой гвардией.

В Астурии рабочие вооружены. Они еще дышат порохом октябрьских боев. В Астурии и фашисты, и гвардия чувствуют силу рабочих. Правительство Хилия Роблеса после октября послало гражданских гвардейцев Барселоны в Астурию, в край ожесточения и нищеты. Это было наказанием за недостаток рвения. Теперь гвардейцев вернули назад в Каталонию. Перед отъездом они пришли в местное отделение «Международной рабочей помощи» и сказали: «Дайте нам свидетельство, что мы здесь не обижали рабочих. Без этого мы боимся показаться домой»... Не об орденах они мечтают теперь, но о печати рабочей организации!

Помимо наемных убийц, пулеметов гвардии и загадочной «интервенции Европы», фашисты рассчитывают на смятение, которое вносят в ряды рабочих руководители анархо-синдикалистской «Конфедерации труда». Трудно поверить, не зная Испании, что афоризмы Бакунина могут еще звучать где-то как лозунги сегодняшнего дня.

Испания – страна, которая взобралась по лестнице [74] прогресса,

пропустив немало ступенек. Она никогда не знала керосиновой лампы: от светильника она сразу перешла к электричеству. Новый век в ней часто соседствует со средневековьем. Интеллигенция напоминает чеховских героев. В газетах печатаются исследования о творчестве Леонида Андреева – это «новатор». Известный испанский романист Пио Бароха сказал мне, что, во-первых, в Испании должен восторжествовать «регионализм» (например, в одной провинции коммунизм, в другой – фашизм), во-вторых, что в русской революции его наиболее интересуют Азеф и Распутин. Анархисты, которые руководят «Конфедерацией труда», принадлежат к таким же анахронизмам. Заседание стачечного комитета в Барселоне смахивает на сходку русских нигилистов семидесятых годов: лохматые головы, дымчатые очки для конспирации, споры о мировых проблемах и нарочитый беспорядок.

Я говорил с редактором органа анархо-синдикалистов «Солидарidad obrera». Зовут его Кайехас. Он сказал:

– Вожди коммунистов и социалистов...

– А ваши?

– У нас нет вождей, у нас руководители. Германия Гитлера и СССР – страны диктатуры.

– Вы не видите разницы?

– Нет.

– Если бы я был гитлеровским писателем, вы со мной разговаривали бы?

– Конечно, нет.

– Значит, есть разница?

Подумав, Кайехас отвечает:

– Разница в том, что в Германии диктатура буржуазии, а в России – народа.

Вслед за этим Кайехас излагает методы организации общества: тюрем у них не будет. Враги? Уговорить. Если нельзя уговорить, расстрелять. Вместо армии – партизаны. Кто будет командовать? Сержанты. Все это без улыбки, вполне всерьез.

Вожди анархистов собираются в кафе, которое по иронии судьбы называется «Спокойствие». Там они обсуждают, как установить всеберийскую анархию. Молодежь за ними не идет. Время внесло наконец-то необходимый корректив, и седина начинает быть

отличительным признаком сторонников Бакунина. [75]

Руководители «Конфедерации» лично честные люди. Но среди анархистов немало полицейских и провокаторов. С этими господами теперь свели дружбу фашисты. Они тоже «против капитала», они за корпоративную систему. Еще немного, и они начнут цитировать Бакунина. Рассуждая, они, конечно, работают. Недавно полиция арестовала мелкого анархиста Марсело Дуррути Доминго, который вместе с членом фаланги Мольдесом замышлял «мокрое» дело.

Классовое чутье спасает рабочих от этой провокации. В Саме было немало анархо-синдикалистов. В октябре 1934 года вместе с рабочими-коммунистами и социалистами они провозгласили диктатуру пролетариата.

Борьба в Испании только-только начинается. Я не забуду одного батрака из деревни Кесмонд, который сказал мне: «Почему нам не дают ружей?» В 1931 году трудящиеся Испании узнали, что такое республика. В 1934 году они узнали, что такое винтовки, пушки, динамит и самолеты.

май 1936

Те же и революция

В 1931 году, побывав в Испании, я писал:

«В Испании сколько угодно «передовых умов». Они не знают одного: своей страны. Они не знают, что у них под боком дикая и темная пустыня, деревни, где крестьяне воруют желуди, целые уезды, населенные дегенератами, тиф, малярия, расстрелы, тюрьмы, похожие на древние застенки, вся легендарная трагедия терпеливого и вдвойне грозного в своем терпении народа. Переименованы тысячи улиц, переименовано и государство. Феодално-буржуазная монархия, вотчина бездарных бюрократов и роскошных помещиков, маркизов и герцогов, взяточников и вешателей, английских наемников и либеральных говорунов торжественно переименована в «республику трудящихся»... журналисты, устраивая в кофейнях безобидные заговоры, заручались хорошими связями. Умирали рабочие и крестьяне. Их расстреливали при короле, их расстреливают гвардейцы и при республике. «Гуардиа сивиль» – 40000 человек в треуголках – время от времени [76] постреливает, готовясь к великолепию хорошего повсеместного расстрела...

Испания долго была в стороне. Она тешила мечтателей и чудаков гордостью, темнотой, одиночеством. Так, в Америке устроили заповедники с девственными лесами и диким зверьем. Однако в Испании – не деревья и

не звери, но люди. Эти люди хотят жить; Испания вступает в мир труда, борьбы и ненависти».

Когда в Испании вышел перевод моей книги, республиканские газеты возмутились. Одна из них даже настаивала на дипломатическом вмешательстве, дабы «воспрепятствовать распространению за границей клеветнической книги». Представитель этой газеты теперь был у меня. Вздохнув, он сказал: «К сожалению, вы оказались правы»...

Ничего, кажется, не изменилось. На Алькала табуном ходят кабальеро. Каждый из них вам гордо ответит, что он испанец, а следовательно, индивидуалист. Бездельники по-прежнему с утра до ночи сидят в кафе. Они спорят о политике, и они сладострастно жмурятся, когда чистильщик сапог трет замшей их непогрешимо блистательные туфли. В витринах клубов красуются почтенные буржуа. Как невыметенный сор, на церковных плитах валяются старухи с замшелыми ушами. Нарядные дамочки целуют руку тучного епископа. Кюре в кабачках дуют вино и хлопают по заду испытанных служанок. На страстной неделе по улицам Севильи прогуливали с дюжину богородиц в ценных мантиях⁴⁶. Курьерский поезд привез из Мадрида богомольных кабальеро, которые спешно в гостинице надели на себя одеяния «кающихся назаретян». На первой странице газеты «Эль-Либерал» можно прочесть статью о «высокой морали трудящихся». На последней странице той же газеты сотня объявлений: «Кабальеро, не забудьте посетить салон мадам Риты – прекрасные испанские барышни, брюнетки и блондинки, а также иностранки!».

Те же небоскребы банков, те же лачуги, та же нищета. Крестьянин плетется за доисторическим плугом. Девушки тащат тяжелые кувшины на голове. Мул вырабатывает в день вдвое больше, нежели человек. Рабочий ест пустую похлебку. Батрак об этой похлебке мечтает. На [77] улице детвора – оборванная, босая, заброшенная. Попасть в школу все равно, что выиграть в лотерее: много детей, мало школ. Жизнь людей сурова и жестока, как камни Кастильского плоскогорья.

Те же треуголки гражданской гвардии. Они маячат среди трущоб, среди маслин, среди детей, как кошмары Гойи. Это связано с Касас Вьехасом, с короткими выстрелами в полях Эстремадуры, с мертвецкой и с заплаканными женщинами, вокруг которых грудятся голодные ребята. В Сеговии фашисты кричали: «Долой Асанью! Испания, пробудись!» Рабочие попытались разогнать фашистов. Тогда гражданская гвардия начала стрелять в рабочих. Какое дело этим убийцам в треуголках, что Асанья теперь премьер-министр? Они знают одно: нельзя стрелять в приличных

кабальеро. 14 апреля офицер покушался на Асанью. При перестрелке его убили. На похороны преступника явились офицеры гвардии. Они прошли по центральным улицам Мадрида с криками: «Да здравствует гражданская гвардия!».

Сменили президента республики. Президента охраняет генерал Батэ. Этот вояка усмирлял Каталонию в октябре 1934 года. Его не сменили. В полицейских участках хранятся списки «смутьянов». На карточках выписаны имена людей, при короле, при Леррусе или при Хиле Роблесе выступавших против законной власти. Для полицейских и сегодняшние министры – «смутьяны», их имена значатся на замусоленных карточках, и еще недавно полицейские загоняли их в каталажку. В Барселоне – забастовка металлистов. Полиция устраивает налет на помещение профсоюза. 80 рабочих арестованы. Каталонское правительство смущено, оно просит полицию освободить задержанных. Вздохнув, полицейские выпускают на свободу 80 «смутьянов». Забастовка продолжается. Тогда полиция снова занимает помещение профсоюза и арестовывает 120 человек. Это не политика, это условный рефлекс, верность давним навыкам.

Один из сановников Барселоны в свое время был членом «Унион патристика» – профашистской организации, созданной диктатором Примо де Риверой. Эта организация подписывала воззвания инициалами «UP»⁴⁷. [78]

Теперь на стенах Барселоны три буквы «УНР»⁴⁸ – пароль астурийских повстанцев. Барселонский сановник остался сановником. Сатирический журнал изобразил его: он удивленно смотрит на стену с «УНР» и говорит: «Странно! В мое время это писалось без «Н». Журнал конфисковали. Сановника не тронули.

В Мадриде судят фашистов, напавших на квартиру социалиста Ларго Кабальеро. Фашисты приговорены к 50 песетам штрафа. Тот же суд разбирает дело молодого социалиста Сотеро Фейто. Он ни на кого не напал, но при обыске у него нашли револьвер. Его приговаривают к 4 годам тюрьмы.

Те же законы, те же судьи, те же тюремщики. Но Испанию теперь не узнать. Что же изменилось? Скажем, как в ремарке театральной пьесы:

– Те же и Революция.

Огромные арены для боя быков. Тореадоры сейчас не в моде. Антрепренеры соблазняют посетителей: «Каждый получит бесплатно лотерейный билет – разыгрывается автомобиль!» Арены сдаются под

митинги. Сотни тысяч людей собираются, чтобы услышать Пасионарию, Ларго Кабальеро или Диаса⁴⁹. Ораторы говорят подолгу, их слушают сосредоточенно, напряженно, боясь шелохнуться. Митинги в театрах, в кино, выставочных павильонах, в парках, в манежах, в деревенских сараях. Портреты Маркса, Ленина, Сталина, Тельмана. Комсомольцы⁵⁰ в синих рубашках с красными галстуками, молодые социалисты в красных рубашках: это «милиция». Вот поднимаются вверх кулаки, глаза блестят, старик, утирая слезы, кричит: «Да здравствует Астурия!» Женщины поднимают вверх детей, которых не на кого дома оставить. Трехлетний мальчуган сжимает кулачок за себя и за мать. Необычайный порядок: здесь учатся дисциплине. Испанцы отважны и выносливы. Они теперь знают, чего им не хватало, и это слово «дисциплина» они выговаривают настойчиво, восторженно, нежно, как имя любимой.

Крестьяне едут верхом на ослах, завернутые в одеяла. [79]

Они едут по снежным горам Кастилии. Они едут по раскаленным степям Мурсии. На базар? На бой быков? На мессу? Нет, на митинг.

Поэт Рафаэль Альберта⁵¹ читает на митингах свои стихи. Даже самые «благонамеренные» критики вынуждены признать, что Альберти – прекрасный поэт.. Теперь он нашел людей, которым поэзия нужна как хлеб. Глядя на него, я вспоминаю Маяковского – «Наш марш» в цирке, перед рабочими и красноармейцами. Кто после этого скажет, что поэзия и революция – враги?

Каждый день вспыхивают забастовки то в Бильбао, то в Сарагосе, то в Малаге, то в Сантандере: рабочие не хотят больше жить впроголодь. Я был в Барселоне во время стачки металлистов. Бастовали 45000 рабочих. Они победили: рабочая неделя вместо 48 часов – 42 часа, заработная плата повышена. Во время забастовки не пришлось даже выставлять пикетов: «желтых» не оказалось.

Правительство обязало владельцев предприятий принять на работу всех рабочих, уволенных в годы реакции. Рассчитаны «желтые», занявшие места товарищей. В борьбе между солидарностью и шкурным страхом победила солидарность. Теперь даже трусы не смеют отстать от товарищей. Сотни забастовок кончились победой рабочих. Ни одна забастовка не кончилась победой хозяев.

Бастуют грузчики и конторщики, столяры и шоферы, типографы и батраки. В Мадриде забастовали ученики народной школы – дети рабочих. Они потребовали увольнения учителей-фашистов, завтраков и печей: в

школе зимой – мороз.

16 апреля фашисты стреляли в толпу. Гражданская гвардия выступила против правительства. До четырех утра Народный дом был полон представителями заводов. Они настаивали на всеобщей забастовке. Профсоюзы не успели даже выпустить воззвания: забастовка началась молча. Первые трамваи тотчас же вернулись в парк. Закрылись все лавчонки, все кафе. Исчезли автомобили. Изредка проносилась машина с надписью «Доктор». На центральных улицах Мадрида подростки играли в футбол. Я жил в большой гостинице. Ушли официанты, лифтеры, судомойки. Родственники хозяина превратились [80] в грумов⁵², хозяин – в швейцара. Одна вечерняя газета ухитрилась напечатать две полосы, но в Мадриде не нашлось ни одного мальчонки, который согласился бы продавать газеты. Шумный южный город стал заколдованным царством из «Спящей красавицы».

Хозяева грозят локаутом. В Астурии владельцы шахт Карранди объявили, что ввиду избытка угля шахты закрываются. Рабочие постановили продолжать работу на свой страх и риск. В Барселоне рабочие управляют стекольным заводом, брошенным владельцем. Рабочие прядильни Матис, узнав, что дирекция предполагает вскоре закрыть фабрику, решили выделить организаторов, которые изучат, как вести предприятие. Дирекция мадридских трамваев «Сиудад линеаль», несмотря на декрет правительства, отказалась принять рабочих, уволенных в октябре 1934 года. Тогда рабочие взяли предприятие в свои руки. Они нашли изношенный материал, пустую кассу, запущенное счетоводство, огромную задолженность. В течение двух недель они добились повышения доходности. Вагоны «Сиудад линеаль» теперь помечены магическими буквами «УНР». Правительство не вступает за бывших владельцев, оно и не легализирует создавшегося положения: это – «временное». Что же, не будем спорить о прилагательных: многое из того, что называется «временным», длится достаточно долго, многое из того, что подается как незыблемое, живет несколько лет, а то и несколько дней.

Правительство, как известно, prepares аграрную реформу: толстые тома проектов. Миллионы безземельных крестьян умирают, как прежде, от голода. «Институт аграрной реформы» посылает на места агрономов. Это кабальеро приятной наружности. Они что-то изучают, составляют докладные записки и мирно проедают суточные. Крестьяне продолжают голодать.

25 марта в Эстремадуре 60000 крестьян, согласно инструкции

«Федерации сельских тружеников», заняли 3000 поместий. Эстремадура – край огромных латифундий. В поселке Оливенса живут 11000 безземельных крестьян. У герцога Орначуэлоса 56 000 га незапаханной земли: герцог любит охоту. Об аграрной реформе специалисты спорят в кортесах вот уже пять лет. Крестьяне Эстремадуры провели эту реформу в один день... [81]

Крестьяне разоружают стражников, занимают поместья, составляют инвентарь. Акт о переходе земли во владение колхоза они посылают министру земледелия.

Борьбу с иезуитами, которые в течение долгих веков правили Испанией, ведет теперь сам народ. В Хересе монахи стреляли из монастыря в толпу. Толпа тотчас же сожгла монастырь. Монастыри в Гандии, в Хативе, в Альберике заняты рабочими и отданы под школы. Комсомольцы города Вито превратили монастырь в Народный дом.

У испанского пролетариата достойные его вожди. Генеральный секретарь компартии Хосе Диас – булочник из Севильи. В нем веселье настоящего андалусца. Тюрьмы для него были университетами. Рабочие ласково зовут его «наш Пепе». Ларго. Кабальеро – социалист. Октябрь для него был вторым рождением. Ему 66 лет, но он молод сердцем. Коммунистку Долорес Ибаррури народ не случайно прозвал «Пасионария» – «Неистовая». Когда ей было 14 лет, она пошла в услужение; потом она стала швейкой. Она прекрасно говорит: в каждом слове огромное достоинство. Враги ее боятся, и, когда в кортесах она крикнула Хилью Роблесу «убийца», Хиль Роблес побледнел и замолк.

«Наши дети должны быть счастливы», – кричали работницы Мадрида, протягивая своих ребят Пасионарии, и Пасионария, которая знает нищету и тюрьмы, у которой гвардейцы убили мать, радостно улыбаясь, отвечала:

– Да, они будут счастливы!

май 1936

Июль 1936 – февраль 1939

Семь дней боев

Семь дней испанский народ сражается на десятках фронтов против фашистов... Помещичьи сынки, юнкера и кадеты, африканские рабовладельцы, сброд иностранного легиона, банкир Марч и иезуит Хиль Роблес подняли мятеж. Безграмотное и развращенное офицерство Испании отстаивает свое право на лень и на разбой. Только отряды штурмовой и

гражданской гвардии выполняли приказы Мадрида. Морские офицеры примкнули к мятежу. Мятежники получили из-за границы 500 миллионов песет. Из Германии, из Италии им слали и шлют самолеты, пушки, снаряды. Десятки городов были захвачены офицерами гарнизонов. Казалось, нет надежды и революция будет задушена врагами. Но тогда поднялся народ – рабочие, крестьяне, ремесленники, солдаты.

В Мадриде стоят длинные очереди возле столов, где записывают добровольцев для отправки на фронт. 24 июля 20 тысяч добровольцев – коммунисты, социалисты, республиканцы – двинулись в пустынные горы Гвадаррамы, где идут ожесточенные бои с бандами генерала Мола⁵³. Вчера утром восемь тысяч рабочих Барселоны выступили в поход, чтобы взять приступом крепость и собор Сарагосы, где засели офицеры. Сорок тысяч шахтеров Астурии окружили Овьедо, захваченный мятежниками. На юге отряды генерала Льяно⁵⁴ занимают не города, а кварталы городов, иногда отдельные здания. В Толедо кадеты защищали расположенный на возвышенности [86] Алькасар. Его взяли с боя⁵⁵. В Севилье в руках фашистов полгорода. Рабочий квартал Триана, расположенный по другую сторону реки, все время доблестно отбивает атаки фашистов. Кордова и Кадис взяты рабочей милицией. Бадахос, который на несколько часов был захвачен офицерами, отбит батраками Эстремадуры. Военные суда, посадив офицеров в трюм, отрезали Марокко от материка. Вчера три крейсера зашли за горючим в Малагу, и Малага – город рыбаков, грузчиков и виноделов, город, пославший в кортесы одних коммунистов, торжественно встретил моряков. Валенсия сегодня прислала на подмогу мадридской милиции четыре тысячи новых бойцов. На юг от Мадрида нет фронта, только отдельные очаги мятежа, окруженные ненавистью населения, бастующими рабочими, отрядами милиции, вилами и топорами крестьян.

На севере кулаки Наварры и Старой Кастилии примкнули к офицерам. Кулаков ведут в бой попы с хоругвями и пулеметами. Три колонны мятежников пробуют прорваться к Мадриду.

24-го в городе иногда была слышна канонада. К вечеру рабочие заняли высоты Альдо-де-Леон и отогнали фашистов на 80 километров от столицы. Другой отряд рабочих подходит к Бургосу, где генерал Мола заказывает молебны и расстреливает рабочих.

В городах, захваченных фашистскими бандами, в Бургосе, Сеговии, Овьедо расстреляны сотни приверженцев Народного фронта, рабочие, интеллигенты и солдаты. Бандиты идут с криками: «Да здравствует король, спасай Испанию!»

Я говорил сегодня по телефону с Мадридом. В городе полный порядок. Все аристократические клубы города – центры заговора и разврата – превращены в школы, ясли, рабочие дома. Город охраняют пожилые рабочие и женщины, вооруженные винтовками и пулеметами. Молодые ушли сражаться. Народный фронт крепок. Республиканцы бьются рядом с коммунистами. Долорес, старый Ларго Кабальеро, Диас – каждый несколько часов проводит на линии фронта, вдохновляя бойцов.

В доме, где находилось управление СЭДА, теперь помещается ЦК коммунистической партии. В парадном [87] зале почетный караул возле гроба Хуана Фернандеса – одного из вождей рабочей молодежи, который погиб в бою при Самосьерре.

В Барселоне спокойно.

Крестьяне Каталонии поднялись все против фашистов. В Пиренеях горцы берут ружья с крупной дробью, с которыми они обычно охотятся на кабанов, и идут через перевалы навстречу офицерам.

Крестьяне Каталонии отправляют в Барселону мясо, овощи, молоко – подарок бойцам, раздавившим фашизм. На университетской площади могила бойцов, погибших 19 и 20 июля, покрыта горою цветов.

Профсоюз поваров постановил организовать походные кухни для обслуживания рабочей милиции. Во время боев в Барселоне погибли около 300 рабочих. Сегодня записались добровольцами 4 000 каталонских крестьян.

Сейчас из Мадрида сообщают, что Альбасете взят рабочей милицией. Дорога Валенсия – Мадрид теперь очищена от фашистских банд. Бои продолжаются. Трудящиеся Испании знают, за что они идут умирать в эти знойные жестокие дни.

25 июля 1936

Испания не будет фашистской

Я прохожу мимо парижской биржи. Рев. Маклеры в засаленных котелках вытирают мокрые лбы. «Рио Тин-то, Бильбао?»⁵⁶

Это не тигры, это только мелкие шакалы с высунутыми языками, с клочьями слипшейся шерсти. Сейчас какой-то хитрец пустил слух о взятии Мадрида бандами фашистов, и аппарат лихорадочно выстукивает: «Испанские ценности в спросе».

Я разворачиваю газету. Продажные писаки всех стран рыщут возле границ. Они пугливо шарахаются при виде рабочего с винтовкой. Заглянув

на денек в Наварру, они пишут восторженные корреспонденции о разгуле фашистов. Они смакуют расстрелы рабочих. Сравним, с каким усердием они рассказывают, как аристократки-карлистки [88] вышивают на знаменах инициалы 80-летнего претендента и как подростки из фашистской «испанской фаланги» приставляют к стенке ослушных железнодорожников.

Вокзал Орсей57. Поезд до испанской границы. Вагоны третьего класса полны испанцами: рабочими, студентами, художниками. Многие из них прожили во Франции 10-20 лет. Они едут сражаться за дело народа. Поезд отходит. Высунувшись из окон, они поднимают кулаки, и черный подземный вокзал наполняется гортанными криками «?УНР!»

В Париже жил молодой испанский художник. Он сделал декорации для одного из лучших театров. Он познакомился со славой. Он болен – у него туберкулез. 22 июля ему должны были сделать пневмоторакс. 21 июля он перешел границу и взял в руки винтовку.

Я слушал вчера ночью радиостанцию Севильи. Она в руках мятежников. Генерал Льяно сказал следующее (я записал его слова): «Мадридские марксисты утверждают, будто мои дела плохи. Вздор. Я чувствую себя превосходно. На моем столе сейчас несколько бутылок ликера, присланного друзьями. Я их распиваю вместе с моими боевыми коллегами».

Гарнизонные шутники, рубаки, держиморды, генералы, которых били безоружные арабы и которые сами били только денщиков, – это цвет фашистской армии. Контрабандист Марч дает деньги. Иезуиты кропят пушки святой водой. Попы призывают к священной войне. Горцы Наварры, которые спускаются в город только раз в год – на бой быков, клянутся уничтожить нечестивых марксистов. Дряхлые фрейлины Бурбонов срывают с себя бриллиантовые серьги и кидают их в красные береты карлистов... Дети помещиков, бездельники и сутенеры, в мирное время занятые охотой на старых американок, командуют расстрелами.

Генерал Мола отдал приказ: «Уничтожайте скот крестьян, сочувствующих марксистам, вырубайте плодовые деревья. Для деморализации противника подвергайте обстрелу перевязочные пункты». В Испании оказалась своя «белая мечта». И у той белой мечты оказались достойные рыцари. Они убивают ослов – это единственное достояние полунищего крестьянина. Нужно ждать полвека, пока маслина начинает приносить плоды. Они [89] рубят маслины. Они стреляют на пари, кто попадет в сестер милосердия. Ворвавшись возле Витории в госпиталь, они выволокли раненых, закололи их под звуки военного марша.

Фашистами, засевшими в казармах Лойола под Сан-Себастьяном, командовал капитан Фернандес. Это человек с выправкой матерого гвардейца и с унылыми глазами инквизитора. Он собственноручно расстрелял в 1931 году республиканского офицера Галана⁵⁸. После астурийского восстания он сидел в полевых судах и приговаривал десятки людей к расстрелу. Когда рабочие подошли вплотную, капитан Фернандес стал из револьвера стрелять в своих товарищей. Он уложил шесть человек, седьмой прикончил его, как бешеную собаку. Вот они – герои «возрожденной» Испании, перед которыми становятся на колени аристократки Бургоса и Памплоны!

Веселый, беспечный Мадрид проснулся, улицы оцетинились. Синие рабочие блузы, ружья наперевес. В фешенебельных гостиницах – военные лазареты, в роскошных клубах – столовые, здесь едят семьи бойцов. На древних церквах, на особняках аристократии вывески: «Собственность народа».

Все идут сражаться. В Мадриде жил выдающийся инженер-конструктор самолетов Хиль. Друзья ему сказали: «Ты здесь полезнее». Он ответил: «Да». До Мадрида доходила канонада. Хиль взял винтовку и с отрядом бойцов ушел на фронт. Его убили возле перевала Альтоде-Леон. Одна из самых замечательных женщин, которых я встречал в жизни, – Долорес Ибаррури, член ЦК коммунистической партии. На окраинах Мадрида девушки учатся стрелять. По Гран Виа проходят отряд Революции, отряд Красной Астурии, отряд имени Андре Мальро⁵⁹. Вся революционная молодежь страны – на фронте. Старики кричат: «Мы тоже можем стрелять!» Правительство приказало отправить детей, которым меньше шестнадцати лет, домой, и пионеры в ярости кричат: «Нам уже исполнилось шестнадцать!» Испанский дом в Парижском университетском городке заколочен.

Старик сторож говорит: «Они все ушли драться». Он добавляет: «Я тоже поеду».

В самом большом театре Мадрида идет «Овечий источник» Лопе де Веги. Когда крестьяне на сцене поднимают восстание, зрители встают и поют «Интернационал». Возле кино очередь. Республиканские солдаты, они приехали из Валенсии и завтра выступят на фронт. На экране умирает Чапаев, и люди в зале кричат «?УНР!»

Фашисты говорят, что им дорого прошлое. В Испании каждый камень свидетельствует о борьбе, о подвигах или о позоре поколений. Что же

делают фашисты? Они ставят пулеметы на колокольни готических соборов. Они устраивают арсеналы в мавританских дворцах. Они стреляют в толпу из узких окон старых книгохранилищ.

Рабочие – наследники великой культуры. Они умеют уничтожать, они умеют и хранить. В Барселоне комитет коммунистической партии получил в свое распоряжение особняк маркиза де Конильяса: там находилась коллекция цветных деревянных статуй. Комитет тотчас же принял меры для охраны коллекции. В Мадриде коммунистическая партия получила особняк герцога Альбы. На фасаде среди статуй барокко – портреты Маркса, Ленина, Сталина. Герцог Альба обладал собранием картин. Старый слуга говорит, что новые хозяева бережнее относятся к картинам, нежели беглый герцог.

Борьба теперь идет между трудовой Испанией и фашистами всего мира. В Тетуан прилетели мощные самолеты Юнкерса и Капрони. В Бордо задержаны «фоккеры» с военными пилотами. Они летели в Бургос на помощь мятежникам. В Лиссабон прикатил Хиль Роблес. Сначала он пошел в церковь. Помолившись, он направился к диктатору Португалии г-ну Салазару. Вооруженные банды идут из Португалии в Саламанку. Генерал Мола сказал: «Наша Испания заключит тесный союз со всеми государствами, управляемыми родственными нам элементами». Это интервенция, едва скрываемая, – наспех перекрашенные самолеты и военспецы с подложными паспортами. У шахтеров Астурии старые винтовки, у крестьян Толедо – охотничьи ружья, у рыбаков Малаги – ножи и топоры. Против них двинуты германские и итальянские самолеты. Здесь незачем говорить о героизме того или иного человека. Снова люди идут на верную смерть и все же побеждают. Они побеждают потому, что с ними будущее. [91]

Страшной ценой будет куплена эта победа. Мы не знаем не только имен, но и цифр. Тысячи героев уже погибли в горах Астурии, на знойном побережье Малаги, на площадях Мадрида и Барселоны. Фашисты продолжают расстреливать рабочих в Овьедо, в Севилье, в Бургосе, в Кадисе, в Кордове, в Витории. Они привезли в Испанию убийц из иностранного легиона. Они спаивают горцев Рифа, и те идут с кривыми ножами резать, не зная кого и почему. Каждый день они получают из-за границы самолеты и амуницию. За ними все генштабы фашистов, все биржи мира, все твердолобые ревнителю порядка, все держатели андалусских или бискайских акций.

Но вот люди в синих блузах идут по камням сьерры60. Они кричат:

«Испания не будет фашистской!» Я знаю этих людей, я знаю, что победа за ними.

31 июля 1936

Барселона в августе 1936

Стоят горячие дни. Город поет: звуки «Интернационала» вылетают из темных узких дворов, ползут по тоннелям метро, забираются на окрестные горы. На Рамблеб1 гарцуют кавалеристы. Проезжают грузовики, наспех обшитые железными листами. Дети несут флаги, прохожие кидают кольца, монеты. Люди с винтовками вывешиваются из автомобилей. На скамьях спят подростки, опоясанные пулеметными лентами. Девушки, осторожно ступая на высоких каблуках, волочат ружья. Повсюду неразобранные баррикады; они еще дышат боем. Осколки стекла, гильзы. В будуарах гостиницы «Колумб» среди мебели рококо – ручные гранаты. У стен домов, на плитах тротуаров, в скверах – груды роз: здесь погибли героини Барселоны. Лихорадка трясет город. Каждый день люди в мечтах берут Сарагосу, освобождают Майорку, врываются в Кордову.

На кузовах такси: «Мы едем в Уэску!» Тюфяки, винтовки, бурдюки с вином. Дружинники на гитарах исполняют гимн «Конфедерации труда» – «Сыновья народа». [92]

Они снимаются в широкополых шляпах, с револьверами. Одни называют себя «Чапаевыми», другие – «Панча Вильями»⁶²...

Девятнадцатый век еще живет на чердаках и в подвалах этого города. Расклеены воззвания: «Организация антидисциплины». Между двумя перестрелками анархисты спорят о том, как лучше перевоспитать человечество. Один вчера сказал мне:

– Ты знаешь, почему у нас красно-черный флаг? Красный цвет – это борьба. А черный – потому, что человеческая мысль темна.

Большие казармы над городом стали казармами имени Бакунина. Бар, где анархисты раздают свое оружие, теперь называется бар «Кропоткин».

Голые дружинники – на них только трусики. Ночью нечем дышать, и ночью город не спит: выстрелы, смех, песни.

сентябрь 1936

Мадрид в сентябре 1936

Мадрид живет теперь, как на вокзале: все торопятся, кричат, плачут, обнимают друг друга, пьют ледяную воду, задыхаются. Осторожные

буржуа уехали за границу. Фашисты ночью постреливают из окон. Фонари выкрашены в синий цвет, но иногда город ночью горит всеми огнями. Может быть, это предательство, может быть, рассеянность.

Фашисты продвигаются из Эстремадуры к столице. На главной улице Мадрида, Алькала, как всегда, много народу: гуляют, спорят о политике, говорят девушкам комплименты.

Несколько дней тому назад меня повезли за город. Усадьба с античными статуями, с колоннами, с замысловатыми беседками.

– Здесь будет опытно-показательная детская колония... [93]

Мальчик лет восьми играл с ребятами. Когда дети устали и легли на траву, он сказал:

– А папу фашисты положили на дорогу, потом они проехали в грузовике. Папе было очень больно...

Руководители колонии спорили о воздействии музыки на детскую психику и о воспитании гармоничного человека.

Писателям отдали особняк одного из мадридских аристократов. В особняке прекрасная библиотека: рукописи классиков, тысячи редчайших изданий. Тридцать лет библиотека была заперта: последний из аристократов не любил утомлять себя серьезным чтением. На его ночном столике нашли детективный роман и французский журнал с фотографиями голых женщин.

В особняке молодые поэты читают свои стихи и спорят о роли искусства.

Во дворце герцога Мединасели – штаб моторизованной бригады. В просторных конюшнях кареты с гербами, а рядом пулеметы. В саду крестьянка и молодой паренек. Голова женщины повязана черным платком. Она спокойно смотрит на дружинников. Я не сразу догадался, она глотает слезы.

– Вот привела второго...

Паренек восхищенно поглядывает на пулеметы. Женщина села на мраморную скамью и, послушав нить, стала зашивать рубашку сына.

В огромном зале среди рыцарей, блистающих латами, дружинники читают «Мундо обреро»⁶³. В кабинете герцога – редакция бригадной газеты. Охрипший человек, еще припудренный пылью Талаверы, диктует:

«Необходима строжайшая дисциплина...»

На кушетке спит старый майор. Он час назад вернулся с фронта. Во сне

он по-детски шевелит губами.

Зал для приемов. У большого рояля дружинник в синих очках. На груди две звездочки⁶⁴. Он играет все попеременно: Грига, «Интернационал», фламенко. Потом встает, идет прямо на меня, чуть выставив вперед руки.

– Одним глазом я все-таки различаю, когда светло. В Сомосьерре... [94]

О чем можно говорить с человеком, который только что потерял зрение? Я говорю о музыке: это традиционно и глупо. Он молчит.

– У вас, в России, придумали много нового. Может быть, ты знаешь, что может делать такой, как я. Если не на фронте – здесь. У меня пальцы стали куда проворней...

Подошли другие дружинники. Они говорят о неприятельской авиации, о боях под Талаверой, о Родригесе, который застрелился, чтобы не сдаться живым. Один дружинник задумчиво сказал:

– Надо научиться умирать...

Слепой рассердился. Он ударил кулаком по столику, и китайский болванчик на столе затрясся.

– Вздор! Умирать в Испании все умеют. Теперь нужно другое: научиться жить...

Он вытер рукавом лоб и тихо говорит мне:

– Может быть, все-таки можно на фронт?..

сентябрь 1936

Ночью на дороге

Удушливый зной испанского лета. Голая рыжая земля. Деревушки сливаются с камнями. Только на колокольнях, как огонь, – лоскуты кумача. Дома без окон: жизнь прячется от неистового солнца. Дорогу то и дело перерезают баррикады из бочек, из мешков, из деревьев, из соломы. На одной приторно улыбается ангел барокко, на другой паясничает пугало в поповской мурмолке. Крестьяне требуют документы. Некоторые не умеют читать, но все же подолгу вертят бумажонку, любовно разглядывая печать. На овине надпись: «Мы свернем шею генералу Кабанельесу»⁶⁵. Раскрыв рот, крестьянин льет в него тоненькую струйку драгоценной воды. Потом дает кувшин мне:

– Пей, русский!

У него старое охотничье ружье. Он стоит один на [95] посту среди зноя и

тишины. Его сыновей расстреляли фашисты.

Мы едем на фронт. Но где фронт? Этого не знает никто. Каменная пустыня Арагона.

– Кто дальше? Наши? Они?

Крестьяне отвечают патетично и сбивчиво. Они проклинаят фашистов и суют нам меха с вином. Они требуют винтовок, и ребята, подымая кулаки, кричат: «Они не пройдут!» На каждом перекрестке мы спрашиваем:

– Дальше кто?

– Наши.

– Нет, – они...

Один крестьянин с голой грудью, на которой белели выжженные солнцем волосы, ткнул вилами в воздух:

– Дальше – война.

Исчезли деревни. Нагромождение камней кажется доисторической архитектурой. Быстро спустилась ночь. По черному небу текут зарницы, и, как гром вдали, грохочут орудия.

Вдруг наша машина остановилась: баррикада. Напрасно мы ищем людей. Мелькнула тень и тотчас скрылась. Кто-то испуганно крикнул:

– Пароль?

– «Бдительность всех».

(Мы не знаем пароля; неуверенно, но настойчиво повторяем старый и чужой пароль.)

Мой спутник вытащил револьвер.

– Что случилось?

На скале люди: они в нас целятся.

Дружинник, который сидел рядом с шофером, выругался. Оставив винтовку, он идет к камням.

– Черт возьми, да это наши!

Крестьяне весело смеются:

– А мы думали – вы фашисты... Мы лежим здесь шестую ночь – караулим фашистов.

– Где теперь фронт?

Они не знают, что ответить: для них фронт повсюду. Холодный ветер. Крестьяне завернулись в клетчатые одеяла.

– Идите спать.

– Спать нельзя – мы сторожим.

Они говорят о своей жизни. В деревне было четыре фашиста. (Старик перечисляет всех четырех по имени и [96] каждый раз горестно сплевывает.) Помещик-маркиз жил в Мадриде. Управляющий портил девушек. Священник, убегая, потерял возле мельницы крест и брошку с изумрудами.

Старик ворчит:

– Каждый камешек стоит сто песет... А ты знаешь, сколько нам платил управляющий? Пятьдесят сантимов в день. Мясо мы ели только на свадьбах... А теперь...

Он жадно сжал дуло ружья.

– Молотилку взяли, все взяли – по списку.

В воскресенье они приехали. Один в штатском крикнул: «За святого Иакова!» – это их пароль. Они убили Рамона. Они убили двух мулов. Но мы стреляли – видишь оттуда... И они убрались восвояси.

Крестьяне разобрали баррикаду. Старик дружески хлопает меня по спине:

– До Бухаралоса двенадцать километров. Пароль: «Все ружья на фронт».

Из темноты вынырнул мальчишка. Протирая кулаком сонные глаза, он кричит:

– Они не пройдут!

Может быть, это сын Рамона...

Снова каменная пустыня, ночь и тени, они стерегут жизнь.

сентябрь 1936

В Толедо

Война страшна. Еще страшней игра в войну. На главной улице надпись: «Военная зона. Ходить без оружия строго воспрещается». На площади Сокодовер, перед развалинами Алькасара, кружится плешивая собака. Гостиница, где я жил весной, распотрошена снарядами; на изогнутом полу трясется кровать. Возле мешков с песком, в соломенных креслах или в качалках, сидят дружинники. Над некоторыми раскрыты большие зонтики.

Дружинники слушают радио: военные сводки, танго. Потом они хватаются за винтовки и стреляют, не глядя куда. Треск. Звон стекла. Пуля ударила в вывеску «Перманентная завивка». [97]

Есть в городе улицы, которые живут двойной жизнью. Одна сторона под обстрелом фашистов – это «военная зона», на другой – солдаты любезничают с девушками, играют ребята, старухи шьют и вяжут.

В Толедо много гидов. Они показывают туристам дом, где жил Греко, или древнюю синагогу. Теперь они ходят по улице с винтовками. Но по привычке они еще ищут глазами иностранцев и, завидев французского или английского журналиста, дружески советуют:

– Заверните налево – оттуда прекрасный вид на Алькасар.

По черепицам старого дома я пробрался на чердак. Битое стекло, гильзы, кукла. Отсюда Алькасар как на ладони. Это – тяжелое мрачное здание. Его стены искромсаны снарядами. Фашисты сидят в подземной части крепости.

Напротив Алькасара – бывший госпиталь Сайта-Круса. Фашисты по нему стреляют. Они обезобразили портал – гордость испанского Возрождения. Внутри госпиталя – музей. Под снарядами падают статуи. Я видел в музее Христа, пробитого пулями фашистов. Киноварь на его ребрах казалась свежей кровью. Когда я вышел из госпиталя, я увидел не киноварь – кровь на рубашке сына булочника, маленького Хосе; фашисты его подстрелили, когда он нес матери воду.

В столовой, где обедают дружинники, кто-то написал на стене: «Товарищи, охраняйте иностранцев!» – Толедо (даже умирая) не хочет забыть, что он город туристов. На дверях церкви Сан Томе наклеили бумажку «Собственность народа», и внутри церкви по-прежнему извиваются святители Греко.

Я слышал, как кричат женщины, которых фашисты заперли в подземельях Алькасара. Одни говорят, что они рожают, другие, что они потеряли рассудок.

В городе мало молока. Возле молочных – старые жестянки, ведерца или камешки; их кладут женщины, чтобы пометить свое место в очереди. Ни разу я не видел, чтобы женщины ссорились – чей это камешек?.. В гараже, среди винтовок, мехов с терпким вином и старых молитвенников, советский плакат: «Корова каждому колхознику». Кто знает, как он попал в Толедо?..

В казарме щит с фотографиями заложников: женщины, дети. Над ними написано: «Берегите их, товарищи, – это наши». [98]

– Говорят, завтра будут бомбить Алькасар...

– Нельзя – там жена Хуанито...

Никто не знает, сколько в Алькасаре заложников, но все только и говорят о них.

Один француз сказал мне:

– Все-таки защитники Алькасара герои.

Я вспомнил фотографии на щите и ответил:

– Нет. Трусы.

При вылазке фашисты хватали на улицах Толедо женщин и детей. От гнева народа они скрываются за пеленками и юбками.

Жена одного фашиста попыталась выбраться с двумя детьми из Алькасара. Дружинники опустили винтовки. Раздался выстрел: фашист убил жену своего товарища. Дети добежали до парапета. Одному мальчику десять лет, другому семь. Угрюмые дружинники FAI66, которые, встречаясь, говорят друг другу: «Привет и динамит», взяли на руки ребят и отнесли их в столовую.

Шесть гвардейцев убежали ночью из крепости. У них лица утопленников и глухие голоса; кажется, они разучились говорить. Они рассказывают о жизни в Алькасаре. Когда фашистский самолет скидывает провиант, ветчину едят только офицеры. Солдатам они говорят: «Мужайтесь!» Они выгоняют заложников наверх – под обстрел. Дружинники поставили на площади Сокодовер громкоговоритель, но слова сводок не доходят до подземелий Алькасара, и осажденные слышат только беспечные звуки «Марша Риего», прерываемые криками умалишенных. Внизу – трупный смрад: мертвых фашисты закапывают в манеже.

Вчера было перемирие: фашисты захотели причаститься. Мадрид прислал священника. Возле развалин встретились враги. Фашистский офицер сказал:

– Вы негодяй!

– Негодяи вы!

– Мы защищаем идеал.

– Идеал защищаем мы. Мы хотим счастья для всех. А вы хотите счастья только для своей шайки.

– Зато наша шайка лучше вашей. Кстати, вот вы курите, а мы уже давно

не курим...

Дружинники раздали свои папиросы. Потом они принесли фашистам лезвия для бритв. [99]

Комендант Алькасара полковник Москардо, тот, что приказал похитить жен республиканцев, оказался хорошим семьянином. Он передал письмо для своей жены.

В штабе один журналист спросил майора Барсело:

– Неужели жена Москардо на свободе?

– Конечно.

– Что это – галантность?

– Нет, великодушие.

История расскажет, кем был этот высокий и томный майор: донкихотом, предателем или дураком.

Фашисты подходят к Македе. Военное положение ухудшается с каждым днем. Если республиканцы не возьмут Алькасар, фашисты ударят в тыл. Решено бомбить Алькасар. Дружинникам сказали, чтобы они отошли на сто метров.

– Нет! Фашисты могут удрать.

– Четырнадцать дружинников погибли от республиканских бомб. Они сидели в соломенных креслах и караулили зверя. Игра в войну продолжается с беспечностью, с глупостью, с героизмом.

Под Алькасар закладывают мину. Боец показал мне вход в подземную галерею:

– Здесь я работаю.

У него волосы седые от пыли и черные молодые глаза. Он жадно пьет воду – такая жара бывает только в Толедо. Молчат пушки, молчат люди, даже мухи притихли. Потом он говорит мне:

– У меня там жена и двое ребят. Я тебе ничего не скажу про жену – я не знаю твоей жизни. Женщина может изменить, женщине можно изменить. Но ты понимаешь, что значит вот это?..

Он вытащил из кармана фотографию, покрытую пылью и табачной трухой, – две девочки в нарядных воскресных платьях.

сентябрь 1936

Под Талаверой

– Пулемета я не боюсь. В Мадриде мы без винтовок шли на пулеметы. Но когда эта сволочь кружит над тобой час-два... И ничего нельзя сделать... Я тоже не выдержал – побежал... [100]

Он махнул рукой.

Вчера фронт дрогнул под Талаверой. Мы ехали с Рафаэлем Альберта и Марией Тересой Леон⁶⁷ на передовые линии. Небо весь день гудело: немецкие бомбардировщики кружили над позициями. Дружинники ругались, стреляли в самолеты из винтовок, а потом убегали.

Деревушка Доминго Перес. На околице толпятся крестьяне. Они возмущенно кричат: мимо деревни сегодня прошло много дезертиров. Крестьяне хотели их задержать, но дезертиры грозились: «Пустите! Стрелять будем».

Старый крестьянин говорит мне:

– Видишь, вот все, что у нас есть.

Он показывает три охотничьих ружья.

Четыре дружинника – это дорога на Мадрид. Мария Тереса побежала за ними вдогонку. Она, как всегда, весела и нарядна, похожа на птицу тропиков. В руке крохотный револьвер. Она остановила четырех беглецов. Они отвечают сбивчиво:

– Заблудились...

Один из них, красивый высокий парень, вдруг подымает руку вверх и ругается:

– Сволочи! Кружат, кружат... Чего тут говорить – трусили.

Дезертиры отдали винтовки Марии Тересе и, не глядя друг на друга, зашагали по пыльной дороге.

Крестьяне ругаются, кричат. Женщина, облепленная испуганными ребятишками, подбежала и визжит:

– Таких убить мало!..

Фронт рядом, и деревушка готовится к смерти. Мария Тереса отстояла дружинников:

– Они будут хорошо драться...

Она шутит с женщинами, ласкает ребятишек. Альберти рассказал крестьянам о доблести дружинников в сьерре, и крестьяне теперь бодро

ухмыляются. Вечер. Пастух пригнал овец. Старуха на жаровне печет оладьи. Из темных домов доносится теплое дыхание жизни.

Старый крестьянин жадно смотрит на четыре винтовки, отобранные у беглецов. Он отзывает меня в сторону:

– Ты меня поймешь, ты тоже старый... Дай мне винтовку! Я пойду к Талавере. Вот этот (он показывает [101] на Альберти) – молодой, я ему боюсь сказать... Почему они бегут, как овцы? Молодые. Хотят жить, все равно как, лишь бы жить. Я не убегу. Я буду стрелять. Пусть молодой стоит здесь с моим ружьем, а мне дай винтовку.

Мы проехали мимо поселка Санта-Олалья. По шоссе идут грузовики. Это строительные рабочие Мадрида выслали отряд на фронт. Грузовики остановились. Командир говорит:

– Товарищи, малодушные сегодня побежали. Вы должны исправить дело. Рядом со мной – советский писатель. Он расскажет народам великой страны о вашем мужестве.

Восторженный гул. Потом грохот: батарея рядом. Я жму в темноте сотни горячих рук.

Под утро мы прошли на позиции. Когда затихали пулеметы, слышно было, как стрекочут цикады. Я написал на листке телеграмму: «Положение восстановлено» и дал шоферу. Телеграмма не ушла: автомобиль забрали санитары, а утром фашисты снова начали атаку.

За крохотным кустом лежат четыре дружинника. Они пробежали под пулеметным огнем два километра. Это контратака на правом фланге. Занят холмик, потерянный накануне. Я сразу узнал высокого красивого парня, которого чуть не убили крестьяне Доминго Переса. Он любовно сжимает винтовку – потерянную и возвращенную.

сентябрь 1936

Мальшка

Я был в Мальпике весной с Густаво Дураном⁶⁸. Крестьяне тогда злобно косились на замок герцога Ариона; как крепость, он высился над селом. Они получили землю герцога за выплату. Правительство требовало с них сто десять тысяч песет. Крестьяне голодали и ругались.

Я снова попал на Мальпику. Горячий день сентября. На грядках золотятся огромные дыни. Дружинники, шахтеры из Сиудад Реаля, динамитом глушат рыбу. Иногда [102] над селом кружат фашистские самолеты. Фронт рядом, и никто не знает, что будет завтра с Мальшкой.

Я узнал моих старых друзей. Они стояли на околице с ружьями. Увидев меня, они подняли кулаки, и алькальд, старый бритый крестьянин с глубокими морщинами вокруг рта, сказал:

– Здравствуй, Эренбург! Теперь мы поведем тебя в замок.

Они вошли в древние ворота торжественно, как победители. Алькальд нес медный подсвечник с огарком.

У герцога Ариона было в одной Мальпике двадцать тысяч гектаров, но у него не было фантазии. Свой замок он украсил пошлыми статуэтками. На его кастрюлях и ночных горшках родовые гербы. В замке сто восемьдесят кастрюль различной формы, но мы не нашли ни одной книги. Герцог Арион приезжал в Мальпику осенью; он устраивал парадные охоты. Он вел статистику подстреленных зайцев. Он молился перед гипсовой богородицей, одетой в бархатное платье. Самая пышная комната – ванная; в ней зачем-то стоят четыре плюшевых кресла. В золоченой раме – отчет о королевской охоте 8 августа 1913 года. В этот день зайцев били: его величество король Испании и его светлость князь Херраро. Это было самым важным событием в жизни человека, который правил Мальпикой.

В декабре герцог уезжал; зиму он проводил в Биаррице или в Париже. Крестьяне никуда не уезжали, они ели бобы и проклинали жизнь. Герцог Арион платил крестьянам, которые работали на его земле, одну песету в день. На содержание каждой охотничьей собаки герцог тратил в день две песеты.

Алькальд поднес подсвечник к ночным горшкам. Я спросил:

– Как, по-твоему, жил герцог?

– Он скверно жил. По-моему, собаки и те должны были над ним смеяться.

Когда мы вышли из замка, алькальд послунывил листок бумаги, прилепил его к дверям и расписался, народное имущество было опечатано.

Под холмом тихо светится Тахо. Сад пахнет миртами. Во всем необычайное спокойствие.

– Теперь мы заживем по-другому. Разве ты не читал, что министр земледелия – коммунист? Это свой человек. Он не станет с нас требовать сто десять тысяч песет. В [103] этом году мы выплатим шесть песет за рабочий день. Если только...

Алькальд не договорил. В темноте посвечивают ружья крестьян.

– Из наших – четырнадцать на фронте. Пошли бы все, но приезжал товарищ из Мадрида, сказал – надо собрать урожай.

Он снова замолк. Цветники. Густой запах юга кружит голову.

Мы прощаемся. Алькальд говорит:

– Нам этот замок ни к чему. Мы напишем правительству, чтобы его отдали писателям. Они будут здесь писать книги. У нас все хотят читать, даже старики.

У алькальда широкая узловатая рука. За ружьями, за миртами небо густо-оранжевое: это горят предместья Талаверы.

октябрь 1936

У Дуррути

Ночь. Дорога из Бахаралоса в Пину. Трупы машин, уничтоженных немецкими самолетами. Бойцы в красно-черных шапчонках спрашивают пароль. Здесь стоит колонна анархиста Дуррути. Дуррути разъезжает в открытом автомобиле с пулеметом: он стреляет по «юнкерсам».

Пять лет назад я спорил с Дуррути о справедливости и свободе. Вечером анархисты собирались в маленьком кафе Барселоны, которое называлось «Tranquilidad» – «Спокойствие». Дуррути ходил весь обвешанный бомбами. Он не был салонным анархистом. Металлист – он днем стоял у станка. Четыре страны приговорили его к смертной казни.

Сторожевая будка – это штаб Дуррути. Он говорит по полевому телефону о подкреплениях. На стене плакат: «Пейте для аппетита вино негус». Дуррути пьет только воду. У него огромные руки; никогда, кажется, я не видал таких богатырских рук. А улыбается он, как ребенок.

Он показывает мне окопы; это первые окопы, вырытые анархистами. В других колоннах анархисты не хотят рыть окопы, кричат: «Только трусы прячутся в землю!» [104]

Кричат, а когда фашисты пускают вперед танки, убегают...

Привезли орудия. Дуррути смеется:

– Через час начнем обстрел Кинто. А ты знаешь почему?

– Тебе знать, ты командир.

– Здесь дело не в стратегии. Сегодня утром я был в Пине. Маленький мальчик спрашивает меня: «Дуррути, почему фашисты в нас стреляют, а мы молчим?» Раз ребенок так говорит, значит, весь народ это думает. Вот я

решил взять да обстрелять Кинто.

Он улыбается: ребенок.

Он начал строить армию. Вчера он отправил четырех дезертиров без штанов в Барселону. Он расстреливает бандитов и трусов. Когда на заседании военного совета кто-нибудь заводит разговор о «принципах», Дуррути в ярости стучит по столу револьвером:

– Здесь не спорят. Здесь воюют.

В Пине выходит газета «Фронт» – орган колонны Дуррути. Ее набирают и печатают под огнем. Дуррути диктует:

«Фашисты получили иностранные самолеты. Они хотят уничтожить испанский народ. Мы сражаемся за Испанию».

Рабочие завода Форда в Барселоне, сторонники «CNT»⁶⁹ и сторонники «UGT»⁷⁰, прислали бойцам колонны Дуррути грузовики. Я видел, как анархисты, эта древняя вольница Барселоны, обнимали комсомольцев. Они многому научились. Еще на стенах висят плакаты: «Организация антидисциплины», а газета Дуррути пишет: «Да здравствует дисциплина!»

Дуррути подошел к телефону. Ему сообщили о бомбардировке Съетамо: две немецкие эскадрильи. Волнуясь, он говорит:

– Мы должны создать настоящую армию, не то мы погибнем.

В его штабе десяток иностранных анархистов. Они слетелись, как бабочки на огонь, в эту лачугу, где одна [105] пишущая машинка среди мешков с песком. Один прервал Дуррути:

– Однако мы сохраним принцип партизанщины...

Дуррути рассвирепел:

– Вздор! Если нужно, мы объявим мобилизацию/ Мы введем железную дисциплину. Мы от всего откажемся, только не от победы.

По шоссе медленно, без фар, ползут грузовики.

октябрь 1936

Вокруг Уэски

С пригорка виден город: собор, сады, дома. Уэска рядом. Оператор Макаеев, прищутив глаз, бормочет:

– Вон отсюда...

Он похож на фотографа, который снимает привередливую красавицу.

Окна, мешки с песком – это пулеметные гнезда. Проволочная паутина. В городе идет привычная жизнь: играют ребята, женщины стирают белье, нарядные фалангисты покрикивают на новобранцев. Иногда раздается выстрел, он кажется неуместным.

За холмиком лежат дружинники, человек двадцать или тридцать.

– Где остальные?

Полдень, жарко. Рядом – крохотная речка, как плотвой она набита телами: дружинники купаются. На берегу винтовки, рубашки. Два часовых сторожат добро. Отсюда до фашистов пятьдесят метров.

Показались вражеские самолеты. Дружинники повылезли из воды и схватились за винтовки.

Командный пункт. Это крестьянский дом. На чердаке, среди сена, дружинники с биноклями. Внизу женщина, нежно причмокивая, зовет кур. Возле сит на стене следы пуль. Я спрашиваю:

– Почему вы не уехали отсюда?

Она удивленно на меня смотрит:

– А зачем нам уезжать? Вот если они придут, тогда уедем. Они здесь были. Они увели Хесуса. Увели мулов. А теперь здесь наши...

Улыбаясь, она снова идет к курам. Затрещал пулемет. [106]

Деревушка Монфлорид. Старик поит мулов. Женщина раздувает угли жаровни. Девочка лет восьми укачивает младенца. Гудение: оно заполняет сразу все. Мир стал громким и непонятым. Семь «юнкеров» повисли над деревней. Испуганно кричат мулы. Зазвенело стекло. Девочка по-прежнему качает ребенка: она ничего не поняла. Загорелись нивы, на дома идет жар. Самолеты повернули к Уэске.

В крестьянском доме заседает совет. Щербатый стол. Карта. Крестьяне принесли копченую свинину, они потчуют своих защитников:

– Вот фиамбрес...

«Фиамбрес» по-испански – холодное мясо. Дружинники теперь словом «фиамбрес» обозначают убитых.

Военный совет обсуждает план атаки Съетамо. Коммунист Дель Баррио угрюмо говорит:

– Мало патронов.

Анархист в красно-черной куртке беспечно водит пальцем по карте.

– Артиллерийской подготовкой займется полковник Хименес...

Полковник Хименес – высокий седой человек лет пятидесяти. Его звали прежде Владимиром Константиновичем Глиноедским. Он когда-то сражался против красных на Урале, долго жил в Париже, работал на заводе, стал коммунистом, а теперь приехал в Испанию как доброволец вместе со своими французскими товарищами. Полковник Хименес рассказывает о своем «бронепоезде» – это две платформы с пулеметами среди мешков.

Штаб помещается в сторожке недалеко от Съетамо. На соломе спят усталые люди. Командир лежит на тюфяке, небритый, исхудавший, с темными кругами возле глаз.

Мы идем вниз по направлению к Съетамо. Фашисты открыли огонь. Рядом со мной молоденький лейтенант; он нервничает:

– Зря на вас белая рубашка...

Под деревьями лежат крестьяне Съетамо. Они ждут победы. Они ушли из деревни после прихода фашистов и увели с собой семьи. Лейтенант ворчит:

– Уходите! Здесь опасно сидеть. Они вас видят. Крестьяне молчат, но не двигаются с места. Один выругался:

– Банда рогоносцев! Да будь у меня ружье, я сам пошел бы... [107]

Республиканский снаряд попал в колокольню, там пулеметы фашистов. Деревня рядышком. Слышно, как перекликаются петухи: фашисты их еще не съели. Цепь дружинников, пригибаясь, бежит вперед. Пулеметы.

Утро. Развалины Съетамо. Десяток пленных, пушки, флаг. Убитых кладут в фургон. Старый дружинник, металлист из Барселоны, угрюмо говорит:

– Фиамбрес...

Потом он обнимает меня: это первая победа.

октябрь 1936

Вечером в Гвадарраме

Гвадаррама была кокетливым курортом: источники, сады, панорама. Гвадаррама погибла первой. Из домов, пробитых снарядами, выглядывают остатки человеческого быта: детская кровать, рама от зеркала, манекен для шитья. Под ногами разбитая утварь. Огромная грусть в этой разрушенной форме жизни, ощущение уродства, одиночества, сиротливости.

Фашисты в пятистах шагах. Мы перебегаем серую дорогу; она под оружейным огнем. Серые сумерки. Несвязная, нескончаемая перестрелка.

В политотделе колонны я встретил молодого рыжего крестьянина. На его рукаве были капральские нашивки старой испанской армии. Вместе с четырьмя товарищами он перебежал к республиканцам. Я поднес огарок к его лицу, оно было белым и мертвым. Тусклые глаза ничего не выражали, кроме усталости.

– Я артиллерист. Наша батарея стояла вон на той горе. Я давно хотел перейти, случая не было. Мы стреляли плохо – на перелет. Потом я подбил трех – «перейдем?» Когда был в госпитале, я нашел флаг: желтую полоску оторвал, красную спрятал. Третьего дня, в среду, я сказал лейтенанту: «Возле мельницы – телка». Он сразу согласился – у нас с харчами было плохо, иногда по четыре дня сидели на одних сухарях. Может быть, и ему захотелось телятины? Я взял трех товарищей, а тут увязался Гонсалес. Он всегда молчал, так что мы не знали, что у него в голове. Я подумал: придется его кокнуть. Прошли мимо постов. Возле мельницы – телка. [108]

Вдруг Гонсалес говорит мне: «Слушай, Пепе, зачем нам пропадать? Там все-таки наши. Что если телку к черту, а самим туда махнуть?» Я его обнял. Достал из кармана красную тряпку... Здесь я попросился к батарее: знаю по какой цели бить.

Дружинники молча его слушали. Потом один вытащил колбасу:

– Ешь, Пепе!

Другой принес мех; вино задумчиво булькало. Дружинники повторяли:

– Пей, Пепе! Тебе нужно встать на ноги. Я спросил капрала:

– Как тебя звать?

Один из дружинников быстро сказал:

– Не надо печатать – у него там семья.

Капрал сердито замотал головой. Он достал огрызок карандаша и крупными буквами написал свое имя:

– В такое время... Иначе нельзя...

Его голос стал звонким. Он нагнулся к свече, и я увидел живые, горячие глаза.

октябрь 1936

«Красные крылья»

В глубине палаток загадочно мерцают огни. Тулуза передает музыку для танцев. Люди припоминают, кто розовое зарево над Парижем, кто черные ночи Барселоны. Под навесом ужинают летчики. Они говорят о сегодняшней бомбежке и о давних каникулах: о море, прогулках, девушках. Одного товарища прозвали «Красным дьяволом». Это храбрый и веселый человек.

Земля еще раскалена. Из рук в руки переходит кувшин с водой. В поле – самолеты: как будто это пасутся невиданные животные. Командир Альфонсо Рейес стоит перед планом Уэски. Его карандаш упрямо долбит казармы и сумасшедший дом: там укрепились фашисты. Два летчика следят за ходом карандаша.

– Есть.

Исчезли огни. Тулуза перестала томить людей воспоминаниями. Лагерь спит. Сейчас он кажется той игрой, о которой мы мечтали в детстве. [109]

Под утро сразу стало холодно. Часовые завернулись в одеяла. Один из них три дня тому назад сражался на стороне мятежников. Он перебежал ночью; была гроза. Теперь он стоит с винтовкой.

– У меня мать в Сарагосе.

На измятой фотографии улыбается старушка в чепце. На обороте каракули – «Красные крылья», так называется воздушный флот Каталонии.

В четыре часа утра горнист проиграл зарю. Летчики побежали к речке мыться. Раздался треск: четыре самолета вырвались из облака пыли к бледно-оранжевому небу. Это старенькие «бреге». Вошло солнце, и поле теперь кажется «кладбищем самолетов». (В Америке называют пустыри, где стоят негодные машины, «кладбищем автомобилей».) Здесь можно увидеть, как летали люди лет двадцать тому назад. А у фашистов «юнкерсы» и «хейнкели»...

Шесть часов утра. Жарко. Взвод выстроился; над лагерем подняли знамя республики. Командир Альфонсо Рейес говорит мне:

– Я коммунист, одиннадцать лет в партии. Я старый кадровый офицер. Я знаю, что такое дисциплина. Но ты видал наши самолеты?..

У него жесткое, костистое лицо и печальная усмешка.

Кругом идет работа: строят ангары, уходит вдаль цементная дорожка; на пустом месте среди безлюдной арагонской сьерры растет аэродром. Возле палаток прикреплены пачки с папиросами: каждый берет сколько хочет:

– У нас все общее...

Кашевар варит рис с красным перцем, и, взобравшись на курятник, орет, что есть мочи, молодой петушок.

Днем я видел над Уэской четыре самолета. Вокруг них белели небольшие облака: это рвались снаряды фашистских зениток. Республиканцы бомбили казармы и сумасшедший дом третий раз за день.

В шесть часов вечера на аэродроме приземлился старый почтовый самолет. Его кое-как приспособили: увеличили клозетное отверстие и руками скидывают бомбы. Мы подбежали, подняли дверцу. Кровь, яркая на солнце. Стенка пробита пулями. Три немецких истребителя атаковали самолет над Уэской. Летчику удалось приземлиться с запасом бомб. Механик был без чувств, его отнесли в палатку. [110]

Потом заиграл горнист, спустили флаг, быстро упала южная ночь, и снова Тулуза заговорила о другом, беспечном мире.

Молодой бельгиец говорит мне:

– Лететь должен был я. Сказали – в пять. Я поехал в Сариньену к дантисту. Выхожу, а шофера нет, он пошел за покупками. Еле достал машину. Приехал в четверть шестого. Вместо меня полетел он. Я не могу об этом думать...

Он думает только об этом. Как помешанный он бродит вокруг палатки, где лежит раненый испанец.

Снова утро.

Механика решили отправить в Барселону. Солнце уже высоко. Зной. Носилки не проходят в дверцу. Раненый корчится от боли. Подошли кинооператоры. Собрав силы, он улыбнулся. Мне сказали потом, что у него отняли ногу. Но на экране он весело разговаривает, улыбается. Никто из зрителей не знает, что ему стоила эта улыбка.

Под Уэской фашисты держались на Монте Арагон. Дружинники медленно окружали высоту; когда они ее окружили, наступило затишье. У фашистов было вдоволь провианта и боеприпасов, а необстрелянные дружинники боялись пулеметного огня. Тогда Рейес приказал бомбить Монте Арагон. Двадцать четыре ветхих самолета повисли над горой. Они улетели в Сариньену за бомбами. Когда они снова показались над высотой, фашисты выкинули белый флаг.

В Барселоне дружинники несли трофеи: желто-красное знамя, взятое на Монте Арагон. Женщины кидали победителям цветы. В тот самый час

самолеты «Красных крыльев» над Уэской боролись с вражескими истребителями.

Шесть раз в день эти люди вылетают навстречу смерти. У самолетов старые и слабые моторы. У летчиков храбрые сердца.

октябрь 1936

Мохаммед Бен-Амед

Итальянский самолет сначала скинул на деревню бомбу, потом листовки: «Испания для испанцев. Мы спасаем [111] наш народ от московского варварства». На носилках лежала раненая девочка. Она молчала, закусив губу. Старый крестьянин угрюмо сказал:

– Звери!

Потом привели пленного марокканца. Его звали Мохаммед бен-Амед. У него были непонятные усы – выбритые посередине, а глаза ласковые...

– Нам обещали три песеты в день. Мы бедны. Нам сказали, что мы поедем в Севилью. В Севилье нам сказали: «Стреляй». Я не знаю, с кем они воюют. Я стрелял...

Он не оправдывался, не льстил. Он равнодушно глядел вниз. Он думал, что его убьют. Ему дали миску. Он долго хлебал суп.

Дружинники, проходя мимо, восторженно кричали:

– Мавр! Мавр!

Я вспомнил бои за Гранаду, позор короля Родриго⁷², пышность Альгамбры. В гул орудий вмешался шелест забытых страниц. А мавр молчал похлебку. Он был вне игры. Победитель Бадахоса и Мерида, «спаситель Испании от московского варварства», он не знал ни о коварстве иезуитов, ни о самолетах «савойя», ни о гневе мадридского народа. Он плохо жил у себя дома, скудно ел, тяжело работал. Когда-то его прадеды учили испанцев архитектуре, медицине, поэзии. Мохаммеда бен-Амеда никто не учил грамоте. Он был осколком высокой культуры, сыном земли ограбленной и злосчастной. Его жизнь оценили – три песеты в день. Ему приказали в Бадахосе расстреливать пленных, и теперь, отодвинув, наконец, миску, он ждал смерти. Ему дали пачку папирос. Один из дружинников сказал:

– Завтра тебя отвезут в Мадрид. Будешь спокойно жить до конца войны. А потом – домой.

Тогда Мохаммед бен-Амед что-то понял. Он оглядел нас своими восточными глазами. Его смуглая рука робко сжалась. С мукой он поднял

кулак: он вспомнил, что он делал этой самой рукой. Дружинники в ответ улыбнулись и тоже подняли кулаки. Сын униженной земли, побежденный наемник, гордый и горький мавр, Мохаммед бен-Амед заплакал.

октябрь 1936 [112]

Песня

Вчера над музеем Прадо кружились самолеты фашистов. Сегодня газеты сообщают, что министр народного просвещения назначил художника Пабло Пикассо директором музея Прадо. Сорок лет подряд наглые и невежественные «сеньоритос» издевались над творчеством Пабло Пикассо. Его понял и признал народ.

Возле Гвадаррамы я видел молодого дружинника, батрака из Андалусии. Как истинный андалусец он говорил; улыбаясь, о смерти и, грустно вздыхая, о счастье. Полушутя, он рассказывал мне свою судьбу. Его отца убили фашисты, его жена сошлась с другим.

– У меня нет больше дома...

Он сказал это и рассмеялся. Потом он угрюмо добавил:

– Скоро мы их расколотим!

У него были белые зубы и темно-коричневое лицо. Он спел мне песню о башне Эль Карпио:

Твои ласточки, башня, улетели.

Прилетели к тебе вороны.

С башен попы и офицеры

Стреляли из пулемета по городу.

Встречают вороны детей.

Женщин встречают пулями.

Опустела большая площадь. Никто не ходит по улицам.

Белые дома, белая дорога.

Белая дорога к белому городу.

По белой дороге приехал грузовик.

Грузовик с динамитом и шахтерами.

Три шахтера пошли к тебе, башня.

Три шахтера, три товарища.

Белая дорога, по ней идут,
Никогда по ней не возвращаются.
Три человека грызли камни.
Они себе могилу вырыли.
Взлетела башня на воздух.
В город вбежали дружинники.
Дружинники взяли Эль Карпио.
Оживили мертвые улицы.
Никогда не забудут люди,
Что такое мужество.

Эту песню написал молодой поэт Мануэль Альтола-Тирре⁷³. Мы его зовем уменьшительным именем: Маноло. [113]

Я знаю его стихи, тонкие, грустные и лукавые. Дружинник, которого я встретил возле Гвадаррамы, не знает, кто сочинил песню о башне Эль Карпио – он ее поет.

октябрь 1936

Барселона в октябре 1936

Ясные осенние дни. По Пасео-де-Грасия проходят дружинники; они учатся маршировать. Я видел похороны бойца. Прохожие молча салютовали поднятыми кулаками. Все повторяют одно слово: «Мадрид». Беспечная Барселона, город легкой жизни и удали, прислушивается: это – война. На стенах плакаты: нога в тапочке (обувь испанских крестьян) наступает на свастику. В горах Арагона уже выпал снег. Сапожники торопятся: трудно бойцам в тапочках...

На заводе «Испано-Сюиса» переплавляют колокола, разбитые народом в июльские дни. Медлительные рабочие Барселоны теперь поторапливают друг друга:

– Мадрид...

Я не забуду одной женщины. Она быстро укладывала патроны. Инженер, улыбнувшись, спросил:

– Для мужа?

Не отрываясь от работы, она ответила:

– Нет. Мужа убили. Для других.

В казармах имени Бакунина висит плакат: «Товарищи, необходима строгая дисциплина!».

Художники раскрашивают агитпоезд: пузатый священник, лихой генерал, рабочий с непомерно большим молотом. Я поглядел и вспомнил свою молодость: Киев, агитпароход, жену на подмостках с кистями...

В школе для командного состава полковник читает лекцию о тактике. «Колонны» умирают, рождаются дивизии.

Как всегда, переполнены террасы кафе. Пронесются трамваи, красно-черные такси. В магазинах продавщицы не успевают завертывать кофейники, галстуки, конфеты. Женщины несут в сберегательные кассы отложенные песеты. Газетчики выкрикивают названия двадцати газет. [114]

Барселона еще не узнала горестей войны. Но вдруг как ветер врывается тревога:

– Мадрид...

6 октября. Два года тому назад пушки Хиля Роблеса раздавили свободу Каталонии. Легионеры Лерруса залили кровью Астурию. Сегодня столица революционной Каталонии празднует вторую годовщину восстания.

С утра зарядил дождь; под дождем идут сотни тысяч людей. «Интернационал». Его играют не так, как в Москве. Вариации пронзительны, судорожны, полны скорби и задора. Идут дружинники с каталонскими знаменами; комсомолки в синих блузах, дети Мадрида, беженцы из Ируна. Идут фронтовики, обветренные и запыленные. Идут раненые.

А на вокзале сутолока: отряды уезжают в Мадрид. Это горький праздник. Барселона, сытая и спокойная, вздрагивает. Руководители колонн останавливаются, кричат:

– ?No pasaran! (Они не пройдут!)

Толпа трижды отвечает:

– ?No!?No!?No! (Нет!)

7 октября мне пришлось уехать на несколько недель во Францию. Смеркалось. На выступе скалы я разобрал три буквы: «УНР» – это было возле самой границы. Автомобиль остановился. На горном перевале была буря, и холодный ветер бил в лицо. Французский пограничник спросил:

– Что там?

Мне хотелось ответить: «Там жизнь» – я не мог уйти из мира борьбы,

ненависти, отваги. Жизнь оставалась по ту сторону шлагбаума. Испанец, который довез меня до границы, поднял кулак и крикнул: «?No pasaran!» – на пустой дороге среди сумерек и ветра.

октябрь 1936

Художник Гомес

Это было на террасе большого кафе в Барселоне. Мануэль Труэба рассказывал о кольце вокруг Уэски: «У них теперь одна дорога – на Хаку, но и она под огнем. [115]

Он не успел побриться. На его штанах рыжела сухая глина. Взяв карточку, он спросил официанта: «Соус какой?» С жаром он заговорил о соусах. К нашему столику подходили официанты, повара, судомойки. Они жали руку Труэбе и спрашивали его о штурме Монте Арагон. Я узнал, что Труэба был прежде поваром. Он стал политкомиссаром первой дивизии.

По дороге в Толедо я встретился с моим старым приятелем музыкантом Дураном. Весной мы говорили с ним о Прокофьеве и Шостаковиче. Теперь он формировал моторизованную бригаду. Мы говорили об автоматических ружьях. Когда фашисты двинулись от Толедо к Мадриду, двести дружинников бригады Дурана остановили врага возле Бургоса.

На Талаверском фронте я видел одного дружинника. Он швырял ручные гранаты в фашистов. Я спросил: «Ты шахтер?» Он хмуро ответил: «Я дружинник». – «А прежде?»... Тогда он пробормотал: «Прежде я был золотошвеем, делал позументы для этих бандитов». Он злобно отряхнулся и, как редкое сокровище, как дар жизни, сжал в руке гранату.

19 июля на площадке памятника Колумбу в Барселоне стояли пулеметы. Они косили людей. Широкий проспект был пуст. Вдруг из подворотни выбежал молодой человек с красивым смуглым лицом. Он подбежал к памятнику. За ним побежали другие. Они бежали под жестоким огнем. Они вскарабкались на верхушку высокой колонны и овладели пулеметами. Молодой человек с красивым смуглым лицом был художник Элиос Гомес.

Я видел Гомеса, когда он приехал с Майорки. Он рассказывал о жестоких боях, о бомбежке, о победах. Потом, на минуту улыбнувшись, он заговорил о Москве, о художниках, о театре Мейерхольда, о друзьях. Память о нашей стране придавала ему бодрость в те трудные дни, когда итальянские «капрони» висли над людьми, беспомощно сжимавшими старые охотничьи ружья.

Я провел с Гомесом два дня. Он ехал на фронт к Кордове. Он был

веселым и живым человеком, шутил с девушками, хвалил терпкое вино Куэнки и взволнованно говорил о живописи. Он жадно любил жизнь. Может быть, поэтому он рвался навстречу смерти. [116]

Наш автомобиль остановился: на мосту горел грузовик с патронами. Жар доходил до нас, как дыхание огромного зверя. Гомес сказал мне: «Мой отец был секретарем профсоюза пробочников в Севилье. Он работал на фабрике тридцать лет. У нас был маленький домик. Мы его называли «Rusia» – «Россия». Они брали в Севилье каждый дом: рабочие защищались как могли – с топорами, с ножами. Легионеры убили отца на глазах у матери. Мать и младшая сестренка убежали в Эстремадуру. Я не знаю, что с ними стало»... Он отвернулся. Потом снова поглядел на меня. Белки глаз сверкали на оливковом лице. Он просто сказал: «Теперь надо взять Кордову».

октябрь 1936

«?Salud y animo!»⁷⁴

Возле Валенсии крестьянин сказал мне:

– У меня двести мешков с рисом. Если я отвезу их во Францию, дадут мне за них оружие?

Я ответил:

– Нет. Запрещено.

Тогда он угрюмо отвернулся:

– А умирать не запрещено?

Женщина принесла в казармы Маркса новые ботинки. Она сказала командиру Моралесу:

– Сына убили в Каспе. Дай товарищу, кому по ноге, они крепкие.

Портниха из Талаверы Хуана Хименес, спасаясь от легионеров, привезла в Мадрид трехлетнего сына и узел с разноцветным тряпьем.

– Где военное министерство?

Она робко спросила часового:

– Кому отдать?

В кулаке она держала двести шестьдесят песет: все ее сбережения. Часовой не понял. Она объяснила:

– На войну. Устрою сына, пойду тоже... [117]

Мальчик с глазами грустными и лукавыми, дитя рабочего квартала Куатро Каминос, отозвал меня в сторону и попросил:

– Скажи, что мне семнадцать лет. Мне скоро будет семнадцать. Через год. Я должен пойти туда.

Этот народ они зовут «трусливой чернью».

Европа задыхалась от позора. Смерть шла на приступ. Без единого выстрела она брала страны. С каким облегчением все честные люди мира узнали о подвиге мадридских рабочих, о героизме горняков Астурии, о победе Барселоны! Народ в полотняных туфлях, с охотничьим ружьем в руке, народ, почитавшийся отсталым, невежественным, нищим народом, гордо крикнул смерти:

– Не пройдешь!

Дети русской интеллигенции, которая часто ошибалась и которая много страдала, которая не захотела отделить своей судьбы от судьбы русского народа, мы с гордостью и любовью следили за борьбой испанской интеллигенции. В Арагоне, в Бискайе, под Мадридом сражаются писатели и ученые, инженеры и врачи... В Бургосе и в Севилье собрались поставщики гнилого сукна, близорукие интенданты, авторы фальшивых векселей, банкиры с уголовным прошлым, поэты взятки, профессора контрабанды. Они бьют себя в грудь и кричат: «Мы не допустим торжества мошенников-марксистов!» Каждый из них крал в год миллионы.

В июле один каталонский рабочий нашел у фашиста четыре миллиона песет. Он поехал в Барселону. Он отдал деньги советнику каталонского правительства Гасолю. Тот спросил:

– Что тебе дать?

Рабочий ответил:

– Если можно, пять песет: со вчерашнего дня не ел. А вечером я еду обратно на фронт.

Я видел деревни, которые убегали от фашистов. По дороге шли старики и дети.

– Они идут!

Крестьяне бросают дом, утварь, осла. Они уходят вместе с дружинниками. Они ночуют в поле у огня: они ждут – может быть, дружинники отберут деревню назад. Они требуют: «Дайте нам ружья!»

У мятежников – итальянские бомбовозы и германские танки. У них –

мощная артиллерия, зенитные орудия, броневики. Две фашистские империи воюют против [118] пастухов, горшечников и виноделов. Мятежники завоевали Эстремадуру, обглодали область басков, залили кровью Кастилию. Десятки городов, сотни сел достались врагу. Люди бегут от них. Фашисты шлют самолеты с листовками: «Вернитесь. Мы вас помилуем». Люди бегут еще быстрее. Тогда вместо листовок самолеты скидывают бомбы на сгрудившихся людей, на женщин с узлами, на детей. Это не сентиментальные слова, не газетные фразы, это сухой отчет о том, что происходит в Испании осенью 1936 года.

Что ни день, они празднуют победы. Услужливо извиваясь, испанские «сеньоритос» подносят померанским лейтенантам и тосканским майорам бокалы с шипучим: «За великую, единую, неделимую Испанию». «?Viva! Noch!»⁷⁵ Они расстреляли в Севилье, в Сарагосе, в Бадахосе тысячи и тысячи людей. Они не могли расстрелять всех. Они окружены врагами. Затаив дыхание, люди ждут первого выстрела. Одна победа, и тыл мятежников вспыхнет. В горах Эстремадуры и Галисии бродят партизаны. Я видал одного гонца. Он говорил глухим шепотом. Из продранных туфель торчали пальцы. На щеке был красный шрам. Он сказал:

– Мы возле Касереса. Ждем.

В лондонском комитете⁷⁶ представитель Италии скромно замечает: «Мы ничего не посылали». Представитель Германии столь же стыдлив: «Мы тоже». Представитель Португалии долго шарит в портфеле: он не помнит на память ответа Лиссабона. Ответ, впрочем, не сложен: «Мы тоже»... Проговаривается генерал Кейпо де Льяно, алкоголик и болтун. По радио он оповещает весь мир: «У нас 160 бомбовозов и истребителей». Ваше превосходительство, разрешите спросить – откуда? Когда вы взбунтовались, во всей Испании не было ни одного современного самолета. Вы умеете пить анисовую настойку, рассказывать анекдоты и расстреливать крестьян. Изготавливать самолеты вы все же не умеете. Или, может быть, истребители «хейнкели» выделяются в Гранаде, а бомбовозы «капрони» в Памплоне? [119]

Сорок шесть дружинников, рабочие Мадрида, защищали позицию возле Навалькарnero. Им сказали прикрыть отступление. У каждого из них была жизнь, горячая, суматошная, замечательная жизнь. За час до того они пили воду из глиняного кувшина, смеялись, припоминали вечера Мадрида. До ночи они отбивали атаки марокканцев. Мятежники нашли сорок шесть трупов.

На бадахосский аэродром спустился самолет. Его атаковали пятнадцать германских истребителей. Люди открыли дверцу. Один механик был мертв, другой, раненный в голову, потерял зрение. Обе ноги летчика были расщеплены пулями. Он все же довел самолет до Бадахоса. Читая победные сводки мятежников, я думаю об этом страшном самолете, о сорока шести подростках, погибших близ Навалькарnero, – такой народ нельзя победить.

Французские фашисты собирают деньги на почетную шпагу предателю Москардо, который загнал в Алькасар жен и детей республиканцев, который юбками прикрывал свою героическую грудь и который спасся только потому, что у дружинников слишком много великодушия и слишком мало снарядов. Богомольные потаскухи и биржевые бессребреники несут свою лепту на шпагу генералу. Генерал тем временем говорит немецким журналистам: «Франция? Страна марксистских выроdkов. Прошу засвидетельствовать мое почтение господину Гитлеру». Генерал предпочитает шпаге с золотым эфесом несколько грубых крупповских батарей.

«Долой интервенцию!» – кричат фашисты Франции. Эти наследственные интервенты хорошо выдрессированы, они знают, когда что кричать. Гордость католической литературы писатель Бернанос напечатал статью: он предлагает французским фашистам тотчас выслать генералу Франко несколько добротных бомбовозов. Это, разумеется, не интервенция, это мирная демонстрация братства и любви.

Они все собрались в испанском Кобленце: немецкие палачи, итальянские фабриканты иприта, гордые трупами эфиопов, португальские сутенеры, мадридские аристократы, наемные убийцы из Чили или из Венгрии, шведские расисты и французские фашисты, легионеры с «мокрыми» делами и филеры, которые между делом пописывают лирические стихи. Надо ли говорить о том, что в этом изысканном обществе нашли себе место бывшие [120] контрразведчики, столбовые дворяне из Пензы и Тамбова? В Париже выходит газета «Возрождение». Она занята, теперь испанскими делами. Анонимный охранник скромно пишет: «Возможно, что вся Каталония против фашизма. Тем лучше – надо огнем и мечом пройти по этой зараженной земле». У безработных вешателей чешутся руки. Они спешат в Испанию. Много лет они выклянчивали чаевые у парижских полуночников и за скромную мзду унижались перед германскими и японскими разведчиками. Теперь они нашли себе дело: они расстреливают испанских крестьян. В газете «Возрождение» печатаются «Письма белого офицера». Этот храбрый вояка под охраной немецких самолетов «чистит»

испанские деревни. Международный дом терпимости, арестантские роты, где резвятся аргентинские шулера и петербургские провокаторы, иберийское отделение гестапо – вот та Испания, которую вежливые дипломаты, не краснея, зовут национальной.

В Париже был недавно представитель каталонского автономного правительства. Журналисты развязно спросили его:

– Что вы будете делать, когда националисты возьмут Мадрид?

– Они его не возьмут.

– Все же, если они его возьмут? Объявите самостоятельную республику или подчинитесь?

Каталонец, усмехнувшись, ответил:

– Нет, вместе с испанцами мы отберем его назад.

В глухую осеннюю ночь неуютно, сиротливо человеку на пустой дороге. Меня остановил крестьянин с ружьем. Он был закутан в старое, протертое одеяло. Я не мог его разглядеть. Я видел только большие горячие глаза. Он попросил газету. Казалось, гнев военных сводок дошел до его руки, она сжалась в кулак. Он крикнул мне вслед: «?Salud y animo!» Это значит по-русски: «Привет и мужество!»

В день праздника народы Советского Союза будут думать о черных ночах Испании, о ярости, о тоске, о мужестве далеких братьев. Они ответят крестьянину на дороге, они ответят сотням тысяч бойцов теми же словами гнева и надежды. «?Salud y animo!»

Барселона, ноябрь 1936 [121]

Интернациональные бригады

Они пришли сюда с разных концов света: из Италии, из Норвегии, из Канады, из Болгарии. Они не могут разговаривать друг с другом: поют вместе и смеются. Старики и подростки; каменщики и музыканты. В деревнях женщины со слезами на глазах обнимают этих чужестранцев.

Когда-нибудь уцелевший герой напишет книгу о мужестве и братстве; это будет история интернациональных бригад. Я пишу наспех в грузовике. Рядом наборщик парижанин набирает статью по-немецки. Ночь, звезды. Французы поужинали и на мисках вызванивают «Карманьолу».

Белорус из Столбцов. Он был семинаристом. Родители звали его «выродком». Он прочел в польской газете: «Преступные эмигранты сражаются в Испании на стороне красных». Он раздобыл паспорт и деньги

на билет. Теперь он лейтенант.

Чахоточный еврей из Львова. По профессии портной. Ему двадцать два года, три из них он просидел в тюрьме. Он приехал в Париж, спрятавшись под товарным вагоном. Вылез весь черный. Его арестовали. Он просидел неделю, а потом снова залез под вагон и доехал до испанской границы. Недавно возле Лас-Росаса он взял в плен двух марокканцев.

Итальянец. Ему пятьдесят четыре года. Конторщик. Когда оратор говорит, он одобрительно кивает головой. Худой, с тощей козлиной бородкой:

– Это моя вторая революция. Первую я встретил в Тамбовской губернии. Я из Триеста и был военнопленным. Потом работал во Франции. Надеюсь, доживу до третьей – дома.

Француз. Лавочник из Тулузы. Однажды он прочитал в газете о детях Мадрида, убитых германскими летчиками. Он запер лавчонку, написал на двери «Закрывается до полной победы испанского народа» и уехал в Барселону. Под Мадридом ранен в плечо.

– Скоро поправлюсь, и назад, на фронт.

Немец. Приват-доцент. Изучал водоросли. Командир роты. Отбил у неприятеля два пулемета.

Бельгиец. Шахтер. Сорок четыре года. Оставил дома жену и пятерых ребят. [122]

– В Валенсии противно было – сколько молодых шляются по улицам! Хорошо, наверно, в Астурии: там наши, горняки, эти умеют умирать...

Они не уходят с позиций: есть патроны – стреляй.

В морозные ночи бойцы спят без одеял под звездами. Раненые на перевязочных пунктах сжимают зубы, чтобы не кричать. Умирая, люди поднимают кулаки.

Свои части они называют именами героев и мучеников: Домбровский, Гарибальди, Тельман, Либкнехт, Андрэ.

В полуразрушенной церкви при чахлом свете фонарика пять человек составляют газету артиллеристов. Это газета на пяти языках. Одна статья по-французски, другая по-итальянски, третья по-испански, четвертая по-немецки, пятая по-польски. Наборщик не понимает слов. Иногда он радостно улыбается, увидев нечто знакомое – «фашисты», «Мадрид», «Интернационал».

В пустой морозной лачуге комиссар допрашивает про виновившегося:

– Ты был пьян в стельку. Нам таких не нужно. Батальон постановил отправить тебя назад во Францию.

Боец молчит. Это молодой металлист из Сан-Этьена. У него лицо широкое и приветливое. Наконец он отвечает:

– Не отсылай! Слышишь, не отсылай! Я не поеду. Я приехал, чтобы сражаться... Я сам знаю, что я наделал. Если надо, расстреляйте меня, пусть другим будет пример... Только не отсылай. Если отошлешь, я покончу с собой. Пошли меня в разведку – к ним. На смерть, все равно что, только не назад!..

По его широкому лицу, созданному для улыбки, текут слезы. Комиссар отвернулся.

– Хорошо, пересмотрим.

Дружинник вытер глаза и, вытянувшись по-военному, поднял мокрый кулак.

В маленькой деревушке итальянский батальон устроил праздник для крестьян. Бойцы пели песни Неаполя и Венеции, показывали фокусы, танцевали. Потом на экране Чапаев спел песню о черном вороне. Командир – седой итальянец – сказал речь:

– Привет тебе, красное знамя! Под ним победил Чапаев. Под ним мы деремся за Мадрид. Под ним отпразднуем победу в нашем Риме. [123]

Бойцы в ответ запели любимую песню итальянских рабочих «Красное знамя победит».

Испанка с изможденным острым лицом подняла вверх ребенка и крикнула:

– Победит!

декабрь 1936

Мадрид в декабре 1936

Это был город ленивый и беззаботный. На Пуэрто-дель-Соль⁷⁷ верещали газетчики и продавцы галстуков. Волоокие красавицы прогуливались по Алькала. В кафе «Гранха» политики с утра до ночи спорили о преимуществах различных конституций и пили кофе с молоком. Писатель Рамон Гомес де ла Серна прославлял цирк, газовые фонари и мадридскую «толкучку». Возле небоскребов Гран Виа кричали ослы, а чистильщики сапог напевали сентиментальные романсы. Это был город, он

стал фронтом. Война вошла в него, война сделалась бытом, смерть – подробностью.

На улицах, которых никто не подметает, – осколки снарядов, обрывки старых афиш, сор. Рано утром возле костров греются женщины и солдаты. Длинные очереди у булочных, молочных. Развалины дома, черные впадины окон. Рядом другой дом, еще живой. В окне человек, он аккуратно завязывает галстук. Острый мадридский холод. Угля нет, нигде не топят.

В кафе, морозных и накуренных, мадридцы смеются. Они не разучились шутить. Газеты выходят вовремя, и газетчики с раннего утра на своих постах. Газеты куцые – две полосы: нет бумаги. Поэты издали сборник революционных стихов. Стихи написаны, набраны и напечатаны в двух километрах от фашистских окопов.

В роскошных ресторанах – овчины солдат. Официанты изысканно подают похлебку из чечевицы. Иногда вместо чечевицы горох. В гостиницах, где останавливались банкиры и примадонны, лежат раненые.

Стекла оклеены тонкими полосками бумаги. Они похожи на тюремные решетки. Много окон без стекол.

Я видел, как девушка покупала флакон духов. [124]

Подвалы Мадрида стали катакомбами. В них бойко трещат «ундервуды».

Улицы незаметно переходят в окопы. Кричит старуха, она продает лотерейные билеты. Я шел задумавшись, я еще слышал ее хриплый голос. Завернул за угол – пулемет.

Ночью город кажется полем. Вдруг фары вытаскивают из темноты колонну, фонтан, дерево. Города не видно, он только смутно чувствуется: дворцы, площади, перспективы.

Каждый день бомбы сносят дома. Вчера я видел на улице человека с лесенкой. Он нес ведро и обои: кому-то пришло в голову заново оклеить комнату.

Туманный декабрьский день. Рабочий квартал – Тетуан. Скучные домишки: темно, холодно. Лавочки с седлами, с капустой, с бусами. Старьевщик. Цирюльник возле крохотного оконца бреет солдата. Дети, много шумных проворных детей.

Переулок Рафаэля Салилья. Сегодня немецкий самолет скинул здесь бомбу. Переулка больше нет: развалины, земля, мусор. Пожарные. Вот они вытащили два трупа – старуха и девочка. У девочки нет ног. А лицо спокойное. Кажется, что это разбитая кукла. Позади кричит молодая

женщина. Потом она сразу замолкает, лицо окаменело, она молча стоит, выпростав руки. Но она не двигается. К ней подошел рабочий в замаранной известкой куртке. Тогда она как скошенная упала на мусор.

Увезли девяносто шесть трупов. Ищут еще. В уцелевшем окне разрушенного дома швейная машина с голубенькой тряпкой. Старик нашел в мусоре портрет. Он что-то приговаривает и тащит портрет в сторону. Это столяр. Его жена и дочь погибли.

На носилках несут труп беременной. Большой живот. Лицо покрыто бурыми сгустками.

О чем писать? Снова и снова кричать в телефонную трубку, что фашисты – звери? Но это знают все: каждый камень Мадрида, каждый воробей в его уцелевших садах.

Из Тетуана – дальше... Здесь начинаются окопы. Здесь дерутся за Мадрид.

декабрь 1936 [125]

«Мы пройдем!»

В Алькала-де-Энарес была гробница кардинала Сиснероса. Мастер эпохи Возрождения передал торжество жизни над смертью. Мраморный кардинал улыбался мудрой улыбкой.

Прошли лета. Над Алькала-де-Энарес повисли германские самолеты. Варвары, которые на всех перекрестках кричат о «величии испанских традиций», скинули бомбу. Я видел мраморного человека с изуродованным лицом. Он больше не улыбался. Он походил на один из трупов мертвецких Мадрида, Картахены и Гвадалахары.

Передо мной карточка: «Министр народного просвещения и искусств приглашает вас на открытие выставки художественных произведений, находившихся во дворце Лирия, спасенных от фашистского вандализма коммунистической партией и переданных ею министерству. Открытие выставки состоится 25 декабря, в 12 час. дня».

Дикари Бургоса, убийцы детей и женщин, окропленные святой водой, уничтожают исключительные памятники того времени, когда испанский народ выражал веру, тревогу и надежду образами религии. Богобоязненный держиморда с равным усердием сбрасывает бомбу на детский приют и на гробницу кардинала. Он презирает искусство, причем живой кардинал сидит в Севилье и молится за держимордовское здравие. Рабочие, охранявшие Лирию, вывезли из огня полотна Гойи, Веласкеса, Сурбарана.

Народ никогда не отвергает своего прошлого. Люди, которые защищают теперь Мадрид, – наследники Сервантеса, Кеведо и Лопе де Веги. Между окопами республиканцев и фашистов – только проволока и трупы. Между окопами пробуют обосноваться некоторые лжемудрецы. Они говорят, разумеется, о высшей морали. Но напоминают они, скорее всего, псковского солдата из фильма «Мы из Кронштадта», который в зависимости от того, кто побеждает – белые или красные, надевает или снимает погоны...

Правда – чистый разреженный воздух горных высот. Люди, пораженные склерозом, от него умирают. Они клянутся правдой – дружные эквилибристы и предатели. Они сериями создают дешевые мифы, и они готовы объявить таблицу умножения марксистской выдумкой. Они говорят: «Мы расскажем правду об Испании». Они не [126] скупаются на кипы ассигнаций, которыми покупается болтовня одних, молчание других.

Я хочу рассказать о трагедии человека. Луи де Лапре не был ни коммунистом, ни социалистом, ни анархистом. Он был попросту честным репортером. У него было четверо детей, он должен был много работать. Большая парижская газета «Пари-суар» послала Луи де Лапре в Мадрид. Разумеется, она обещала своим читателям правду об Испании. Луи де Лапре увидел героизм испанского народа. Он увидел рабочих, спасавших музей Прадо, он увидел трупы детей, убитых бомбами фашистов. Каждый день он передавал в редакцию своей газеты отчеты о мужестве республиканцев и о зверствах фашистов. Газета принадлежала текстильному королю Франции. Газета усердно печатала корреспонденции других журналистов, прославлявших благородство генерала Франко и клеветавших на испанский народ. Корреспонденции Луи де Лапре печатались изредка, ловко изуродованные карандашом редактора. Луи де Лапре понял, что его работа бесцельна. Он решил уехать из Мадрида. Он предчувствовал смерть. Незадолго до этого фашисты расстреляли другого французского журналиста, Ги де Траверсе. Луи де Лапре послал в редакцию последнюю телеграмму. Я видел ее в архиве цензуры. Вот ее текст:

«...Вы напечатали всего половину моих корреспонденций. Я это знаю. Это – ваше право. Но я полагаю, что вы могли бы избавить меня от ненужной работы. В течение трех недель я каждый день вставал в пять часов утра, чтобы вы получили вовремя информацию. Вы заставили меня работать для мусорного ящика. Спасибо. Я вылечу в воскресенье, если только меня не постигнет судьба Ги де Траверсе. Для вас это будет хорошо. Не правда ли? У вашей газеты окажется тоже «собственный мертвец». До

моего отъезда я не буду ничего вам передавать. Зачем? Для вас зверское убийство ста испанских детей менее интересно, нежели вздох мистрисс Симпсон».

Самолет французского посольства был обстрелян фашистами. Смертельно раненный Луи де Лапре умер в Мадриде. Редакция газеты тщательно использовала «собственного мертвеца». Она заставляла его при жизни молчать. Две недели подряд она пространно говорила о достоинствах мертвого. Бойцы Испании молча сняли шапки перед прахом человека, который попытался рассказать миру о борьбе народа против предателей и интервентов. [127] Правду нельзя скрыть. Как тонкая струя воды, она подрывает скалы. Каждый день к передовым постам республиканцев приходят солдаты-фашисты. Они повторяют одно и то же: «Нас обманули...» Жадными глазами глядят они не на хлеб, не на мясо, но на то братство, на ту свободу, которыми дышат окопы народной армии.

Один из перебежчиков дал мне газету «Диарио де Наварра». Она выходит в Памплоне. Статьи о величии королей и претендентов карлистской династии, отчеты о молебнах и панихидах. Объявления: «Патриоты Сан-Себастьяна! Ресторан Каса Родиль был разгромлен красными. Он принадлежит наваррцу, который предлагает вам колоссальный обед, состоящий из четырех блюд и двух десертов, с хорошим вином и с истинно испанским духом, все за 5 песет 50 сантимов».

Очередная речь генерала Кейпо де Льяно. Этот пьяница решил высказаться о расовой теории. Очевидно, накануне с ним распил бутылку хереса какой-нибудь германский генерал. Бедняга Кейпо де Льяно слушал, но не понял. Его речь напечатана крупным шрифтом в газете «Диарио де Наварра» от 1 декабря:

«Было бы оскорбительным для мавританской расы приравнять ее к арийской. Мавританцы Валенсии, Барселоны и Мадрида – в большинстве арийцы. Мавританская раса – избранная раса, привилегированная раса. Она находится теперь в некотором упадке, но мавританцы – люди благородные, пристойные, полные рыцарских инстинктов, в то время как другая раса, та, что теперь командует правительством и армией красных, состоит из людей, созданных только для того, чтобы подчиняться, и абсолютно лишенных достоинства».

Хорошо, что г-н Геббельс не владеет испанским языком. Что подумал бы он о черной неблагодарности севильского генерала? Стоит ли давать этим пьянчужкам «хейнкели» и «юнкерсы» для того, чтобы они оскорбляли

честь чистокровных арийцев? Впрочем, Кейпо де Льяно не смущается. Вчера он поздравил «дорогих германцев, итальянцев и португальцев» с наступающим Новым годом. Вряд ли он при этом задумывался над своими словами. 1937 год наступает. Но через этот год не переступят ни сам Кейпо де Льяно, ни его свирепые погромщики. [128]

– С Новым годом! – говорят друг другу бойцы народной Испании среди развалин Мадрида, в снегах Теруэля, на скалах Астурии.

Темна новогодняя ночь, как темны теперь все ночи Испании. В городах слепые окна. Не зажжены фонари. Автомобили без фар. Жизнь зарывается в темноту от хищных глаз фашистских самолетов. Сгибаясь, идут люди по окопам. Только зарево пожара и росчерк сигнальной ракеты прорывают этот заговор ночи. «С Новым годом, товарищи!» – весело смеется мой приятель Хуан Перес, и, раскрыв рот, он льет в него струйку терпкого вина.

Можно оглянуться назад, вспомнить трудные месяцы. Мятеж генералов охватил три четверти страны. Многие гарнизоны примкнули к бунтовщикам. Безоружные рабочие брали казармы и форты. Началась война. У народа не было ни дисциплины, ни военных знаний, ни амуниции, ни твердой власти. Изменяли генералы, изменяли посланники. Офицеры старой армии оказались столь же несведущими в военном деле, как и дружинники. Народ был беспечен. Дружинники храбро кидались в атаку, но зачастую после первой неудачи они отступали. Каждый городок, каждая деревушка жили своей жизнью. Тысячи различных комитетов придумывали свои законы. Десятки различных партий не могли друг с другом столкнуться. Фашисты с помощью итальянцев и германцев перекинули в Испанию полки наемных марокканцев. Мятежные полчища захватывали все новые и новые города. Они истребляли десятки тысяч рабочих и крестьян. Они взяли Толедо, они подошли к Мадриду. Воспользовавшись минутной паникой, они ворвались на окраину столицы. Тогда негодование, гнев, отчаяние сжали сердце испанского народа.

«Мы возьмем Мадрид 7 ноября», – говорили фашисты. Запомним эту дату, и без того нам памятную! 7 ноября началась вторая фаза гражданской войны в Испании – народ перестал отступать. Он начал обороняться. Мадрид превратился в неприступную крепость.. Заводы Каталонии стали лихорадочно работать на оборону. Мало-помалу бесформенные отряды милиции превращались в дивизии народной армии. Фашисты были принуждены окопаться у ворот вожделенной столицы.

Настали недели передышки. Народ создает свою армию. Еще много

беззаботности. Еще много и длинных [129] речей, и пестрых комитетов, и потерянных часов. Но Испания теперь зажила новым, непривычным для нее ритмом. Горек и страшен полуразрушенный Мадрид. Горек, страшен, но вместе с тем отраден. Здесь рядом с фашистскими ордами родились дисциплина, воинское мужество, воля к победе.

Тыл фашистов – ненадежный тыл. Три дня назад я разговаривал с делегатом отряда, который сражается в Эстремадуре, в тылу фашистов. Он сказал мне: «Мы ждем сигнала». На первую победу народной армии откликнутся винтовки многих тысяч партизан. Фашисты в первые месяцы смогли захватить десяток губернаторств. Но они не могут их оккупировать. Тревожным сном спят фашистские стражники в деревнях Андалусии и Галисии. Кроме карт генеральных штабов, существует крепкий ум крестьянина. Крестьянин знает, что республика дает ему землю и что эту землю отбирают у него фашисты.

Дорогой ценой, кровью лучших сынов отечества, оплачены старые ошибки беззаботного и доверчивого народа. О них теперь можно говорить в прошлом: новый год будет действительно новым для народной Испании.

В окопе десяток солдат, вино, колбаса, круглый хлеб. Хуан Перес, смеясь, говорит: «Довольно мы повторяли: «?No pasaran!» – «Они не пройдут!» С Новым годом, товарищи, и с новыми словами: «?Pasaremos!» – «Мы пройдем!» Да, теперь мы пройдем в Сарагосу, Бургос, Саламанку, Севилью!..»

Валенсия, 31 декабря 1936

Нейтралитет

В Цюрихе почтенный судья недавно судил рабочего. Этот опасный преступник осмелился в кино крикнуть: «Да здравствует испанский народ!» Догадливый судья сказал: «Если бы вы хотели остаться действительно нейтральным, вы бы крикнули: «Да здравствует Испания!»

Слов нет, Испания прекрасная страна, в ней много и меди, и цинка, в ней оливковые рощи, апельсиновые сады, пробка, вино, уголь. На беду, в ней живет какой-то испанский народ. Итак, да здравствует Испания без испанского народа – Рио-Тинто, копи Астурии, станки [130] Сабаделя, рис Валенсии, добыча, которую поделят между собой агнцы рейхсвера и голубки из Аддис-Абебы⁷⁸.

Швейцария, как известно, страна Красного Креста. Можно предположить, что сердца всех швейцарцев, включая и суровое сердце

цюрихского судьи, горят одним желанием: перевязать раны страждущих. Недавно из Женевы выехали в Испанию семь грузовиков с санитарями и медикаментами. По приказу швейцарского правительства грузовики были задержаны на границе: нейтралитет запрещает перевязывать раны испанских марксистов.

Один из польских волонтеров, солдат батальона имени Домбровского, был убит под Мадридом. По просьбе матери его тело отправили в Варшаву. Польские власти возмутились: что им делать с этим подозрительным прахом? Как отнесется его высокопревосходительство генерал Франко к подобному нарушению нейтралитета? Тело лежало день, лежало два. Наконец жандармы зарыли его ночью, тайком от матери.

Четыре школьника из Загреба решили пробраться в Испанию. Старшему из них было пятнадцать лет. Беглецов поймали. Пятнадцатилетнего мальчика допрашивали: «Кто вербовал?..» Содрали ногти с его пальцев. Потом полковник ударил преступника железной линейкой по голове.

Все народы видят: на нейтралитет покушались санитарные грузовики, четыре загребских школьника, мертвое тело поляка. Грузовики задержаны, тело спрятано, школьники забиты насмерть. Нейтралитет торжествует. В севильском кафе «Пасахе дель ориенте» сидят летчики «национальной армии генерала Франко». Они пьют национальный коньяк из Хереса. Какое кому дело, если они говорят друг с другом по-немецки? Это красивый язык, к тому же это язык «национальной армии», если не испанской, то германской. Какое кому дело, если они поздравляют друг друга с успехами? Разговоры в кафе – частное дело. Лучше послушать генерала Кейпо де Льяно. Генерал вчера объявил по радио: «Наши доблестные летчики в Малаге бьют хлопущей марксистских мух»...

В морге Малаги лежат детские трупы. Впрочем, какое кому до этого дело? В Кадис плывут суда с германскими пехотинцами, итальянские самолеты уничтожают испанские поселки, несутся через мирную Португалию поезда [131] с «мирными дарами» Эссена⁷⁹. Дипломаты все еще пишут вежливые ноты. Швейцарские судьи и югославские жандармы свято оберегают нейтралитет. Этот нейтралитет можно взвесить. Он означает тысячи трупов, развалины городов, кровь и слезы. От дипломатических нот несет духом мертвецких. Впрочем, какое кому дело до истребления целого народа? Да здравствует нейтралитет!

февраль 1937

Барселона в феврале 1937

Барселона жила весело и беззаботно. По Рамбле гуляли молодые люди в щегольской форме. Рестораны, кокетливо приbedнясь, подавали «военные завтраки» из четырех блюд. В ночных кабаре полуголые шансонетки прославляли «павших героев». Пятнадцать газет различных партий и подпартий рассуждали о мировой политике. На стенах пестрели плакаты: «Читай анархистские книги, и ты станешь человеком» или «Во имя человеческого достоинства не дари своим детям игрушечных солдатиков». Германские летчики тем временем разрушали Мадрид, и полчища чернорубашечников ползли из Малаги к Альмерии.

Вчера орудия фашистского корабля напомнили Барселоне о том, что на дворе война. Был хороший, теплый вечер. Молодые люди, как всегда, гуляли по Рамбле. Как всегда, были переполнены кафе, рестораны, кино. Люди глядели на подвиги чикагских гангстеров или мирно пили в «Кафе Экспресс». Вдруг раздалось мяукание, потом грохот. Еще и еще... Завыли сирены. Город сразу стал черным, врос в ночь.

Час спустя я бродил среди камней, мусора, битого стекла. Гудели санитарные машины. На носилках несли молодую женщину. Старик в крови стонал.

Много раз я наблюдал, как испанцы смотрели фильм «Мы из Кронштадта». Когда человек с камнем на шее швыряет в воду гитару, зрители неизменно смеялись: они не могли поверить, что кронштадтских моряков кинут в [132] воду. Потом они ожидали: сейчас выплывут! Когда показывался единственный уцелевший, они одобрительно смеялись: они знали заранее, что он спасется. Они ожидали спасения других. Я рассказываю об этом потому, что трудно понять военную карту Испании, не зная исконной беззаботности ее народа. Мадрид пережил свою драму задолго до того, как первые бомбы начали уничтожать его дома: в те дни, когда марокканцы шли от Талаверы, от Македы, от Толедо к его заставам и когда молодые люди в щегольской форме с семи до девяти вечера гуляли по Алькала. Снаряды и бомбы пробудили Мадрид. Фашисты уже разрабатывали программу празднества по случаю взятия столицы, а Мадрид очнулся Верденем Испанской республики.

Развалины домов и стоны раненых сделали свое дело. Эпоха пестрых флагов, красивых лозунгов, беззаботного оптимизма кончилась и для Барселоны.

февраль 1937

Малага

Простоволосая женщина глядела на меня большими незрячими глазами. Иногда она чуть шевелила губами. Я боялся спросить, что она делает одна на дороге возле узла с тряпьем. Из будки сторожа вышла девочка лет трех. Она смешно ступала чересчур пухлыми голыми ногами. Тогда женщина всполошилась. Оглядываясь по сторонам, она начала руками ловить воздух. Сторож вышел, увел девочку и шепнул мне:

– Она из Малаги. Ее детей убили.

Малага!.. Это название было связано с вином – темным, приторно-сладким. На берегу синего моря вызревал мелкий сахарный виноград. В городе вдоль улиц росли пальмы. В снежно-белых гостиницах, в виллах с мавританскими фасадами, среди пальм и винограда, жили богатые англичане. Они любили этот город за сладость и покой. Нигде в мире не было ни такого медового вина, ни такого ласкового солнца. Целый квартал был заселен ревматическими негоциантами из Лондона, Ливерпуля или Глазго. Порой они заходили в узкие, темные переулки. Дочки негоциантов щелкали «кодаками»: они снимали живописную нищету. Там жили рабочие, рыбаки, [133] грузчики: там не было ни пальм, ни мавританских фасадов; жизнь там была голой и черной: лачуги, лохмотья, «госпачьо» – суп с поэтическим именем – водица, заправленная ложкой растительного масла. Иногда бастовали грузчики или рыбаки. Зачинщиков сажали в острог, темный и зловонный. Иногда рабочие вытаскивали из трущоб крохотный красный лоскуток. Гражданская гвардия стреляла. В лачугах плакали оборванные, голодные ребята.

Весной прошлого года Малага вздрогнула, очнулась. Люди поверили в жизнь без трущоб, без лохмотьев, без плача голодных детей. Малага послала в кортесы депутата-коммуниста. Поденщики, получавшие в день две песеты, стали получать пять. Безработным дали работу: город начал строить школы, дома для рабочих, ясли. Помещики и жандармы перестали пить малагу: это название казалось им невыносимым. Они добавили к нему эпитет «красная». Этим они хотели унижить город. Но жители Малаги, как и многие испанцы, любили красный цвет. Кроме того, они любили свободу и хотели жить. Они сами стали называть свой город: «Красная Малага».

Ревматики из Ливерпуля уехали прочь: они боялись не то знойного андалусского лета, не то новой жизни, о которой мечтали жители рабочих кварталов.

В июле генерал Кейпо де Льяно приказал офицерам двенадцатого линейного полка, квартировавшего в Малаге, укротить строптивый город.

Солдаты подвели офицеров. Офицеры подвели генерала: Малага осталась красной. Шесть месяцев город, отрезанный от военных центров страны, сражался против фашистов. В Малаге не было ни подлинного командования, ни дисциплинированной армии. На седьмой месяц в Кадисе высадились итальянцы. Они привезли артиллерию и танки. Римским разбойникам мерещилась новая Абиссиния. «Герои» Капоретто⁸⁰, которых били все регулярные армии мира и которые гордились своей победой над безоружными эфиопами, решили дать генеральный бой грузчикам и рыбакам Малаги. Они заручились поддержкой на стороне: германские линкоры курсировали возле берега; германские самолеты летали над городом. Итальянцы погнались [134] вперед злосчастных марокканцев. Для успокоения членов лондонского комитета в обозе ехал военный губернатор Малаги, он же герцог Севильи, а два тощих фалангиста поддерживали знамя монархической Испании. Войдя в город, итальянцы повесили возле статуи святой девы свой флаг, скрестив его с черной свастикой союзников.

Иностранных журналистов в город не впустили. Им отвели прекрасный особняк в предместье: «Там сейчас еще опасно – идет чистка...» На пароходе «Кановас» фалангисты нашли своих друзей – арестованных фашистов: республиканцы, отступая, не расстреляли пленных. Вероятно, поэтому генерал Кейпо де Льяно приказал покарать «красных убийц». Впрочем, ни итальянцы, ни легионеры не нуждались в советах. С пением «Джовинецы» итальянцы прошли по нарядному проспекту Маркес-дель-Рио. Легионеры и марокканцы предпочли рабочие окраины. Они не пели пышные гимны, они били жалкую утварь, жгли столы и курятники. Они выводили мужчин на улицу и, глумясь, расстреливали: итальянцы привезли вдоволь патронов. Они бились об заклад, кто стреляет лучше. Выигравший хватал жену или дочь расстрелянного. Маленькая речка Гвадальмолина была запружена трупами. Проходя по главной улице города, итальянские офицеры ногами откидывали тела мертвых. Потом герцог Севильи (он же губернатор Малаги) приказал «подмести главные улицы и открыть полевые суды» – в порт зашел английский крейсер.

На площади Сан-Педро фалангисты развели большой костер: они жгли трупы. Они стали сразу ревнителями правосудия: «никаких расстрелов без суда». За три дня они арестовали восемь тысяч человек.

Бойцы ушли из Малаги. С ними ушли сорок тысяч женщин и детей. Фашисты схватили дедушку секретаря профсоюза булочников, племянницу убитого дружинника. В день судили до трехсот человек. Писцы не успевали записывать имена приговоренных к расстрелу. На первом заседании суда

одна женщина, обливаясь слезами, сказала:

– Я ни в чем не повинна. Я только стирала белье. Старик крикнул: «Звери!» Офицеры не спорили, они торопились: «Расстрелять». Председатель суда, зевая, сказал:

– Следующий. [135]

Корреспондент «Пополо д'Италия» синьор Барзини отправил в свою редакцию радиограмму: «Суд работает согласно всем принципам гуманности. Будут уничтожены только зачинщики и преступники».

Может быть, по дороге на телеграф он встретил прачку Инкарнасион Хименес, которую как «зачинщика и преступника» фалангисты вели к стенке?..

Среди скал толпились беженцы. Шли старики, больные, женщины. На плечах тащили детей. Над толпами, обезумевшими от страха, кружились самолеты. Летчики генерала Фаупеля⁸¹ показали чудеса храбрости: бреющим полетом они косили детей. Они чистили Испанию от испанского народа: из детей могут вырасти марксисты, а это хлопотно и опасно.

Бесноватый генерал Кейпо де Льяно объявил по радио: «Все население Малаги встретило нас с восторгом. Женщины целовали руки моим храбрым ребятам».

Кто целовал руки легионеров, ваше высокопревосходительство? Может быть, те, кто убегал через горы под огнем германских самолетов? Может быть, расстрелянные, чьи трупы смутили даже герцога Севильи? Может быть, восемь тысяч арестованных? Или прачка Инкарнасион Хименес, которую ваши храбрые легионеры расстреляли за то, что она стирала лазаретные простыни?

Я видел одного человека оттуда: женщину на дороге. Она не могла ничего рассказать. Она не могла говорить. Она не могла понять, что ее двух девочек убили возле Мотриля. Я видел ее глаза; я знаю, что фашисты сделали с Малагой.

Это знает вся Испания. Это знают героини Мадрида, готовые, скорее, умереть, нежели отступить. Это знают чересчур беспечные Валенсия и Барселона с их кафе, с политическими дебатами, с пестрыми эмблемами и радужными проектами. Толпы на улицах требуют мобилизации. Вся Испания становится тем Мадридом, под которым фашисты стоят уже сто дней. Кровь красной Малаги оказалась едкой: она разбудила страну.

февраль 1937 [136]

Рабочие «Дженерал моторс»

Мерно качаются гробы на черных катафалках среди цветов и синева. Семнадцать... Старики мирно ужинали; стакан уцелел. Женщина, отчаянно закинув руки, метнулась к убежищу; снаряд догнал ее в подъезде. Солдат, приехавший с фронта в отпуск, глядел на световые рекламы и улыбался; он упал, схватившись за живот. Орудия итальянского корабля стреляли в город, сонный и теплый, в дома, спальни, детские. Когда рвались снаряды, один человек, обезумев, выхватил револьвер: пулями браунинга он думал потопить крейсер. Это было смешно и страшно. Это было вчерашним днем испанской драмы.

– Мы решили, что дальше ждать нельзя, – сказал мне Карреро – рабочий завода «Дженерал моторе».

Он сказал еще:

– Вот грузовик «марафон»...

Я поглядел на чертежи, на сухое костистое лицо Карреро; потом я поднял глаза и улыбнулся: над рабочим столом висела фотография – недостроенные домны, бараки, тайга – Кузнецкий завод весной 1932 года.

На заводе «Дженерал моторе» прежде только собирали машины. Взяв в свои руки предприятие, рабочие решили к первому апреля выпустить первую тысячу грузовиков «марафон». Проект грузовика одобрили инженеры Барселоны. Сделал его старый рабочий Караско. Двадцать с лишним лет он проработал на автомобильных заводах. Сто сорок пять заводов и мастерских изготавливают отдельные части для грузовиков «марафон».

Февраль в Барселоне. Цветет миндаль, цветут мимозы. Люди, как всегда, хотят шутить, но слова застревают в горле. Пала Малага. Враг пытается окружить Мадрид. Итальянцы наступают на Альмерию. Что ни день – фашистские корабли обстреливают города побережья. Суббота – семнадцать трупов в Барселоне. Воскресенье – четырнадцать в Валенсии. Детские гробы, скупые строки телеграммы. «Капрони» умерщвляют рыбаков Порт-Бу. Германские самолеты косят андалусских беженцев. Триста рабочих завода «Дженерал моторе» собираются на совещание. Ни пышных речей, ни споров.

– Записывай, – говорит Карреро.

Они составляют обращение к рабочим Барселоны: «Последуем примеру мадридцев». Карреро перебивает:

– Стой! По пунктам!.. [137]

«Все рабочие, закончив работу, должны проходить курс военного обучения». Принято единогласно. Бьет барабан. Рабочие «Дженерал моторе» выстраиваются в ряды. Они учатся маршировать, рыть окопы, стрелять.

«Надо работать столько часов, сколько требуется». Рабочие «Дженерал моторе» первыми дают пример. Они давно ввели шестидесятичасовую неделю. Они говорят теперь: «Не шесть часов в день будем работать, но шестнадцать!» И, глядя на фотографию с выцветшими бараками Кузнецка, Карреро ласково усмехается.

Рабочие «Дженерал моторе» постановили снизить заработную плату. На нужды обороны они внесли две тысячи песет. Они зовут другие заводы: «Товарищи, кто с нами?» Вот идут делегаты «Испано-Сюисы», «Форда», «Ла-Маритима», «Фабра»: «Мы с рабочими «Дженерал моторе». С нами триста тысяч рабочих». Они несут деньги, они ищут военных инструкторов, они работают до поздней ночи.

«Объявляем неделю войны». Все театры, радио должны быть посвящены одному: войне. Пусть на центральных улицах происходит военное обучение! Пусть Барселона наконец-то поймет, что на нее направлены жерла фашистских пушек!..

Стыд потерь, гнев, гордость бросились в голову Испании. Старая, вольная Барселона, город перестрелок и баррикад. Барселона, чересчур ветреная и шумливая, насупилась. Под моим окном глухо бьет барабан. Это шагает новый полк революции – рабочие «Дженерал моторе»: «un-dos» – «раз-два»...

февраль 1937

Герои «третьей империи»

Германские дипломаты не раз заверяли: «В Испании нет наших солдат, десяток-другой добровольцев...»

Рядом со мной – рослый парень. Низкий лоб, маловыразительные глаза, хорошая мускулатура. Это фельдфебель германской армии Гюнтер Лонинг. Он не энтузиаст, не фанатик. Он самый обыкновенный фельдфебель. В казармах Грейфсвальда он командовал: «Стройся!» Он пил пиво и кричал: «Хайль Гитлер!» Потом пришел [138] приказ. Гюнтера Лонинга, а с ним и других фельдфебелей, лейтенантов и нижних чинов отвезли в Гамбург. Их погрузили на корабль «Никея». Капитан взял курс на юг: к первой колонии

«третьей империи» – в порты, занятые Франко.

Двадцать седьмого января «национальная» армия генерала Франко пополнилась еще одним испанским патриотом: фельдфебель Гюнтер Лонинг стал защищать священные традиции Сида и Сервантеса. Для этого его посадили на «юнкерс». Ему хотелось рассказать своей матери, какие дивные пальмы растут в германской колонии, но обер-лейтенант Кауфман сказал:

– Запрещается писать родным, что вы находитесь в Испании.

Я спрашиваю фельдфебеля:

– Ваша мать так и не знает, где вы?

Гюнтер Лонинг усмехается:

– Догадывается...

Германский фельдфебель – не булавка: где же теперь ему быть, как не в Испании?

Двадцать третьего февраля обер-лейтенант Кауфман распорядился: «Бомбить Пуэртольяно». Возле Андухара «юнкерс» потерпел аварию. Три немца погибли. Гюнтер Лонинг отделался шишкой на лбу. Испанский полковник спрашивает:

– Почему вы бомбили Пуэртольяно?

Он равнодушно отвечает:

– Мы проверяли действие бомб, сбрасываемых с различной высоты.

– Почему вы приехали сюда?

– Я солдат и подчиняюсь приказу.

– Неужели вы не задумывались, почему вас послали в Испанию?

Гюнтер Лонинг удивленно смотрит на меня.

– Германский солдат никогда не думает.

Ему двадцать два года. Его научили стрелять; думать его не научили. В его записной книжке готическими буквами записаны имена лейтенантов и фельдфебелей; за ними следует адрес злосчастной «Пышки» из Севильи. Гюнтер Лонинг меланхолично вспоминает:

– В Севилье имеется заведение с немецкой клиентурой и немецкой кухней...

Среди пальм лейтенанты и фельдфебели ели сосиски. О чем они

говорили? О войне? Об испанском народе? [139]

О злых глазах Трианы, где фашисты перестреляли половину населения? Гюнтер Лонинг, этот фельдфебель с душой Гретхен, зарумянившись, отвечает:

– Мы говорили о девочках...

Полковник спрашивает фельдфебеля:

– Почему вы ведете войну против нас?

Гюнтер Лонинг смотрит на него исподлобья:

– Фюрер сказал, что он хочет мира, а фюрер никогда не ошибается.

Трудно поверить, что это – живой человек, сын ганноверского портного, что он учился в реальном училище, что у него курчавые волосы. Все эти приметы случайны и ничтожны. Он только фельдфебель, и пулемет, у которого он стоял, куда живей, своевольней, человечней. Гюнтер Лонинг – идеальный представитель той новой фашистской расы, которую теперь разводят на племенных заводах «третьей империи». Он страшен и жалок: он спокойно уничтожал испанцев, не подумав даже, в чем они провинились перед его непогрешимым фюрером. Что ему чужая жизнь? Зато он страстно интересуется своей собственной; то и дело спрашивает: «Что со мной сделают?» Он смущенно бормочет: «Обращаются со мной хорошо»...

Звонит телефон: только что германские бомбардировщики совершили налет на Гандию. Девять убитых, из них двое детей. Гюнтер Лонинг безразлично смотрит в сторону.

Отто Винтерер был кавалеристом. Это обер-лейтенант германской армии. Он не новичок, в Испании он с ноября. В ноябре германцы были много стыдливее: Отто Винтереру предложили перед отъездом подписать прошение об отставке. Гюнтер Лонинг, которого отправляли в январе, уже ничего не подписывал: зачем зря портить бумагу?!

Отто Винтерер мягче, подвижней фельдфебеля. У него аккуратный пробор. Он был пилотом на «хейнкеле». Двадцать четвертого февраля его аппарат произвел вынужденную посадку близ Наваль Моралья. Отто Винтерер улыбается всем – и часовому, и пленному марроканцу. Он на пять лет старше Гюнтера Лонинга. Он тоже повторяет: «Германский солдат не думает», но у него самого были кое-какие мыслишки. Он, например, хотел стать майором. Одна прабабушка обер-лейтенанта была безупречной арийкой, другая его подвела. Обер-лейтенанта [140] не производили в следующий чин: двадцать пять процентов нечистой крови оказались

непроходимым барьером. Обер-лейтенант прикинул: кровью испанских женщин можно исправить недостаток своей подозрительной крови. Улыбаясь, он лепечет:

– Я прогадал...

Лучше было бы вовсе выйти в отставку!

Ему сказали, что усмирить испанцев плевое дело, а здесь оказалась война.

С глубоким презрением обер-лейтенант говорит о генерале Франко, об испанских офицерах.

– Это не германская армия. Грош им цена!

Да, он многого не учел. Он не подозревал, что попадет в руки республиканцев.

– Я, действительно, прогадал...

Что же ему теперь остается, как не расточать приветливые улыбки?

Вот они, герои «третьей империи», – обер-лейтенант с аккуратным пробором, который мечтал о чине майора, и фельдфебель, знавший в жизни только речи непогрешимого фюрера и адреса различных «Пышек».

Развалины Мадрида, Альбасете, Картахены, тысячи трупов – женщины, дети. За что?

«Германский солдат никогда не думает».

февраль 1937

Под Теруэлем

Восьмой день в агитмашине. Кино: «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Микки-Маус» – мышонок, который защищает свой дом от черного злого кота. «Американка». Пако82 набирает газету «Наступление». Я забыл, что на свете есть письменный стол.

Скалы кажутся развалинами, как будто орудия иной планеты долго громили землю. Вместо Россинанта – осел, а на всаднике короткие панталоны, сто раз залатанные. Он привез пакет: маршрут агитмашины.

«Чапаев». Когда белые убивают часовых, бойцы – Крестьяне Арагона – не могут вытерпеть. Они будят часовых: [141]

– Товарищи, проснитесь!

Потом отряд принимает резолюцию: «Усилить бдительность». Ночью

никто не спит: караулят.

Снова камни. Бедный, незаселенный край. Лачуги обмазаны известью. Вот сто лачуг, между ними ухабы, мокрая глина, тощая черная свинья. Это город Алеага. И снова камни. Редко среди них увидишь травинку. Овцы, пастух. Он поет заунывно, неотвязно. Так же сиротливо здесь пел пастух сто лет тому назад, тысячу лет – до республики, до королевства, до арабов, до римлян. Вдруг в небе три «юнкерса». Овцы сбиваются в теплый мохнатый клубок. Пастух испуганно смотрит вверх. Вот он и встретился с новым веком! Он стар, темен и молчалив, как сьерра Арагона.

Среди камней – мертвый марокканец. Его рот приоткрыт, кажется, что он еще дышит. В разрыве облаков показывается солнце и тотчас исчезает. В деревне Альфамбра стоит батальон. Нет ни вина, ни мяса, ни кофе. Острый холод. Согреться негде.

Переполох – у старого Педро пропала свинья; здесь проходили анархисты из «Железной колонны».

– Свинья!..

Педро не может успокоиться. Крестьяне бедные, все их богатство – одна или две свиньи.

Женщины разожгли хворост. Они греют свои узловатые руки и громко вздыхают. Солдаты медленно жуют хлеб. Один рассказывает:

– Пропустил ленту, а пулемет стоп... Мы за гранаты... А они...

Вечером в церкви кино. Среди святых барокко несется тройка Чапаева. Бойцы смеются, аплодируют, топчут ногами: им весело и холодно. Потом ко мне подходит Педро – тот самый, у которого пропала свинья.

– Сеньор, пожалуйста, поблагодарите командира Чапаева за благородный пример.

– Ты разве не видел, что Чапаев умер?

Он растерян, о чем-то думает. Он мнет в руке засаленный берет. Я вижу, как на его голове трясется седая косичка. Потом он говорит:

– Тогда поблагодарите его заместителя.

Ночью в окопах тихо. Бойцы нервничают, то и дело они хватаются за винтовки. Они жадно всматриваются в туман, зеленоватый от луны. Выстрел. Из тумана выплыл человек. Он идет, подняв руки вверх. На плечах [142] ребенок. Сзади другие тени – женщины, ребята. Эти люди пришли из деревни Санта-Элальи, занятой фашистами. Они шли две ночи, а

день пролежали под камнями. Женщины на руках несли детишек. Я никогда не забуду старуху в черном платке. Опираясь на клюку, в шлепанцах, она прошла сорок пять километров – через горы, через ущелья. Увидев политкомиссара, она улыбнулась запавшим ртом и подняла крохотный детский кулак. Крестьянин, тот, что привел женщин, угрюмо сказал:

– Я пришел воевать.

Ему дали хлеба. Он заботливо спрятал ломоть и пошел по деревне. Ему говорили: «Нет мяса, нет кофе, нет вина». Он усмехался. Старый Педро, конечно, ему рассказал про свинью. Тогда крестьянин из Санта-Элальи всполошился:

– Идите сюда!..

Он влез на каменный колодец возле церкви. Солдаты шутили:

– Митинг!

Крестьянин молча шевелил губами. Казалось, он жует припрятанный хлеб. Наконец он крикнул:

– Слушайте!

Все молчали, молчал и он. Солдат в красно-черной шапчонке спросил:

– Что слушать?

– Дураки! Того вам нет, этого нет. А вы понимаете, что там жизни нет?

Солдаты шумно зааплодировали.

Час спустя батальон ушел на позиции. Позади плелся крестьянин из Санта-Элальи:

– Возьмите меня с собой!

– Нельзя. Надо записаться, пройти обучение.

– Я писать не умею, а стрелять – я стреляю. Я прошлой осенью хорошего кабана подстрелил.

Солдат рассмеялся:

– Ничего, брат, не выйдет. Винтовок нет...

Крестьянин, хитро подмигнув, ответил:

– Я подожду. Вот убьют тебя, я и возьму твою. Женщины – дело другое, а я пришел воевать.

Атака была назначена на пять часов вечера. Бойцы ползут вверх. Ветер

сбивает с ног. Фашисты открыли пулеметный огонь.

Белая лачуга среди камней. Вчера здесь ночевали марокканцы. Я подобрал ладанку и нож; на ноже запекшаяся [143] кровь. Политкомиссар рассказал мне, что крестьянин из Санта-Элальи все же участвовал в атаке. Он ножом убил фашистского капрала. Улыбаясь, комиссар говорит: – Араговец... У нас есть пословица: арагонцы гвозди головой забивают.

декабрь 1936

Судьба Альбасете

Туристы никогда не заезжали в Альбасете: это был город без достопримечательностей. Чем он мог похвастать, кроме шафрана и перочинных ножей? В мехах горячилось местное вино, розоватое и капризное. На главной улице Калье Майор кудрявые красавицы сводили с ума захоластных мечтателей. В парке под высокими вязами кричали смуглые дети.

Была лунная ночь февраля, холодная и прозрачная. Весенний ветер еще не доходил с побережья. Старики грели ноги у жаровен и вспоминали прошлое. В кафе доморожденные стратеги толковали о Хараме⁸³. Мечтатели рассказывали своим невестам о пулеметах: это были последние вечера перед разлукой. Вдруг прокричала сирена, люди кинулись за город, в поля. Грохот. Женщины в ночных туфлях, старики, закутанные в одеяла, сонные дети – все они побежали по Хаэнской дороге. Пулеметчик «юнкерса» увидел тени. Он стал косить женщин и ребят. Грохот, и десять минут глубокой, невыносимой тишины. Люди, лежа в полях, не говорили друг с другом, они врастали в землю; они хотели жить. Потом снова гудение и снова грохот.

Девять залетов. Свыше ста бомб, фугасных, в двести пятьдесят кило, осколочных, зажигательных. Это началось в девять часов вечера, а последняя бомба была сброшена после двух пополудни. Шесть часов люди лежали в поле и ждали смерти. Под утро, боясь вымолвить слово, еще не доверяя тишине, люди побрели назад в город. Где-то кричал первый петух. Под ногами хрустело стекло. Огромные воронки казались черными и загадочными. [144]

Кафе, самое большое кафе Альбасете. Мусор, случайно уцелевший сифон, старая афиша: «Бал в Капитолии». Модный магазин, манекен для примерки, без головы и без рук, обыкновенный манекен. Отсюда вытащили женщину – у нее не было ни головы, ни рук, ни ног. Большой пятиэтажный дом; он рассечен снарядом. В воздухе висят комнаты, похожие на

театральные декорации. Здесь погибли семь человек. Рабочий дом; ничего не уцелело, только в горшке бледно-зеленый стебелек без цветка. «Мою жену убило осколком...» Вместо потолка – небо, обломки кровати, на полочке бутылка с лекарством. Городской музей. Иберийская скульптура четвертого века. Ее пощадило время, ее покалечили бомбы «юнкерса». Деревянный Христос. Комсомолец говорит мне: «Это я его спас»... На боку Христа новая, свежая рана.

Здесь жили мать и трое детей. Они недавно приехали из Мадрида. Мать говорила соседям: «Я никогда не уехала бы оттуда, но что поделаешь – дети, а там теперь опасно...» Они все погибли. Рядом жила семья рабочего: отец, мать, шестеро детей. Они ужинали; их засыпало. Девочка двух лет – проломленный череп; розовый, пухлый мальчик – оторваны ноги – под теми самыми вязами, где весело верещала детвора.

Альбасете – небольшой город: сорок пять тысяч жителей. Девяносто два трупа: тридцать шесть женщин, двадцать семь детей.

После страшной ночи не открылись лавки, не вышли газеты: не было электричества. Одна из бомб повредила трубы водопровода, и лазаретные сиделки искали ведро воды. Фашисты приговорили Альбасете к смерти, но Альбасете хотел жить. Рабочие принялись за работу; они восстанавливали поврежденные провода, чинили трубы, расчищали улицы. Все, кто может держать в руке заступ, роют подземные убежища. Ночью по небу рыщут прожекторы. «Юнкерсы» попробовали снова приблизиться, но, увидев прожекторы, повернули назад. Жители вернулись в город; открылись магазины. Калье Майор под вечер снова пестра и шумлива. Но чернеют раны Альбасете – дома без стен; нигде я не видел столько женщин в черном. Лунная ночь еще жива, и вдруг тяжелое молчание вмешивается в смех под изуродованными вязами. [145]

Когда под утро жители Альбасете молча возвращались в разрушенный город, одна старуха, дойдя до дома, где жил ее внук и где теперь ничего не было, кроме сломанного кресла и красной лужи, выпрямившись, крикнула: «Убийцы!» Ей никто не ответил: люди еще не могли говорить. До этой ночи она была темной старухой, украдкой молилась богородице и, завидев дружинников, пугливо куталась в черный платок. На следующее утро она пришла в казармы; она сказала часовому: «Пусти! Я могу полы мыть, стряпать, стирать»... Ей шестьдесят три года. Она рассказала мне о внуке, о разрушенном доме, о трех кроликах и, рассказав, подняла кулак. Сложна и необычайна судьба городов, похожа она на судьбу людей.

февраль 1937

Трагедия Италии

На рукавах пленных нашивки: голубое поле итальянской империи и черное пламя фашизма⁸⁴. Год назад они расстреливали безоружных эфиопов. Теперь их послали под Гвадалахару: завоевать Испанию. Комедиант, мечтающий о лаврах лже-Цезаря, подписывая «джентльменское соглашение»⁸⁵, не забывал о формировании боевых дивизий. Рядом с британским Гибралтаром взвевается итальянский флаг. Рим снова станет Римом. Я помню название одного французского романа: «Возраст, когда мечтают об островах». Автор думал о девушках и о Робинзоне. Хозяева новой Римской империи – никак не девушки, и мечтают они об островах, давно открытых. Они зовут своих солдат гордым именем «легионеры», они полны классического пафоса. Посылая в Абиссинию иприт и гигиенические изделия, они при этом цитируют Цицерона. [146]

Два джентльмена, как известно, подписали соглашение. Один из них решил, что джентльменство джентльменством, а дела делами. В различных городах Италии началось формирование военных дивизий. Военные власти говорили, что набирают гарнизоны для Африки: щадя нервы второго джентльмена, Испанию они деликатно называли Абиссинией. Двадцать пятого января из порта Гаэта, близ Неаполя, две пехотные дивизии были отправлены в Абиссинию. Вполне естественно, что первого февраля они прибыли в Кадис. Оттуда их отправили в Севилью. Неделью они провели среди «испанских националистов», а именно среди германских пулеметчиков и марокканских стрелков. Потом их отвезли в Бурго-де-Осма и в Сигуэнсу. В Сигуэнсе дивизионный генерал произнес краткую, но патетичную речь. Он сказал: «Храбрые итальянцы, вперед!» Храбрых итальянцев погнали пешком тридцать километров: приходится беречь горячее. Потом их послали в разведку. Они увидели, что перед ними не безоружные эфиопы, но люди с ружьями. Тогда без всяких цитат из Цицерона они сдались. Здороваясь со мной, они поднимают кулак и с особым вкусом произносят: «Сamarada».

Римские джентльмены никак не могут быть приравнены к стыдливой девушке, даже когда они мечтают об островах: они чрезвычайно откровенны. На пленную форму итальянской армии. Их обмундировали в Италии, в городе Авелино, где составлялись две дивизии. На шапках номера частей. Один из пленных – цирюльник Сперанца – завоевал Абиссинию, состоя в триста пятьдесят первом батальоне. Поручив ему завоевать испанцев, его причислили к семьсот пятьдесят первому

батальону.

Кто же эти люди, которым Рим поручил завоевать мир? Злосчастные рабочие, запуганные, затравленные, голодные, вшивые. Они должны были идти на смерть только потому, что на римской площади Венеция красиво звучат классические цитаты лже-Цезаря. Каменщик Рафаэль Маррони из Пискары, ему двадцать два года. Его отцу семьдесят лет, он инвалид, потерял ногу на войне. Семья большая. Мать пишет: «Дорогой мой сын, спасибо тебе за десять лир. Ты ведь теперь защищаешь отечество, а у нас дела плохи...» Каменщик Маррони как легионер великого Рима получал в день пять песет. Он копил гроши и послал десять лир родителям. Свыше года он пробыл в Абиссинии, хворал лихорадкой, проклинал [147] жизнь и насаждал латинскую цивилизацию. Он никогда не читает газет. Он не знает, что происходит в Испании, почему его послали под Мадрид. С ранних лет он слышал, что война – простое и естественное дело. Вчера воевали в Африке. Сегодня воюют здесь.

– Ты радовался, что тебя послали в Испанию?

Он усмехается:

– Против силы не пойдешь.

С особым удовольствием он рассказывает, как его батальонный командир, услышав первый выстрел, спрятался за камни. Каменщику сказали, что республиканцы убивают всех пленных. Улыбаясь, он закуривает папиросу: наконец-то он попал к людям!

Паскуале Сперанца – парикмахер из маленького городка Абруцци.

– Почему вас прислали, ведь вам уже тридцать пять лет?

Парикмахер простодушно улыбается. Он весел и хитер. Это итальянский Швейк. Он рассказывает: каждый городок должен был выставить десять или двадцать солдат. Люди побогаче откупались, у парикмахера не было ни копейки, и его послали брать Мадрид. У него жена, четверо ребят. Дома голод. Он воевал с эфиопами. Он обрадовался миру: хоть впроголодь, но все-таки жизнь. Не тут-то было: он не успел разглядеть своих ребят, как его снова послали на войну. Он говорит:

– Привезли нас, как товар.

Он жалуется на харчи: итальянские офицеры прикарманивают деньги, а солдат не кормят. Догадавшись, что его никто не собирается убивать, парикмахер поспешно спрашивает:

– А какие харчи здесь?

Он вспоминает меланхолично:

– Вина не давали, даже апельсинов не давали. Только что знамя красивое, его привезли из Италии.

Он ругает и Цезаря, и интендантов, и жизнь. Он мог бы весело жить в свободной Абруцци – ведь он видел Италию до фашизма – брить людей, петь песни. Вместо этого его зачем-то возят по свету, там, где люди стреляют из пушек, и еще заставляют при этом подымать руку вверх и кричать: «Алала!»

Я не могу оторвать глаз от третьего пленного – Марио Стопини, родом из Павии. По профессии он маляр, но он не был членом фашистской партии, и ему не [148] давали работы. Он получал три лиры семьдесят пять сантимов в день – щедрая подачка рабам империи; ел сухой хлеб; кругом кричали голодные братья и сестры: он был старшим, он должен был кормить других... Он резал хлеб на тонкие ломтики. Он написал каракулями письмо: «Прошу меня послать в Абиссинию как маляра». В ответ пришла бумага: «Прошение удовлетворено». Маляра посадили на «Ломбардию».

Когда судно вышло в открытое море, легионерам сказали: «Вы едете в Испанию». Вспоминая это, маляр плачет. Он с виду неуклюж, недоделан: глаза, которые не научились глядеть; рот, который, мучительно раскрываясь, роняет темные слова. Он плачет, как большой ребенок, которого обманули. Всхлипывая, он говорит:

– Я хотел кинуться за борт...

Испанцы его утешают, и он пугливо улыбается: он не привык к человеческому участию. Вдруг он встает и спрашивает:

– Можно мне остаться здесь красить стены? Я маляр, свой, рабочий...

И, вспомнив о домике в Павии, он снова плачет:

– Что будет теперь с братишками?

Я гляжу на этих людей; я теперь узнал их судьбу. Дети прекрасной страны, страны, издавна влюбленной в свободу, они сидят униженные, как преступники. Ласково хлопает маляра по плечу солдат-республиканец. Они немного понимают друг друга: родные языки, родные народы. Испанец говорит:

– У нас этого не будет, понимаешь?..

Он ищет слова, чтобы утешить пленного. Он говорит:

– У вас это тоже не навек. Надо бороться, бороться...

Он много раз повторяет это слово, как надежду, как утешение, как обет.

март 1937

Сапожник Грегго Сальватори

Сапожник Грегго Сальватори из Палермо. С десяти лет он набивал подметки и клал на башмаки бедняков грубые рыжие заплаты. Ему двадцать четыре года. [149]

Смелое лицо, правильные черты, глаза живые и горячие. Фашисты выдали ему партийный билет, но он не знает, что напечатано на этом куске картона: читать фашисты его не научили. Он отбывал воинскую повинность в пятьдесят втором полку итальянской армии. Это полк имени Гарибальди.

Рядовому Грегго Сальватори говорили: «Фашизм сделал Италию великой». Рядовой вытягивал руки по швам. Кто знает, о чем он думал? О том, что его мать умерла от голода? О том, что у него в Палермо брат и шесть сестреноч, которые хотят есть? Может быть, он вспоминал слова сапожника Беппо? Старый Беппо учил Грегго набивать подметки. Откладывая молоток, Беппо говорил: «Все люди рождаются голыми, сапожники и маркизы. Почему Муссолини убивает коммунистов? Потому что богачи хотят хорошо есть и хорошо спать». На площадях Италии смельчаки еще говорили о «черном позоре». Потом смельчаков послали на Липарские острова⁸⁶. Все притихло. Но сапожник Грегго не забыл уроки своего старого учителя.

Вместе с другими итальянцами Грегго Сальватори послали в Испанию, чтобы покорить испанский народ. В боях под Гвадалахарой бок о бок с испанскими республиканцами сражался батальон итальянских волонтеров, которые поклялись отстоять свободу братской страны. Этот батальон носит имя Джузеппе Гарибальди. Сапожник Грегго Сальватори, который служил в фашистском полку имени Гарибальди, услышал родной язык. Он понял, что перед ним друзья покойного Беппо, и бросил на землю винтовку.

Он говорит мне:

– Я хочу драться против фашистов. Они убили мою мать, они убили мою родину, они послали меня на позор: за маркизов, против своих. Я прошу, чтобы меня приняли в батальон имени Гарибальди. Я не умею читать, но Беппо мне много рассказывал про Гарибальди. Будь Гарибальди жив, никогда фашисты не правили бы Италией!..

Римские разбойники прогадали. Они составили дивизии из безработных,

из неудачников, из бедняков и из всех, кто готов был ехать в Абиссинию прокладывать дороги, рыть землю, таскать камни за кусок хлеба. [150]

Обманом они послали в Испанию десятки тысяч пролетариев, которые ненавидят фашизм. С сегодняшнего дня республиканская армия пополнилась новым волонтером; этого волонтера, вопреки постановлению лондонского комитета, доставило в Испанию итальянское правительство. Три итальянских миноносца охраняли судно, на котором везли в Испанию солдата фашистской армии и будущего республиканского волонтера Грегго Сальватори. За сапожником последуют другие: виноделы, пастухи, каменщики. Италия – не генерал Бергонцоли. Италия – это сапожник Грегго Сальватори. Можно поработить народ, нельзя убить его душу.

март 1937

На поле битвы

В окрестностях Мадрида не бывает весны: снег – и вдруг южное буйное солнце. Между ними неделя-две лихорадки: зной, холод, ливни и синева.

На солнце лежат солдаты. Они греют распухшие, отмороженные ноги: несколько дней они простояли в окопах, залитых ледяной водой. Сразу все высохло, и серебряная пыль покрывает итальянские тягачи, которые один за другим ползут по скверной проселочной дороге. Италия вошла в этот глухой угол Испании, в деревушки на холмах, где кричат ослы возле колодца и где женщины тащат большие глиняные кувшины. Солдаты курят итальянские папиросы. Ребята играют итальянскими ладанками. Артиллеристы деловито чистят итальянские пушки.

У убитого итальянского командира нашли дневник. Четвертого марта командир записал: «Все испанцы стоят друг друга. Я бы им всем дал касторки, даже этим шутам фалангистам, которые только и знают, что есть и пить за здоровье единой Испании. Всерьез воюем только мы – итальянцы».

Прошло две недели, и мы увидели, как итальянцы «воюют всерьез»: они побежали под натиском республиканцев с поспешностью базарных воришек, застигнутых облавой. Убегая, они бросали орудия и гранаты, пулеметы и знамена, танки и дневники. Все дороги забиты [151] итальянскими грузовиками. Вот гора еще не подобранных гранат. Пулеметы. Походные кухни. В Бриуэге республиканцы нашли котелок с теплыми макаронами: легионеры непобедимого Рима отбыли, так и не пообедав.

Среди леса – развалины большого помещичьего дома: Паласио Ибарра.

Дом стоит на холме – тысяча шесть метров. Это бывшая резиденция захолустного помпадур. Кто знал о нем, кроме соседей и налогового инспектора? Но, может быть, это имя войдет в историю: здесь впервые фашизм потерпел поражение. Я не хочу преувеличивать, я знаю, что не только штурм Паласио Ибарры, но и все бои на Гвадалахарском фронте – лишь первая перестрелка в той войне, которую затеяли фашистские захватчики. Что значит один дом, хотя бы и со стенами древнего замка, хотя бы и расположенный на холме, по сравнению с мечтами Рима и Берлина, которые готовятся захватить половину Европы?..

Но в войне, помимо стратегии, помимо танков, помимо территории, существует психология. Я помню тот жестокий день, когда фашисты взяли Толедо. Республиканская Испания замерла как кролик перед удавом. Путь на Мадрид был открыт если не на карте генштаба, то в сердцах. Не только губернский город потеряли в тот день республиканцы, но и веру в победу. Потребовалось упорство лучших представителей народа, потребовалась щедрая кровь рабочих, пришедших в Испанию из всех стран, потребовались месяцы осады Мадрида, напряженной работы в тылу, сурового искусства, чтобы приостановить наступление фашистов. Паласио Ибарра не Толедо, это всего-навсего один дом, но, взяв его, республиканцы вернули веру в победу. Они показали, что наспех созданная народная армия может бить регулярные итальянские полки, они показали, что в борьбе между фашизмом и свободой может победить свобода. Здесь в этом перелеске был взят первый реванш – и за Толедо, и за «поход на Рим», и за разгром рабочего Берлина.

Это было четырнадцатого марта. Республиканцы начали атаку в одиннадцать часов утра. Пять танков держали под огнем здание, превращенное фашистами в крепость. Паласио Ибарру защищал итальянский батальон «Львы». «Львы» оказались сродни «Волкам»: сто двадцать солдат подняли руки вверх. Республиканцы взяли тридцать пять пулеметов, три танка, три орудия, шесть тягачей. Республиканцы похоронили девяносто [152] убитых итальянцев. Среди развалин до сих пор находят трупы.

Восемнадцатого марта, в годовщину Парижской коммуны, республиканцы заняли Бриуэгу. Республиканская авиация закидала бомбами неприятельские позиции. Артиллерийская подготовка длилась тридцать минут. План атаки был тщательно разработан. С правого фланга шла шестьдесят пятая бригада. В центре – батальон «Мадрид», слева – батальон имени Домбровского. На холмах вокруг Бриуэги еще валяется

неподобранное добро: снаряды, винтовки, ручные гранаты. Вот труп итальянского солдата. Оскаленные зубы, как будто он улыбается.

Другой – голубое лицо, в руке бутылка, недописанное письмо: «Дорогая Лючия...» В своем дневнике итальянский командир писал: «Какая страшная война! А нам сказали, что это будет военный парад!...»

Республиканцы взяли в плен трех итальянских солдат, на которых были наручники. Так господа центурионы⁸⁷ доверяют своим легионерам. Возле Паласио Ибарры против итальянских фашистов сражался батальон имени Гарибальди. Ведут пленных. Вдруг итальянский доброволец кидается к пленному фашисту, обнимает его: «Мы с ним вместе сидели в тюрьме – у нас тогда нашли прокламации»... Судьба двух людей сложилась по-разному. Один убежал из Италии, чтобы сражаться за свободу чужой, но родной страны. Другой смирился, долго искал работу, голодал, запросился в Абиссинию и вместо Абиссинии попал в Паласио Ибарру как солдат итальянской армии. Он плачет, слезами он хочет смыть позор. Он глядит восторженно и виновато на своего старого друга. Армия Муссолини – ненадежная армия: она храбро идет вперед, когда перед ней толпы беженцев, малагские дезертиры и предатели. Но когда против нее оказывается противник, она быстро поворачивает назад. Голос пулеметов заставляет ее прислушаться к голосу республиканских громкоговорителей. Бомбы республиканской авиации приучают ее внимательно читать листовки, сбрасываемые самолетом. Когда эту армию бьют, она становится сознательной: она начинает сдаваться.

Среди итальянских солдат мало убежденных фашистов. Зато офицеры нам напоминают о высоких принципах фашизма. [153]

Возле Паласио Ибарры республиканский санитар под артиллерийским огнем перевязывал раненого итальянца. Улучив минуту, офицер вытащил револьвер и выстрелил в санитара. Он промахнулся. Санитар спокойно вырвал из его рук револьвер и закончил перевязку. Этот офицер теперь находится в госпитале.

Обозлившись, итальянцы ежедневно бомбят деревни, освобожденные республиканцами. Половина домов Бриуэги – развалины. Жители ушли в поле. Вот летят три «капрони». Крестьяне прячутся в погреба, в пещеры, в ямы. Тихая деревушка. Женщины только что стирали белье. Убиты мальчик и трехлетняя девочка.

Солдаты идут по краю дороги: они знают, как укрываться от самолетов. Гудение. Тотчас останавливаются грузовики. Солдаты разбегаются по

холмам. Грузовики хитро замаскированы. На передовых позициях солдаты быстро окапываются. Они умеют перебежать поле под огнем. Они беспрекословно выполняют приказы начальников. Это не живописные дружинники первых месяцев войны, это армия.

Не следует преуменьшать опасность: Италия только вступает в войну. В боях на Гвадалахарском фронте итальянцы потеряли около семи тысяч человек. Транспорты новых волонтеров быстро пополнят бреши.

Однако мартовские бои не прошли бесследно: они создали новых солдат-победителей. Впервые за семь месяцев я иду по освобожденной земле. Улыбаются солдаты, усталые, но счастливые. В этот весенний день, полный солнца, ветра и облаков, где-то впереди им уже мерещится победа.

Мадрид, март 1937

Партизаны Испании

Крестьянин Андалусии. Под широкой шляпой – лицо, сожженное солнцем. На плечах одеяло. Охотничье ружье. Вместо пояса патронташ.

– Ты откуда?

– Оттуда... – Усмехаясь, он свертывает сигаретку и говорит: – Итальянцы теперь приехали, но это ничего – в прошлое воскресенье мы их пустили под откос... [154]

Жестокой жизнью жили крестьяне Андалусии и Эстремадуры. У них не было ни земли, ни дома. Еще не брезжил свет, когда крестьянин выходил на работу, – до помещичьей земли пять, а то и десять километров. Он работал «от зари до зари». Так значилось в договоре. Он получал в день 2 песеты. Помещики жили в Париже или в Мадриде. Скупые, вороватые и лютые управляющие издевались над крестьянами.

Весной прошлого года крестьяне захватили помещичьи земли. Управляющие разбежались. Помещики готовились к мятежу. Они снабжали деньгами предприимчивых генералов. Они хотели отвоевать у своего народа землю.

Фашистские генералы расстреляли тысячи рабочих севильской Трианы, гранадского Альбасина, Касереса, Кордовы, Бадахоса. Потом они решили укротить крестьян. Карательные экспедиции ринулись в деревни. За каждый гектар возвращенной и вновь утерянной земли крестьяне отвечали кровью. Фашисты расстреливали стариков, брили головы девушек. Они жгли дома, угоняли скот. Германские генералы говорили: «Поменьше слов, побольше патронов». Итальянцы требовали жирных барашков и молодых

девушек. Выпив бутылку мансанильи, они шутили:

– Крестьян легко урезонить – бутылка касторки и коробок спичек.

Каждый день Кейпо де Льяно кричал в микрофон: «У нас царит полное спокойствие». Спокойствием он называл залпы на околицах и плач ребят возле трупов расстрелянных. 4 февраля эшелон итальянских солдат направился из Севильи в Кордову. Был вечер. Поезд подъезжал к Кордове. Итальянские офицеры возле окон любовались огнями чужого города. Республиканские солдаты издали видели те же огни. Раздался грохот. Все огни погасли. Жители Кордовы спрятались в подвалы: они думали, что город бомбят республиканские самолеты. На железнодорожном пути валялись вагоны. Напрасно кричали раненые. Итальянские санитары разбежались кто куда. Это было ответом крестьян на фашистский террор: партизаны подложили под поезд динамит. Из эшелона спаслись лишь немногие.

Возле Кордовы партизаны уничтожили 11 поездов. Возле Гранады они взорвали мост Пинос Пуэнте. Железнодорожное сообщение между Гранадой и Малагой [155] было прервано в течение 12 дней. Недалеко от Касереса партизаны разобрали путь. Эшелон итальянцев, направлявшийся в Саламанку, был уничтожен.

Ночью партизаны нападают на заставы фашистов. У многих партизан есть итальянские и германские винтовки. Вопреки не только постановлению лондонского комитета, но и вопреки своему собственному желанию, Берлин и Рим понемногу вооружают испанских крестьян.

Мосты в районе Кордовы теперь охраняются отрядами по 100 человек. Поезда ходят пустыми. В автомобилях фашисты передвигаются только днем.

О партизанах ходят легенды: это – страх одних, надежда других.

27 февраля грузовики с итальянскими солдатами выехали из Севильи в Кордову. В темноте на них напали партизаны. У партизан было два пулемета. Итальянские офицеры пытались отстреливаться из револьверов. Солдаты бросились врассыпную. Партизаны захватили много оружия.

В горах Эстремадуры долго держался отряд партизан в 3 тысячи человек. Фашисты выслали против него не только артиллерию, но и два самолета. Отряд был разбит, но уцелевшие партизаны образовали несколько более мелких отрядов. Среди них имеются женщины. Один отряд в 500 человек теперь угрожает Бадахосу.

Когда у партизан не хватает патронов, они набивают гильзы. У них большие запасы динамита: в Андалусии много копей и каменоломен. Из кусков труб партизаны делают ручные гранаты.

Крестьяне дают партизанам еду. Они их прячут во время облав. Фашисты уничтожили село Пуэбло-де-Касалья, объявив: «Жители дали приют красным преступникам».

На следующий день отряд партизан пополнился новыми бойцами: крестьяне уничтоженной деревни поклялись отомстить фашистам. Крестьяне гонят мулов и овец через фронт – к республиканцам. Они просят: «Дайте нам винтовки, и мы вернемся сюда: у нас с ними свои счета».

Горняки Рио Тинто не смирились. Партизанский отряд горняков сражается против фашистов в районе Сафры. 11 марта рабочие Толедо взорвали цех завода, изготавливавший снаряды. Партизаны издают подпольные листовки. Вот листовка, составленная крестьянами Андалусии: [156] «Фашисты свои и чужие пьют нашу кровь. Они отбирают скот. Они грабят дома. Убивайте фашистов кто как может! Отвинчивайте гайки на путях! Стреляйте в автомобили! Если у тебя нет оружия, убей фашиста и возьми его ружье!».

Другая листовка, подписанная бывшими фалангистами Гранады, которые поняли, куда ведут Испанию фашисты:

«Долг каждого честного испанца – бороться против врагов родины, захватчиков и предателей».

Третья листовка, подписанная: «Отряд партизан». Она заканчивается призывом: «Формируйте партизанские отряды! Выгоним из Испании иноземных захватчиков! Да здравствует свободный испанский народ!».

В некоторых селах и городишках партизаны – это попросту жители. Днем они работают, гуляют по улицам, сидят в кафе. С темнотой они уходят в поле, где припрятано оружие. Они караулят возле дорог: вот идет фашистский офицер, вот грузовик с амуницией – начинается бой.

По-испански партизан – «геррильеро». Фаупель и Бергонцоли⁸⁸ могут на досуге почитать историю испанской войны за независимость: перед храбростью и упорством геррильеро отступил Наполеон. Напрасно фашистские генералы изучают карту, на которой флажками обозначена линия фронта: у них фронт повсюду – на каждой дороге, на каждой улице, в каждой деревне. У них больше нет тыла. Я спросил одного из партизан:

– Почему ты пошел воевать?

Он удивленно поглядел на меня и ответил:

– Потому, что я хочу жить.

Валенсия, 22 марта 1937

В деревнях Испании

У синего моря

У синего моря холмы, покрытые нежной зеленью. Это – Комаркаль-де-Маресм – приморский округ Каталонии [157] и огороды Северной Европы. Отсюда шлют молодую картошку, цветную капусту, горошек, салат в Англию, Бельгию, Голландию.

Аккуратные грядки. С утра до ночи на них возятся крестьяне. Только-только отправили зимний урожай картошки, а вот уже поспел весенний. Три урожая в год. Цветет горошек. Теперь время салата – повсюду корзины с волнистыми кочанами.

Председатель объединения сельских кооперативов, глядя на крестьян, которые поливают грядки, говорит: «Эти тоже воюют».

«В Испании анархия! Покупайте только итальянские овощи!» – все английские и голландские фирмы получают теперь подобные циркуляры. Торгаши Рима не забывают ни о бомбах «капрони», ни об имперском горошке.

Крестьяне Маресма в ответ шлют ящики. Молодая картошка; свежий, как приморское утро, салат. В каждом ящике фотография огородов и надпись: «Мы шлем вам, как всегда, отменную зелень Каталонии».

Сейчас горячие дни. Каждое утро Лондон требует семь тысяч ящиков латука⁸⁹. Ловко скользит проволока в руках девушек. Старый крестьянин, считая корзины, бормочет: «Может быть, на эти деньги нам дадут ружья»... У него на Арагонском фронте два сына. Один недавно ранен под Бельчите.

Сосчитав корзины, старик садится на камень.

– Конечно, у нас теперь много беспорядка. Есть нетерпеливые. Я им говорю: надо за латуком смотреть. Пусть у правительства будут заграничные деньги. В Пинеде три тысячи четыреста душ. На войну пошли сто сорок шесть человек. А могли бы пойти еще: Гонсалес, рыжий Педро... Человек пятьдесят. Только в Барселоне говорят: оружия не хватает. Пепе мне рассказывал: фашистские самолеты, – а мы в них камнями. Теперь послушай! Председатель докладывал: за овощи нам причитается в заграничных деньгах полтора миллиона песет. Видишь сколько! На эти

деньги за границей можно купить много ружей. Сейчас мы, конечно, ворчим, ругаемся. А если те победят, тогда нам крышка...

Ползут по шоссе грузовики: крестьяне Маресма шлют овощи в Мадрид и на Арагонский фронт. Девушка записывает: «Деревня Канелья – четыре грузовика с картошкой. [158] Деревня Тиана – два грузовика с бобами. Деревня Матаро...»

Рабочие Барселоны подтянули пояс: очереди, пайки. Что же, крестьяне Маресма грузят зелень и для Барселоны. Во всех деревнях беженцы из Мадрида, из Гранады, из Малаги. В Поль-де-Маре крестьяне устроили детский дом для ребят Мадрида. Люди, которые жили по соседству со смертью, отходят: их лечат беззаботный плеск волн и ласковость крестьян Каталонии.

«Беззаботный плеск волн»... В небе мои старые знакомые: два «юнкерса». Солнце, синее море, безупречная зелень салата; потом грохот, короткий вскрик.

Четверть часа спустя председатель говорит:

– Путь поврежден, как быть с салатом?

Не терпит латук, не терпит взыскательный Лондон.

– Наше место за границей могут занять другие. А республике нужна валюта.

Председатель убегает: нужно достать грузовик. Вот уже грузят ящики с хрупкой зеленью. Рабочие чинят путь. На грядках темнеют тени крестьян. Опускается вечер.

Старый крестьянин из Пинеды идет домой. Он сух, сторблен, печален. Длинные мысли не дают ему покоя. Он останавливает меня, отводит в сторону и бормочет:

– Скажи, а за эти заграничные деньги нам дадут ружья?

февраль 1937

Виноделы

В ноябре солнце Каталонии еще горячо. Деревни полны мира и неги. В бочках бродит виноградный сок. Огромные бутылки десертного вина ранено, как загадочные растения, выглядывают из земли. Винодел Монтерели рассказал мне о новой судьбе: «Мы отобрали землю у фашистов. Устроили кооператив. Двести семейств вошли. Остальные выжидают – как обернется? Сами составили устав. Конечно, мы не умеем красиво писать, но

обдумали как и что. Прибыль будем распределять по количеству рабочих дней». [159]

В погребках, где изготавливается шампанское Кодорния, глухо отдаются шаги. Доска о посещении погребов его королевским величеством. Владельцы погребов уехали за границу. Хозяйский дом рабочие и виноделы отвели раненым дружинникам. Чванливая роскошь прежних хозяев превратила погреба в мавзолей. Среди мозаик рабочие старательно трясут бутылки с шампанским. Жизнь вина продолжается. Во главе огромного предприятия стоит комитет. Директор сказал мне: «У нас два миллиона бутылок: революции не до шампанского. Пить надо за победу».

Восьмого ноября по улицам Барселоны шли виноделы с красно-зелеными флагами. Они несли большие гроздья и плакаты: «Привет советским людям! Привет советским лозам!».

В муниципальном совете Желиды толпятся виноделы... Старый винодел хлопнул меня по плечу: «Не узнаешь? Ты был в погребах Кодорнии. Я пришел записываться. С работой покончили. Как ты думаешь, дадут мне настоящее ружье, но такое, чтобы на фронт?.. Помнишь, директор говорил, что пить можно за победу. Это хорошо, и мы за нее еще выпьем».

ноябрь 1936

Уэрто

Деревня Уэрто находится в двадцати километрах от фронта. Это бедная деревушка Арагона: камни, овцы, солнце, ветер. В Уэрто 800 жителей. 28 из них на фронте. Крестьянин Уэрто Амбросио Пинес пошел впереди центурии, которая атаковала Лесиньену. Раненный насмерть, он крикнул: «Черт, идите дальше!»

В Уэрто теперь сельский кооператив. Во главе правления стоят коммунисты. Крестьянин с умными веселыми глазами сказал мне: «Устава мы еще не написали. Не умеем. Сюда никто не приезжает, да и газет мало. Слушали по радио Москву. Хорошо живут ваши колхозники. Мы здесь только начинаем. Вы вот говорите, каждому колхознику корова, а у нас нет коров. Мы решили каждому крестьянину дать козу». [160]

Пять тысяч гектаров, принадлежавших графу, перешли во владение крестьян. Кооператив получил трактор и три молотилки. До революции семья в пять душ вырабатывала в день семь песет, теперь она получает двадцать. В новом магазине можно найти и хорошее седло, и модные туфли, и колбасу пяти сортов.

Крестьяне Уэрто теперь строят клуб: кафе, зал для собраний, библиотека. Они просят: «Пришлите побольше книжек». Совет постановил открыть школу. Крестьяне ждут, когда придет из города учитель. Они устроили ясли для малышей. Девушки моют ребят, играют с ними, тех, кто постарше, учат грамоте. «Скажи своим колхозникам, что мы идем их дорогой», – сказал мне старый крестьянин.

Вечером все собрались в клуб. Показали фильм: демонстрация на Красной площади. Московская работница на экране говорила о солидарности с испанским народом. Крестьяне Уэрто не понимали слов, но на глазах рослого угрюмого человека, который стоял рядом со мной, я увидел слезы. В Уэрто никогда не приезжали пропагандисты. Никто здесь не устраивал митингов. Но биение сердца Советской страны дошло до глухой деревушки арагонской сьерры, и щедрая кровь моей страны помогла счастью Уэрто.

В правлении совета стоят ящики. Тихо, незаметно крестьяне суют в ящики яйца. Это бойцам. Крестьяне больше не едят яиц, они не везут их на базар. Просто, без лозунгов, без резолюций, они отдают бойцам все, что могут. Женщина в черном платке с гордостью сказала: «Мои оба там...»

Ночь была холодной. Звезды – близкими и большими. Ребята, выходя из клуба, пели «Интернационал».

ноябрь 1936

Деревня Буньоль

В Буньоле на пригорке – развалины арабской крепости. Внизу узенькие улицы, крик осла, чад жаровен. Прогуливаются парочками нарядные девушки, блестят натертые мелом медные ручки дверей. Война? [161]

Вдруг из-за угла показывается толпа женщин. Здесь и старухи в черных платках, и девушки с локонами, приклеенными ко лбу. Впереди идет Изабелла Мартинес; это – крепкая женщина с умными веселыми глазами. Она похожа не на оперную Кармен, но на председательницу колхоза из Полтавщины. Она кричит: «Все на помощь Мадриду!» Корзины, Крестьяне кладут кто курицу, кто мешок с рисом, кто апельсины, кто живого кролика. Падают в ящик серебряные песеты. Сегодня женский день восьмое марта, и крестьянки Буньоля сегодня готовят новый подарок любимцу Испании – Мадриду.

Дом. Большие прохладные сени. Летом здесь укрываются от зноя. Глиняные кувшины с водой. Соломенные кресла. На столе газеты. Это дом

священника; теперь в нем помещается местный комитет компартии. На одной стене изразцы – святой Фома, на другой – Ленин в кепке.

В деревне семь тысяч душ, в компартии – двести сорок человек да еще сто восемьдесят в молодежной организации. Костель – алькальд села. Он сидел в тюрьме и при Примо де Ривере, и при Хиле Роблесе. На нем черная блуза; это одежда крестьянина Леванта. Его широкие, корявые руки похожи на лозу. Всю жизнь он перекапывал хозяйские виноградники. Теперь он делает историю. С жаром говорит он об аграрной реформе:

– Мы отобрали у фашистов восемь тысяч га, виноградники, фруктовые сады, у нас больше нет безземельных батраков...

Рядом с деревней большой цементный завод. Жены крестьян постановили: «Заменим рабочих, которые ушли на фронт, будем работать по двенадцать часов в день, если нужно – больше...»

В селе было много неграмотных. Один из помещиков как-то показал учителю на крестьянина, который вез тележку: «Если его научить читать, он еще, чего доброго, потребует осла или лошадь...» Теперь открыта вечерняя школа; старики читают по складам.

Семь тысяч жителей. Три тысячи беженцев из Мадрида, из Эстремадуры, из Малаги. В каждом доме – чужие дети. Их кормят, одевают лучше своих; это дети Испании. Никто не принуждал крестьян брать беженцев. Когда в деревню приехали первые автобусы с детьми Мадрида, возле муниципалитета выстроился хвост не за мясом, не за хлебом – за детьми. Двести семьдесят восемь [162] ребят разобрали в два часа. На площади шумели обиженные: им не хватило чужих детей. Теперь обиженных больше нет: на каждой кровати спят двое или трое. Старуха ставит на стол чашку с супом.

– Сколько вас?

– Шестеро да еще трое из Мадрида.

– Справляетесь?

Она улыбается:

– Каждому по помидору, а не хватит, тогда – гостям... Теперь война...

Семь тысяч жителей. Двести тридцать добровольцев ушли на фронт. Одиннадцать имен выписаны на красной доске; это имена героев, погибших в бою. Под большими звездами юга бьет барабан. Уходят призывники – двести человек. Ни песен, ни смеха; твердые суровые шаги. Война вошла в деревню, как буря. Я видел одного старика; древним, доисторическим

плугом он пахал. Он сказал мне: надо подсобить нашим.

Казалось, подымая комья сухой земли, он наносит удары врагу. Мать, прощаясь с двумя сыновьями, удерживает слезы. Девочка спрашивает меня:

– Что с Мадридом?

Звезды и ветер, неистовый ветер марта, он срывает береты и стучит ставнями.

Шоссе. Солдат, закутанный в одеяло, открывает дверцу автомобиля. Посмотрев на пропуск, он шепотом говорит:

– Сегодня пароль: «Тревога».

Грузовики спешат в Мадрид: апельсины и снаряды, снаряды и апельсины.

март 1937

Кампесино – крестьянский командир⁹⁰

Живые, острые глаза. Иногда лукавая усмешка. Говорит горячо и весело. Страсть, потом шутка, потом рассказ, где каждое слово – образ и где не стоит [163] искать границ между фактами и поэзией. С виду похож на араба. Отпустил черную бороду. Сначала балагурит: «Не буду бриться, пока не войдем в Бургос». Потом борода стала мифом. Ее теперь не посмеет коснуться ни один цирюльник. Солдаты говорят: «Борода приказал...» Под Бриуэгой он не мог вытерпеть и сам повел солдат в атаку. Все знают: «Чертовски храбр!»

Хозяйская смекалка: его солдаты всегда хорошо едят. Для привалов он выбирает удобные деревни. Теперь он заботливо подбирает итальянское добро: не пропадать же ему зря!..

Я спрашиваю:

– Сколько ты взял итальянских пулеметов?

Он хитро улыбается и бормочет:

– Так... Несколько...

Он быстро одолел военную науку. В три месяца, пока росла борода, он стал стратегом.

Его имя – Валентино Гонсалес. Но никто не зовет его по имени. Все говорят: «Кампесино» – крестьянин. Кампесино и впрямь когда-то был крестьянином, он пас свиней в глухой деревушке Эстремадуры. Потом его призвали на военную службу. Он попал на флот. Братишка Валентино

увлекся анархизмом. Он цитировал Бакунина. Он встретился с коммунистами. У Валентино была крепкая голова, он умел думать. Он стал коммунистом. Его посадили в тюрьму. В тюрьме он пел песни и думал. Шестнадцать месяцев за решеткой были его партшколой. Потом братишка сбежал в Марокко. Документов у него не было. Его разыскивала полиция. Под чужим именем он записался в иностранный легион. Легионеров послали усмирять восставших арабов. Беглый матрос Валентино перешел на сторону повстанцев. Он помогал арабам, которые боролись за свою независимость. Испанцы взяли его в плен. Он перехитрил всех: он выдал себя за легионера, схваченного злыми арабами. Его должны были расстрелять. Вместо этого ему преподнесли цветы. Он вернулся в Испанию и начал пропаганду среди крестьян. Тогда-то он стал «Кампесино». В дни астурийского восстания его схватили, он узнал еще одну тюрьму. Когда начался фашистский мятеж, Кампесино был на севере. Через Бургос и Авила он пробрался в Мадрид. В Мадриде он набрал кучу смельчаков и пошел в горы. По пять дней дружинники Кампесино сидели без хлеба. Они сами делали гранаты из консервных жестянок; на место убитых [164] приходили новые. Слава Кампесино росла. Теперь он командует бригадой.

Кампесино поручили занять холмы над Бриуэгой. Итальянцы расставили наверху пулеметы. Кампесино шутил с солдатами: «Плюются! А мы им заткнем глотку. Пулеметы, ребята, больно хороши. Вот бы нам!..» Три часа спустя Кампесино был наверху. Он волновался: «А кто войдет в Бриуэгу?», он помнил о своем хозяйстве. Он послал динамитчиков вниз.

Солдаты с гордостью говорят: «Мы – у Кампесино...» Его уважают как командира и любят как товарища. Он знает не только карты штаба, но и душу испанского народа.

апрель 1937

«Красный Аликанте»

Арагонское шоссе. Верстовой столб с цифрой 90 повален. Изумленно птицы кружатся над порванными проводами. Воронки от снарядов. Ключья солдатских рубашек. Реклама: «Наша гостиница первая по комфорту». Налево на холмах – фашисты. До вражеских пулеметов меньше километра. Два дня назад кузов машины продырявили пули. Шофер усмехнулся: «Тоже стрелки! Вот марокканцы – те стреляют...»

Деревушка спит под огромными мохнатыми звездами. Притихли орудия. Только время от времени раздается одинокий выстрел. Скоро покажется луна, а с нею «капрони». Мы вязнем в лужах – нельзя посветить даже

фонариком: стреляют. Крестьяне рассказывают: «Итальянцы взяли двух свиной... Молодые женщины убежали в горы. Они старуху поймали, ей шестьдесят лет – не постыдились»...

Домик черный, как и все дома деревни. Две толстые церковные свечи освещают карту. Здесь помещаются курсы усовершенствования командного состава. Комбриг Рубио читает лекцию по тактике. Люди, которые еще недавно были ткачами, литейщиками или виноделами, внимательно слушают. Занятия проходят ежедневно с восьми до одиннадцати вечера – в восьмистах метрах от вражеских постов.

Командир Рубио – смуглый, порывистый андалусец. [165]

Когда начался фашистский мятеж, он был капитаном штурмовой гвардии в Аликанте. Он шел впереди гвардейцев, верных республике. Потом он собрал рабочих Аликанте и выступил на Альбасете, захваченной мятежниками. Они взяли Альбасете. Теперь Рубио командует семьдесят первой бригадой, которая выросла из батальона «Красный Аликанте».

Аликанте... Пальмы, виноградники, курортные мага-зины, анемичные англичанки, море густо-синее, как на открытках, – таким знали Аликанте туристы. Но в Аликанте были рабочие, они поспешили на выручку Мадриду. С октября батальон «Красный Аликанте» сражается на Гвадалахарском фронте. Ледяной ветер сьерры, дождь, снег. Далеко отсюда до теплого безмятежного Аликанте!

– Всего пять дней, как нам выдали обувь. Прежде ходили в полотняных туфлях по снегу. Ничего, хоть босиком, но итальянцев прогнали.

Это говорит командир одного из батальонов Сантьяго Тито. Он был учителем в фабричном поселке Кальоса-де-Сигура близ Аликанте. Его батальон сформирован из рабочих-текстильщиков. Среди них много больных грудью. У этих людей слабые тела и сильная воля: они выдержали мартовские бои. Семьдесят первая бригада пережила трудные дни отступления. Итальянские дивизии, прорвав фронт республиканцев возле Мирабуено, двинулись к Гвадалахаре. «Капрони» бомбили дороги. Впереди шли танки. Артиллерия противника не умолкала ни на час. Итальянцы пустили в ход огнеметы. У республиканцев было мало орудий, мало солдат: противник застал их врасплох.

В эти жестокие дни бойцы семьдесят первой бригады показали, как могут умирать люди, которые борются за свое право на жизнь. Капитан Аугусто гранатами уничтожил три итальянские танкетки. Его ранили в плечо. Он продолжал отбиваться. Он остался один. Тогда, расстреляв все

патроны, он кинулся со скалы в пропасть, чтобы не сдаться врагу живым. Лейтенанту Белидо было девятнадцать лет. Он был красив, и товарищи, шутя, называли его «соблазнителем». Он бросился с ручными гранатами на танк. Его убили. Лейтенант Валеро с двадцатью новобранцами прикрывал отступление артиллерии. Они все погибли, но орудия были спасены. Лейтенант Висенте повел роту в атаку. Раненный в ногу, он бежал впереди [166] всех. Когда его обступили итальянцы, он застрелился. Итальянская конница окружила два батальона. Комендант Санчес, капитан Посо и капитан Майо попытались прорвать кольцо. С боем они дошли до деревни Утанда. Больше их никто не видел. Бригада осталась без командиров. Тогда бывший учитель Сантьяго Тито на коне объехал весь район боя. Он собрал уцелевших бойцов и довел их до деревни Ита, где находилась другая бригада. Врач Гарсия под огнем подобрал последних раненых. Семьдесят первая бригада перешла в контрнаступление и отобрала у итальянцев потерянные позиции.

Окопы. Ночь. Рабочие Аликанте, ныне солдаты семьдесят первой бригады, вспоминают погибших товарищей. «Запиши, что комендант Санчес был нашим любимым командиром... Запиши, что лейтенант Валеро перед смертью крикнул: «Ребята, вперед!..» Потом они начинают петь «Красное знамя». Враги рядом, и враги слушают – «Но день настанет неизбежный»... Из темноты раздается: «Спойте еще!» Напротив, в неприятельских окопах, – рабочие Сарагосы или Бургоса – «Неумолимо грозный суд...» Фашистский офицер кричит: «Канальи, по местам!» Выстрел.

По горе ползут люди – это солдаты «Красного Аликанте». Завтра в военной сводке будет напечатано: «Наши части совершили ночную разведку в деревне Леданка, захватив большое количество итальянского Снаряжения...»

Мадрид, март 1937

«Парижская коммуна»

Я не знаю, можно ли тосковать по другому городу так, как тоскуют по Парижу люди, прожившие в нем много лет. Сегодня я встретил Париж – далеко от Парижа – среди рыжих жестких камней сьерры. Это был Париж красных предместий, Париж печальных шуток и веселой грусти. Каменщики и кузнецы Монружа или Бельвиля шли с винтовками. Испанец нежно и почтительно сказал:

– Ты знаешь, кто это?.. Это батальон «Парижская коммуна». [167]

В мае, как и в прежние годы, рабочий Париж понесет венки к стене Коммунаров. Он вспомнит своих героев. Одни имена известны всем – они стали историей; других еще никто не знает, кроме товарищей по батальону или по цеху, кроме заплаканной женщины где-нибудь в тесной квартире на Менильмонтане. Внуки коммунаров своей кровью расплатились за подвиги Домбровского и гарибальдийцев. Они расплатились и за прусские пули версальцев. Форт-Ванн стал Карабанчелем, баррикада на улице Муффтар воскресла в Университетском городке. Да, это чужая для них страна, здесь люди не понимают шуток, здесь слишком крепкое вино, слишком синее небо, здесь нет ни пепельных домов Парижа, ни цинка стоек, ни этого стыдливого «наплевать», с которым идут на смерть дети Франции. Здесь все другое. Но вот усатый толстяк с погасшим окурком на нижней губе, слесарь из Аньера, сует шоколад испанскому мальчику. Они смотрят друг на друга как заговорщики. Они не могут разговаривать: слесарь знает по-испански только два слова: «спасибо» и «пулемет». Но у него дома такой же мальчишка, и здесь, возле Трихуэки, он сражается за будущее маленького Пьера или Поля.

– В Испанию я приехал десятого августа. Вернее сказать, пришел из Андаля в Ирун пешком через мост. Я работал в гараже. Прочел газеты, пришлось бросить. Конечно, война – дело дерьмовое, но нельзя не подсобить ребятам. Следовательно, сражались в Ируне. У фашистов пулеметы, у нас охотничьи ружья. Жака убили. Потом попал в Бильбао. Там хотя католики, но особые, нас монахини даже треской кормили. Я помогал устанавливать зенитные пулеметы. Потом – в Овьедо. Вот горняки – это класс: динамит, папироса и... бац! Читаю – с Мадридом как-то неважно. Нашли суденышко. Весь полуостров объехали – из Хихона в Валенсию. Хотели нас потопить, но им как-то особенно не повезло. Потом попал в батальон «Парижская коммуна». Нас мало осталось, впрочем, не в этом дело...

Щуплый, невзрачный парнишка – парижский шофер, рассказывая, улыбается.

Они все те же ребята из тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого, девятнадцатого, двадцатого парижских округов. Это – бабники. Они немилосердно сквернословят. Они могут на отдыхе весь день обсуждать, что сделать с куском скверного мяса... Они любят поворчать: [168] то не хорошо, это плохо. Но они умеют мужественно умирать: батальон «Парижская коммуна» был в Университетском городке, возле Боадильи, на Хараме, у Трихуэки. Его путевка – это история защиты Мадрида.

Каменщик Бидос был санитаром. Его дразнили: «пьянчужка». Смущаясь, он отвечал: «Ничего не поделаешь, у меня вечно сухая глотка. Здесь, наверное, климат такой...» Бидос никогда не оставлял раненых перед окопами. Он только сердито отряхивался, когда фашисты по нему стреляли. Возле Трихуэки он услышал ночью крик: «Товарищи!..» Он пошел в сторону врага и не вернулся: его застрелили, когда он нес раненого испанца.

Элена было двадцать лет. Он был комсомольцем из Бельвиля. Возле Эль Плантио он попал с товарищами под пулеметный огонь. Он закричал: «Ребята, что с Жубером?» Он взял раненого Жубера на спину. Они погибли вместе.

Штукатур Альфред Брюйер был командиром пулеметной роты. Его все любили: он был весел, отважен, добр. Его звали уменьшительным именем Фредо. Как-то вечером Фредо сказал товарищам: «Когда меня убьют, похороните меня возле реки – я люблю грести и плавать. Если можно, под деревом и лицом к фронту». Фредо убили во время февральских боев на Хараме. Ночью товарищи хоронили своего командира. Они положили его лицом к фронту возле речки, на берегах которой погибло столько героев. Полковник Жюль Дюмон, лежа раненный в лазарете, написал стихи о Фредо:

Он был всегда первый – на лесах и в бою.

Когда он смеялся звонко и весело,

Казалось, это кричит петух на рассвете.

Он погиб, мой товарищ!

Коммунары, блузники, герои баррикад,

Примите его с гордостью!..

Когда бойцы батальона «Парижская коммуна» хоронили Фредо, они плакали. Плакали весельчаки, шутники, балагуры, повесы. Утром они пошли в атаку.

Французы не умеют маршировать по-военному. Они одеты как-то непонятно: вместо пояса – веревочка, женская кацавейка, плохо залатанные штаны. Но драться они умеют.

Вот они идут по деревне. Какая-то старуха, повязанная платком, поймала молоденького француза, у которого последняя пуговица болтается на нитке, вытащила [169] иглу и здесь же начала пришивать. Он смущенно пробует шутить:

– Нашел тетю в Гвадалахаре...

Старуха шьет и приговаривает:

– Так... Теперь хорошо... А то они – за нас, а мы что?..

Мадрид, апрель 1937

Мадрид в апреле 1937

Пять месяцев как Мадрид держится. Это обыкновенный большой город, и это самый фантастичный из всех когда-либо бывших фронтов – так снилась жизнь Гойе. Трамвай, кондуктор, номер, даже мальчишки на буфере. Трамвай доходит до окопов. Недавно возле Северного вокзала стояла батарея. Рядом с ней бродил чужак и продавал галстуки: «Три песеты штука!»

Мебельный магазин. Молодожены прицениваются к зеркальному шкафу. Открыты цветочные магазины: нарциссы, мимозы, фиалки. На Пуэрто-дель-Соль между двумя разрушенными домами – кафе. Там подают апельсиновый сок с ледяной водой. Развалины. Весна, солнце, флаги, шумная толпа на улицах. Бродячие фотографы, чистильщики сапог, коляски с детьми. Перед почтамтом ручные голуби, как всегда, клюют крошки. Длинные очереди. Длинные и страстные разговоры о фунте картошки, о бутылке масла.

Никто больше не смотрит в небо, где звезды и самолеты. Город громят орудия. Привыкли к бомбам, привыкают к снарядам. Солдат из окопа идет в кафе. В театрах андалусские танцовщицы трещат кастаньетами. Полны театры. Полны кино – старые картины с бандитами и свадьбами. Шарманка на улице выводит «Красное знамя».

В пробитой снарядами гостинице «Флорида» остался один жилец. Это Эрнест Хемингуэй. Он не может расстаться с Мадридом. Его зовут в Америку, он не отвечает на телеграммы. Он пьет виски и что-то пишет: наверно, диалог – Мадрид и девушка.

Ночью человека можно различить только по золотой точке папиросы. (Впрочем, папирос нет, и люди трогательно [170] вспоминают, как они прежде курили.) Порой карманный фонарик освещает влюбленных. Им незачем искать темных переулков: город черен, как лес детства. Прощаясь, влюбленные нерешительно говорят: «До свиданья». Потом он идет «домой», в окопы Университетского городка. Голуби прячутся под карнизом, и город заполняют голоса смерти: грохот снарядов, чечетка пулеметов, несвязная перебранка ружей.

Я живу в госпитале. Каждый день туда привозят раненых: старики, девушки, дети. Ночью я слышу не только железную суету близкого фронта, но и крики людей – они умирают.

В Университетском городке – на земле старые книги, пергамент дипломов, мусор. В окопе капрал, он же профессор консерватории, читает бойцам стихи Кеведо.

В Карабанчеле люди живут под землей. Там чуть ли не каждый день взрывают дом. Есть дома, где внизу – фашисты, а на верхнем этаже – республиканцы.

Рабочие собирают под огнем утильсырье, ремонтируют испорченные мотоциклы, латают дырявые ботинки.

Люди живут мирно. Ни разу я не слышал ссор в очередях. Все друг другу приветливо улыбаются: людей спаяла одна судьба. Недавно приехал сюда турецкий консул. Он пошел осматривать город. На полуразрушенной улице он увидел старуху. Она сидела на складном стульчике и что-то шила.

– Почему вы не уезжаете из Мадрида? Женщина усмехнулась:

– Надо им показать нашу силу.

Это глупо и прекрасно, в этих словах вся правда изголодавшегося, изуродованного, непобедимую Мадрида.

апрель 1937

День в Каса-де-Кампо

4 часа 30 минут. Мадрид темен и пуст. С запада доносится оружейная канонада.

6 часов. Светлая зелень Каса-де-Кампо. Солнечное утро. Напротив, на холме, – три домика. В одном из них пять пулеметов неприятеля. Батарея республиканцев бьет [171] по холму. Проваливается крыша дома. Отваливается стена другого: восемь попаданий.

6 часов 40 минут. Батарея неприятеля взята под огонь. Республиканская артиллерия работает изумительно: меткость при быстром перемещении цели. Деревья застилает сизый туман. Неприятель отвечает вяло.

7 часов 05 минут. Первый налет республиканской авиации. Темно-синие клубы дыма.

7 часов 15 минут. По полям бегут марокканцы из одного окопа в другой. Издали кажется, что они играют в какую-то детскую игру. Один падает.

9 часов. На крайнем правом фланге республиканские войска продвигаются от моста Сан-Фернандо к шоссе на Корунью.

9 часов 30 минут. Артиллерийский огонь не ослабевает. Басы тяжелых орудий. Громкий альт семидесятипятимиллиметровых. Над головой мяукают снаряды противника. Перевязочный пункт – дом возле окна; клетка с канарейкой, канарейка поет. Невыносимый для человеческого уха грохот пробуждает в ней желание чирикать. Мортиры громят пулеметные гнезда неприятеля. Направо стреляют орудия республиканских танков.

11 часов 10 минут. На левом фланге противник встревожен. Слышна дробь его пулеметов. По Эстремадурскому шоссе бегут солдаты: это резервы неприятеля. Артиллерия тотчас берет дорогу под обстрел. Сегодня – первый летний день. Блестит вода озера. Когда на минуту замолкают орудия, парк кажется свежим и отдохновенным. У неприятеля превосходная позиция: цепи холмов, между ними глубокие ложбины. На правом фланге республиканцы заняли передовые окопы противника.

12 часов 15 минут. Два танка подходят к пехоте неприятеля и обдают ее пулеметным огнем. Противотанковые орудия стараются подбить танки. Необычайно мужество танкистов: пули, ударяя о броню, грохочут, как тяжелые снаряды; жара, скопление газов. Танки, не останавливаясь, движутся вперед.

14 часов. Четвертый налет республиканской авиации. Бомбардировщики кладут бомбы спокойно, деловито, одну за другой. По ложбине, наклонившись, бегут крохотные люди: неприятель очищает позицию.

15 часов 10 минут. Бойцы залегли в поле, готовясь к новой атаке. Один смеется: «Загораем – сегодня жарко». Санитары только что понесли раненого. Он лежал с [172] закрытыми глазами и очень спокойно, почти безразлично, улыбался.

16 часов 30 минут. В пятидесяти шагах от батареи люди гуляют. Обыкновенная мадридская улица: женщины, дети, уличные торговцы. Первое заседание областной конференции компартии. Говорит Пасионария. Ей отвечают орудия 105-мм.

18 часов. Пятый налет авиации. Противник срочно вызвал двенадцать танков. Сильный артиллерийский огонь. Бой продолжается.

апрель 1937

14 апреля

Шесть лет тому назад в яркий весенний день на площади Пуэрто-дель-

Соль мадридцы обнимали друг друга. Минуты беспечности, приступы ребячества, умильная, весенняя неразбериха бывает не только в жизни людей, но и в жизни народов. 14 апреля 1931 года на Пуэрта-дель-Соль люди лобызали своих вчерашних врагов. Республиканцы не хотели ни о чем помнить. Враги республики не хотели ни о чем забыть. Теперь Пуэрто-дель-Соль окружена развалинами: люди, которым республика объяснялась в любви, нашли свое место – они стоят у пушек, жерла которых направлены на Мадрид.

Я приехал в Испанию вскоре после провозглашения республики. На границе меня арестовали: для жандармов я был «смутьяном». Республика поручила охрану своих границ королевским полицейским. Королевские жандармы ликвидировали забастовки. Королевские гвардейцы усмиряли крестьян. Королевские генералы учили солдат уму-разуму...

Народ ждал республику. Он слышал это слово из уст адвокатов и полицейских. Он ждал, что республика изменит его жестокую, окаянную жизнь. Две трети земли оставались в лапах крупных помещиков, а батраки продолжали работать от зари до зари и хлебать пустую похлебку. Фабриканты что ни день объявляли локауты. Генералы по-прежнему издевались над солдатами. В тюрьмах сидели старые постояльцы: коммунисты, социалисты, синдикалисты. В одной глухой деревушке Санабрии [173] осенью 1931 года я встретил крестьянку, окруженную голодными детьми. С усмешкой она спросила моего спутника, доверчивого и наивного республиканца: «Что же, дон Франсиско, к нам республика так и не доехала?»... Да, это была республика для завсегдаев кофеен на Алькала и для фабрикантов флагов. И все же день 14 апреля остается историческим: в этот день народная Испания проснулась для новой жизни. Крестьяне отказались платить оброк мадридским шалопаям. Рабочие и батраки бастовали. В стране монастырей люди заговорили о школах. Народ, который смутно мечтал о республике, стал ее ждать. Потом он ее потребовал. Тогда Леррус променял фригийский колпак на треуголку гражданской гвардии. Республику хоронили заживо. Отставной король еще разъезжал по заграничным курортам, республиканские эмблемы еще красовались на тюрьмах и на казармах, а Леррус и Хиль Роблес уже строчили черновики законов помещичье-иезуитской и генеральской Испании.

Восстали горняки Астурии. Слово «республика» приобрело новый смысл. Оказалось, что можно не только болтать о республике на заседаниях «Атенеума», за нее можно и умирать. Наемные убийцы из иностранного

легиона раздавили Астурию. Тихо стало в Испании. По домам рыскали сыщики. Жандармы пытали арестованных. Военные суды работали на конвейере.

Кто в жизни помнит об отдыхе? О нем думают только в глубине шахт, в затонувшей подводной лодке, в стратосфере. Жизнь, из которой изъята свобода, превращается в одну мысль – о свободе. Победители не усидели на штыках легионеров. 16 февраля 1936 года. Испания повторила 14 апреля. Снова на Пуэрто-дель-Соль люди обнимали друг друга, и снова заключенные великодушно амнистировали тюремщиков. Генералы научились поднимать кулак, жандармы – кричать: «?УНР!» («Союз братьев-пролетариев»), а банкиры – салютовать героям Астурии. Однако пять лет не прошли бесследно. Крестьяне закупали помещичьи земли. Рабочие добились повышения зарплаты. Народ открыл двери тюрем. Банкир Марч, иезуиты, беглые инфанты, изуверы Наварры, пьяные и битые генералы, помещики, перекочевавшие в Биарриц, – все они торопили Франко. Обманутый радист передал по радио: «Безоблачное небо» – это было сигналом к мятежу.

Дворец, где после короля проживал первый президент [174] республики Алкала Самора, пробит фашистскими снарядами. Из его окон виден парк Каса-де-Кампо. Там герои Испании своею кровью пишут новую конституцию республики...

Республика в этом году решила не праздновать день своего рождения: она еще только рождается – настоящая, народная республика. 14 апреля рабочие будут делать снаряды, а солдаты слать эти снаряды врагам республики. Трехцветное республиканское знамя стало по-новому прекрасно: оно развевается над Мадридом. По-новому зазвучал гимн романтика Риего⁹¹: его поют теперь не перебежчики, не шулера, не жандармы, но бойцы Гвадалахары и Харамы. Они поют его, идя на смерть. Народ Испании больше не ждет республики. Он и не требует ее: он ее завоевывает.

Валенсия, 13 апреля 1937

Весна в Испании

Я в детстве любил заглядывать вечером в освещенные окна. Лампа над круглым столом, суповая миска, ребенок, профиль женщины с книгой – все это полно значения. Чужая жизнь кажется новой и лакомой. В Испании теперь много домов, открытых взору любопытного: это дома-развалины. Лестницы, которые никуда не ведут; фантастические комоды, повисшие на

волоске; пузатая чашка – кто знает как уцелевшая среди каменных руин; стена, на ней бурое пятнышко и часы – они показывают час смерти.

Мадрид, Картахена, Альбасете, Хаен, Гвадалахара, Андухар, Алькала, Пособланко... Вокруг неизменно бродят женщины. Иногда они роются в мусоре, иногда молча смотрят на кресло или на раму зеркала. Вероятно, они вспоминают о том, что еще недавно было жизнью.

Как всякий год, на Испанию налетела поспешная южная весна. Нежно зелены долины и горы. Пройдет несколько недель, и солнце выжжет траву. В сьерре теперь цветут цветы – ярко-желтые, лиловые, белые. Поля [175] Андалусии полны маков. Набухли, разговорились крохотные речушки. Рядом с батареей беспечно кричат птицы: это пора их короткой птичьей любви. Я видел младенца: мать зачала его, выносила, родила среди грохота броневиков и крика сирен. Он беззаботно перебирал ножками. В этой стране много солнца, смуглых девушек с синими глазами, много апельсинов, пахучих трав и послеполуденной, горячей лени. На эту страну двинулась смерть. В небе, всегда синем (утром не приходится гадать – какая сегодня погода), показались бомбардировщики. Среди олив прячутся танки. Пепе или Пако, которые пели под окнами красоток протяжные фламенко, стоят у пулеметов.

Я видел женщин, они молчали. Я их не спрашивал почему. В Хаене итальянские самолеты убили и покалечили пятьсот человек; они сделали это в пять минут. Человека не пускали к развалинам: там погибли его жена и восемь детей. Он бормотал: «Пустите, у меня больше ничего не осталось!..»

Каждое утро в Мадриде я видел раненых; их проносили в операционный зал. Один сказал сиделке: «Неужели отрежут?..» Его оперировали под местной анестезией. Услышав скрип, он спросил: «Неужели?..» Сиделка поспешно ответила: «Это трамвай». Он вздохнул: «Теперь и трамваи другие...»

Я видел, как вытаскивали из-под обломков куски туловищ, – за час до этого дети играли в палисаднике. Матери стояли рядом. В Хаене мать нашла руку девочки, обезумев, она приставила ее к туловищу и начала искать голову. Что добавить еще? Что люди боятся ночевать в городах? Что на ночь они уходят в поля? Что человека принудили к жизни зверя? Что в пещерах Картахены восемь женщин разрешились от бремени? Что старики забираются в водосточные трубы? Смерть идет по стране. Когда над городом показывается самолет, собаки в страхе прячутся под скамейки.

Возле Харамы на земле плеша; долго там не зацветут ярко-желтые цветы. Вечерами люди бродят впотьмах. Крик сирен невыносим; он кажется человеческим голосом. Покорно стоят длинные очереди: женщины ждут четвертушку хлеба. Когда жители Малаги бежали к Альмерии, над ними кружили самолеты. Одна женщина кричала: «Где мой ребенок?» Ей дали ребенка. Это не был ее ребенок. У нее не было детей – от ужаса она лишилась рассудка. Ребенок улыбался. [176] Его мать так и не нашли: она умерла где-то среди камней.

В этом розовом доме живет старая женщина. Ее сына убили возле Пособланко. На доме кто-то написал углем: «Лучше умереть стоя, нежели жить на коленях». Это стало газетной фразой, это никак не вяжется ни с детским бельем, которое сушится на балконе, ни с простым горем старухи. И все же это правда.

Я помню труп одного итальянца: синие щеки, сгусток крови, молочная муть глаз. В его записной книжке, среди адресов публичных домов и восхвалений дуче, было написано: «Война – веселое дело!» Он вырос в том мире, где люди чтут разбой, насилие, уничтожение. Он самодовольно назвал себя «волчком римской волчицы». Он поехал в Испанию за весельем. Как волк он рыскал по чужой земле, убивал и грабил. Он лежал, уткнув мертвую голову в зеленый пух земли.

Война – жестокое, окаянное дело. Когда-то одна сердобольная дама написала роман «Долой оружие!». Им зачитывались либеральные европейцы в антрактах между двумя войнами. Мы скажем теперь: «Да здравствует оружие! Да здравствуют неуклюжие охотничьи ружья! С ними рабочие и крестьяне в Испании в июле прошлого года отбили смерть. Да здравствуют самолеты и танки этой необычной весны: они означают победу жизни».

Испания не захотела жить на коленях. Она борется за право жить во весь рост. Высока жизнь, это особенно остро чувствуешь здесь – бок о бок со смертью; но еще выше жизни – человеческое достоинство...

Возле Гранады с высокой горы спустился пастух. Он шел три дня: наверху он услышал, что люди сражаются за правду. Он спросил просто и деловито: «Куда теперь идти?..»

Я видел в народной армии стариков, подростков, девушек; у них было много чувств, страсти, нежности; они молчали; молча они целились во врага.

В 1914 году люди растерялись. «Вожди» человечества бодро

маршировали под окрики фельдфебелей. В 1936 году на помощь испанским братьям пришли немецкие приват-доценты, парижские металлисты, студенты хорваты, крестьяне из штата Огайо, поляки, мексиканцы, шведы. Среди развалин Пособланко ко мне подошел солдат. Он сказал: «Мы с вами встречались в Братиславе...» Это [177] был один из героев Флорисдорфа⁹², которые с оружием в руках дошли до чешской границы. Он сберег свою жизнь в Вене; эту жизнь он готов отдать ради счастья далекой Андалусии.

Андре Мальро стал летчиком; он бомбил аэродром Талаверы. Людвиг Ренн⁹³ шел впереди своего батальона. Я знал в Лондоне писателя Ральфа Фокса⁹⁴. Он был веселым человеком; в маленьком баре он рассказывал мне смешные истории. Он очень любил жизнь, и поэтому он умер в Испании. Я не знаю, почему я говорю о писателях? Я мог бы рассказать об инженерах, о каменщиках, о музыкантах. Они все пришли сюда, чтобы отстоять человеческое братство. Вчера в горах Андалусии берлинские рабочие пели: «Нет, мы не потеряли родины, наша родина теперь Мадрид...» Пастухи и виноделы Испании не понимали слов, но их глаза блестели от волнения.

Воздух боя дается с трудом, это редкий воздух. Я никогда не думал, что на свете столько героев. Они жили рядом со мной, ходили на работу, смеялись в кино, страдали от несчастной любви. Теперь они идут под пулеметный огонь, взрывают гранатами танки и, тяжело раненные, истекая кровью, подбирают своих товарищей.

В окопе солдат мастерит красный флажок: «Это к Первому Мая...» Может быть, через несколько дней флажок, прикрепленный к штыку, ринется навстречу победе. Тяжелые орудия будут салютовать дню, который отмечен в республиканском календаре как «праздник труда». В этом своя правда: под Бильбао или возле Пеньяррой люди умирают за свое право на труд.

В Пособланко была фабрика сукна. Снаряды фашистов пробили стены. Бомбы уничтожили потолок. Машины чудом уцелели. После победы республиканцев в пустой город вернулись рабочие. Они не стали бояться фашистских самолетов. Они стали на свое место. Над ними синее небо; в дыры видны развалины города. Они не смотрят ни на звезды, ни на камни: они работают с утра до ночи. Они ткут солдатские одеяла. Они одни, [178] вокруг фронт, в городе нет ни крова, ни хлеба. Но они продолжают работать. Это аванпост труда в мире смерти...

Я никогда не забуду молоденького бомбометчика. До войны он работал в мадридском гараже. Его чествовали: он подбил три вражеских танка.

Задумчиво усмехаясь, он сказал:

– Когда победим, пойду снова в гараж – чинить машины.

В этих словах вся программа нового класса. «Война – веселое дело», – говорят фашисты. Наши люди им отвечают волей к жизни: на бомбу – бомбой, против танка – танк. Но маленький механик знает, что веселое дело – труд, веселое, прекрасное, высокое дело. Ради него он спокойно ползет под пулеметный огонь.

Маяковский писал о зиме 1919 года: ее холод, нищета, героизм открыли людям теплоту «любовей, дружб и семей». Земле, промерзшей насквозь, он противопоставлял другую землю, где воздух сладок: такую бросаешь, не жалея. В Испании воздух неизмеримо сладок, но она теперь узнала войны, нашествия, голод, смерти. В эту горячую весну она промерзла насквозь. На ней нет места человеку. Он уползает в звериные норы, чтобы спасти крохотное тепло. Здесь мы снова учимся теплоте «Любовей, дружб и семей», теплоте, которая сближает в последнем объятии батрака из Эстремадуры и студента из Оксфорда. В этом мире смерти мы учимся жизни – громкой, радостной, праздничной.

Хаен, апрель 1937

Вирхен-де-ла-Кабеса

Ни жилья, ни человека. Сьерра пахнет полынью. Она называется «Сьерра-Морена» – «Смуглая сьерра». На крутой горе монастырь. Каждую весну сюда приходили паломники. Чудодейственную статую богородицы они прозвали «Смуглянкой». На их гроши монахи купили корону из золота; эта корона была больше статуи. Бабки умильно вздыхали.

У новых паломников вместо посохов – винтовки, и поют они не псалмы, а «Интернационал». На крутой горе [179] засели фашисты. Вот уже девять месяцев, как они сидят там. Они верят не столько в чудо, сколько в аккуратность германской авиации: каждый вечер в восемь часов «юнкерс» скидывает им окорока и мешки с мукой. Потом, покружив над окопами республиканцев, он кладет несколько бомб.

Нищие крестьяне Хаена молились «Смуглянке», чтобы она защитила их от гражданской гвардии. После сбора маслин по помещичьим землям бродили голодные крестьяне. «Преступника», осмелившегося подобрать несколько маслин, ждала пуля. Охотниками на людей командовал некто Кортес. В награду за свои труды он получил погоны капитана гражданской гвардии. В июле прошлого года Кортес собрал триста жандармов и заперся

с ними в монастыре Вирхен-де-ла-Кабеса. Жены и дети жандармов прикрывали капитана от гнева крестьян: он знал великодушные испанского народа. Новый игумен послал Кейпо де Льяно голубку мира. К лапке голубки был прикреплен рапорт: «Мы верим в покровительство святой девы и просим снабдить нас пулеметами».

Первые месяцы жандармы, принявшие схиму, жили припеваючи. Они охотились на диких коз и пили церковное вино. Жены жандармов вышивали хоругви. Республиканцы время от времени кричали жандармам: «Эй, вы, будет! Сдавайтесь!» Жандармы в ответ стреляли. Даже урок Алькасара не вылечил испанский народ от гипертрофии благородства. «Как же их бомбить? – там женщины...» В музее испанской революции среди защитного оружия фашистов, бесспорно, будет фигурировать обыкновенная юбка.

Недавно крестьяне Хаена взяли Лугар Нуэво, где фашисты набирали воду и жарили монастырских барашков. Республиканцы теперь находятся в двухстах метрах от монастыря. Среди монахов в жандармских треуголках началась тревога. Иные не прочь бы сдать. Прошли счастливые времена, когда за каждого убитого крестьянина полагались премиальные. Сидеть в святой обители под артиллерийским огнем не так уж весело, тем более что окорока ест капитан с друзьями, а жандармам он дает сухой хлеб. Но у капитана имеется десяток шпионов. Стоит кому-нибудь погромче вздохнуть, как «предателя» ведут к стенке. При капитане находится представитель итальянского командования Анджело Рибелли, и с помощью гелиографа капитан получает инструкции от Кейпо [180] де Льяно: окопы фашистов находятся в тридцати километрах от монастыря.

Республиканцами командует Кардон; по профессии он наборщик; член политбюро Коммунистической партии Испании. В тяжелые месяцы он защищал Эстремадуру; потом составил бригаду из крестьян Ла-Манчи. Это скромный, застенчивый человек, хороший товарищ, смелый и умный командир. Рабочий Кардон и жандарм Кортес – вот картина всей гражданской войны.

Я далек от желания во что бы то ни стало очернить врагов. В борьбе французских шуанов были страницы героизма. Но убоги и ничтожны испанские фашисты. Германские газеты называют шайку Кортеса «безупречными рыцарями». Республиканцы недавно подстрелили голубя с запиской: «Не скидывайте продовольственных посылок отдельным лицам: это вызывает зависть и раздоры». За час до смерти «безупречные рыцари» ссорятся из-за куска ветчины.

Вечер. Необычайный покой над сьеррой. Солдаты в окопах курят или мечтают. Среди ярко-зеленой травы издыхает раненный монашеской пулей осел. Автомобиль – это приехали делегаты женевского Красного Креста. Оказывается, мир затаив дыхание следит за трагедией монахов в жандармских треуголках. Что миру женщины и дети Мадрида? Что миру города Эускади⁹⁵, которые горят, подожженные германскими бомбардировщиками? Все это неинтересные детали. Мир занят другим: он жаждет спасти жен и детей хаенских жандармов. Что же, дети – это прежде всего дети, и республиканское правительство обещало свободу всем женщинам и детям, находящимся в монастыре.

Представители Красного Креста – изысканные европейцы. Среди сьерры, рядом с окопами, они вдоволь экзотичны. Они, однако, не смущаются. Они кричат в рупор: «Мы знаем ваше тяжелое положение. Пришлите парламентариев. С согласия республиканского правительства мы гарантируем вам жизнь, а вашим семьям – свободу». Сначала откликается эхо, потом раздается зычный голос жандарма: «Если так называемые представители Красного Креста хотят побеседовать с нами, они могут к нам пожаловать завтра утречком».

Пользуясь визитом гуманистов, о котором фашисты [181] были заранее предупреждены, «юнкерс» спокойно выполнил свою повседневную работу. Два изысканных европейца ознакомились с сыростью пещеры, где солдаты укрываются от бомбежки. Потом они меланхолично свернули флаг Красного Креста и уехали назад в сердобольную Женеву.

Несколько дней тому назад из монастыря выбежала молодая женщина. Она крикнула: «Братья, не стреляйте!» Крестьяне Хаена опустили винтовки. Раздался выстрел – один из жандармов убил жену своего товарища.

Когда два европейца закончили свою миссию, мортиры республиканцев открыли огонь. В синеве лунной ночи обстрел монастыря казался фейерверком. Потом заговорили ружья. Я должен признаться, что их голоса показались мне глубоко человеческими.

Первого мая республиканцы под командой Кардона взяли монастырь. Кортес поспешно вытащил из кармана носовой платок – это было капитуляцией.

Южный фронт, май 1937

На Южном фронте

Возле Мадрида гражданская война одета в защитный цвет. Это – война с бетонными укреплениями, с кротовыми ходами сообщения, с подкопами, с размеренной перебранкой орудий. В Андалусии гражданская война еще не сбросила пестрой рубахи партизанщины. Исход боя зачастую решают не самолеты и не танки, но удасть отряда динамитчиков, восстание в тылу у неприятеля или революционная песня, которая переходит из окопов республиканцев в окопы фашистов.

Длинный фронт от Мотриля до Дон Бенито трудно назвать фронтом: можно проехать десятки километров, не встретив ни одного солдата. Недавно возле Адамуса два фашистских офицера по ошибке прикатили к республиканцам и очень удивились, увидев в качалке анархиста, который дремал на солнышке. В окрестностях Гранады республиканцы и фашисты занимают высоты. Между ними в долинах крестьяне пасут овец. Военные действия разворачиваются вокруг больших дорог. Если республиканцы иногда производят разведки на гребнях [182] гор или в оливковых рощах, то фашисты продвигаются исключительно по шоссе: это пехота, которая не любит ходить пешком. Наступление одной стороны заставляет другую сосредоточить войска на данном отрезке – так образуется фронт. Справа и слева от него пустота. Ни фашисты, ни республиканцы не располагают достаточными силами для глубоких обходных движений.

Борьба происходит в гористой части Андалусии. Дорог мало. Крестьяне ездят по тропинкам на мулах или на ослах. Тропинки эти никем не охраняются. Каждый день крестьяне деревень, занятых фашистами, переходят к республиканцам. Партизаны – жители Андалусии – прекрасно знают все тропы. Они пригоняют к республиканцам скот, берут амуницию и уходят назад. Фронт растекается пятнами, переходя в тыл фашистов. С одной горы, занятой республиканцами, видна Гранада – сады Альгамбры и трущобы Альбасина. С другой высоты видна Кордова. Республиканские отряды повисли над этим городом.

В начале февраля фашистам удалась крупная операция: они взяли Малагу... Итальянцы располагали железными дорогами и сетью шоссежных дорог. У республиканцев была всего-навсего одна дорога. Взяв Малагу, фашисты решили с той же легкостью осуществить вторую операцию, еще более крупного масштаба. Они готовились к ней добрый месяц. На фронте происходили только небольшие стычки. В конце февраля республиканцы произвели боевую разведку в районе Гранады. Их батальон штыковой атакой выбил фашистов из города Алькала-ла-Реаль и этим отрезал Гранаду от Кордовы. Фашистам пришлось сосредоточить большие силы, чтобы

вернуть потерянную дорогу. Это внесло некоторую заминку в подготовку той операции, которая по замыслу Кейпо де Льяно была походом на Альмаден и которая свелась к длительной борьбе за Пособланко.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять стратегическое значение Альмадена. Республиканцы удержали после октябрьского отступления западную часть Эстремадуры от Касту эры до Дон Бенито. Они вклинились в расположение фашистских армий, угрожая на юге Пеньяррое, а на севере Талавере. Этот клин военные называют «Эстремадурским языком». Фашисты прекрасно понимают всю опасность положения – республиканцы, находясь в ста километрах от Бадахоса, представляют постоянную [183] угрозу стыку северной и южной армий. Если взятие Бадахоса в сентябре прошлого года означало для фашистов начало продвижения к Мадриду, потеря этого города будет для них началом разгрома. Близость республиканских войск воодушевляет партизан Эстремадуры и этим дезорганизует коммуникации фашистской армии. Кейпо де Льяно рассчитывал, взяв Альмаден, освободить от угрозы Бадахос и выпрямить фронт по линии Толедо – Андухар.

Альмаден – небольшой городок. Белые дома с решетками на окнах; женщины с глиняными кувшинами; люди в широкополых шляпах жмутся к стенам, скрываясь от беспощадного солнца Андалусии. Однако Альмаден не только белые дома и глиняные кувшины. Альмаден – это ртуть. Альмаденские копи были открыты в конце пятнадцатого столетия. В последние годы добыча ртути доходила до восьмисот тонн, и копи приносили около двенадцати миллионов золотых песет.

Горняки Альмадена с гордостью показали мне копи. Каждую неделю они работают один день безвозмездно, «для победы». В январе прошлого года добыча ртути составляла тысячу семьсот одиннадцать фраско (фраско равняется тридцати четырем кило). В январе настоящего года она дошла до трех тысяч ста сорока девяти фраско. Февраль 1936 года дал восемьсот фраско, а февраль 1937 года – четыре тысячи двести тридцать девять фраско. Нелегка теперь жизнь в Альмадене. Очереди за хлебом, теснота. Городок в двенадцать тысяч жителей приютил восемь тысяч беженцев. Несмотря на это, горняки Альмадена вчетверо увеличили продукцию. Кейпо де Льяно уже торговал вождеденной ртутью. Он заявил по радио: «Мы начали еще одну военную прогулку...»

Армия Кейпо де Льяно провела наступление на Пособланко по трем дорогам: от Вильяарты, Эспиэля и Бельмеса. Впереди шли семь таборов марокканцев. Табор представляет собою небольшую бригаду в тысячу

штыков с кавалерийским эскадром и с полевой артиллерией. За марокканцами следовали четыре полка регулярной армии: гранадский, кадисский, «Павия» и «Лепанто». У наступавшего противника было не менее пятнадцати тысяч штыков. Ежедневно пятнадцать-двадцать самолетов бомбили позиции республиканцев. Республиканская армия была захвачена врасплох. Сказалась слабость Южного фронта: здесь еще имелись колонны, плохо усвоившие [184] военную дисциплину. Отсутствие дорог затрудняло подвоз резервов. Отдаленность аэродромов связывала республиканскую авиацию. Противник быстро продвинулся к Пособланко, заняв первые дома этого города. Положение республиканцев было критическим, и Кейпо де Льяно уже объявил о взятии Пособланко. Войсками, защищавшими город, командовал полковник Перес Салес. Это офицер старой армии, честный республиканец, человек угрюмый и мужественный. Вопреки всему, он решил отстоять Пособланко.

Каждый день городок громили итальянские бомбардировщики. Многие улицы – развалины, по ним нельзя пройти. На крыше одного дома автомобиль: его закинуло силой взрыва. Церковь снесена бомбами, уцелел только каменный Христос, он смотрит на разрушение, совершенное во имя его. На колокольне пустое гнездо, внизу валяется мертвый аист. Артиллерия фашистов закончила дело, начатое авиацией: тяжелые орудия били по домам. Город опустел. В нем остались только полковник Перес Салес с шестью ближайшими помощниками. Окопы проходили под самым городом. Два батальона республиканцев отбивали днем и ночью атаки фашистов. У противника под Пособланко было восемь тысяч солдат и девять батарей. Пособланко оказался маленьким Мадридом. Двадцать девятого марта батальон республиканцев, находившийся на правом фланге, перешел в контрнаступление. В ночь с двадцать девятого на тридцатое марта фашисты решили во что бы то ни стало взять Пособланко. Бой длился четыре часа. Пособланко не был взят. На заре фашисты, не выдержав понесенных потерь, начали отступать по всему фронту.

Республиканцы после трех недель непрерывных боев, в лохмотьях, исхудавшие, небритые, с глазами, красными от усталости, выбежали из окопов. Они гнали врага с песнями. Отступление фашистов напоминало бегство. В деревне Алькарасехос республиканцы нашли на столе котелок с еще теплой похлебкой: фашисты не успели пообедать. Они бросали орудия, ящики с патронами, грузовики, пулеметы. Дойдя до первых высот, фашисты открыли огонь: они пытались прикрыть отступление. Бои шли пятнадцать дней. Республиканцы вернули всю территорию, утерянную в

марте, а на правом фланге заняли три деревни, которые были полгода под гнетом фашистов.

Фашисты теперь укрепились на линии высот. За одну [185] из них – Чиморру (1117 метров) – идут жестокие бои. Чиморра переходит из рук в руки. Республиканцы заняли ряд высот вокруг Пеньяррой и Фуэнтэ Овехуна. Другие высоты находятся в руках фашистов.

Окопов мало и у фашистов и у республиканцев. Камни, положенные один на другой, даже не прикрытые землей, – это укрепления. Днем обычно артиллерийский огонь. Ночью говорят ручные гранаты. Одну ночь атакуют фашисты, другую – республиканцы. Внизу – Пеньярроя, она сейчас окутана дымом: республиканцы бьют по батарее противника. Шахтерский поселок пуст, все заводы эвакуированы. Железная дорога между Кордовой и Пеньярроей перерезана республиканцами. Фашистам осталась только узкоколейка. Каждую ночь республиканская кавалерия совершает налеты на близкий тыл противника. Бригады, сформированные из крестьян Андалусии и Эстремадуры, героически атакуют врага...

На участках, где стоят регулярные части фашистов – мобилизованные крестьяне, – иногда по нескольку дней не раздастся ни одного выстрела. Сначала появились перебежчики-одиночки. Теперь солдаты переходят группами. Двадцатого апреля на сторону республиканцев перешла первая рота батальона «Сан-Фернандо», застрелив ротного командира. Они прорвались с боем, прихватив мортиры. В Пособланко не успевают допрашивать перебежчиков. Они смотрят на всех счастливыми глазами. Они рассказывают: «Марокканцы нас били палками»... Они просят: «Пошлите нас скорее на фронт». На одном – светло-серая португальская шинель, на другом – немецкие сапоги, на третьем – итальянская шапчонка: «национальная» армия Франко одета в лохмотья, подаренные далеко не щедрыми интервентами. Под иностранной шинелью бьется испанское сердце – это крестьяне Андалусии и Эстремадуры. Они с ненавистью говорят о чужеземцах. Они были солдатами республиканской армии. Фашисты взяли их в плен под Навалькарnero двадцать девятого октября. Их посадили в тюрьму. Гражданские гвардейцы всласть измывались над ними. Но генералу Франко нужны были «патриоты». Пленных отправили под конвоем в Вильяфранка-де-лос-Баррос, где итальянцы формировали сборную бригаду «Голубые стрелы». В этой бригаде командный состав – итальянцы. Большинство солдат – мобилизованные испанцы. Девятнадцатого апреля бригада «Голубые стрелы» [186] прибыла на фронт в секторе Санта-Барбара, двадцать первого Франсиско Пелегри и Габриэль

Гарсиа стали снова солдатами республики. За ними последовали другие. Двадцать третьего в окопы республиканцев приползли два итальянских солдата. Они сказали: «Мы тоже рабочие и не хотим драться за Муссолини».

Фашистское командование не на шутку встревожено. Мобилизованных начали отводить назад. Их заменили тремя свежими таборами марокканцев, фалангистами и рекете96. На левом фланге неприятеля теперь стоят вторая и третья итало-испанские смешанные бригады. Вокруг Пеньяррой противник сосредоточил четырнадцать батарей. В Фуэнтэ Овехуну пришла итальянская бригада. По-прежнему «капрони» ежедневно бомбят республиканские позиции. Возможно, что в ближайшие недели противник попытается отодвинуть республиканские части от Пеньяррой, но вряд ли даже хвастунишка Кейпо де Льяно посмеет теперь говорить о «военной прогулке».

Поражение фашистов возле Пособланки тотчас отразилось на всем Южном фронте. Двадцать первого апреля в секторе Гранады взбунтовалась рота регулярного полка. Фашисты были вынуждены обстрелять взбунтовавшихся солдат из орудий. В районе Мотриля каждый день десятки перебежчиков приносят республиканцам гранаты, мортиры, автоматические ружья.

По сравнению с Каса-де-Кампо или Харамой Южный фронт – кустарный фронт. Однако у гражданской войны свои законы, о которых, видимо, не догадываются профессора прусских академий. Крестьяне Андалусии и Эстремадуры, недостаточно обученные, плохо вооруженные, успешно сражаются против захватчиков. Каждый из них отстаивает свою деревню, своих коз, свои оливы. Юг Испании богат и нищ, темен и талантлив. Здесь живут люди ленивые, добродушные и смелые. В войну они внесли фантазию, вдохновение. Конечно, батальон «Панча Вилья» с точки зрения военной науки вряд ли может быть назван батальоном, но его командир со ста пятьюдесятью бойцами недавно захватил дорогу на Гранаду, которую защищали артиллеристы – офицеры сеговианской академии. На Южном фронте – фронт повсюду, и воюют здесь все. Может быть, итальянские офицеры, которые смотрят с командного пункта на Фуэнтэ Овехуну, [187] вспоминают о трагедии, увековеченной Лопе де Вегой. «Кто убил герцога?» – спрашивали в ярости крестьян предки Кейпо де Льяно, и крестьяне отвечали хором: «Фуэнтэ Овехуна». На вопрос: «Кто пускает с откосов итальянские эшелоны?» партизаны могут ответить: «Фуэнтэ Овехуна, Андалусия, Испания».

Пособланко, апрель 1937

Дивизия без номера

Это приключилось шестнадцатого марта в восемь часов вечера. Эшелон итальянцев направлялся из Лас-Росалеса в Кордову. С утра шел дождь. В Лас-Росалесе итальянцы пригрозили начальнику станции: «Промокли как собаки... Если не дашь приличного состава, – камня на камне не останется». Их рассадили в вагонах первого класса. Они пили вино из бутылок и горланили. С грохотом поезд пронесся по мосту Вильяфранка... Что случилось потом? Смешались туловища, винтовки, осколки стекла, шапки. Вагоны, лежа, еще раз вздрогнули. Из темноты стреляли.

Спаслись немногие. Один из них потом рассказывал: «Майор кричит: стреляйте! – а в кого стрелять? Сержант его спросил, где противник. Он ему в зубы: «Болван! Видишь – люди, значит, это и есть противник».

Итальянские солдаты редко когда знают имена своих командиров, и я не смог установить, как звали майора, точно определившего стратегическое положение фашистской армии. Фашисты могут продвигаться вперед, занимать территорию, писать победоносные сводки; фронт от этого не укорачивается; стреляют слева, стреляют справа, стреляют спереди и сзади.

Четырнадцатого марта в семи километрах от Кордовы партизаны взорвали воинский поезд. Триста фашистов погибли. Кордова – Монтеро: за последние два месяца уничтожены пять поездов. Недавно взорван мост в двух километрах от Кордовы по направлению к Пеньяррое. Партизаны перебили тридцать пять гражданских гвардейцев, которые охраняли этот мост. На шоссе Кордова – Пеньярроя партизаны захватили пять грузовиков с амуницией и продовольствием. Восьмого апреля [188] возле Эспиэля партизаны захватили полевую канцелярию фалангистов, мортиры и пулеметы. В Посадасе захвачены три грузовика. В провинции Гранада партизаны взорвали поезд со снарядами. На сорок первом километре по линии Гранада – Малага партизаны взорвали рельсы, произошла катастрофа.

Я разговаривал только с представителями нескольких партизанских отрядов, которые сражаются в провинциях Гранада и Кордова, но я мог бы продлить этот список. Горы Андалусии кажутся пустынными, однако они заселены теперь людьми. Здесь живут те, кто не захотел жить вместе с фашистами. Человек убегает в сьерру. Он бродит в одиночку день, два, неделю. Потом он встречает другого человека. Ночью два новых товарища нападают на уснувших часовых. Теперь у них винтовки. Так начинаются

партизаны.

Они знают все горные тропинки: они здесь родились. Крестьяне дают им хлеб и вино. На прошлой неделе крестьянин из села Фернан Нуньес вез бочку вина для фашистских офицеров. Он поглядел – на дороге никого. Он погнал мула в гору. Партизаны получили бочку вина, а крестьянин винтовку: он остался с ними. Из деревни Овехо двадцать третьего апреля к партизанам пришли три крестьянина. Они привели лошадь и девять мулов.

Раздобыв динамит, партизаны взрывают рельсы. В фашистской Андалусии больше нет железнодорожного расписания. Поезда часто проходят раньше положенного часа: фашисты хотят обмануть партизан; перед воинскими поездами пропускают пустые составы. Но железнодорожники знают дорогу в горы. У них в карманах билеты фалангистов, но сердца рабочих. Фашистские солдаты пуще окопов боятся поезда. На многих линиях поезда теперь ходят только днем. Редко кто посмеет ночью поехать в автомобиле. Губернатор Кордовы выезжает в соседнюю деревню, как на фронт: впереди несутся двадцать мотоциклистов, а в машине губернатора рядом с дорожным несессером – пулемет.

В марте Кейпо де Льяно объявил по радио: «Скоро мы покажем красным бандитам, что такое наши смельчаки. Мы пошлем десяток хороших националистов почистить марксистские дороги, по которым носятся краденые автомобили». В течение последних месяцев я немало ездил по Андалусии, по Кастилии, по Ла-Манче, по Арагону, по Каталонии; часто приходилось ездить ночью... [189]

Крестьяне дружески приветствуют автомобиль. Видимо, диверсанты засиделись в каком-нибудь севильском кабачке.

Маноло в мирное время был охотником – бил зайцев. За ним пришли фашисты. Его успела предупредить Пепита (краснея, Маноло говорит: «Невеста»). Он ушел в горы. Пепита носила ему еду. Потом Пепита пококетничала с фашистами и узнала от них, где засели «красные». «Я ей не сказал, что ухожу. Она запросилась бы, а это мужское дело». Он старается быть непримиримым. Но через минуту, растерянно улыбаясь, добавляет: «Понимаешь, ей всего семнадцать лет, но она храбрая...» «Красные» дали Маноло винтовку. Потом их окружили. Он пробился. Он разыскал двух охотников. «Теперь мы не зайцев бьем – фашистов».

Старик Санчо пригнал к передовому посту республиканцев семь овец. Он сказал: «Распишись. Доверяю овец республике. Кончится война, отберу.

Мне теперь не до овец. Они сына у меня убили...» Он исчез. Шесть недель спустя он пришел снова на то же место. Он притащил автоматическое ружье и бумажник с документами убитого офицера. Он считал, с трудом сгибая корявые пальцы: шесть, семь, восемь... «Это я девятого уколошил. Выплюсь и пойду назад. Теперь луны нет – самое время для работы. А овцы мои как?..»

Парита – низенький, худой человек. Ему тридцать два года. Сын кузнеца. С детства любил бои быков; стал знаменитым тореадором; много зарабатывал и тотчас прокучивал все. Его портреты печатались во всех газетах. Впрочем, он не читал газет: он был неграмотен. Он прижимал к распискам большой палец. Потом он влюбился в девушку. «Я стал тогда рассеянным, меня и понизили...» Он был матадором, его сделали бандерильеро⁹⁷. Девушка капризничала. Парита покупал ей дорогие подарки. Он залез в долги. Как-то зимой (зимой боя быков не бывает) он оказался вовсе без денег. Он пошел чернорабочим на стройку. Рабочие видели, что Парита ловок, но слаб, они часто помогали ему носить тяжелые камни. Рассказывая об этом, Парита повторяет: «В первый раз я увидел такое... В первый раз...» Мир тореадоров напоминает мир актеров или писателей: каждый только и думает, как бы потопить другого. Парита увидел [190] человеческую солидарность... Вечером каменщики читали газету или книгу. Парита многое понял. На строительных лесах он стал революционером.

Незадолго до фашистского мятежа на него напали четыре тореадора, члены фаланги. Они нанесли ему несколько ран ножом. Когда раздались первые выстрелы, Парита лежал в госпитале. Он побежал в одном белье к казарме Ла-Монтанья. Он бросал в фашистов камнями. Потом он собрал тридцать восемь тореадоров – республиканцев – и повел их в Пятый полк⁹⁸. Его отправили в Гвадарраму. Он долго вертел винтовку – будто он ее чистит: никогда он не держал в руке ружья. Два месяца спустя он стал лейтенантом народной армии, одолел грамоту (он много теперь читает); вступил в коммунистическую партию. Он глава андалусских партизан. Этот щуплый человек бесстрашен. Он нападает на отряды фалангистов, взрывает мосты, уничтожает поезда. Недавно он пригнал в свой батальон восемьдесят свиней, принадлежащих какому-то маркизу. В окрестностях Севильи он пристрелил германского офицера. Кейпо де Льяно заявил: «Парита – свинья, и мы его зарежем». Бродя по горам, занятым фашистами, Парита говорит старым друзьям: «Идем с нами...» Его все любят. Он у костра поет грустные песни Андалусии. Он рассказывает десятки забавных

историй. Он говорит на крестьянских сборищах гневно и вдохновенно. Он смеется, как ребенок. Потом молча уходит по тропинке...

Сколько их в горах? Тысячи? Десятки тысяч? Этого не знает никто. Они невидимы. Они исчезают и вдруг показываются из-под земли. Они шутя переходят через фронт. Они бесстрашно нападают на отряд марокканцев и бережно несут на плечах сирот. Недавно десяток партизан возле Фрехеналь-де-ла-Сьерра захватили грузовик с патронами. Четыре солдата пошли с партизанами, пятый не захотел: «У меня в Севилье семья». Он плакался: «За патроны мне придется отвечать...» Тогда веселый, черноглазый Педро выдал ему расписку: «Шесть ящиков с патронами и машину взял я, Педро, командир дивизии». Кто-то из товарищей сказал шутя: «Если дивизия, то полагается номер». Педро рассмеялся и приписал: «Командир дивизии без номера».

май 1937 [191]

По ту сторону

– Как там?

Усмехаясь, он отвечает:

– В городах тишина кладбищ. Зато на кладбищах оживление: расстреливают, хоронят, плачут.

Это не поэт. У него была москательная лавчонка в Миранде. За ним пришли фалангисты. Два месяца он проблуждал в горах, а неделю назад пробрался к республиканцам.

Я разговаривал с сотнями людей оттуда: с солдатами, с крестьянами, с рабочими, со студентами. Конечно, в рассказах перебежчиков немало преувеличений – вольных или невольных. Но я слышал различные показания, и то, что я расскажу, много скромнее, суше действительности.

У человека кредитка – двадцать пять песет. Он заходит в магазин, ему вежливо говорят: «Простите, нет сдачи». Он садится в кафе, официант предусмотрительно спрашивает: «У вас не крупные деньги?» Он пытается на базаре купить десяток бананов, торговец косится на кредитку и кричит: «Иди, иди. Здесь тебе не банк». Впрочем, и в банке денег не меняют. «Правительство» Франко выпустило новые ассигнации, которые никто не хочет брать. Серебро и медь исчезли. Солдатам жалованье не выплачивают: «Погоди, пока наберется двадцать пять песет».

На базаре бананы с Канарских островов. Ни хлеба, ни мяса, ни зелени, ни риса. В Малаге или в Уэльве много рыбы, в Кордове рыбы нет. В

Галисии сколько угодно мяса, в Гранаде даже фалангисты сидят на соленой рыбе. Сахара нет нигде. Вместо кофе – суррогат. Мыло стало предметом роскоши, а вши повсеместным украшением.

Канарские острова поставляют табак, но папиросной бумаги нет. Люди побогаче покупают за двадцать пять сантимов книжечку папиросной бумаги, которая весьма напоминает упаковочную. Люди победнее крутят сигарки из газет. Республиканцы недавно раскидали книжечки хорошей рисовой бумаги с призывом к солдатам переходить на сторону правительства. Книжечки пользовались таким успехом, что фашистское командование обратилось по радио с предупреждением: «Бумага красных отравлена, и каждый, кто закурит сигарету, скрученную из этой бумаги, умрет через неделю в страшных мучениях». [192]

Поезда ходят как придется. Из Севильи до Кадиса – сто пятьдесят три километра – поезд идет восемь-девять часов. Из Кордовы в Гранаду – сто шестьдесят семь километров – поезд идет десять-двенадцать часов. После каждого налета партизан фалангисты расстреливают несколько железнодорожников. Билеты продают только по ордерам комендатуры. В поездах – военный контроль. На шоссе тишь да гладь – нет бензина. В Гранаде девятьсот машин, грузовых и легковых, бездействуют. Повсюду заставы. Крестьянина, который идет с поля, останавливают фалангисты: «Пароль?»

В витринах магазинов портреты Франко, обрамленные флагами – испанским (монархическим), германским, итальянским, португальским. Флагов много, зато мало товаров. Рубашка в Севилье стоит в три раза дороже, нежели в Мадриде.

В большие кафе Кордовы и Гранады солдатам вход запрещен. Там развлекаются фалангисты, рекете, итальянцы...

Заработная плата понижена. Женщины теперь получают за сто кило собранных маслин три сантима. Поденно: мужчина – три песеты пятьдесят сантимов, женщина – одну песету пятьдесят сантимов. Из жалованья удерживают на «патриотические нужды» пятнадцать-двадцать процентов. Лавочники стонут: «На фалангу вчера взяли сто песет, сегодня на рекете – пятьдесят...» Одну ночь в неделю крестьяне обязаны охранять железнодорожные пути и мосты; называется это: «Ночь в пользу Испании».

Жен расстрелянных фалангисты заставляют бесплатно чистить казармы или стирать белье. Они получают в день восьмушку хлеба. Многих женщин фалангисты для надругательства обрили наголо.

Итальянцы ведут себя как завоеватели. Недавно возле Кордовы они раздавили женщину и даже не остановились. В Монтилье пять итальянцев пристали на улице к испанке. Она успела добежать до дому. Итальянцы стучат, дверь заперта. Тогда один из них швыряет ручную гранату. Приходит гражданская гвардия: «Что здесь?» Арестовывают женщину. Автобус в Кордову. Садятся итальянцы. Кондуктор хочет получить за проезд. Его выкидывают, а за ним и шофера. В магазинах возле кассы итальянцы вынимают вместо кошелька револьвер. Каждый вечер скандалы в публичных домах: «Мы Малагу завоевали, а они с нас деньги требуют!..» В часы [193] передышки итальянцы занимаются торговлей: сбывают пишущие машинки, часы, охотничьи ружья, белье – все, что награбили в Малаге. Испанские офицеры ворчат: «На фронте они прячутся, а здесь как у себя дома...»

Там, где нет итальянцев, простор для фалангистов. Среди вождей фаланги немало людей с богатым прошлым. Местечко Векильяс. Несколько лет назад отставной унтер-офицер по поручению маркиза Льена убил местного врача: маркиз хотел пристроить в Векильяс своего человека. Унтера судили и осудили. Теперь он вождь фаланги и, не боясь больше никаких процессов, что ни день кого-нибудь расстреливает. В Магаросе хозяйничает фалангист Хуан Васкес, который знаменит тем, что накануне мятежа успел изнасиловать девушку. В Эскуриале-де-ла-Сьерре вождь фалангистов до июля сидел под замком: это сын кулака, он не мог дожидаться смерти отца и прибег к топору: труп отца он бросил в колодец.

В Кордове по просьбе духовенства фалангисты согласились не расстреливать арестованных в воскресные дни. В городе Фрехеналь-де-ла-Сьерра одиннадцать тысяч жителей. По официальной статистике, фалангисты расстреляли двести пятьдесят восемь человек, среди них молодую учительницу и двух старух. В Миранде фалангисты... дают арестованным касторку; четыре женщины после этого умерли. В Гихуэро-де-ла-Сьерра фалангисты расстреляли женщину и прикладом убили ее восьмимесячного ребенка. Потом они повезли в Бехар другую женщину с двумя детьми. По дороге они выкинули детей из автомобиля.

В тылу фалангисты не расстаются с оружием. К фронту они скорее равнодушны. В мои руки попал документ:

«Испанская фаланга. Областной комитет Саламанки. 9 февраля 1937 года.

Сеньору Санта-Пау.

Дорогой полковник.

Это письмо вручит вам Габриэль Гомес Кабальо, наш товарищ, друг и земляк. Он имел несчастье потерять на фронте Витории своего брата, умершего за Испанию. Ввиду того, что он женат и является единственным кормильцем семьи, я прошу вас в той или иной форме удержать его при себе, так как он всемерно заслуживает доверия. Это не рекомендательное письмо, я только хочу [194] обратить ваше внимание на одного из людей, наиболее любящих Испанию.

С горячим национал-синдикалистским приветом делегат комитета.

Проснись, Испания!

П. Салинеро».

Фалангисты получают в день пятнадцать песет, рекете – три песеты; такова экономическая база конфликта. Что касается высокой идеологии, то рекете требуют немедленного восстановления монархии. Они кричат:

Que reine el rey de Espana en la corte de Madrid!

(«Да здравствует король Испании при мадридском дворе!»)

Генерал Франко учредил единую партию, чтобы помирить врагов. Однако партия эта называется фалангой, короля не видать, и рекете считают, что генерал их надул. Восемнадцатого января в Миранде произошел бой между фалангистами и рекете – стреляли из пулеметов. Десятого апреля в Пинос Пуэнте фалангисты обстреляли рекете из полевых орудий. В Карпио алькальд был фалангистом. Рекете недавно избili его насмерть.

Народ, не вдаваясь в талмудические тонкости, поет частушку:

Falange y requete

De la misma opinion.

Porque esta la diferencia

Entre asesino y ladron?

(«Фалангисты и рекете – одних взглядов. Какая может быть разница между убийцей и грабителем?»)

В одном фалангисты и рекете вполне сходятся: они равно ненавидят мобилизованных солдат: это «красные».

Мобилизованные получают в день не пятнадцать песет, даже не три песеты, а всего-навсего двадцать пять сантимов, причем они сами должны

стирать белье и, следовательно, покупать дорогое мыло. Мобилизованных андалусцев отправляют в Марокко: военному делу их обучают подальше от родных деревень. Спят солдаты на соломе, едят горох. Офицеры бьют солдат, бьют не кустарно, но организованно: «десять палочных ударов». На фронте солдат лупят марокканцы: это жандармы [195] Кейпо де Льяно. Окопы напоминают каторгу: надсмотрщики с дубинками.

Кейпо де Льяно как-то заявил: «Пусть будет на свете меньше испанцев, лишь бы они были преданы нашему делу». Первую часть пожелания фашисты осуществили: они сильно уменьшили народонаселение Испании. Однако уцелевшие отнюдь не преданы фашистским генералам. В городах и деревнях люди поют:

Franco es el verdugo del pueblo

Y quiero un criminal

Y cabanellas un asesino

Vaya, un gobierno formal!

(«Франко палач народа, Кейпо преступник, Кабанельяс убийца – вот серьезное правительство!»)

В годы гражданской войны между северными и южными штатами Америки бывали тяжелые месяцы. Вместе со многими другими Энгельс опасался победы южан. Маркс напомнил ему, что в гражданской войне дело решают не только стратегические операции. Наше внимание справедливо направлено к Мадриду. Однако судьба Мадрида может решиться в севильской Триане или в гранадском Альбасине.

Южный фронт, май 1937

Битва за хлеб

На Арагонском фронте я видел старика и двух женщин. Они убирали хлеб на «ничьей земле». Солдат рассмеялся: «Вот дурачье – ведь пристрелить могут!» Потом он задумался: «Если наши – это хорошо, хлеба будет больше».

Помимо карт военных действий, существуют хлебные карточки. Голод – плохой советник и плохой союзник. Мирные нивы стали теперь полями сражений – здесь республика должна выиграть еще одну битву – за хлеб.

Испания пестра и сложна: одна провинция не похожа на другую. Переехав французскую границу, попадаешь в Каталонию. Виноградники; каждая лоза окружена вниманием, любовью. Дальше – огороды; три урожая

картошки в год, экспортный салат, зеленый горошек. Если повернуть [196] к западу – нивы, потом безлюдье – сьерра Арагона; скудные поля, немного ячменя и ржи. Если поехать к югу – Уэрта – сады Леванта; искусственно орошаемая земля, воздух, оранжереи, диковинные плоды; семьдесят тысяч гектаров апельсиновых рощ, сладкий испанский лук, клубника, артишоки, помидоры, дыни, финики, гранаты. Меланхолично просвечивает вода – это рисовые поля – три миллиона квинталов⁹⁹ в год. Возле Теруэля можно проехать десятки километров, не встретив ни одного человека. В окрестностях Мурсии один беленький домик – рядом с другим, поля людны, как площади в городах: на четырехстах квадратных километрах живут четыреста тысяч земледельцев. Дальше на юг – сожженная солнцем земля Альмерии, степи, камни; потом плантации сахарного тростника; и снова виноградники. В сердце страны Ла-Манча – житница Испании, плоская равнина с бездорожьем, с захолустными мечтателями, с грубоватым красным вином и с нежно-белым хлебом. Провинции Гвадалахара и Куэнка – деревни на холмах, а далеко вокруг шашечницы полей.

По-разному жили испанские крестьяне до революции. Полудикие пастухи Наварры спускались с гор один раз в год; они ждали прихода если не Мессии, то престарелого претендента карлистов; они выторговывали у продувного попа клочок земли в царствии небесном. Каталонские огородники, издавна объединенные в мощные кооперативы, толковали о девальвации в Англии или о таможенной политике Лавалья¹⁰⁰. В бесплодных округах Авилы или Саморы у каждого крестьянина был кусок сухой каменистой земли; в богатой Андалусии почти все крестьяне были батраками; у них не было ни земли, ни огорода, ни дома; они снимали комнаты в больших поселках и чуть свет уходили на работу. Помещики жили в Мадриде, и тысячами батраков управляли алчные, неграмотные управляющие. Крестьяне Леванта ели обед из трех блюд; их жены щеголяли в модных платьях, обедням они предпочитали кино и патефон. Возле португальской границы в Лас-Урдесе я видел людей-карликов, дегенератов, никогда в жизни не евших мяса, не знавших ни печи с трубой, ни кожаной обуви. [197]

Об аграрной реформе заговорили давно – после падения монархии. «Институт аграрной реформы» роздал счастливым несколько тысяч наделов. Батраки, никогда дотоле не владевшие землей, устроили *comunidades* – сельские кооперативы. Весной 1936 года крестьяне Эстремадуры, Андалусии, Новой Кастилии, не веря больше в труды

института, запахали пустовавшие земли помещиков. Они составили торжественные акты о переходе имений разных герцогов и маркизов во владение сельских общин. Генерал Франко не стал ломать головы над разрешением аграрного вопроса. Он расстрелял сотрудников института, а в деревни послал карательные экспедиции. Жандармы проверяли подписи под «актами» и убивали «смутьянов». После этого управляющие на радостях понизили батракам заработную плату: мужчинам они платят четыре песеты в день, женщинам – две песеты пятьдесят сантимов – это жизнь впроголодь.

Революция отдала крестьянам землю, но пестрота экономических условий и соперничество различных политических направлений исключают возможность какой-либо общей установки. По-прежнему трудолюбиво возделывают свои сады мелкие хозяева Леванта. Каталонские крестьяне – рабасейрос – больше не платят аренды. Земли помещиков и фашистов конфискованы и переданы в ведение муниципалитетов. Кое-где местные «комитеты» заменили помещиков: они продолжают выплачивать батракам по шесть-семь песет в день. В других деревнях конфискованными землями распоряжаются действительно крестьянские общины. В третьих эти земли поделены между крестьянами. В Сиудад Либре, Гвадалахаре, Толедо, где имелись латифундии, крестьяне предпочитают обрабатывать землю сообща. Каждый из сельских кооперативов управляется на свой лад. В одном временно выплачивают всем членам заработную плату, как рабочим; в другом деньги, полученные за урожай, делятся по числу членов семьи, в третьем при распределении прибыли учитывается число рабочих дней. Я побывал в десятках сел. В одних крестьяне не нахвалятся на свое объединение, в других они ворчат – все зависит от руководителей.

Вот два больших села Ла-Манчи – Солана и Мембрилья. В Солане большой кооператив. Кто не хотел войти в него, получил надел. Члены кооператива увеличили в полтора раза посевную площадь, завели специальные [198] культуры, выписали агронома. Село цветет. От Соланы десять километров до Мембрильи. В Мембрилье деньги уничтожены. Председатель комитета после долгих вечеров работы установил, что «каждая семья состоит из 4,52 члена». На этом он успокоился, приказав выдавать столько-то хлеба и молока предполагаемым 4,52 члена.

В Арагоне я тоже видел две соседние деревни, не похожие одна на другую, – Сесу и Уэрто. В Сесе вместо денег талончики, установлена трудовая повинность, каждый крестьянин имеет право раз в неделю бриться, а врач должен ходить пешком за двадцать километров, чтобы

лечить больных, – машину у него отобрали как предмет роскоши. В Уэрто превосходный кооператив. У каждого крестьянина теперь своя коза, начали есть мясо, обзавелись обувью, открыли читальню. Легко догадаться, что село Уэрто дало фронту втрое больше добровольцев, нежели Сеса, – людям есть что защищать.

Таких деревень, как Сеса или Мембрилья, немного. Это самые бедные, самые отсталые деревни. До революции в них хозяйничали «касики»¹⁰¹ и попы. Для огромного большинства крестьян республика – залог новой, лучшей жизни. Без поддержки крестьян республика не продержалась бы и месяца; ее армия на три четверти – крестьянская армия. В Каса-де-Кампо и в Ла-Гранха крестьянские части сражались с еще невиданным в испанской армии упорством. Всю зиму и весну крестьяне Леванта и Каталонии слали Мадриду хлеб, рис, картофель, апельсины. В эти дни испытаний сказались мужество, бескорыстность, человечность испанского крестьянина.

Тучи повисли над Испанской республикой. Бои под Уэской показали, что без единства в тылу Восточный фронт обречен на оцепенение, которое нельзя назвать даже обороной. Газеты занимаются традиционной полемикой, а корабли двух фашистских империй тем временем теснятся возле испанских берегов, грозя республике блокадой и голодом. В трудные дни идет битва за урожай. Но испанский крестьянин оказался мудрее многих политиков и стратегов. Глядя на убранные поля, мы вправе сказать, что он выиграл эту битву. [199]

Около четверти земледельцев на фронте, но нигде я не видел ни одного незасеянного поля – от Пиренеев до Эстремадуры, от Мадрида до моря. В этом году в той части Испании, которая находится под властью республиканского правительства, пшеницей засеян миллион семьсот тридцать шесть тысяч га – на шесть процентов больше, нежели в 1936 году. Число га, засеянных ячменем, увеличилось на пять процентов. Левант забыл о клубнике и об артишоках – он сеет хлеб для Мадрида. В провинции Валенсия до войны под пшеницу отводили двадцать четыре тысячи га, теперь шестьдесят три тысячи. Сейчас собирают «ардито»¹⁰². В 1936 году в провинциях, которые теперь свободны от фашистов, было собрано восемьсот тысяч центнеров «ардито». Урожай этого года даст не менее одного миллиона шестисот пятидесяти тысяч центнеров. За исключением некоторых округов Мурсии и Альмерии, где была засуха, урожай – выше среднего. Через несколько недель в амбарах республики будет шестнадцать миллионов центнеров пшеницы.

В деревне мало рабочих рук. Все сейчас в полях – женщины, старики,

ребята. В прифронтовой полосе крестьянам помогают бойцы. Командующий Теруэльским сектором Франсиско Галан издал приказ: «Много тысяч земледельцев променяли серпы и цепи на ружья, чтобы сражаться за независимость и свободу. В страдные дни уборки хлеба мы должны прийти на помощь крестьянам, мы должны спасти священный урожай – это хлеб наших бойцов, наших детей, это хлеб Испании».

Я видел в Арагоне солдат, которые жали: это были добровольцы; крестьяне Ла-Манчи, они с радостью между двумя атаками отдавались любимому делу. Один, кончив полосу, пошел в деревню, поскреб осла, починил ставню дома, а когда хозяйка стала угощать его салом, задумчиво улыбнулся, поблагодарил и ушел к товарищам.

Крестьяне одной деревни возле Хаена послали письмо командующему Южным фронтом: «Спасибо тебе и всем бойцам! Вы спасли наши дома от фашистов, а теперь тоже выручили нас. Товарищ командир, теперь мы посеяли, так что ты можешь больше никого не присылать, а если нужно, мы пойдем в другую деревню вместе с бойцами. Еще сообщаем тебе, что Педро Гонсалес и [200] Хуан Алагире решили вчера уйти с бойцами на фронт, чтобы защищать свободу. Привет!»

Коммунистическая партия организовала бригады – в воскресенье тысячи рабочих едут на помощь крестьянам. Провинция Валенсия, деревня Маласавес. Прежде здесь сеяли только рис. Этой зимой засеяли пшеницу; сейчас собрали, и старики с гордостью говорят: «Два урожая – это две победы». Масаррохос – до революции здесь не было ни одного коммуниста, все ходили в церковь, голосовали за правых. Теперь крестьяне Масаррохоса по собственному почину организовали бригаду и вот уже третий месяц как работают по шестнадцать часов в сутки.

Вэнта-дель-Мора. Здесь все мелкие собственники. Они объединились и помогают друг другу. Когда приехала рабочая бригада из Валенсии, хлеб оказался убраным. Крестьяне сказали: «Мы с вами поедем в Вильягордо, там еще не убрали – там много женщин и стариков»... В Рекену приехали бойцы-добровольцы. Один старый крестьянин говорит: «Ты почему за меня работаешь? Мне и заплатить тебе нечем». Боец смеется. Старик смутился: «Это ведь земля не государственная, а моя». Боец хлопнул его по спине: «Понятное дело – твоя! Только теперь надо друг другу помогать – время такое». Вечером старик принес алькальду петуха и мешок бобов: «Держи. Это для фронта. Время теперь такое».

Я мог бы рассказывать о других людях, о других селах – повсюду сейчас

идет работа, повсюду видишь примеры человеческой солидарности. Страшно после того, как поговоришь с крестьянами, взять в руки газету: «Риббентроп сказал...», «Пополо д' Италия» пишет...» Какой прекрасный, трудолюбивый, добрый народ живет на этой земле, и вот жизнь его только ставка на зеленом сукне, вокруг которого расселось несколько профессиональных игроков.

Валенсия, июнь 1937

Под Уэской

Сегодня утром мне привелось быть свидетелем воздушного боя в районе к северу от Уэски. Фашистские бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, пытались [201] бомбить расположения республиканцев. Четверть часа спустя прибыли республиканские истребители. Сбито пять «хейнкелей» и три «фиата», причем пять фашистских самолетов упали на республиканскую территорию. Республиканцы потеряли два истребителя. Летчик одного благополучно спустился на парашюте.

В районе Хаки правительственная горная пиренейская бригада атаковала линии неприятеля, захватив озеро Парачимания, а также поселки Санта-Елена и Сан-Рамон-де-Пасос. Железнодорожная линия в тридцати километрах южнее Хаки теперь находится под огнем республиканских батарей.

На фронте Уэски неприятельским снарядом убит один из самых доблестных бойцов интернациональных бригад генерал Лукач. Тело Лукача сегодня направляется в Валенсию, где состоится его погребение. Осколком снаряда, тяжело ранен революционный писатель Густав Реглер¹⁰³. Жизнь Реглера вне опасности.

14 июня 1937

Сегодня с раннего утра возобновились бои вокруг Уэски. В пять часов десять минут семьдесят республиканских самолетов показались на северо-западе от города. Бомбардировщики сбросили большое количество бомб, на позиции неприятеля вокруг Чимильи – Террасы. «Фиаты» вынуждены были принять бой. Один из них сбит.

В семь часов пять бомбардировщиков под охраной истребителей начали бомбардировать республиканские, позиции. Однако, сбросив несколько бомб, они поспешно скрылись. Показались двадцать пять республиканских, истребителей. Последние пулеметным огнем обстреляли позиции неприятеля.

В десять часов тридцать минут произошел крупный, воздушный бой. Тридцать шесть республиканских бомбардировщиков бомбили фашистские расположения. Их сопровождали двадцать шесть истребителей. Восемнадцать «фиатов» напали на два республиканских звена, но были отогнаны, потеряв семь самолетов. Республиканцы заняли высоту 581, которая господствует над дорогой Узска – Хака. Они подошли вплотную к деревням Чимилья [202] (в четырех километрах северо-западнее Уэски) и Алерре (в двух километрах юго-западнее Чимильи), являющимися ключом к Уэске.

Сейчас привели пленных – двух офицеров и тридцать шесть солдат. Они захвачены при атаке высоты. Бои продолжаются. Противник в течение последних трех дней стянул к Уэске сильные резервы.

16 июня 1937

Арагонский фронт

Я впервые увидел Арагонский фронт в августе прошлого года. Крестьяне стреляли из охотничьих ружей в «юнkersы». Девушки сустились вокруг допотопных пушек. Был знойный день, и бойцы преспокойно купались на передовых позициях. Все командовали, но никто никого не слушал. Уэска была рядом, и тысяча Панчо Вилья посматривали на нее с явным презрением.

Я снова увидел Уэску в ноябре. Вокруг города было немало свежих могил. Бойцы угрюмо рыли первые окопы. Они уже знали, что война – это война, они еще не знали, что победа – это наступление. Опять знакомые места. Лето, невыносимо жарко, но никто теперь не купается. Уэска, как прежде, рядом – за нее идет бой. Дивизии, танки, быстроходные бомбардировщики.

Для фашистов Арагонский фронт был надежным прикрытием. Он позволил Соррии, Памплоне, Бургосу стать глубокими тылами. Он обеспечил наступление на Мадрид и на Бильбао. Ни разу фашисты не пытались провести здесь хоть сколько-нибудь серьезную операцию. Конечно, не из человеколюбия фашистские самолеты до самого последнего времени щадили города Арагона: они боялись пробудить ожесточение в

сердцах республиканцев. Они хотели, чтобы Арагонский фронт был мертвым фронтом и чтобы бои шли не на подступах к Уэске, но на улицах Барселоны.

Много месяцев республиканцы были охвачены спячкой обороны. Возле передовых позиций они расставили указательные столбы с надписью: «Осторожно – к фронту!». Они на славу организовали санитарные пункты, продовольственные склады и передвижные типографии. Окопы они обжили, как дома. [203]

Дорога из Барселоны к фронту проходит мимо каталонских городов Игуалады, Тарреги, Лериды. Вечером на улицах светло, все кафе переполнены, магазины завалены товарами. В Тарреге, в баре «Кропоткин», местные энтузиасты толкуют об организации любительского спектакля. Вдруг окно, обклеенное тонкими полосками бумаги. Узор затейлив, хозяин окна явно думал, скорее, об искусстве, нежели о фашистской авиации. Иногда на уличных фонарях следы синей защитной краски, которая успела облупиться. Война стала бытом, но еще не стала жизнью, и кажутся полными злой иронии старые верстовые столбы с пометкой «в Мадрид».

Граница между Каталонией и Арагоном – это граница не только между двумя провинциями, но и между двумя мирами. Все вокруг зелено. Виноградники, огороды, сады – каждый клочок земли любовно возделан. Деревни, похожие на города. Прогуливаются нарядные девушки. Крестьяне перед обедом пьют вермут и рассуждают о политике мистера Идена¹⁰⁴. Потом все сразу меняется. Рыжие камни, пустыня. Редко увидишь несколько пыльных маслин. Вот едет верхом на осле семья – отец, мать, девочка. Среди камней уныло трясет головой коза, разыскивая сожженную солнцем травинку. Деревни стоят на горах, как крепости, далеко одна от другой. Дома цвета камня, они повернуты глухими стенами к дороге и кажутся нежилыми. Внутри темно, голо. Кое-где поля, сейчас убирают хлеб. Возле одной деревушки в горячий полдень крестьяне остановили мою машину: «Нет ли у тебя глотка воды?» Они приносят воду издалека. Для металлиста, уроженца богатой и веселой Барселоны, для винодела из Таррагоны, для огородника из-под Хероны это неизвестный материк. Каталонцы часто говорили мне: «У себя дома мы уничтожили фашизм». Это не сепаратисты; они великолепно знают, что судьба Каталонии тесно связана с судьбой Испании. Но на войне мало знать, надо еще чувствовать.

До начала весны на Арагонском фронте не было подлинной армии: колонны¹⁰⁵ представляли ту или иную политическую партию. Я помню военный совет в августе. Над картой командиры, забыв про Уэску, спорили,

кто [204] выше – Маркс или Бакунин? Теперь колонн нет, на фронте дивизии народной армии. Однако политический сепаратизм еще не изжит до конца. Каждая дивизия ждет указаний не только от главнокомандующего, но и от своего партийного комитета. Барселонские газеты описывают военные операции с оглядкой – какая дивизия взяла Санта-Крус или Торасу.

Не изжиты до конца и многие идеи, с которыми можно организовать спектакль в Тарреге, но не взять Уэску.

У фашистов на Арагонском фронте мало солдат. Сотни домишек и холмов они превратили в форты. Укрепленный пункт – сто солдат и пулеметы; потом километра два или три – ни живой души, и снова бетонированные укрепления. В предместье Уэски находится сумасшедший дом. Там засели фашисты. Окопы республиканцев – возле забора. За сумасшедший дом дрались осенью, за него дерутся и сегодня. В тылу фашисты держат ударные части, это три бандеры «Герсио»¹⁰⁶. Недавно бандера «Санхурхо» контратаковала республиканцев под Теруэлем, позавчера ее привезли к Уэске. Возле Сарагосы у фашистов четыре аэродрома – пять «юнкерсов», с десятков истребителей. За последние дни республиканские летчики сбили над Уэской около десяти истребителей. Фашисты тотчас подкинули десяток новеньких. (Кстати, почему не предложить скучающим членам лондонского комитета заняться высоконаучной работой – о размножении путем почкования «хейнкелей» и «фиатов»?) Коммуникации у фашистов прекрасные: железная дорога из Сарагосы на Лонгроньо и на Сорию, шоссе Хака – Памплона – Сарагоса – Лонгроньо, Сарагоса – Сигуэнса.

Если у фашистов хорошие инженеры, то солдаты у них плохонькие: это мобилизованные крестьяне. Приходится позади ставить фалангистов с пулеметами. Вчера я видел много пленных, они улыбались, подымали кулаки. Конечно, наивно говорить о республиканских убеждениях этих людей, но одно бесспорно: им неохота умирать ни за генерала Франко, ни за величие Рима, ни за первенство чисто арийской расы. Они откровенно радуются, [205] что спасли свою шкуру. Каждый день к республиканцам приходят несколько перебежчиков...

Гражданская война в Испании развивается своеобразно: она то переходит в современную войну со всеми ее техническими усовершенствованиями, то ограничивается перебранкой и сердитыми выжиданиями. Испанцы слишком доверчивы, слишком благодушны для партизанской войны в тылу неприятеля. Однако даже этих

миролюбивейших испанцев фашисты доводят до лютой ненависти. В тылу у фашистов люди начинают пошалить: то перережут провода, то взорвут мост. В своих газетах фашисты любят говорить о чудодейственной богородице из Сарагосы; о населении этого города они предпочитают умалчивать. Сарагоса – крупный промышленный центр, фашисты расстреляли тысячи рабочих, всех расстрелять не смогли и они. Сарагоса – скрытый фронт в тылу Арагонского фронта.

Крестьяне Арагона жили бедно. Среди них больше половины неграмотных. Во многих деревнях местные комитеты¹⁰⁷ чудачат как могут: в одной отменили денежную систему, в другой обобществили кур, в третьей выдают крестьянину десяток папирос после предварительного экзамена – курит ли он всерьез или прикидывается?.. Несмотря на самодурство некоторых невежественных или фанатичных заправил, крестьяне ненавидят фашистов. Революция дала им помещичьи земли, она освободила их от жандармов, от попов, от алчных и бездельных «сеньоритос». Сколько раз я видел в нищих деревушках крестьян, которые несли кто яйцо, кто кружку козьего молока: «Бойцам на фронт». Крестьяне ловят фашистских диверсантов и приводят их в штаб.

На Арагонском фронте десятки тысяч прекрасных бойцов. При умелой организации эта армия могла бы давно взять не только сумасшедший дом, но Уэску и Сарагосу. Внезапные ночные атаки стали теперь обычным приемом республиканской армии, они свидетельствуют о смелости и находчивости бойцов, они нервируют фашистов и разъедают их укрепления.

Бои под Уэской начались двенадцатого июня. Уэска – мешок, с тылом город соединяет полоска в три километра шириной. Нетерпеливые журналисты уже [206] много раз, сидя в редакциях, брали Уэску. По боям в Каса-де-Кампо или на Хараме мы знаем, что три укрепленных километра стоят иных тридцати. Значение недавних боев в том, что они пробудили Арагонский фронт. Каталонцы поняли, что защищать Каталонию надо под Сорией, а не под Леридой.

Какой восторг на лицах всех бойцов, когда тридцать республиканских самолетов кружат над позициями фашистов! Комендант аэродрома Альфонсо Рейес – один из лучших начальников республиканской армии; это старый кадровый офицер и старый коммунист. В августе у него был десяток туристических самолетов; он собрал смельчаков – так родились «Красные крылья». На ветхом «брегете» Рейес бомбил укрепления Уэски. Он говорит мне: «Помните?..» Взволнованный, он смотрит вверх: двадцать

истребителей сейчас вылетели, чтобы защищать Торасу, утром захваченную республиканцами.

На позициях я встретил одного бойца, арагонского крестьянина. Я его узнал по шраму на щеке. В августе он рассмешил нас: он приехал в Барбастро с древним мушкетом и объявил: «Кабанов бил, теперь буду бить генералов». Мы разговариваем; вдруг он начинает радостно смеяться: «Видишь? Танки, настоящие танки. А ты помнишь мушкет?..»

Один каталонец недавно сказал мне: «Ничего не поделаешь, мы – миролюбивый народ. В Каталонии были прекрасные химики, художники, садоводы, коммерсанты, инженеры, но полководцев у нас никогда не было. В нашем языке нет даже военных терминов...» На беду, у фашистов несложная терминология: итальянские бомбы и германские снаряды понятны всем и без словаря. Одиннадцать месяцев Арагонский фронт был неподвижной границей: по одну сторону – виселицы Сарагосы, по другую – кофейни Барселоны. Теперь этот фронт зашевелился. Сегодня атакуют республиканцы. Кто может поручиться, что завтра чернорубашечники, которые сейчас грабят Басконию, не предпочтут хорошо памятной им Гвадалахаре Лериду? Если республиканцы не скинут фашистов с арагонских гор, фашисты двинутся к побережью. Вскоре окажутся ненужными изящные столбики с надписями: «Осторожно – к фронту!». Арагонский фронт доживает свои последние дни: фашисты хотят, чтобы он стал Каталонским фронтом, решительность и сплоченность [207] республиканцев могут превратить его в Наваррский фронт.

июнь 1937

Репортажи с второго Международного конгресса писателей

Ассоциация писателей для защиты культуры создавалась два года назад на международном конгрессе в Париже. В те дни многим писателям фашизм еще мнился локальной эпидемией, от которой старые демократы Европы защищены если не линией фортификации, то культурными традициями.

XIX век, казалось, давно мертвый, еще агонизировал в зале конгресса, подсказывая некоторым писателям пышные и туманные формулы, выдвигая вперед романтический малокровный лозунг «защиты». Два года не прошли даром. Развалины Прадо, Университетского городка теперь подсказывают писателям другой лозунг: «Наступление».

Второй конгресс писателей будет заседать в Валенсии и в Мадриде. Наверное, не один писатель напомнит своим сотоварищам, что конгресс работает под обстрелом фашистских орудий. Мы вправе напомнить о

другом: наши перья – тоже оружие. Оно наведено на врага. И конгресс – это присяга бороться насмерть с фашизмом.

Заседание конгресса откроется 4 июля речью президента Испанской республики Мануэля Асаньи, который является одним из лучших писателей Испании, автором книги «Сад монахов». Испанскую делегацию будут представлять крупнейший поэт современной Испании – Антонио Мачадо, поэт Хосе Бергамин, революционный поэт Рафаэль Альберти и свыше 60 других писателей и поэтов.

Сегодня в Барселону приехали 52 иностранных делегата: немецкие писатели – Анна Зегерс, Вилли Бред ель, французские – Андре Мальро, Жюльен Бенда, Андре Шамсон, Селин, чилийский поэт Неруда, американский [208] критик Малькольм Каули, писатели Чехословакии и Китая, Исландии и Аргентины. В делегацию советских писателей входят Михаил Кольцов, Алексей Толстой, Фадеев, Вишневский, Ставский, Барто, Микитенко, Финк и Эренбург. В работе конгресса принимает участие командир одной из бригад немецкий писатель Людвиг Ренн.

3 июля актеры Валенсии под руководством поэта Альтолагирре устраивают спектакль в честь делегатов. Будет показана историческая пьеса поэта Гарсиа Лорки, расстрелянного фашистами, «Марьяна Пинеда». Работа конгресса будет посвящена ряду вопросов: индивидуум и общество, роль писателя, гуманизм, нация, помощь испанскому народу.

Конгресс собирается в исключительно трудные дни. Фашистские Германия и Италия открыто говорят о завоевании Испании. Многие представители демократических стран склонны торжественно повторить жест Пилата, тем паче что вода, которой этот основоположник невмешательства мыл свои руки, сейчас попахивает богатствами Басконии или Андалусии и открыто котируется на бирже.

Участие писателей Европы и Америки в работах конгресса покажет испанскому народу, что дипломаты – не нация, что в своей борьбе защитники независимости Испанской республики имеют верных союзников.

Валенсия, 2 июля 1937

Некоторые европейские правительства под предлогом политики невмешательства отказались выдать паспорта писателям, которые должны были выехать в Испанию на конгресс. Правительство Великобритании не выдало паспортов английским писателям. Несмотря на это, делегация английских писателей сегодня прибыла в Испанию. Вследствие паспортных затруднений на конгресс не смогли приехать Элленс, Фейхтвангер и другие писатели. Поистине трогательно стремление оберечь Испанию от перьев романистов – ведь Испания подлежит теперь только одному узаконенному вмешательству: германских бомбардировщиков и римских легионеров!

Вчера в пограничном городке Порт-Бу, который неоднократно подвергался бомбардировке, все население собралось, чтобы приветствовать приехавших писателей. [209]

Работа конгресса начнется завтра в здании муниципалитета Валенсии, которое, как известно, пострадала недавно от налета фашистской авиации.

Валенсия, 3 июля 1937

Второй международный конгресс писателей открылся сегодня в 12 часов дня речью председателя совета министров Негрина¹⁰⁸. От имени правительства республики он поблагодарил писателей за то, что они выбрали для-своей работы страну, которая сейчас героически отстаивает не только право на существование, но и культуру человечества.

От имени конгресса Негрину ответил старейший писатель вечно молодой Мартин Андерсен Нексе: «Я хочу рассказать о моем прошлом. Это относится к моей биографии, но интерес этого глубже и шире моей частной, судьбы. Молодые годы я провел в Испании. Любому крестьянину я мог сказать, что устал и голоден, но у меня нет денег и повсюду мне ответят: «Ешь». Эта бескорыстность испанского народа стала в наши дни эпопеей. В Испании я начал писать: я понял здесь человеческое достоинство. Сейчас испанский народ борется за ту лучшую жизнь, о которой говорил Максим Горький, – чтобы будни стали праздником. В этой борьбе мы с ним».

Большую речь произнес Альварес дель Вайо¹⁰⁹: «Я приветствую интернациональные бригады. Они спаяны с испанским народом кровью и славой. Кто посмеет сравнить их с чужестранными наемниками фашизма?

Честь и слава добровольцам интернациональных бригад. Их никогда не забудет свободный испанский народ.

Наши бойцы передовых окопов учатся грамоте. Они дали клятву – ни одного безграмотного среди бойцов. Они – ваши союзники. Они читали в окопах пламенные слова Ромена Роллана и Генриха Манна. На братские призывы они отвечают своей кровью. [210]

Испанский народ хочет победить, и он победит. Он отбил врага у Мадрида и у Пособланко. Северная армия не разбита. Баски потеряли свою землю, но они сберегли армию, и Страна Басков будет свободной».

Конгресс длительной овацией приветствует доблестный народ басков.

Альвареса дель Вайо конгресс слушает с особой любовью. На первом конгрессе в Париже он выступал как эмигрант. Палачи Астурии лишили его родины. Теперь он говорит как верховный комиссар республиканской армии.

Конгресс приветствует посланника Мексики, который поднимается на трибуну. В его лице конгресс приветствует одну из стран, не умывших рук перед бедствиями, постигшими Испанию.

Альвареса дель Вайо в короткой речи на испанском языке благодарит от имени конгресса председатель советской делегации Михаил Кольцов. Овации по адресу СССР. Пение «Интернационала».

Один из самых блистательных публицистов Франции Жюльен Бенда говорит о долге писателя.

Председатель испанского объединения писателей Хосе Бергамин посвятил свою речь испанской культуре как народной культуре. Он говорил: «Основная забота писателя – связь с другими людьми. В этой связи – корни его существования. В этом смысл его жизни и работы. Связь писателя с другими людьми происходит во времени, и она осуществляется словом. Слово хрупко, и испанский народ называет одуванчик – цветок, жизнь которого зависит от дыхания, – «человеческим словом». Хрупкость человеческих слов бесспорна. Наш великий поэт Сервантес сказал о слове: «Оно должно быть одной ногой на губах, другой – между зубами». Слово не только сырье, над которым мы работаем, – это наша связь с миром. Это утверждение нашего одиночества и это вместе с тем отрицание нашей отъединенности. В ощущении целостности времени, в ощущении движения вперед, в революционном сознании этого движения, этой связи прошлого с настоящим и настоящего с будущим – утверждение народа как человека и

человека как народа.

Вся испанская литература прошлых времен – свидетельство народных чаяний, порывов испанского народа к будущему. Все богатство испанской культуры, которая [211] всегда была культурой народной, исходит от органичной связи творцов культуры с чаяниями народа.

Поглядите назад на вершины испанской народной культуры – Сервантес, Кеведо, святая Хереса, Кальдерон, Лопе де Вега. Вы увидите, насколько они одиноки и вместе с тем насколько выросли они корнями в толщу народа. Они – голос народа.

Вся испанская литература написана кровью испанского народа. Лопе де Вега сказал: «Кровь кричит о правде в немых книгах». Эта же кровь теперь кричит о правде в немых жертвах. Кровь кричит в нашем Дон Кихоте, бессмертном Дон Кихоте. Это вечное утверждение жизни против смерти. Вот почему наш испанский народ, верный своим гуманным традициям, принял бой против смерти. В незабываемые дни июля 1936 года он своею кровью оправдал свои слова. Испанский народ спасает теперь человеческие ценности – и в первую очередь человеческое братство – против нечеловеческого эгоизма».

Валенсия, 3 июля 1937

Вчера на конгрессе Жюльен Бенда говорил о долге писателя: «Испанское правительство благодарит нас за то, что мы приехали сюда. Но это только наш долг... Наше место сейчас в Испании потому, что здесь люди борются против варварства. Эмиль Золя только выполнял долг писателя, вступившись за невинного Дрейфуса, осужденного военной кликой. 6 февраля разделило Францию на два лагеря – с народом или против народа. Мы приехали в Испанию, чтобы показать, где место честного писателя в эти ответственные дни». (Овация. Возгласы: «Да здравствует народная Франция!»)

Испанские писатели предлагают возложить венок на могилу венгерского романиста – героя интернациональной бригады генерала Лукача. Конгресс посылает приветственную телеграмму Густаву Реглеру, который находится в госпитале.

После доклада Хосе Бергамина об испанской культуре как бы с ответом выступил католический писатель Голландии Бруэр: «Испания показала пример. Нельзя идти на мировую с ложью и нельзя жить приспособлением. Испанский народ борется за человеческое достоинство. Мое место здесь, с Бергамином». [212]

Алексей Толстой говорил о социалистическом реализме, о великом расцвете искусства в СССР. Он с возмущением клеймил пособников фашизма. Он напоминает о том горячем сочувствии, которое помогает народам Советского Союза понять героическую судьбу далекой Испании: «Каждая бомба, которая падает на ваши города, слышна у нас. Мы радуемся каждой вашей победе».

Американский критик Малькольм Каули рассказывал о клевете, с помощью которой желтая пресса хочет убить симпатии американцев к Испании. «Мы ищем у вас помощи. Мы ищем у вас правды. Я принес вам привет, испанские друзья, от писателей Америки. Я расскажу там о вашей борьбе, о вашем мужестве, о вашей силе».

Искренне, тепло говорила Анна Зегерс о немецких писателях, которые потеряли свою родину и которые нашли родину в окопах Мадрида. Конгресс стоя слушал Анну Зегерс, когда она говорила о Гансе Баймлере, германском революционере, погибшем осенью 1936 года под Мадридом.

Аргентинский поэт Туньон рассказал о том, с каким волнением следит вся Латинская Америка за борьбой братского народа: «7 ноября в Буэнос-Айресе я видел взволнованные лица. Одно имя было у всех на устах: «Мадрид». Как радовались все, когда бойцы Мадрида отбили приступ врага! Победа у Гвадалахары дошла до наших сел и городов». Мексиканский писатель Мансисидор сказал: «19 июля, когда Мадрид и Барселона раздавили фашистов, Испания завоевала сердца мексиканцев. Мы теперь более чем когда-либо чувствуем себя испанцами. Мы горды тем, что наравне с народами Советского Союза – великой и прекрасной страны – пришли на помощь Испанской республике».

Конгресс приветствуют бойцы бригады, победившей итальянцев при Гвадалахаре.

Следующее заседание съезда состоится 6 июля в Мадриде.

Валенсия, 5 июля 1937

Вчера конгресс писателей приветствовала делегация 11-й дивизии, которая одержала победу на фронте Брунете. Делегация принесла трофеи: знамена, отобранные у фашистов. [213]

Конгресс от 11-й дивизии приветствовал Пералес, который состоит членом испанского союза писателей.

Вчера же выступал французский писатель Блеш – секретарь Международной ассоциации писателей. Он перечислил имена писателей, погибших за Испанскую республику.

Выступили также представители: Аргентины – Утурбуру, Чили – Ромеро, а также Бредель, Вишневский и Ставский.

Людвиг Ренн в своей речи говорил: «Я приветствую конгресс от имени немецких писателей, которые сражаются в Испании против фашизма. Я приветствую вас также от имени интернациональной бригады, и я убежден, что к этому приветствию присоединятся другие интернациональные бригады. Мы, писатели, которые пришли сюда, чтобы сражаться, отложили в сторону перо. Мы не хотели больше писать историю, мы хотели ее делать. Это привело сюда нашего старого друга Лукача, Альберта Мюллера и Ральфа Фокса, которые погибли на поле брани, и других, как Густав Реглер, которые тяжело ранены.

Но не потому мы отложили перо, что думаем, будто теперь не следует писать. Напротив, мы знаем, что за наше дело надо сражаться и оружием и словом. Поэтому мы надеемся на вас. Вы пришли сюда издалека, из разных стран. Мы просим вас: пишите. У нас в окопах нет для этого времени, и нам трудно теперь думать о еще колеблющихся, которых надо толкать вперед. Кто из вас в этом зале хочет взять мое перо, пока я держу в руке винтовку? Держи, вот оно. Это не слова, это – долг. Во имя его все против фашизма, за народный фронт и за фронт народов! Все против войны. Это говорим мы, бойцы. Война для нас не утеха, не самоцель, нет, это – путь к иному. Я прошу вас: сражайтесь. Пером, словом, но сражайтесь.

Привет!»

Норвежский писатель Нурдаль Григ сказал: «В ста шагах от неприятеля, в окопах под Мадридом, мы видели школы и библиотеки. Пулеметы марокканцев стреляют в бойцов, которые под землей учатся грамоте. Слово помогает сознанию, человек растет, крепнет. Каждый вечер автомобиль с

громкоговорителем уезжает из Мадрида на фронт. На три километра вокруг слышен голос диктора. Фашисты принуждены слышать слова правды. [214]

Они стреляют по громкоговорителю. Они расстреливают правду. Но слова доходят до многих фашистских солдат, заставляют их думать. Часто, услышав подлинную правду, солдаты фашистов складывают оружие. Слова могут придать силу бойцу, они могут посеять сомнение в сердце врага. Об этой силе, действенной силе слова, время вспомнить писателям демократической Европы и США». Сегодня съезд заседал в помещении кино. Заседание превратилось в большой митинг. С речами выступали Михаил Кольцов, командир бригады Дуран, композитор и один из наиболее доблестных вождей республиканской армии, а также французский писатель Андре Мальро...

Мадрид, 7 июля 1937

Вчера делегаты конгресса были на фронтах...

На вечернем заседании конгресса выступил французский писатель Андре Мальро. Он сказал: «1 мая парижские рабочие праздновали, как всякий год, праздник труда. Среди других знамен было одно – знамя скорби и горя. На нем был плакат, вы все его знаете, это – фотографии мадридских детей, убитых фашистской авиацией. Проходя мимо этого знамени, другие знаменосцы склоняли свои знамена. В колоннах было много рабочих, которые несли своих детей на руках. Проходя мимо испанского знамени с фотографиями мадридских детей, парижские рабочие наклонили своих детей: живые дети рабочих Парижа склонились перед мертвыми детьми Мадрида.

Народ Мадрида! Сейчас мы преклоняем перед тобой наших детей, нашу жизнь, наше будущее, перед твоим героизмом, перед твоей борьбой.

В тяжелые дни отступления у Талаверы я видел две бомбы, которые не разорвались. Они были присланы из Германии, и внутри были записки: «Эти бомбы не разорвутся» – залог мужества и солидарности. Я хочу сказать вам одно: мы делаем все, чтобы бомбы наших врагов не разрывались».

В сегодняшнем заседании выступали писатели: Эгон Эрвин Киш

(Германия), Микитенко (СССР), Марион (Бельгия), Лунд (Дания), Барто (СССР), Мария Остен (Германия), Хосе Бергамин (Испания).

Конгресс почтил вставанием память политического [215] комиссара 13-й бригады Шмидта, который погиб вчера на поле брани. Было принято предложение французской делегации перенести конец конгресса в Париж. Послана приветственная телеграмма Ромену Роллану.

Испанский поэт Бергамин выступал сегодня во второй раз, посвятив свою речь клеветнической книге Андре Жида об СССР.

«Я говорю, – начал Бергамин свою речь, – от имени всей испанской делегации. Я говорю также от имени делегации Южной Америки, писателей, которые пишут на испанском языке. Я надеюсь, что я говорю также от всех писателей Испании. Здесь, в Мадриде, я прочитал новую книгу Андре Жида об СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это – несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это – не критика, это – клевета. Наши дни показали высокую ценность: солидарность людей, солидарность народов. Два народа спаяны солидарностью в дни тяжелых испытаний: русский народ и испанский. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое молчание этого зала, пусть глубокое молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором».

Мадрид, 8 июля 1937

Речь на втором Международном конгрессе писателей

Два года отделяют нас от первого конгресса писателей. Как всякая армия, мы узнали перебежчиков. В Париже был парад, здесь – война. Там нас было больше – писателей, но здесь вместе с нами работает, мыслит, борется подлинный защитник культуры – испанский народ. [216]

Культура – не инвентарь механической природы, не каталоги библиотек или музеев, не коралловые острова городов. Культура – это человек: он и камень, и мастер, и статуя. Надо ли говорить о внешних разрушениях в стране, где каждый город – свежая рана? По деревне Ита, которая дала миру одного из величайших поэтов – Хуана Руиса, рыщут мародеры Муссолини; они мимоходом, как кур, крадут редкие манускрипты. Бомбы германской авиации уничтожают дворец Инфантадо, в котором сны о море

стали камнем, в котором перспектива Востока, игра света и тени слились с правдой Возрождения, с его культом человека. Не в этом, однако, по-видимому, разгадка смерти. Фашизм может пощадить памятники старины, поскольку они ему не мешают. Он тшится уничтожить основу культуры – человека. Он пристрелялся к человеку, как орудия могут пристреляться к дому или к дороге. На его место он ставит механизированного робота – солдата, лишенного и мыслей и чувств.

Бойцы Пятого полка под огнем спасали баловней судьбы инфантов Веласкеса. Солдат народной армии вынес из развалин Университетского городка труды профессора Маркеса. Спасение сокровищ Прадо одобряют и английские гуманисты.

Но что делать художникам лицемерного и благополучного мира? Что создадут они среди пышного убожества неуютной пустоты?

Я видел рабочих Пособланко, которые продолжали работать, как под обстрелом художник Солана писал свои натюрморты. Пятый полк не только спас ценности прошлого: своей героической борьбой он создал ценности будущего. Защита культуры не в спасении созданного: новая война за независимость вдохновляет теперь неизвестного нам Гойю.

Человек прячется от смерти под землю. Он откинут к пещерному веку. Защитный цвет пожрал все другие цвета. Потеряны жизни многих героев, памятники старины, города, статуи, сады. Полководцы знают, что потеря территории не определяет исхода войны, поскольку цела армия. Что спасла Испания, приняв этот бой? Народ. Испанская культура всегда была народной: ее не смог отравить мир денег, иерархии, спеси. На испанской литературе мы учились человечности. Конечно, не для того люди десятилетиями выращивали оливы, чтобы снаряды скашивали рощи, не для того щедрая испанская земля [217] родила Гарсиа Лорку, чтобы невежественный вояка подстрелил его, но война – это не только развалины и трупы. Испания теперь нашла новые творческие силы: народы, как люди, меняются на глазах...

О чем говорили писатели на первом конгрессе в Париже? Об обороне. Когда африканская конница неслась по дорогам Эстремадуры, наивные фантазеры расклеивали афиши: «Не дарите вашим детям оловянных солдатиков, чтобы не пробуждать в них любви к милитаризму!», «Защищая культуру, можно только ее потерять». «Наступление» – вот слово, которое сейчас шумит над Испанией. Пусть оно войдет и в этот зал. Есть только один способ защитить культуру – уничтожить фашизм.

Мы вступили в эпоху действий. Кто знает, будут ли написаны задуманные многими из нас книги? На годы, если не на десятилетия, культура станет военно-полевой. Она может прятаться в подземных убежищах, где рано или поздно ее настигнет смерть. Она может перейти в наступление.

Путь каждого писателя продиктован его природой, его возможностями, его силами. Одни взяли в руки винтовки. На пленуме нашей ассоциации в Лондоне нас принимал Ральф Фокс. Он был путешественником и мечтателем. Он страстно любил жизнь. Поэтому он умер в Испании как солдат республики. Лукач – веселый, живой, горячий, добрый... Здесь, с нами, – Людвиг Ренн.

Что делать другим? Жюль Валлес как-то сказал: «Тот, кто опишет жизнь Галифе, тем самым убьет его». Мы должны вынуждать в сердцах людей ненависть. Пусть живые поймут, что нельзя жить на одной земле с фашистами. Мы знаем силу звуков, образов, слов. Они поднимают душу, рождают мужество. Отдадим наши силы мужеству нового века. Расскажем о прекрасной лакомой жизни, со вкусом которой человек легко идет и на смерть. Расскажем о счастье теплого, как руно, братства. Уничтожим малодушие. Я говорю не о томах, не о пропаганде, не о стихах на случай. Я говорю о страсти, об искусстве, о голосе.

Если мы не хотим, чтобы весь мир превратился в Мадрид, превратим сердца людей в сердца бойцов, которые сейчас рядом, за парашютами Университетского городка.

Три дня назад я был в Брунете и Вильянуэва-де-ла-Каньяда. Я видел деревни, освобожденные доблестными [218] бойцами. Пусть это будет началом освобождения городов, стран, Европы.

Валенсия, 11 июля 1937

Брунете

На конгрессе писателей было много речей, одни говорили лучше, другие хуже. Писатели – не ораторы, да и Мадрид июля 1937 года – не клуб для литературных дебатов. Косноязычный и добрый Хосе Бергамин замечательно говорил о высоком одиночестве испанского народа: «Одиночество – не отъединение и Дон Кихот – не Робинзон».

По-испански конгресс почему-то назвали «Конгресс интеллигентов». Патрули на дорогах, услышав слово «интеллигенты», торжественно подымали кулаки. Крестьяне предлагали писателям хлеб, яйца, вино:

– Вы думаете, вам надо подкрепиться...

В Мадриде речи покрывал грохот орудий: республиканцы начали наступление на Брунете, и фашисты отводили сердце на домах столицы.

За мной приехал двадцатилетний поэт с лицом девушки – Апарисио110. Он – комиссар в бригаде Кампесино. Недавно он был ранен; пуля пробила шею. Теперь он поправился.

– Едем...

Со мной поехали Ставский и Вишневецкий.

Зной, сухой африканский зной. Возле деревни Вильянуэва-де-Каньяда сотни трупов. На солнце они быстро сгорают; все похоже на марокканцев. Проволочные заграждения, в них человеческие клочья. Здесь шел тяжелый бой. Еще подбирают раненых. На дороге суতোлка.

– В Брунете не проедешь – они обстреливают дорогу...

Мы едем в Брунете. Шофер, веселый и отчаянный, как все испанские шоферы, смеется:

– Проскочим!

Полеми пригнувшись идут бойцы. Они идут мимо трупов, [219] молча и сосредоточенно. В фляжке глоток драгоценной воды, может быть, – последняя радость этого человека.

Здесь сражается английский батальон. Среди камней – мертвый и альбом; в нем рисунки: деревни, скалы, деревья.

– Поворачивайте! Они сейчас прорвутся на дорогу.

Мы все же идем в Брунете. Высокая церковь (ее потом снес снаряд). Я забрался в помещение фаланги. Документы, плакаты, листовки. «Речь немецкого ученого доктора Геббельса о проблеме человеческих рас». Перед домом – труп марокканца. В баре рюмки на стойке: фашисты их не допили...

Канонада близится. В небе облака зениток; самолетов не видно – только гудение.

Мы повернули в Вильянуэву. Как говорит шофер, мы «проскочили»: неприятель атакует с фронта дорогу Брунете – Вильянуэва.

Направо Кампесино штурмует Кихорно. Это деревня на горе; она похожа на старую крепость. Фашистские пулеметы косят людей. В течение двух дней бойцы тринадцать раз атаковали Кихорно. Сейчас они взяли деревню.

Ведут пленных. Они смотрят мутными глазами: они еще ничего не понимают. Бойцу перевязали руку – легкое ранение, он снова побежал к своим. Солнце низко, но жара не спадает. Ни капли воды. Пыль, дым, кровь – густой воздух боя.

июль 1937

Первая победа после Гвадалахары

6 июля фронт фашистов был прорван у Брунете. Брунете взят. Однако дорога, соединяющая Брунете с Колменарехо, еще находилась в руках фашистов. Вечером того же дня республиканцы взяли Вильянуэва-де-Каньяда. Продвижение вперед было значительным, но оба фланга оставались под ударом. Начались бои за расширение прорыва. Сначала удар был направлен на восток. Селение Кихорно защищали около 2 тысяч марокканцев. [220] 7 июля я видел, как артиллерия громила Кихорну. Бои шли день и ночь и снова день. Наконец республиканцы заняли Кихорну, захватив 200 пленных и много военных материалов.

Одновременно разворачивались бои в восточном направлении. Республиканцы перешли речку и достигли предместья Романильос. Севернее борьба сосредоточилась вокруг деревни Вильянуэва-дель-Пардильо, на дороге в Махадаонду. Деревня была окружена. Ее защищал батальон Сенкентенского полка. Республиканцы закидали неприятеля ручными гранатами. Командир батальона застрелился. 560 солдат, 17 офицеров сдались в плен. Взят в плен полковой священник. Он показал, что священники в армии Франко выполняют обязанности «политических комиссаров».

Теперь фашистские части в районе Махадаонда – Посуэло – Боадилья находятся под непосредственной угрозой окружения. Противник подвез резервы. Следует отметить мужество республиканских батальонов, сформированных из молодых крестьян. Бойцы восхваляют своих командиров Модесто, Листера и Кампесино.

Для каждого, кто прожил в Испании год войны, ясно значение последних боев. Это – первая победа после Гвадалахары, причем на этот раз инициатива боев исходит от республиканцев. Противник пробует отвлечь внимание республиканцев атаками в районе Теруэля и Кордовы, но повсюду встречает сопротивление.

Невесело отпразднуют фашисты годовщину войны – они судорожно цепляются за развалины Университетского городка, как за иллюзию обладания столицей.

Барселона, 13 июля 1937

Испанский закал

Народ веселый, беспечный, созданный для мирной работы, для послеобеденной дремы, для песен, узнал школу войны. Пятый полк, родившись, не был даже полком – горсть людей, храбрых и стойких, начал оборону страны в Гвадарраме, у Толедо, возле Навалькарnero. Пятый полк стал бригадами, дивизиями, армией.

Из деревень приходили новобранцы. Они не умели [221] стрелять, а в казармах не было учебных патронов. Заводы по-прежнему изготавливали кровати, пишущие машинки, игрушки. Надо было все начинать сызнова. Я слышал от одного наивного человека: «За год фашисты одержали десятки побед. А республиканцы? Одна Гвадалахара...» Нет, республиканцы одержали сотни необычайных побед. Они научились изготавливать авиационные моторы и бомбы, броневики и снаряды. В городах без сна, измученные вражескими самолетами, сидя на голодном пайке, рабочие создали снаряжение народной армии. Крестьяне сеяли и жали под вражеским огнем – они готовили для армии хлеб. Год тому назад против фашистов сражались тысячи, теперь сражаются сотни тысяч. Республиканцы создали армию. Столяры, типографы, землепашцы стали полководцами. По дорогам вокруг Мадрида движутся батальоны, бригады, дивизии. 18 июля 1936 года фашисты начали войну; из усовершенствованных орудий они стреляли по безоружным смельчакам. 18 июля 1937 года перед ними обстрелянный народ.

Поэты любят говорить о хрупкости былинки и о крепости гранита. Мастер знает, что такое закал. Вот обыкновенный человек: он никогда не видел самолетов, он знал, что в небе – ласточки или звезды. Над ним медленно кружат бомбардировщики, они скидывают бомбы, они обдают землю пулеметным огнем, они кружат-кружат, и человек теряет голову. Он герой или трус, он еще не боец. Пройдет месяц-два, спокойно он будет глядеть на небо, полное гудения. Полгода республиканцы под Мадридом отстаивали каждую пядь земли, каждый дом, каждый бугорок: они хотели выиграть не территорию, но время. В тылу народ создавал резервы: дивизии и пулеметы, командиров и танки. Любая отбитая атака была победой, и рядом с именем Гвадалахары в историю Испании войдет имя жалкой речушки Харамы, возле которой республиканцы остановили врага.

Год потерь, год разлук, год испытаний. Города гибли, как люди. По дорогам, как листья, метались беженцы. Агония Малаги дошла до

беспечных сел Каталонии. Когда пал Бильбао, люди молча откладывали газету: у них больше не было слов. Замолкли ораторы, говорили только сердца и пушки.

Я прожил в Испании этот суровый год. Я видел горе, гнев, тоску: ни разу я не видел отчаяния; ни разу не слышал ропота или жалоб. Спокойно стояли женщины в [222] длинных очередях, ласково улыбаясь, они делили четвертушку хлеба между своими детьми и детьми Мадрида. Молча шли бойцы в бой с тридцатью патронами. Города жили без воздушной охраны, без прожекторов, без зениток, отданные на милость германским бомбардировщикам. Они жили весело и достойно. Итальянские корабли обстреливали берега, и, презирая смерть, выходили в море крохотные парусники рыбаков. Конечно, мы не можем здесь смотреть на борьбу: это не наблюдательный пункт, это цепь. Но мы знаем то, чего, может быть, не видно издалека – этот народ был наказан за доверчивость и за легкомыслие, он много вытерпел и созрел для победы.

июль 1937

Герои Астурии

Я узнал Астурию весной 1936 года. Я писал тогда: «Шахтеры Самы и Миереса выпустили Компаниса¹¹¹ из тюрьмы и привели Асанью к власти: мертвые освободили живых. Трагедия правящего класса в том, что он не способен больше побеждать; даже его победы становятся поражениями. Пушки и самолеты Хиля Роблеса разгромили не только дома шахтеров, но всю Испанию помещиков, иезуитов и генералов, и недаром вся Испания от Басконии до Эстремадуры теперь повторяет: «Да здравствует Астурия!»

Во французском порту Ла-Рошель, отделенном от толпы рабочих двойной решеткой, высаживаются астурийские горняки. Толпа встречает их криками: «Да здравствует Астурия!» Знакомые лица, я видел их в Миересе и Саме. Да, Хихон занят фашистами. Как три года тому назад, залиты кровью черные улицы шахтерских поселков. На утлых суденышках спаслась только часть северной армии, и все же мы можем сказать, что Астурия не побеждена – из страшного боя ее дети вышли с ореолами героев.

С первых дней гражданской войны горняки Астурии [223] сражались на самых тяжелых участках Северного фронта. Они защищали Ирун и Сан-Себастьян, Бильбао и Сантандер. Дважды они ворвались в Овьедо, который германские инженеры превратили в современную крепость. Падение Сантандера было расплатой за первородный грех Испанской республики: за

ее доверчивость и беспечность. Измена одних командиров, неспособность других, раздоры между представителями различных политических группировок подточили укрепления Сантандера. Падкие на легкую наживу, впереди шли итальянцы: они бодро продефилировали по улицам Сантандера и с беззаветным мужеством расстреляли несколько тысяч пленных. Часть бойцов Сантандера была вынуждена искать спасения во Франции. Эти люди были подавлены разгромом. Они казались действительно остатками разбитой армии.

Сейчас отходит последний поезд к каталонской границе. Из вагонов доносится «Интернационал». Это астурийцы, чудом сохранившие свою жизнь, спешат в бой. Астурия на время потеряна. Но все они от командиров Прадо и Франческо Галана до 16-летнего Пепе, который грустно говорит мне: «Вот французы винтовку отняли, а как я ее берег...», все они дышат одним – победой.

Падение Сантандера предрешило судьбу Астурии. В боях под Бильбао астурийцы потеряли 26 батальонов, в боях под Сантандером – 21 батальон. Героически 50 тысяч человек защищали отрезок земли, окруженный с трех сторон неприятельской армией, а с четвертой – морем, по которому курсировали днем и ночью корабли фашистов. У неприятеля было 35 трехмоторных бомбардировщиков и свыше 50 истребителей. Фашистская авиация крошила республиканские укрепления. Истребители расстреливали отряды горняков. Дважды, трижды, четырежды в день на Хихон налетали «юнкерсы» и «фиаты» – 12, 15, 20 бомбардировщиков. Они поливали города Астурии горючим, а потом скидывали зажигательные бомбы. На экранах Парижа можно теперь увидеть вступление фашистских банд в Хихон. На немногих уцелевших домах – белые тряпки: напрасная мольба о пощаде. Кругом – обугленные развалины. Прежде чем взять Хихон, итальянцы и германцы его уничтожили. Погибли тысячи детей, стариков, женщин.

Фашистская авиация могла резвиться на свободе. С трудом республиканцы достали четыре зенитных орудия [224] эпохи мировой войны. Эти пушки оказались негодными. У республиканцев не было воздушной обороны. Против фашистской авиации сражались 12 республиканских истребителей. Летчики показали, что такое мужество. Много раз два или три истребителя вступали в бой с 20 «хейнкелями». Один республиканский истребитель напал на две эскадрильи фашистов, сбил три самолета и погиб в бою. Во время последних сражений у республиканцев было всего 7 истребителей. Союз объединенной молодежи

образовал отряды снайперов для борьбы с вражеской авиацией. Осенью прошлого года в Мадриде родились «антитанкисты». Астурийские горняки стали «антибомбардировщиками». Младший командир Антунья возле Кангас-де-Онис из автоматического ружья сбил два итальянских бомбардировщика и один истребитель. Всего «антибомбардировщики» сббили 13 вражеских аппаратов.

У фашистов был огромный перевес в артиллерии: 15 орудий против 1. Каждый день германские корабли привозили в Сан-Себастьян, в Бильбао, в порты Галисии пушки, снаряды, автоматическое оружие. У республиканцев было не больше 100 пулеметов. У них не было патронов для винтовок. Многие горняки шли в бой с древними мушкетами. Фашисты продвигались тремя моторизованными колоннами с 150 танками. У республиканцев не было ни одной противотанковой пушки. Возле Пьедрас Бланкаса горняки камнями повредили два итальянских танка. Это было повторением октября 1934 года.

Усовершенствованные смертоносные орудия двух фашистских империй были двинуты против рабочих, вооруженных самодельными бомбами.

Береговая артиллерия республиканцев, а именно 6 ветхих орудий, не подпускала к портам Хихона и Авилеса фашистский флот. Крейсер «Адмирал Сервера» и эсминцы «Юпитер», «Вулкан» и «Алькасар» держались в 10-18 километрах от берега, нападая на торговые суда. Астурийцы были отрезаны от всего мира. Население получало в день 200 граммов черного хлеба, не было ни жиров, ни сахара.

Фашисты рассчитывали взять Астурию, как они взяли Сантандер, — гуляя. Они не учли, что значат самодельные гранаты или мушкеты в руках астурийских горняков. После падения Сантандера верховный совет Астурии отправил [225] на фронт старых горняков, которые до того охраняли шахты. Возле города Льянеса итальянцы встретились с горняками. Римская доблесть тотчас оставила солдат генерала Бергонцоли. Они помнили не только о Малаге, но и о Гвадалахаре. Они попятились назад, явно предпочитая гарнизонную службу в Сантандере (т.е. грабежи и попойки) боям с астурийцами. Генерал Франко заменил итальянцев наваррскими изуверами — рекете. Эти полудикие суеверные горцы шли в бой «за короля Христа». В их батальоне иезуиты официально занимают должность «политических эмиссаров». Одними рекете нельзя было взять Астурию, и генерал Франко кинул свои африканские резервы. Испанская часть Марокко не столь велика, ее возможности почти исчерпаны. С весны агенты Франко набирают наемников во Французском Марокко. Во всех

селениях Марокко теперь имеются радиоаппараты, подаренные щедрыми итальянцами. Радиостанция Тетуана ежедневно призывает французских марокканцев присоединиться к их испанским единоверцам и сбросить иго Франции. Наемники, кроме песет, получают обещания «независимости Марокко под протекторатом вождя мусульман правоверного Муссолини».

Испанские фашисты кричат о своих «патриотических чувствах». Они приняли марокканские орды в астурийский городок Кавадонга, памятный тем, что в его стенах 1200 лет тому назад испанцы начали борьбу за независимость, за освобождение Испании от мавританского ига.

У фашистов много самолетов, танков, орудий – это импортированный товар. У них мало пехоты, способной идти в бой. Мобилизованные солдаты при первой возможности сдаются. Темная Наварра – это крохотный кусочек Испании. Фалангисты, великолепные для полицейской службы, неохотно отправляются на передовые линии. Народ нельзя импортировать, а эрзац итальянского народа – итальянские дивизии до сих пор не проявили той беспредельной храбрости, о которой несколько дней тому назад соизволил говорить Муссолини. Часто (так было, например, при контрнаступлении в районе Брунете) фашисты не могут развить свой успех, которым они обязаны авиации и артиллерии, вследствие недостатка в человеческом материале. Завоевание Астурии оказалось отнюдь не военной прогулкой. Бои за Астурию начались в первых числах сентября. Фашисты наступали с юга на Пахарес, с востока – на Льянес и на Кавадонга. В боях [226] при Льянесе фашисты потеряли тысячу солдат убитыми. Они отошли. После десятичасовой воздушной подготовки они снова атаковали и снова были отбиты. Бои длились три дня. На горной цепи Масука астурийцы держались 11 дней. Из документов, найденных на убитом фашистском полковнике, явствует, что фашисты потеряли на Масуке 7000 человек. Бои в Астурии – героическая эпопея. У перевала Тарна 26 горняков с одним пулеметом и с ручными гранатами прикрывали отступление. У фашистов было 4 батальона. В течение 11 часов они атаковали позиции горняков. Фашисты потеряли при этом 200 человек. Когда у астурийцев не осталось больше патронов, командир Фернандес уничтожил пулемет и крикнул: «Гранатами!» Все 26 погибли смертью героев.

Капитан Тамарго с 30 комсомольцами защищал перевал возле Тарны. Они уложили 180 рекете. Пришел приказ отступить. Молодые бойцы решили все же защищать позицию, чтобы позволить двум батальонам басков вывезти артиллерию. Два дня капитан Тамарго с 30 бойцами отбивали все атаки. Возле Пьедрас Бланкаса неприятельские снаряды

вызвали обвал.

Под камнями оказался взвод. Товарищи хотели вытащить бойцов, попавших под камни, но те кричали: «Бейте фашистов! Не теряйте на нас времени!» Капитан одного батальона не выдержал воздушной атаки, побежал. Это было возле Ониса. Вечером он собрал бойцов и сказал: «Вы меня должны расстрелять для поддержания дисциплины. Я скажу вам одно: лучше умереть в бою, нежели пережить тот позор, который сейчас на мне». В Кампа-де-Касса семь горняков задержали наступление марокканцев на день. Возле Рейносы два республиканских танка оказались в тылу у неприятеля. Они захватили итальянского коменданта с бумагами генерального штаба, втащили его в танк и прорвались к своим. Союз объединенной молодежи – комсомольцы и социалисты Астурии – защищал каждую пядь земли. Доблестно сражались части, сформированные из молодых бойцов, – батальон Лараньяги, морская бригада. В течение последних недель 9 политических комиссаров – членов союза молодежи – пали смертью героев.

В середине октября иссякли патроны. Фашисты привели новые таборы марокканцев. Итальянская авиация не давала астурийцам ни часа передышки. Передовые части рекете приближались к Инфиесто. Горный район Мьерес [227] – Сама как бы создан для партизанской войны, но регулярная армия не могла бы в нем удержаться, потеряв побережье. Поэтому военное командование отдало приказ отвести части, находившиеся на юге от Овьедо, к Хихону. Однако благодаря техническому перевесу фашистов только часть горняков успела выйти из окруженного врагами горного бассейна. Тем временем фашисты двинули свои части, находившиеся в районе Градо, т.е. на западе от Овьедо, к Хихону, и эти части первыми вошли в Астурийский порт.

20 октября, накануне падения Хихона, фашистская авиация с утра начала бомбить полуразрушенный город.

Загорелись резервуары с горючим, и пожар охватил часть порта. Рабочие под обстрелом мужественно боролись с огнем. Итальянские бомбардировщики повисли над судами: они хотели уничтожить надежду на спасение. В порту находились два военных судна: «Сискар», относительно новый эсминец, и доисторический миноносец «С-3» – тихоходный и вооруженный музейными пушками. На «Сискаре» стояла единственная зенитка всей республиканской Астурии. Две бомбы попали в корму. Эсминец стал погружаться в воду. Однако героические моряки продолжали из своей зенитки стрелять по самолетам. Они отогнали фашистов от порта и

этим спасли несколько десятков торговых и рыбацких судов. Агония «Сискара» длилась 8 минут. Экипаж был спасен. Вечером того же дня военное командование отдало приказ об эвакуации. В портах Хихона и Авилеса было мало судов. Женщины, старики молили взять их с собой. Многие надеялись, что демократические правительства соседних стран пришлют корабли для спасения жителей. Эти надежды оказались необоснованными.

Удалось погрузить около 14000 человек. Последним отошел ветхий эсминец «С-3», на котором уехали командиры армии и флота. Эсминец решил принять бой против фашистской эскадры, хотя все знали, что он не боеспособен – на нем не было даже измерительных приборов и карт. Сорок часов эсминец находился в море. Потом он прорвался к Бордо. 21 октября над Атлантическим океаном начался шторм. Десятки суденышек боролись со стихией. Люди прожили 3-4 дня между жизнью и смертью. Волны заливали палубу. Никто не знал, куда они идут. Не было ни хлеба, ни питьевой воды. Несколько судов погибло. 2000 человек были захвачены фашистскими кораблями. [228] Им не пришлось утонуть, их расстреляли. Английский крейсер «Саутгемптон» подобрал 300 тонувших. Остальные достигли берегов Франции. Они высаживались на песках Аркашона, на островках Бретани, возле диких скал Пенмарка. Их разоружали. Их не пускали на берег. Они повторяли одно: «Отправьте нас скорее в Барселону», они хотели снова встретить врага.

Итальянские газеты упрекают французское правительство за помощь, оказанную жителям Астурии. Эти газеты лгут. В порты возле Бордо прибыли 44 судна с беженцами, из них 39 испанских и 5 английских (последние, находясь в астурийских портах, куда они привезли продовольствие, захватили с собой несколько сот беженцев). Ни одно французское судно не вывезло из Астурии ни бойцов, ни женщин, ни детей...

Всю военную амуницию в Хихоне астурийцы успели уничтожить, и фашистские репортажи о захваченных ими самолетах, танках и орудиях относятся к области мечтаний.

В угольном бассейне еще происходят бои. Фашисты медленно продвигаются вперед, наталкиваясь на отчаянное сопротивление. До вчерашнего дня они еще не заняли Самы. Несколько батальонов астурийцев продолжают обороняться. Война в Астурии теперь стала партизанской. Тысячи рабочих ушли в горы с винтовками и динамитом. Конечно, при наличии авиации партизанская война не может развернуться. Бойцы

вынуждены действовать крохотными отрядами. Мы не можем рассчитывать, что партизаны отберут назад города Астурии. Но они будут нападать на автомобили, взрывать поезда, и они заставят фашистов держать в Астурии не менее 30 тысяч штыков.

Начался террор. Один горняк, которого я видел, выбрался из Хихона 22 октября, после того как город был занят фашистами. Он рассказал мне, что в первую же ночь фашисты расстреляли на Плата Лоренсо 180 рабочих и 16 женщин. Это только начало: тысячам, десяткам тысяч астурийцев грозит смерть.

Я должен здесь сказать о том чувстве стыда за человека, которое я пережил. В день, когда фашисты расстреливали женщин Астурии, во французских газетах появился «протест» против совершаемой несправедливости. Он был подписан именами писателей Андре Жида, Дюамеля, Роже Мартен дю Гара, Мориака и профессора [229] Риве. Эти люди протестовали не против палачей Астурии, не против правительства своей страны, которое не предоставило жителям Астурии, обреченным на смерть, ни одного парохода, ни одного парусника, ни одной шлюпки. Нет, сердобольные писатели протестовали против правительства Испанской республики, которое осмеливается арестовывать членов POUM¹¹². Я оставляю в стороне Мориака. Это католик, человек правых убеждений. В правой печати он «мужественно» восхищался фашистскими зверствами в Басконии. Но перед моими глазами стоит Андре Жид с поднятым кулаком, улыбающийся тысячам наивных рабочих. Я слышу его голос – он говорил мне это год тому назад: «Я не могу спать, я все время думаю об испанских республиканцах». Это отвратительно и жалко. Они все же плоть от плоти своего класса... Правящий класс их травит, обливает помоями. Храбрясь на минуту, они поднимают кулачки и потом с лицемерием «гуманистов» снова валяются в ногах у палачей.

Я хочу забыть об этой низости. Я слушал рассказы астурийцев. Сколько мужества, сколько человечности, сколько веры в победу! Они военнопленных не расстреливали. Среди последних было немало итальянцев и германцев. Астурийцы спокойно говорят: «Мы с ними еще встретимся – в Арагоне или под Мадридом».

Астурия не первая битва, потерянная в этой войне республиканцами. Однако она не уменьшает нашей веры в конечную победу испанского народа. Астурийцы показали, как могут сражаться люди, которые верят в свое дело. У них не было амуниции. Они были окружены со всех сторон. У республиканской армии на Восточном и Центральном фронтах имеются и

авиация, и танки, и артиллерия. Если бойцы Каталонии и Леванта вдохновятся примером астурийцев, они разобьют и фашистов, и интервентов.

Что касается лондонских джентльменов, то после Астурии мы можем им сказать, что дело не в символическом отозвании тысячи-другой итальянских бегунов, а в тех самолетах, орудиях, танках, которые ежедневно Германия и Италия шлют в завоеванную ими часть Испании. Мы знаем, что дипломаты не отличаются тонкостью [230] чувств. Но все же какое нужно ханжество, чтобы в дни, когда германская артиллерия и итальянские летчики уничтожают последние поселки свободной Астурии, говорить о «священном принципе невмешательства», не заглядывая при этом в карманы господина Гранди¹¹³ и в портфель господина Риббентропа.

Бордо, 1 ноября 1937

Перед битвами

Ожидание удара порою тяжелее, нежели сам удар. Все в тылу спрашивали друг друга: «Когда?» Фашистские провокаторы распространяют нелепые слухи, они то говорят, что Франко кинет завтра на республиканские позиции тысячи самолетов, то, напротив, убаюкивают: «Фашистского наступления вовсе не будет – Франко хочет нас взять измором». Многие верят этим рассказам: перспективы новой отсрочки кажутся им чрезвычайно соблазнительными.

Между тем фашисты отнюдь не отказались от своего намерения дать генеральный бой, да и не могут от него отказаться. Международное положение, блеф Берлина и Рима, наконец, состояние умов в Бургосе или Саламанке¹¹⁴ – все это требует если не развязки, то хотя бы эффектного выигрыша.

Задержка в планах противника объясняется рядом трудностей. Одно дело – завоевать Астурию, которую защищали плохо вооруженные отряды горняков, другое – прорвать Арагонский или Гвадалахарский фронты, прекрасно укрепленные, которые охраняет сильная армия республики.

Фашисты принуждены были заново перестроить все свои силы. Всем известно, что на севере ударные формации Франко – «наваррские бригады» (рекете) – понесли до 50 процентов потерь. Фашисты пополнили части. От бесформенных батальонов они перешли к дивизиям. Им всегда не хватало живой человеческой силы – ни при [231] контрнаступлении в Брунете, ни при боях в районе Альбарасина. Помимо того, Франко ждал нового материала: самолетов, орудий, танков. Фалангисты ссорились с рекете.

Генерал Франко, думая о фунтах стерлингов, строил глазки бурбонам. Монархист герцог Альба¹¹⁵ обхаживал мистеров пикквиков из Сити. Пикквики косились на чернорубашечников и медлили с кредитами. Итальянцы злились и не грузили амуницию. В течение целого месяца Франко не получал иностранного вооружения. Заграничные «подарки» стали вновь приезжать в Кадис с конца ноября. Две фашистские империи теперь ведут войну в Испании всерьез, вооруженные всей современной техникой.

Однако вряд ли генерал Франко рассчитывает провести в Арагоне или в Гвадалахаре астурийские операции, т. е. продвигаться вперед при помощи авиации и танков. В Астурии вовсе не было республиканских самолетов. Теперь отвага республиканских летчиков сможет расстроить планы фашистского командования. Фашисты хорошо помнят ноябрьскую бомбежку Сарагосы. Три дня после нее в городе еще взрывались пороховые склады. Газета «Эральдо де Арагон» не выходила 8 дней после этой бомбежки. 5 декабря был воздушный бой близ Бухаралоса. Город атаковали 90 самолетов противника. Четыре фашистских аппарата были сбиты на республиканской территории, два, получив сильные повреждения, произвели вынужденную посадку на фашистской территории. Республиканцы потеряли всего один истребитель, причем летчик спасся.

Этот бой вряд ли придаст бодрость фашистам накануне их генерального наступления. Противник сосредоточил значительные ударные части, среди них 35000 марокканцев и свыше 80 000 итальянцев. Следует предполагать, что итальянцы будут находиться на второй линии.

Вокруг Мадрида дожди. Все аэродромы размыты. Холод. На горах Гвадалахарского фронта лежит снег. На Арагонском фронте относительно сухая холодная погода. Итальянцы и марокканцы сильно страдают от холода. Откладывать дальше наступление неприятель не может. Нервозность его, замечаемая за последние дни, показывает, что фронт скоро проснется. [232]

За последние недели фашисты четыре раза бомбили или пробовали бомбить Барселону. Они обстреляли с моря Валенсию и Аликанте. Обычный прием фашистов: накануне наступления попытка деморализовать тылы республиканцев. Однако республиканская армия теперь сильнее, чем когда бы то ни было. Бойцы на фронте спокойно ждут удара. Они готовы, если нужно будет, ограничиваться обороной и, если нужно будет, наступать.

Как всегда, тыл чувствительнее и нервнее. В оправдание тыла можно сказать, что в тылу нелегко: налеты авиации, тяжелое продовольственное положение, холод при отсутствии топлива. Так рождаются «булос» – слухи. Впрочем, достаточно будет первого военного успеха, чтобы эти «булос» исчезли.

Фашисты столько медлили потому, что им теперь страшен любой неуспех. Вторая Гвадалахара заставит опомниться даже английских лордов. Второй Гвадалахары, скажем скромнее, второй Харамы не выдержат нервы фалангистов и рекете. Генералу Франко ничего не остается другого, как немедленно победить. Может быть, в этом – залог его поражения.

Барселона, 13 декабря 1937

На Теруэльском фронте

Внизу цветут бледные декабрьские розы, золотятся апельсины. Все сто километров... Как здесь поверить в апельсины? Снег, ледяной ветер. Трудно забраться на крутой холм – ветер сбивает с ног. Скользко. Только что бойцы заняли одну из высот. Они падали, ползли. Картины войны в моем сознании теперь неразрывно связаны с крайностями испанской природы, скажу – с ее фанатизмом. Бои за Брунете под немилосердным солнцем, которое сжигало тела. Тогда глоток воды казался счастьем. И сейчас среди тихих голых обледеневших гор, на ветру смутно мечтаешь о нескольких угольках, около которых можно было бы отогреть заочневшие ноги.

Год тому назад я видел бои в этих же местах. Тогда под Теруэлем стояли части анархистов. Они были воистину анархичными частями – мексиканскими ковбоями среди снежных буранов и Кропоткиными, обмотанными пулеметными лентами. [233]

Вот идет в бой дивизия, которой командует анархист Виванкос. Бойцы подтянулись. Они поняли, что такое дисциплина. Научились драться. Если в тылу Конфедерация труда еще падка на возвышенные предрассудки прошлого века, то на фронте ее представители поняли язык единства и дисциплины. Германские бомбардировщики, итальянские дивизии оказались хорошими учителями...

«Новенькие» – рекрутская дивизия. Еще утром все спрашивали друг друга: пойдут ли? Они пошли и храбро сражались. Несмотря на сильный пулеметный огонь, они заняли высоту.

Противник не ждал наступления. Неужто генерал Франко так долго

уверял англичан в неспособности республиканской армии к наступлению, что сам уверовал в эту неспособность? Между тем республиканцы сегодня показали, что они могут не только обороняться. В моем последнем очерке я писал, что народная армия готова и отразить удар фашистов, и перейти в наступление, если того потребует обстановка. Ту статью я передал с пути к Теруэльскому фронту. Ночью стояла глубокая тишина. Необходимо отметить прекрасную подготовку наступления: быструю переброску частей. Давно ли мы видели военные операции, которые откладывали со дня на день, о которых толковали все кумушки Валенсии и Барселоны? За шесть месяцев выросла новая армия. Генштаб работает. Так что, пожалуй, здесь могли бы многому поучиться генералы весьма почтенных европейских армий.

Задыхаясь, ползли по узким горным дорогам последние грузовики. Вдруг среди тишины рассвета заговорили орудия. Только тогда фашисты узнали о наступлении. Летят 40 легких бомбардировщиков. Рядом со мной бойцы – молодые крестьяне Леванта. Они кричат: «Наши!» Я не могу передать, как они выговаривают это слово. Здесь весь восторг еще недавно безоружного народа, который видит, что он теперь идет на своих вековых врагов не с вилами и не с топорами. Несмотря на низкую облачность, авиация успешно бомбила казармы и вокзал Теруэля. Бесспорно, этим был нанесен противнику значительный ущерб. Но, может быть, само зрелище народной авиации сыграло еще большую роль в событиях сегодняшнего дня: оно подняло дух пехоты.

Наступление на Теруэль, точнее, его окружение, развивается в различных направлениях. Некоторые части [234] сегодня дрались прекрасно, другие похуже. Школа войны – трудная школа. Нелегко научиться писать стихи, нелегко научиться и брать высоты. Лучше всего наступали части, расположенные на правом фланге, – с севера. Они продвинулись на 8-10 километров. В центре республиканцы продвинулись на 3-4 км. Южная группа, взяв несколько высот, находится примерно в 2 км от исходных позиций. Взяты деревни Конкуд и Сан-Блас. В последней захвачены орудия и 83 пленных. Крестьяне Сан-Бласа встретили республиканцев с красным флагом и с радостными криками. Как ни хитер генерал Франко, который хочет завоевать сердца крестьян своими демагогическими законами, якобы направленными на защиту мелких землевладельцев, крестьяне еще хитрее: они не умеют читать, – это бедные отсталые крестьяне одной из самых нищих провинций Испании, – но они, не читая, видят, где свой и где враг.

С холма четко виден Теруэль. Это, кажется, один из наиболее патетичных пейзажей Испании. Рыжие горы и город с древними постройками, похожий на крепость. Темные свинцовые тучи, раздираемые ветром. Солнце. Яркий свет, глубокие тени. С командного пункта X бригады видно, как фашисты, согнувшись, бегут назад. Вот республиканцы. Пулеметы. Несколько человек упали. Побежали!

Передо мной листовки неприятеля: «Красные вожаки, вас продали Франции и России». Точка. Все. Солдаты вокруг смеются. Зря расходует бумагу генерал Франко. Разве что послать этот листок французским «патриотам» (из тех, кто обзаводится германскими пулеметами). Они-то в своих газетах уверяют, что нет у Франции более сердечного друга, нежели генерал Франко...

Я спрашиваю пленного: «За что вы воюете?» Он тяжело дышит, смотрит на меня смутными, пустыми глазами. Потом говорит: «Не знаю». Другой, это фалангист, он угрюмо повторяет: «За государство синдикатов»¹¹⁶. Демагогия фашистов его разъела, как ржа. Но над его словами не мешало бы призадуматься политическим руководителям народной армии. Мало научить бойца стрелять, надо объяснить ему значение каждого выстрела, каждой мишени. [235] Надо, чтобы даже самый отсталый подпасок Арагона знал, что эта война – его война.

Народная армия не только выросла, она возмужала. Я говорю сейчас не о технике, но о той величине, которая в конечном счете решает исход всякой войны, – о сознании пехотинца. Испанский народ был самым миролюбивым народом Европы. Он не знал войны и не хотел ее знать. Войну ему навязали. Он принял ее вначале как горькую необходимость. Он выполнял военные операции с пылом и с неумением ребенка, который сразу хочет все сделать и остывает при первой неудаче. Теперь того народа нет. Нет больше центурий, сидевших в Толедо вокруг Алькасара. Теперь бойцы поняли, что каждое дело надо делать хорошо, с любовью. Они и на отдыхе теперь говорят о пулеметных очередях и о правильной перебежке. Так в неудачах или полуудачах создается сильная армия. Еще недавно каждая бригада, захватив грузовики, не выпускала их из рук. Вчера это был «удельный период» республиканской армии, патриотизм бригады так и не дорос до патриотизма армии. Не то теперь. Любой командир отдаст свои грузовики другой части. Здесь спайка. Сознание необходимости единства, воля к победе. Бойцы одеты лучше, чем прежде, хотя еще немало бойцов в тапочках – это среди снега. Налажено питание, я днем ел с бойцами рис, мясо.

При иной ситуации мы могли бы сейчас заняться вопросом о судьбе Теруэля. Дважды (в декабре и в апреле) республиканцы пытались взять этот город, острым клином вошедший в их расположение. Сегодня на правом фланге бойцы вплотную подошли к шоссе Теруэль – Сарагоса. Они держат его под пулеметным и ружейным огнем. У противника остается только скверная проселочная дорога, проходящая близ позиций южной группы республиканцев. Однако мне кажется, что сейчас вопрос идет не столько об овладении тем или иным политически значительным центром, сколько о чисто стратегических заданиях. Если бои, которые начались сегодня, потревожат противника, подготовляющего свой удар, можно будет сказать, что этим достигнут крупный успех.

Только что воздушная разведка сообщила, что противник начал подтягивать резервы. Пока замечено 24 грузовика. Это только первая часть, фашисты будут вынуждены подбросить сюда более существенное подкрепление. Генерал Франко знает, что благодаря террору и умело [236] подобранному низшему командному составу его части прекрасно обороняются. Поэтому, собирая где-либо кулак, он держит на остальных участках тонкое прикрытие. Он облюбовал секторы, где ему наиболее выгодно развернуть операцию. Возможно, что вот эти бойцы, которые сегодня мужественно взбирались на скользкие горы, смогут несколько потревожить планы генерала Франко.

Под вечер республиканцы заняли деревню Кампилья, захватив трофеи и пленных. Потом все стихло. Изредка короткий пулеметный огонь.

Ночь. Саперы спешно укрепляют новые позиции. Измученные тяжелым днем, бойцы спят, завернувшись в тонкие одеяла или серые шинели, похожие на плащи. В землянке дым ест глаза: у хвороста греются бойцы.

Стонет раненый – пуля расщепила кость. Темно. Ветер все сильнее. Конечно, есть в войне огромная печаль, зрелище человеческой немощности, скопление тысячи бедствий. И все же эти люди смеются, бодро чавкая, едят суп, который тотчас остывает на холоде, весело хлопают друг друга по спине. Каждый из них что-то оставил дома: счастье или видимость счастья, прошел через первый страх, узнал соседство смерти. Ничто так не веселит человека, как победа над страхом, сознание – борюсь, не уступаю, иду вперед.

Испанский народ всегда был мужественным. Когда дружинники убегали от Талаверы, люди, не знавшие Испании, усомнились в этом мужестве. Но каждое чувство требует своей формы: в наш век мужество связано с

дисциплиной, с умением одного, пусть умного, пусть много понимающего, подчиняться приказу; в наш тяжелый век войн за человеческое достоинство мужество связано с умением спрятаться от авиации, вовремя окопаться, сделать из окопа чуть ли не уютный дом, а когда нужно – по свистку, – выбежать из этого окопа под пулеметный огонь.

Теруэльский фронт, 16 декабря 1937

Горе и счастье Испании

Домик испанских пограничников находится на горе. Отсюда видны два города: Сербер и Порт-Бу. Они лежат [237] в глубине двух бухт и похожи друг на друга, как близнецы; те же дома с балконами, те же рыбацкие челны, те же виноградники.

Был вечер, буря, ветер сбивал нас с ног. Пограничники расспрашивали меня: как под Теруэлем? Один сказал:

– У меня там сынишка.

Потом они подняли шлагбаум.

Сербер светится. После черноты Испании огни маленького городка слепят. Порт-Бу темен, он зарылся в ночь. В Порт-Бу – развалины: то и дело «фиаты» бомбят городок. Я знаю там двух женщин. Прошлым летом они смеялись. Теперь они молчат. Их детей убила итальянская бомба. В Порт-Бу – длинные очереди за восьмушкой хлеба. В Сервере сколько угодно хлеба, и сахара, и молока. В Сербере сегодня бал, приехал джаз из Перпиньяна.

Два города видны с перевала. В обоих люди говорят по-каталонски. У жителей Сербера немало родственников в Порт-Бу. Между ними только гора, петли шоссе, туннель. Между ними, кажется, целый век. Между ними все то, что отделяет мужество от сомнения.

О чем говорят жители Сербера? Ведь джаз приезжает редко... Они говорят о том, что кагуляры¹¹⁷ скоро выступят, что правительство никогда не решится арестовать истинных главарей заговора, что англичане разговаривают с герцогом Альбой куда сердечней, нежели с французскими социалистами. На крышах домов – трехцветные французские кокарды, они как бы умоляют: «Не бомбите нас, мы вне игры, мы за невмешательство, мы пьем нейтральные аперетивы, мы играем в нейтральные карты!» Иногда итальянские летчики, резвясь, скидывают бомбу на Сербер. Тогда люди в панике просят свое правительство: «Защитите нас!» Правительство ставит зенитки и отдает зенитчикам приказ ни в коем случае не стрелять по

фашистским самолетам.

В черном полуразрушенном, голодном Порт-Бу люди куда счастливей. У них нет ни сахара, ни мыла, ни табака, но у них сознание: мы не сдались, мы приняли бой. Это высокое счастье, и кто не позавидует пограничнику, который с гордостью сказал мне, что его сын сейчас дерется под Теруэлем?

Я знаю, слово «счастье» может показаться неуместным. [238] Каждый день в Испании мы проверяем меру человеческого горя. Это было в Аликанте. Женщина рожала. Прилетели фашистские бомбардировщики. Люди разбежались. Женщина родила одна. А во время второго залета осколок бомбы убил новорожденного. Я видел в Валенсии, как хоронили девушку. Ее убила бомба. Гроб качался на старомодном катафалке, украшенном крестами, розами и раковинами. Кучер был одет во фрак песочного цвета, разодранный, лоснящийся. Сзади шел боец, уже немолодой, должно быть, отец. Он ни на кого не глядел, не плакал. Он шел с поднятым кулаком, как будто салютуя гробу. Я все не могу забыть его лицо: такое в нем чувствовалось горе.

Холодно теперь в солнечной, южной Испании. Стоит суровая зима, а топлива нет. Задолго до рассвета выстраиваются очереди. В полях бродят голодные ребятишки – они ищут салат, капусту. Это второй год войны, без флагов, без музыки. Только в садах Леванта, как каждую зиму, цветут розы. Никто на них не смотрит.

Я все же говорю о счастье. В этой борьбе испанский народ впервые нашел себя. Когда-то имя Испании гремело в мире. Эпопея Сида вдохновляла храбрых. Испанские мореплаватели первые пересекли океан. Испанские завоеватели создали огромную империю. Писатели всех стран учились у Манрике, у Кеведо, у Лопе де Веги, у Сервантеса. Кто не знает имен Веласкеса, Сурбарана, Греко? Романские церкви Сеговии, готика Бургоса, дворцы Возрождения в Саламанке были высокими архитектурными достижениями. Потом? Потом Испания стала спящей красавицей, вотчиной полуграмотных аристократов, страной военных хунт и военных заговоров, приманкой для туристов, падких на экзотику.

Много раз передовые люди Испании пытались пробить стену Пиренеев. «Поколение 98 года» выступило против традиций. Коста 118 хотел запереть на семь замков могилу Сида, а Унамуно восклицал: «Долой Дон Кихота!» За традиции вступились Бурбоны, генералы, битые во всех войнах, невежественные помещики. Они кричали о национальной гордости и тем временем распродавали Испанию англичанам, немцам, американцам,

французам. Они давали концессии не только на руду или на железные дороги, но и на исторические памятники. Донкихотов они [239] предавали смертной казни через удушение, и, пожалуй, этот особый вид убийства был единственной традицией, которой они гордились не только на людях. Эти «патриоты» старались даже в семейном кругу лопотать на дурном французском языке; они проводили полгода в Париже, и для них не было большего комплимента, нежели слово «заграничное».

Окно в Европу прорубил народ. Он проклял века рабства, Бурбонов, иезуитов, бездельных «сеньоритос». Шагнув в будущее, он открыл величие своего прошлого.

Бандиты, засевшие в Саламанке, зовут себя «национальным правительством». Недели две тому назад республиканцы заставили снизиться германский самолет. Я видел летчика. Это не новичок, уже много месяцев, как он воюет в Испании. Он не знает ни одного испанского слова, даже поблагодарить не может (впрочем, кого ему благодарить?). С презрением он говорит об испанцах. Его начальство в Берлине.

«Националисты» из иностранных орудий расстреливают национальную культуру Испании. Против них сражается испанский народ. Родина долго была для него мачехой. От зари до зари он работал на монахов, на генералов, на помещиков. Но народ любит свою землю. Андалусский крестьянин, стыдливо улыбаясь, часами вам станет рассказывать об оливковых рощах, о снежной сьерре, об Альгамбре. Он споет свои протяжные фламенко. Он поразит вас своей выдумкой, живостью речи, грустной иронией. Сухие длиннолицые кастильцы знают, что их край – камни, безлюдье, древние города на холмах – сердце Испании. Какой каталонец не гордится красавицей-Барселоной, весельем ее народа, заводами и пахучими винами, опрятностью деревень и хороводами – сарданой? С нежностью говорит астуриец о мужестве горняков, об их трудолюбии, о красе перевалов. Они все любят Испанию не как пасынки, но как дети. Может быть, они и не знают страниц летописи, но в них живо чувство истории – их связь с людьми, которые некогда клали первые камни испанской культуры. Они не хотят запереть могилу Сида, они дышат воздухом героики, и, вчерашние каменщики или пастухи, полководцы народной армии, они как бы заново проделывают эпопею романсеро. Они не кричат: «Долой Дон Кихота!» Они понимают трагическое мужество рыцаря Печального Образа. Они сражаются против тех, что издевались над [240] бесцельным и все же великим подвигом злосчастливого рыцаря.

Я слышал под Теруэлем, как один батальон среди метели пел

«Интернационал». Это были молодые крестьяне из провинции Куэнка. Они шли с песней о «роде людском», чтобы отвоевать у врага клочок родной земли – древний, славный традициями Теруэль.

Фашизм выбрал Испанию как самое слабое место человеческого фронта. Он учел все: предательство командиров, отсутствие военного опыта, отсталость индустрии. Он не учел ни храбрости испанского народа, ни его любви к родине. Так за дело человечества пошли сражаться неграмотные люди в полотняных туфлях, с охотничьими ружьями. А у фашистов были «фиаты» и германские танки.

Этим летом я приехал в полевой госпиталь возле Уэски, чтобы навестить немецкого писателя Густава Реглера. Он лежал тяжело раненный, с трудом говорил. Во дворе сидели испанцы. Один из них, чернявый андалусский паренек, рассказывал товарищам:

– Это немец. Ему нельзя домой. Там его посадят в тюрьму.

Он скрутил сигаретку и задумчиво добавил:

– Победим, тогда и он поедет к себе...

Когда-то Светлов написал стихи об украинском хлопце, который сражался за счастье гренадской волости. Теперь гренадские хлопцы сражаются за счастье берлинского уезда. Вот почему светятся высоким светом черные города Испании.

декабрь 1937

За жизнь!

Осенью 1936 года бойцы республиканской Испании выбили фашистов из деревни Съетамо. Я помню, как женщины шли вслед за бойцами под пулеметным огнем: они ушли из деревни, когда фашисты ворвались туда, они вернулись в нее вместе с республиканцами. Три дня тому назад итальянская дивизия присоединила деревню Съетамо к римско-абиссинской империи. Крестьяне убегали по дороге к Барбастро с детьми, с осликами, с тряпьем. Телеграмма [241] из Рима горделиво заявляет, что «герои» эскадрильи «Аисты» на самолетах «Бреда-65» отважно обстреляли бредущим полетом злосчастных крестьян Съетамо.

Арагон – прекрасный, суровый и бедный край. Камни, камни, камни... Пастбища с козами, редкие полосы ячменя. Деревушки на скалах – гордые и нищие аулы. До республики крестьяне Арагона работали на графов или маркизов. Они сами ткали себе одежду, они жили в курных избах, они спали на каменном полу. Республика дала крестьянам Арагона землю. Это

была трудная земля – камни. Но это была их земля, и они полюбили ее страстной любовью. Старик в деревне Уэрто, ударяя заступом о камни, говорил мне: «Наша теперь, наша!» В Уэрто крестьяне устроили школу, ясли, клуб. В сельском управлении всегда стояли ящики. Приходили крестьянки и клали в ящики яйца: «Это – раненым. Как снесут куры, несем сюда...» У них ничего не было, кроме этих яиц, но они отдавали свой обед с улыбкой.

Я только что прочитал в итальянской газете «Джорнале д'Италия» корреспонденцию из Испании. Синьор Массай восторженно сообщает: «В Уэрто наши доблестные легионеры задержали нескольких марксистов, которые пытались стрелять в войска». Наверно, они расстреляли крестьянок, которые давали раненым яйца, – разве это не преступные марксистки?

Жестокие дни переживает испанский народ. Германо-итальянские войска стараются прорваться к побережью. Каждый день идут тяжелые бои. Бойцы республики отбиваются близ рубежей Каталонии: за ними хлеба Лериды, сады Тортосы, виноградники Таррагоны, за ними города, заводы, шумные бульвары Барселоны, за ними испанский народ, который не хочет умирать.

«Политика невмешательства дала положительные результаты», – заявил в английском парламенте один из «достоуважаемых джентльменов». Рассказать ему в ответ о 126 барселонских детях, убитых в яслях итальянской бомбой? О залитом кровью, растоптанном, уничтоженном Арагоне? Прежде говорили: «Москва слезам не верит». Мы скажем: «Лондон не верит крови». Но ведь цифры они знают, эти почтенные диккенсовские Урии Гипы из Сити, эти не только твердолобые, но и жестокосердные лорды, а цифры достаточно красноречивы. Недавно в Кадис вновь прибыли 15000 итальянских солдат. В Арагоне сражаются итальянские дивизии «Литторио», [242] «23 марцо», «Фрекке нерре». Генерал Франчиски командует 23-й дивизией. Полковник Бабини командует итальянским танковым полком. Всего на Арагонском фронте сражается 50 тысяч итальянских интервентов.

Итальянское правительство отнюдь не склонно отрицать роли итальянских дивизий в последних боях. Рим официально поздравил дивизию «23 марцо» «с победой новой культуры, возглавляемой Муссолини». Да, это не описка – они называют «победой культуры» развалины арагонских деревень и груды трупов.

Однако вернемся к цифрам. Германо-итальянские воздушные силы равняются 700 самолетам: среди них 150 «Фиат-32», 100 «Савойя-31», 30 «сторми», 40 «ромео», 40 «юнкерсов», 40 «хейнкелей», 40 «дорнье». Корреспондент «Коррьере делла сера» весьма удовлетворен «работой» сильных бомбардировщиков «РО-37», уничтожающих города Каталонии, и резвостью «мессершмиттов». (Ось Берлин – Рим обязывает к вежливости, и итальянские журналисты охотно признают достоинства германских самолетов – как-никак «кондоры» – кузены «аистов».)

Марки самолетов или названия дивизий, конечно, известны и Лондону. Однако в парламенте один «достоуважаемый джентльмен» отвечает другому: «Касательно нарушения невмешательства в дела Испании мне лично ничего неизвестно». Возможно, что скоро мы ознакомимся с очередным диалогом: «Известно ли достоуважаемому, что на свете существуют бомбардировщики и дети?», на что джентльмен преспокойно ответит: «Нет, лично мне это неизвестно».

С мужеством Сида испанский народ отражает нашествие двух разбойных империй. На один республиканский самолет – восемь самолетов интервентов... Каждый день приносит нам рассказы о новых подвигах. 21 марта на город Реус налетела эскадрилья двухмоторных гидросамолетов «хейнкель». Ее атаковал один республиканский истребитель. Он сбил два гидросамолета. Один «хейнкель» был сбит над сушей, четыре немца погибли, пятый, раненный, находится в госпитале. Другой «хейнкель» упал в море. Республиканский летчик вернулся на аэродром ночью. Его зовут Хосе Калатойюд – курчавый веселый паренек. Все товарищи знали, что он хорошо поет песни, теперь они узнали, что веселый парень – герой.

Капитан Перес командовал батальоном Х. Мы его все [243] звали уменьшительным именем Куррито. Это был смуглый андалусец. Он хорошо играл на гитаре. Он как-то сказал мне: «Умирать не хочется... Вот я и в Москве никогда не был...» Когда фашисты после страшного артиллерийского обстрела штурмовали Пину, отступление прикрывал батальон Куррито. Фашисты рассчитывали на богатую добычу: им достались только развалины домов. Жизнь каждого бойца спасла столько-то орудий и пулеметов. В бою погиб и капитан Хосе Перес, наш Куррито. Я сейчас прочитал в барселонской газете: имя и два слова – «смертью героя».

Интервенты, изумленные этим сопротивлением испанского народа, мстят ему: они ежедневно налетают на мирные города – Барселону, Таррагону, Реус, Тортосу, Кастельон. Кто раз видел Барселону, не забудет ее – прекрасная, солнечная, веселая Барселона. Море, горы, пальмы, цветы.

Старый город с чудесами романской архитектуры, новый – широкие прямые проспекты. На Рамбле беспечная толпа, цветочные ларьки, птицы в клетках и кафе – сотни кафе со столиками на тротуарах: люди пьют кофе, шутят, спорят, смеются... Фашисты прилетали за два дня шестнадцать раз. Они кидали на город бомбы в 400 кило. Площадь Каталунья – это центр Барселоны: сквер с ручными голубями, театр, кафе. Они скинули бомбу на площадь Каталунья. Они уничтожили театр. Толпа бежала к метро: бомба. Другая в ясли. Третья в инженерное училище. Четвертая в техникум. Пятая... Груды развалин. Погибли художественная галерея, социологическая библиотека, коллекция древней романской скульптуры. Погибли тысячи людей. Вот в газете объявление: «Скончалась от бомбардировки семья Планас», следуют имена – 11 человек... В трамвае погибли 23 человека. Осколком бомбы был убит грудной младенец – мать его кормила. Три дня и три ночи рылись пожарные в развалинах школ и яслей, они вытаскивали детские трупы. Фашисты между бомбами скидывали листовки: «Сдавайтесь, не то мы перебьем всех». Листовки были написаны по-испански, бомбы были итальянскими. Вы знаете теперь, отчего умер ребенок на груди у матери? Оттого, что «создатель новой культуры» Муссолини считает смерть самым культурным из всех своих начинаний. Он собственноручно соизволил написать: «Война накладывает печать благородства на лицо народа, который решается начать войну». Печать [244] благородства на лицах убийц Барселоны, печать благородства на лице Муссолини...

Как отвечает испанский народ на бомбы интервентов? Одним криком: «В бой!» Зимой я видел в окопе бойца. У него были глаза темные и как будто невидящие. Он всех спрашивал: «Когда будем драться?» Товарищи мне объяснили: «У него дочка погибла в Лериде – ей было четыре года...» Теперь весь испанский народ смотрит на мир такими вот глазами, полными отчаяния и решимости. Впереди идет молодежь: в десять дней Барселона дала две новые дивизии добровольцев. Телеграмма из Мадрида: создана новая дивизия. Валенсия – две дивизии. Хаен – Андалусия поставила на ноги еще 30000 бойцов. Аликанте, Мурсия, Ла-Манча... Рабочие Барселоны постановляют работать на оборону 12, если нужно, 14 часов, работать не по часам – сколько хватит сил. Испанский народ понимает, что наступили решительные недели. Старые слова страшной осени 1936 года «?No pasaran!» снова замелькали на домах Барселоны, рядом с грудями мусора. Часто на них следы крови убитых при бомбардировках. Эти слова, казалось, примелькались, и все же это мудрые, человеческие, подлинные слова.

В октябре 1936 года на торжественном собрании в саламанкском университете фашистский генерал Мильян Астрай встал и крикнул: «Долой разум! Да здравствует смерть!» Это не то, что мы им приписываем, это то, что они сами говорят. Они – чума, мор, смерть, и, когда смерть идет на человечество, что может быть человечней ответа испанских бойцов: «Нет, она не пройдет!»

Я был недавно в Москве в детском доме, где живут испанские дети. Это клочок Испании под нашим северным небом – они очень громко разговаривают (так все говорят в Испании), они никак не могут привыкнуть к галошам – забывают их в школе, они не любят сметану, и они играют на гитаре. Я спросил одного мальчика, шалуна и весельчака: «Что тебе больше всего нравится у нас?» Он сразу стал серьезным и ответил, как взрослый: «Конечно же, Красная Армия». А маленькая девочка из Малаги, которую чудом спасли, шепнула: «Здесь спать спокойно», она еще помнит вой сирен и грохот бомб. Если восьмилетняя Карменсита может спокойно спать в Москве, если могут спокойно спать рядом с ней русские дети, если матери спокойно прижимают к себе детей в деревнях Белоруссии и во Владивостоке, это только потому, [245] что на свете, помимо «кондоров» и «аистов», помимо ханжества и лицемерия «достоуважаемых джентльменов», существует еще Красная Армия.

Ночью у себя в комнате я слушаю радиопередачу Барселоны. За окном – девятый этаж – огни большого города, Москвы. Глухо доносится голос: «В секторе Фраги мы отбили атаку...» Может быть, сейчас бомбят Барселону? Может быть, снова чернорубашечники атакуют «в секторе Фраги»? А генерал Мильян Астрай, чокаясь с генералами Бергонцоли и Фейдтом, восклицает: «Да здравствует смерть!..» Против смерти борется сейчас не один испанский народ, за ним лучшие люди всего мира. Мы слышим здесь каждый выстрел в горах Арагона. Мы знаем, что миру грозит смерть – эта «новая культура» римских и берлинских разбойников. Против смерти – жизнь. Одна мысль: оборона, оборона, только оборона. Красноармейцы, стоя сейчас на рубежах страны, обороняют не только страну, родину, любимицу, они обороняют самое высшее благо – жизнь, не одну нашу – человечества.

Москва, март 1938

Да здравствует Дон Кихот!

Это было в Лондоне на предвыборном собрании. Одна женщина спросила: «Почему правительство Великобритании не пытается защитить

испанских детей от итальянских убийц?» Оратор, защищавший правительственного кандидата, усмехнулся: «Конечно, мы оплакиваем судьбу испанских детей, но мы прежде всего заинтересованы в испанском угле, руде, меди, и нам надоело донкихотствовать».

Эти господа в 1935 году плакали над участью Аддис-Абебы. Конечно, им было наплевать на абиссинцев – чем абиссинцы лучше индусов?.. Но они поспорили с итальянцами, и они требовали, чтобы весь мир применил к Италии санкции. Теперь они благодушно заявляют: «С итальянцами мы договорились. Значит, весь мир должен санкционировать захват Абиссинии». В страстную пятницу они отслужили панихиду по убитым испанским детям, а в страстную субботу подписали договор с убийцами и разговелись испанским пирогом. [246]

Французские кагуляры суеются: если Франко возьмет Барселону, можно будет отобрать у парижских рабочих платные отпуска. Куда им до дельцов Сити! Они давно не мечтают о мировой политике. Они согласны, чтобы Франция стала доминионом, Монако, Андоррой, лишь бы в этой Андорре был «порядок», то есть отделение «Лионского кредита», жандармерия и бордель. На большее они не претендуют. Когда испанские крестьяне, убегая от фашистов, перешли французскую границу, газета «Фигаро» писала: «Наши жандармы задерживают мулов, чтобы продать животных с торгов и тем частично покрыть стоимость содержания испанских беженцев». В испанском вопросе Франция капитулирует не только перед Муссолини, но даже перед полуполковником-полууголовником Тронкосо. Она теряет положение мировой державы. Но это мало тревожит кагуляров. Они боятся, как бы не потерять на испанских делах сотню-другую франчишек.

В газете «Джорнале д' Италия» сеньор Гайда пишет: «Мы протестуем против нарушения Францией политики невмешательства». Оказывается, французские рабочие послали каталонцам 5000 лопат. Как смеют эти наглые милитаристы, вопреки всем постановлениям лондонского комитета, слать в Испанию смертоносные лопаты! В том же номере «Джорнале д' Италия» напечатано: «С 10 марта по 9 апреля итальянская авиация проделала 10898 летных часов, скинула свыше 865 тонн взрывчатых веществ и расстреляла 165000 пулеметных патронов».

«Мы за невмешательство. Мы за невмешательство», – у французских сорок звонкие голоса, их не переупрямишь. Вот только продать бы с торгов десяток мулов и ни-ни не донкихотствовать!..

В старом испанском романсеро есть песня о смерти Родриго. Мавры

окружили его и нанесли ему тридцать ран. Друг спрашивает Родриго:

- Почему ты не ускакал за реку?
- Потому что я – испанец.
- Почему ты поднял забрало?
- Потому что я глядел в глаза победе.
- Но ты побежден, Родриго.
- Нет, я победил – моя кровь зовет в бой.

Оскорбительно для человека жить в одну эпоху, на одной земле с фашистами, знать, что над ними то же солнце, что вокруг дети, деревья, собаки. Оскорбительно, [247] что человек, который, оскалась, шипит: «Надоело донкихотствовать», с виду похож на человека, что у него волосы, глаза, руки. Я не знаю, чем стал бы тот Запад, откуда, наперекор учебникам, когда-то шел свет, если бы сейчас не было народа, истекающего кровью, изнемогающего в неравном бою, но сильного силой правды.

Испанские короли во всем придерживались традиций: они не расстреливали, не вешали, не гильотинировали, они гарротировали осужденных – на шею человеку надевали железный ошейник и сжимали его. Фашисты решили гарротировать Испанию. Германские, итальянские самолеты, танки «брешия», артиллерия из Эссена, римские дивизии, марокканские таборы. Железный ошейник сжимается, и в ярости мы смотрим на карту. Но испанский народ не сдается. Его руки занесены вверх. Он отбивается. Против восьми самолетов – один. Против тяжелой артиллерии – винтовки. Против пулеметов – руки. Сан-Матео держался, несмотря на авиацию, на жестокий оружейный обстрел. Тогда немцы и итальянцы пустили танки с огнеметами. Когда фашисты заняли окопы республиканцев, они нашли только обугленные трупы. Полусгоревшие руки мертвых бойцов еще сжимали пулеметы.

На место погибших идут новые, кажется, мертвые встают из могил, тысячи и тысячи спешат навстречу врагу. Как в июле 1936-го... Но тогда испанский народ жил мечтами, надеждой на сердце Сити, хлопущими, митингами, полупраздничной суетой. Теперь, суровый, он идет вперед. Ни флагов, ни песен. Позади – города, уничтоженные фашистской авиацией, развалины, могилы. Впереди – армии Муссолини и Гитлера. Где-то за горами – мистеры, которым надоело донкихотствовать, и скопидомы, которые продают беглых мулов. Какая горечь на лице Испании и какая решимость!

Счетовод мадридского банка Мануэль Маркес. Ему 59 лет. Коммунист. У него было два сына. Оба погибли на фронте. 10 апреля Мануэль Маркес явился на пункт, где записывают добровольцев, и потребовал винтовку.

Пожарный Эдуардо Хирон. 16 ноября 1936 года он боролся с огнем: фашисты скинули на Мадрид зажигательные бомбы. Осколок бомбы оторвал ногу пожарному. Теперь он набивает патроны. У него было три сына: Хосе, Эдуардо, Мануэль. Эдуардо было 27 лет, он погиб в Сьерре. Рисовальщик Хосе был старше Эдуардо на год. Он дрался и в Сьерре, и на Хараме. Он был убит под [248] Леридой. 6 апреля в казарму пришел девятнадцатилетний Мануэль. Его провожала мать, Хосефа Темес Хирон. Она сказала: «Последний», но не заплакала. У нее были сухие глаза, полные горя и гнева, – глаза Испании.

На стенах плакаты: «Все в дивизию молодежи», и стоят очереди добровольцев. Этому – 16 лет, тому – 17. Хосе Кортес, пастух из провинции Кастильон. Он шел пешком четыре дня. Он принес одеяло и ложку. Он сказал: «Винтовку!» Рядом с ним – Хуан Эспаньоль, ему 63 года, и он торопится на фронт.

В начале фашистского мятежа студент Вентуреира бежал на лодке из Галисии. Лейтенант республиканской армии, он дрался под Мадридом. Недавно его бригаду перебросили в Арагон. Итальянцы окружили Вентуреира. У него было автоматическое ружье, он уложил восемнадцать врагов. Девятнадцатый, убегая, кинул гранату. Вентуреира, смертельно раненный, крикнул подоспевшим товарищам: «Стреляйте!»

Энская бригада – бригада молодежи. Комиссар Карлос Гарсиа был ранен в голову. Семь танков подошли к республиканским окопам. Карлос Гарсиа крикнул товарищам: «Ни с места!» Раненный, он пополз навстречу танкам. Он подбил гранатой танк. Тогда итальянцы пустили 46 танкеток. Республиканцы их встретили гранатами, бутылками с горючим – как в ноябре 1936-го. Они отбили атаку.

Андрее Кабеса, боец, тяжело раненный в обе ноги, продолжал работать у пулемета. Он потерял ноги. Фашисты были отбиты. Куэнка Санчес гранатами подбил четыре фашистских танка. Боец Фермин Артигас пошел добровольцем в июле 1936 года. Он был трижды ранен под Мадридом. В апрельских боях у Маэлья его окружили марокканцы. Раненный в колено, он не только прорвался к своему батальону, но еще отбил у врага два пулемета.

Их много – подвигов, жертв, героев. Кто, раненный, кричит: «Вперед»?

Кто гранатами отражает танки? Кто из винтовок сбивает самолеты? Кто, истекая кровью, вырывается из вражеского кольца? Все он же – Родриго XX века, испанский народ.

Рядом с коммунистами в строю – католики, рядом с крестьянами – ученые. Это страна, нация, Испания отбивает нашествие «двунадесяти языков». Фашисты горделиво именуют себя «национальной Испанией» – немцы, [249] итальянцы, марокканцы, но, продвигаясь вперед, они находят пустыню. Они сами сообщают: «В Винаросе 400 оставшихся жителей встретили нас с восторгом». 400... А в Винаросе было 14000 жителей. 13600 человек – женщины, старики, ребята – пустились в страшный путь. Они шли по скалам, обстреливаемые итальянскими самолетами, без хлеба, бросив дома и добро. Они были готовы на все, лишь бы не остаться под игом чужеземцев.

В Тортосе находилась прекрасная обсерватория. Во главе ее стоял католический монах падре Родес, астроном с мировым именем. Фашистские бомбы уничтожили обсерваторию, все погибло – приборы, чертежи, работы. Десятки лет падре Родес глядел только на небо. Теперь он взглянул на землю. Вместе с бойцами на продырявленном пулями грузовике он доехал до Барселоны. Он пришел к главе правительства Негрину: «Я – католик, вы – социалист. Но мы оба – испанцы. Я хочу защищать мою родину».

Несколько недель тому назад одна из республиканских дивизий, отрезанная фашистами от других частей и прижатая к Пиренеям, перешла французскую границу. Бойцы еще дышали горечью разгрома. Они едва держались на ногах – десять дней они блуждали по горным хребтам без теплой одежды, без обуви, без супа. Французские власти разоружили бойцов и, свято соблюдая; трагикомедию невмешательства, стали опрашивать одного за другим: «Куда ты хочешь ехать – в Барселону: или в Бургос?» Французские фашисты услужливо подсказывали: «Конечно, в Бургос. В Барселоне тебя ждет смерть, а Франко обещал всем пощаду»... Один за другим бойцы подымали кулаки и отвечали: «В Барселону – за честь родины!» Вместе с бойцами границу перешли крестьяне пиренейских деревень, женщины, ребята. Реакционный писатель Пьер Милль в изумлении пишет, что Пиренеи, которые казались непреходимыми даже для альпийских бригад, не остановили женщин Испании. Да, они боялись одного – остаться под пятой фашистов. Одна старуха, дойдя с детьми до первого французского пограничника, подняла кулак, она крикнула: «В Барселону! И скорее!» Я не знаю, как ее зовут: Мария, Хосефа, Тереса, но

это – вся Испания, это – борьба до конца, это – мужество наперекор «здравому смыслу» лицемеров и торгашей.

Сейчас в Испании весна на исходе. Покрыты маками [250] луга Андалусии. В садах разрушенной Тортосы много красных южных роз. Кровью, щедрой кровью помечены камни Испании. Кто сосчитает раны?.. Но кровь испанского народа зовет в бой. Он сорвет с горла железный обруч, он победит.

Москва, апрель 1938

Мятеж против мятежа

Неделю мы ждали фалангистов, участников мятежа, направленного против власти мятежников. К Пиренеям были стянуты отряды французской жандармерии. Журналисты сидели с раскрытыми блокнотами, интервьюируя престарелых контрабандистов. По ту сторону хребта шла охота на людей. Никто из фалангистов не перешел границы. Апеллируя к профессиональной солидарности своих французских коллег, испанские жандармы жаловались: «У нас теперь горячие денечки». Это было единственное если не официальное, то официозное подтверждение памплонского мятежа.

В Гибралтаре ползли слухи о перестрелках на улицах Малаги. Генерал Франко, впрочем, не смутился. Он спокойно объявил, что во всей порабощенной им части Испании царит полный порядок. Тихо в Памплоне. Тихо в Малаге. Тихо в тюрьмах. Тихо и на кладбищах, где лежат свежерасстрелянные.

Прошло почти два года с тех пор, как генерал Франко захватил половину испанской территории. Давно истреблены там республиканцы, коммунисты, социалисты. Мятеж теперь поднимают новые силы: те, кто вначале поддался обману и примкнул к мятежникам. Желая сразить Испанскую республику, генерал Франко взял у иностранных фашистов не только самолеты и танки, он взял у них демагогические лозунги. Генерал Франко твердил о социальной справедливости, о борьбе против капитала, о национальной независимости. Но демагогические речи кандидата в диктаторы на этот раз повторял не кандидат, а диктатор. «Мы дадим всем голодным хлеба». Говоря это, генерал Франко уже был у власти. И говоря это, он ничего не давал голодным, кроме немецкого свинца. Он говорил: «Звание испанца почетно». И говоря это, он [251] лебезил перед германскими и итальянскими коммивояжерами.

В фаланге было немало искренних людей. Они верили, что фаланга

накормит голодных в Испании. Они увидели, что генерал Франко пресмыкается не только перед немецкими обер-лейтенантами, но и перед доморощенными банкирами. Тогда молодые фалангисты стали шушукаться. Республиканцам, сидевшим в тюрьмах, пришлось потесниться: привели новых постояльцев, вчерашних «освободителей Испании» – фалангистов.

19 апреля генерал Ягуэ в Бургосе произнес речь, направленную против генерала Франко. Это хитрая речь. Недомолвки в ней важнее слов. Овации слушателей подчеркивали недосказанное. Генерал Ягуэ стал предводителем недовольных. Вот некоторые места из его речи:

«Ошибочно утверждают, что красные – трусы. Нет, они стойко сражаются, упорно отстаивают каждую пядь земли, мужественно умирают. Ведь они родились на священной земле, которая закаляет сердца. Они – испанцы, следовательно, они отважны. Каудильо (вождь, в данном случае генерал Франко. – И.Э.) обещал, что больше не будет дома без хлеба и очага без огня. Если люди, которые защищают не свое добро, но Испанию, вернувшись к себе, не найдут самого необходимого, они станут требовать справедливости. Если другие люди им откажут в этой справедливости, они обратятся к небу, и я убежден, что небо разрешит им взять то, что им надлежит, силой.

Тысячи и тысячи людей томятся в тюрьмах. В чем их вина? Они состояли в рабочих союзах и уплачивали членские взносы. Но никто не преследует банкиров, которые давали объявления в социалистические газеты. Необходимо как можно скорее освободить невинных. Если я вступаю за людей, обвиняемых в марксизме, за моих вчерашних врагов, то тем паче я должен вступить за основоположников нашего движения, за голубые рубашки, за фалангистов, брошенных в тюрьмы. Они были на улицах, когда мы вели первые бои. Теперь они за решетками. Их нужно тотчас выпустить. Их ждут в тысячах домов. В этих домах не только горе и нищета, в эти дома уже закралось сомнение».

Речь генерала Ягуэ не была напечатана в газетах. Генерал Франко не только не освободил арестованных фалангистов, он арестовал тысячи новых «смутьянов». [252]

Тогда на речь генерала Ягуэ ответили выстрелы в Памплоне и Малаге.

Человек, вчера перешедший границу, привез мне любопытный документ. Это – прокламация, выпущенная в Вальядолиде мятежными фалангистами. Они расшифровали речь генерала Ягуэ. Они перевели, что, восхваляя

доблесть «красных», генерал хотел унижить трусливых и нахальных итальянцев, которые разбойничают в испанских городах. Они перевели, что «небо» – псевдоним (на войне не до мистики) и что, если фалангисты голодают, а буржуазия дает балы в роскошных особняках Сан-Себастьяна, настало время действовать. Они поняли наконец, что глупо ждать пощады от интервентов. «Необходимо освободить» они перевели на язык винтовок: «необходимо освободиться». Прокламация фалангистов воспроизводит полностью речь генерала Ягуэ. Она начинается следующим вступлением:

«Речь, произнесенная в Бургосе 19 апреля доблестным генералом Ягуэ, напечатана в древней столице Испании Вальядолиде. Устами Ягуэ говорит фаланга. Каудильо (в данном случае генерал Ягуэ. – И.Э.) хочет, чтобы Испания была велика без помощи и опеки чужезычных людей. Испания не желает стать добычей иностранного империализма. Подымись, Испания! Где генерал Ягуэ?»

Они любопытны, эти непослушные фалангисты. Им обязательно хочется знать, где генерал Ягуэ. Мало ли у Франко других генералов... Но недовольство растет. Шушуканье становится гулом. В тюрьмах больше нет места, и генерал Франко идет на уступки: генерал Ягуэ показывается перед всеми. Он не расстрелян, даже не арестован. Он только стал очень молчаливым: доволен этих необдуманных речей!

Впрочем, не в генерале Ягуэ дело. Дело в народе. Гитлеру удалось справиться сначала с Штрассером, потом с Ремом. Гитлер умирал Германию в мирное время. Генералу Франко приходится умирять Испанию, когда под боком фронт, когда дивизии республиканцев не дают ему передышки. Он думал сначала уничтожить республику, а потом прибрать к рукам фалангу. Его планы нарушены. Ко всем фронтам – Андалусскому, Эстремадурскому, Севильскому, Мадридскому, Каталонскому – прибавился новый: фронт фаланги. И на этом последнем [253] фронте генералу Франко удалось отбить первую атаку, понеся сильные потери.

Париж, 31 мая 1938

Мате Залка, генерал Лукач

Война бедна теперь красками: человек надевает на себя рубашку цвета земли; он зарывается в землю – победить можно, лишь оставшись незаметным. Проволока, броня танков, снаряды, гудение моторов, а человека нет. Но на войне можно по-настоящему узнать человека. Он обнажен с головы до ног, пафос ему запрещен наравне с яркими мундирами

или барабанщиками, пафос зарывается в сердце, как боец в землю. На войне можно разглядеть человека. Земля оказывается еще не открытой, человеческое сердце изумляет. Уже будучи генералом Лукачем, писатель Мате Залка сказал мне:

– Мы мало знаем о человеке...

Мы мало знали о Мате Залке. Он был хорошим товарищем, общительным, веселым человеком. Казалось, он был создан для мирной жизни, для уюта, дачи, сада. Он оказался большим полководцем на чужой земле, в смутные дни, когда не было ни армии, ни тыла, ни оружия, – только территория и вера. Он действительно страстно любил жизнь, все ее мелочи, ее петит. Своей любовью он заражал других, и это позволило ему сделать 12-ю бригаду бесстрашной. Мы мало что знаем о человеке. Оказалось, одной отваги мало: это горючее быстро расходуется. Для того чтобы с легкостью идти навстречу смерти, надо очень крепко любить жизнь – не только идею жизни, ее самое, сердцевину, корни, ее грубую шершавую оболочку.

Я помню генерала Лукача на отдыхе. Вот он толкует с бойцами об их сердечных невзгодах; он все понимает (может быть, здесь приходил ему на помощь писатель Залка?). Вот он сорвал какую-то лохматую траву, дует на нее, смеется и допытывается: «Как по-испански?»

Вечер в штабе. Он забавляет товарищей: карандашом он выщелкивает на крепких своих зубах различные арии. Итальянцы спели «Бандьера росса», немцы – «Коминтерн». Генерал Лукач смеется: [254]

– Теперь песни-декларации исполнены. Давайте петь обыкновенные...

Он знал песни всех народов: венгерские, болгарские, украинские, немецкие, испанские. Вот он танцует с испанскими крестьянками, лихо танцует (это было вскоре после Гвадалахары).

– Не забыл... Все-таки – венгерский гусар...

Он был затейником, поэтом; был он добрым другом. Все это помогло ему стать «генералом Лукачем», о котором уже рассказывают легенды на десяти языках.

Он одерживал победу не с наскоку, он ее старательно сколачивал, не пренебрегая ни ласковым словом, ни мешком фасоли. Под его командой сражались разные люди: польские шахтеры, итальянцы, вспыльчивые и мечтательные литовские евреи, венгры, рабочие красных предместий Парижа, бельгийские студенты, ветераны мировой войны и подростки,

выпрыгнувшие из первых ребяческих снов на жестокую испанскую сьерру. Он всех спаял одним чувством, 12-я бригада была его последней любовью, и бригада жила командиром. Твердый, сухой Янек, командир «домбровцев», плакал: «Убили Лукача». Командир венгерского батальона Нибург погиб на следующий день после смерти Мате Залки. Он как будто пошел вслед за своим генералом. Он пошел, как всегда, опираясь на палку, под пулеметный огонь. Гарибальдийцы пели о нем песни...

Он пережил и поражение, и тоску вечеров накануне атаки, и победу. Его бригада разбила итальянцев у Пала-сио Ибары и в Бриуэге. Потом ее увели на отдых. Это была деревня редкой красоты на верхушке крутого холма: Фуэнтес. Каждый день деревню бомбили фашисты. Бойцы спали в пещерах. Днем на склоне холма домбровцы грели отмороженные в окопах распухшие ноги. Мы сидели с генералом Лукачем среди камней Фуэнтеса и говорили о нашем ремесле. Мате Залка знал, что не сказал еще своего, не написал той настоящей, единственной книги, о которой мечтает каждый писатель.

– Если меня не убьют, напишу через лет пять... «Добердо» – это все еще доказательство. А теперь и доказывать не к чему, каждый камень доказывает. Надо только суметь показать человека, какой он на войне. И не сорвать голоса...

Он сконфуженно улыбнулся:

– Я не люблю крика... [255]

Это было правдой: веселый, общительный человек, революционер, боец, провоевавший чуть ли не половину жизни, он любил тишину, умел ее слушать, умел ее ощущать.

«Если не убьют...» Его убили. Книга, о которой он смутно мечтал, глядя на долины Гвадалахары, этой книги не будет. Напишут книги о нем, не о Мате Залке, о генерале Лукаче. Может быть, кто-нибудь из его боевых товарищей напишет книгу, о которой мечтал Мате Залка: без крика.

Потом была деревня Мека, вправду отдых. В штабе Лукач смотрел, чтобы его товарищи отдыхали: он любил нянчиться с большими, неуклюжими, небритыми людьми. В штабе были – Реглер, испанский художник Херасси, болгары – Белов и Петров, адъютант Лукача Алеша 19. Приезжал Хемингуэй, расспрашивал Лукача о военных операциях. Хемингуэй чувствовал, что перед ним не только командир 12-й бригады, волновался, пил виски; может быть, он тоже мечтал о ненаписанной книге. Вдруг бригаду снова бросили на Хараму. «Это испанское Добердо», – говорил Лукач. Их послали на одни сутки: боевой разведкой прощупать

резервы противника. Операция была неблагоприятной, мучительной – наступать, чтобы отступить. Генерал Лукач повторял одно: «Людей берегите».

Это было в апреле. Он погиб в июне. Он умер накануне одного из самых тяжелых боев. Страшен, жесток пейзаж вокруг Уэски. Мате Залка умер в душный, знойный день, среди каменной пустыни. Он как-то сказал мне: «Я здесь часто вспоминаю мою родину...» Он, вероятно, вспоминал Венгрию, потому что одна война вязалась с другой. «Венгрия – зеленая...» Деревня Игриес, где умер генерал Лукач, – раскаленный аул. Оттуда виден безрадостный город Уэска.

На его могиле вместо имени номер: война еще продолжается. Его имя знают все. Я слышал, как в Валенсии дети повторяли: «Это генерал Лукач», и старая женщина тогда добавила: «Наш генерал».

Мате Залка, шутя, говорил об одном писателе: «Все записывает... Завидую!» Можно завидовать судьбе Мате [256] Залки, его жизни, его смерти. Он все-таки написал свою большую книгу: «Испанию». Впрочем, и завидовать нечего: таков был человек, и, если не удалось писателю Мате Залке сказать всю правду о человеке, за него это сделал генерал Лукач – не сказал, показал. Год уже прошел со дня его смерти, а все не верится: живой. Кажется, он еще ведет в бой 12-ю бригаду, шутит, отругивается, поет песни и молчит.

июнь 1938

Правды!

Я пишу эти строки наспех. Здесь был дом. Еще недавно здесь люди мирно ужинали. Усталая хозяйка не убрала на ночь со стола. Хозяйку убила бомба, тарелки уцелели. Кругом люди работают. Тихий, счастливый город. Они прилетели утром...

Я только что видел женщину. Это была живая женщина, и кормила она живого ребенка. Прошла мотоциклетка. Женщина закрыла собой ребенка, вскрикнула. Я никогда не забуду этого крика.

Мы многое видели в Испании. В Мадриде вытаскивали трупы из кино – комедию зрители так и не доглядели. В Лериде бомба попала в школу, грифельная доска была забрызгана мозгами. В Картахене они бомбили госпиталь. Старик, больной астмой, просил лекарства, ему оторвало обе ноги. В Барселоне они попали в ясли. В Валенсии, когда хоронили, бомба попала в катафалк – вдова и дети смешались с покойником: руки, ноги. Еще

– это было предместье Барселоны – бомба настигла свадьбу, помню окровавленное платье невесты, она как будто еще улыбалась. Вот мальчик, смуглый, красивый мальчик. Может быть, мать вынесла его из Малаги? Он играл в песочек. У него раскрытые глаза, чуть мутные, кровь на виске. Уцелела формочка – ярко-красная, а в ней горсть сухого песка.

Фигерас полон своим горем. Маленький город – пятнадцать тысяч жителей, – здесь все друг друга знали. Я не смел и думать, что «общественное мнение Европы» – это помесь флегматического лицемера с вечно бодрым коммерсантом – смутится, увидев на фотографиях [257] мертвых Фигераса. Они ведь тоже все знают: и пожарище Герники, и трупы Аликанте, и бойню Гранольерса.

Впрочем, сейчас невозмутимые европейцы заинтересовались пиратами воздуха. Дело не столько в испанских детях, сколько в английском флаге. Старик Ллойд Джордж заявил, что ему стыдно теперь числиться подданным Великобритании. Цифры назойливы: за одну неделю итальянские и германские самолеты атаковали семь английских судов. Судно «Торпголл» стояло на рейде в полутора милях от Валенсии, на нем реял британский флаг. Фашисты потопили судно торпедой. Английское судно «Айседора» стояло возле Кастельона. Итальянские летчики, памятуя о джентльменском соглашении №2120, с особым удовольствием бомбили «Айседору». Конечно, на торжественных актах англичане по-прежнему поют о гордой Великобритании, которая властвует над всеми морями. Но вряд ли английские матросы, чудом спасшиеся от фашистских бомбежек, с глубоким удовлетворением читают этот слегка старомодный гимн. Не лучше ли перейти на реквием? Сорок три англичанина убиты на английских судах фашистами. Их преспокойно убили, как будто они – испанские дети.

«Мы требуем прекращения этого варварства», – пишут английские консерваторы. Немцы и итальянцы отвечают: близ Дении фашисты убили четырех англичан, находившихся на борту «Брисбана». Из порта Гандия шел экспорт овощей и апельсинов. Фашисты разбомбили склады, принадлежащие англичанам, и потопили английский траулер. В Аликанте сожжены два английских парохода. Английский эсминец взял раненых и тела убитых. Им воздают воинские почести. Может быть, кто-нибудь при этом споет о мощи Британии: «над всеми морями»?

Каждую ночь бомбят Барселону. Снова налет на Аликанте. Дети Фигераса. Английские министры спрашивают мирных шведов и норвежцев: «Не хотите ли вы вместе с нами убедиться в том, что убийство это убийство?» Шведы и норвежцы корректно отвечают: «Пожалуйста». Что

же, римские бандиты могут убить и кроткого шведа... [258]

А там, за этими горами, – Франция. Резвясь, фашисты иногда перелетают через горы, бомбят Сербер или Оржекс. Французы, жители пограничной полосы, с ужасом смотрят на небо. Кто до недавней поры охранял детей Сербера? Комитет по невмешательству? Нет, республиканские зенитки в Порт-Бу.

Англичане предлагают шведам и норвежцам: «Проверьте». Конечно, все это хорошо, но это политика, дипломатия. Есть в жизни и другое. Пускай сюда приедут все. Шведы? Да, не только военный атташе – Сельма Лагерлеф. Пускай приедут философы, художники, писатели – Уэллс, Шоу, Валери, Драйзер. Пускай приедут и те, кто защищал фашизм, – я хочу увидеть рядом с трупом этого ребенка старого Гамсуна. Он все же любил жизнь, лес, детство.

Правды требуют камни и капли крови. Правды требуют эти подернутые мутию голубые глаза убитого мальчика. Правды требует горсточка сухого песка.

Фигерас, 13 июня 1938

Семьсот дней

Проезжая мимо испанских городков, повсюду видишь горы мусора и оконные рамы без стекол. Люди роют землю, взрывают камень: они готовят убежища. 10 июня в Аликанте один налет следовал за другим, тревога длилась сутки, и сутки люди просидели в темных норах. Томительна эта вторая подземная жизнь. Окопы фронта незаметно переходят в тыловые убежища. Близость смерти вошла в быт: воздушные налеты на города, крик сирен, атаки, контратаки, скудный паек, побывки, знаки различия, могилы. Войне скоро два года...

Не случайно этими строками о человеческих чувствах я предваряю очерк, посвященный судьбам республиканской армии. Наступил тот период войны, когда нервы народа, его усталость или упорство значат не меньше, нежели подсчет самолетов и орудий. Давно забыты первые горячие месяцы войны, демонстрации, флаги, речи. Испанский народ, по природе столь веселый, столь безмятежный, узнал горечь молчания, тяжесть героики, лишенной внешнего пафоса. Он дышит повседневным [259] горем, он устал, но сейчас, еще пуще прежнего, молча, яростно он тянется к победе.

Я уехал из Испании в декабре в суматошно-радостные дни – накануне

взятия республиканцами Теруэля. В моем рассказе об этой операции я предостерегал читателей от излишнего оптимизма. Мы знали, что противник сосредоточил сильный кулак, что у него огромное преимущество авиации, что армия республики молодая и наспех сколоченная, еще недостаточно закаленная для серьезного наступательного движения. Захват Теруэля был только удачно проведенной диверсией. Он показал, что многие республиканские дивизии умеют превосходно драться; он показал также, что, несмотря на рост вооружения, противник морально ослабел: защитники Теруэля не повторили толедского Алькасара.

Мартовское наступление фашистов было тем «решительным ударом», который первоначально был намечен на декабрь. Газеты не раз отмечали численное превосходство фашистской авиации и перевес фашистской артиллерии. К этому надо добавить, что до недавнего времени некоторые республиканские части не умели выдерживать первого натиска врага. Требовались недели, чтобы они снова могли обрести военную выдержку. Так было в свое время под Мадридом, у Гвадалахары, возле Пособланко. Так было и в Арагоне. Конечно, далеко не все республиканские дивизии поддались. Многие части успешно отражали атаки неприятеля и отошли только тогда, когда того потребовало выравнивание фронта. Фашисты все быстрее продвигались вперед. За границей услужливые перья писали о близкой развязке. Все ждали, что фашисты двинутся на Барселону. Они перешли реку Сегре и вдруг остановились: перед ними оказались стойкие части республиканцев. Так началось сопротивление.

На арагонское поражение испанский народ ответил новым правительством. Это было не только сменой министров, но вторым национальным подъемом. Еще раз сознание непосредственной опасности спасло Испанию. Мы помним Мадрид, безрассудный и растерянный осенью 1936 года. В первые дни апреля вся Испания повторила это чудесное преобразование Мадрида. Легко было идти добровольцем в июле тридцать шестого, война тогда казалась увлекательным фильмом. Добровольцы апреля тридцать восьмого знали, на что они идут. [260]

В середине апреля фашисты, использовав мартовские успехи, дошли до побережья. Республиканская Испания оказалась разрезанной на две части. Случись это в марте – до набата, до Негрина, – это могло бы вызвать отчаяние. Это вызвало ожесточение.

Я увидел Испанию после шестимесячной разлуки, увидел в тяжелые дни. Фашисты медленно продвигаются в Леванте. Каждую ночь нас будят сирены, зенитки, бомбы. Позади семьсот таких ночей. Семьсот дней, как

этот высокий парень с медным обветренным лицом не выпускает из рук винтовки. Я вижу все трудности, и все же я должен сказать, что излишний пессимизм сейчас преступен. Пути победы сложны, извилисты, они не помещены на тех картах, по которым читатели следят за военными действиями. Все видят, что фашисты продвинулись к Валенсии. Кто знает, не продвинулась ли тем временем республика к победе?

Конечно, выход фашистов к морю был тяжелым ударом. Он не был отнюдь ударом роковым. Сообщение между двумя частями регулярно поддерживается. В Барселоне можно купить мадридские газеты, письмо, опущенное в Таррагоне, доходит относительно быстро в Хаэн. Мадрид лучше прежнего обеспечен продовольствием. Как и прежде, республиканская авиация легко перебрасывается с одного фронта на другой. Обе части республики имеют свою промышленность и не страдают от отсутствия боеприпасов. Что касается населения, оно скорее знает о прорыве, чем его ощущает. Я видел груды писем, полученные за последние дни министерством земледелия: крестьяне из-под Альмерии или Куэнки пишут о своих нуждах в Барселону.

За шесть месяцев армия возмужала, закалилась. В декабре я встречал солдат, которые не знали толком, за что дерутся. Теперь, пожалуй, таких не сыскать: работа комиссаров заставила по-новому биться сердце армии. Слабым местом республиканцев остается недостаточная подготовка низшего командного состава. Однако и здесь заметна перемена к лучшему. При всех дивизиях налажены курсы, которые готовят унтер-офицеров. Военные школы в тылу объединены. Они выпускают после трехмесячного обучения командиров. Больше половины вновь назначенных лейтенантов вышли из этих школ.

Фашисты сосредоточили все свои силы в Леванте. Они хотят взять Валенсию – порт и промышленный центр, а [261] также расширить брешь между двумя частями республики, дабы усложнить переброску истребительной авиации. Однако в Леванте республиканцы оказывают упорное сопротивление. Каждый километр фашисты оплачивают сотнями жизней. За первые сорок дней наступления они продвинулись на тридцать шесть километров. Мы не можем в точности подсчитать, во сколько десятков тысяч солдат им обошелся путь от Теруэля до Кастельона. Но можно с уверенностью сказать, что противник сейчас особенно щедро расходует свои силы. Республиканцы тем временем впервые создают мощные резервы. В этом залог возможной победы, несмотря на все трудности теперешнего положения.

Силы фашистов доходят до 450 тысяч. Однако далеко не все свои части фашисты решаются кинуть в бой. Мобилизованные крестьяне – плохие солдаты. Их пробовали было расовать по наваррским дивизиям, – это было еще в декабре, – тогда прославленные дивизии стали сразу нестойкими, мобилизованных пришлось отослать в тыл. В боевых действиях участвуют только ударные группы фашистской армии: наваррские дивизии, корпус «Марокко», наконец, итальянцы. Все эти части целиком сосредоточены в Леванте. Мадридский фронт стал тем, чем был в первый год войны Арагонский фронт: час-два в день вялой артиллерийской перестрелки. В Эстремадуре республиканцы время от времени производят успешные атаки, которые тревожат противника. Наступления республиканцев в северной Каталонии не дали прямых результатов. Они все же заставили противника подбросить туда резервы. Следует отметить роль, сыгранную 43-й дивизией, которая два месяца сражалась в тылу у противника, защищая горный район Синка – три долины, сорок вершин, тридцать деревушек. Фашисты, желая во что бы то ни стало ликвидировать этот республиканский островок, бросили к Биельсу четыре дивизии под командой генерала Сольчага, 60 германских самолетов. Конечно, это только небольшой эпизод войны, но он показателен. В первый год войны фашисты были стойкими солдатами, а республиканцы – толпой, охваченной энтузиазмом, но не способной на серьезное сопротивление. Фашисты тогда гордились защитниками Алькасара или Овьедо. Второй год войны дал иные примеры: капитуляцию Теруэля, с одной стороны, двухмесячную борьбу 43-й дивизии – с другой. Это дает нам [262] право с надеждой на лучшие времена ждать третьего года этой жестокой войны.

Артиллерия республиканцев выросла. Разумеется, интервенты по-прежнему подвозят в Испанию тяжелые орудия, и нелегко военной промышленности Испании – ей от роду год – бороться против германской индустрии. Теперь, более чем когда-либо, республиканские артиллеристы могут потягаться с фашистскими. В боях возле Балагера и Тремпа артиллерийский огонь впервые нанес врагу большие потери.

Высокое качество республиканских самолетов, мужество республиканских летчиков известны всему миру. Несмотря на численный перевес, в последних воздушных боях фашисты неизменно терпят поражения. Я могу напомнить хотя бы поражение над Люсеной 9 июня, когда фашисты потеряли два бомбардировщика и семь истребителей, в то время как республиканцы потеряли всего три истребителя. Все республиканские летчики спаслись. Один из них был ранен, это –

восемнадцатилетний сын председателя совета министров Ромуло Негрин. 13 июня четырнадцать республиканских истребителей вступили в бой с шестьюдесятью шестью фашистскими самолетами и сбили один вражеский.

В последних боях выдвинулись новые командиры. Мы знаем давно Модесто, Кампесино, Листера, Галана, Мера¹²¹. В Леванте отличился командир корпуса, один из лучших композиторов Испании – Густаво Дуран. Показал боевые способности молодой командир корпуса Тагуэнья¹²². Всей Испании теперь известен отважный командир 43-й дивизии Бельтран.

Необходимо отметить, что дивизии, которые по старой памяти можно назвать «анархистскими» (в которых большинство бойцов – сторонники Национальной конфедерации труда), никак теперь не могут быть названы анархическими: порядок, дисциплина, выдержка.

Фашисты могут сейчас праздновать взятие небольшого губернского города. Они могут также гадать, как им пополнить бреши в ударных частях. Мобилизовать население? Это прежде всего опасно: крестьяне могут повернуть [263] винтовки против интервентов. Остается один выход: просить Муссолини о доставке новых итальянских дивизий. Однако это смутит Лондон и Париж. Притом это выведет из себя фалангистов, которые и без того возмущены «засильем иностранцев». Да и судьба Капельона не решает судьбу войны. Между Капельоном и Сагунто – сорок километров садов, каменные заборы, дома. Эту территорию легко защищать. Кроме того, побережье здесь – узкая долина, легко пристреливаемая артиллерийским огнем. Война в Леванте только начинается.

Я никак не хочу поддаваться иллюзиям. Вполне возможно, что сообщения различных телеграфных агентств о боях в городах фашистской Испании преувеличены. Вполне возможно, что испанские патриоты по ту сторону окопов еще ворчат, а не стреляют. Это вопрос времени, выдержки, нервов. В каждой войне бывают такие фазы, когда политика оттирает на второй план стратегию. Сейчас стойкость республиканской армии определяет и крен в международной политике, и позицию фалангистов. Если продвижение фашистов удастся в течение ближайшего времени приостановить, – это будет означать подлинную политическую победу республики.

Я не прибавлю сейчас ничего о героизме бойцов. Я много о нем писал, слова телеграммы вряд ли могут передать эти сухие глаза, эти улыбки раненых, эту уверенность в победе. Да и весь народ таков: под бомбами,

изголодавшийся, измученный. Один боец вынимает две папиросы: «Нам выдали. Если в других частях нет, дай товарищу»... Курево здесь редкое счастье. Бойцы из окопов шлют хлеб ребятишкам соседней деревни. Вчера во время ночной бомбежки одна старая женщина усмехнулась: «Ничего они не добьются», – простоволосая, сгорбленная женщина, в городе, где много развалин и много свежих могил.

Барселона, 16 июня 1938

Кто они?

Вчера я провел весь день с итальянскими и немецкими летчиками, взятыми в плен. Конечно, они не похожи один на другого. Имеются среди них и обманутые дураки, и [264] циничные убийцы. Итальянцы болтливы, легкомысленны, благодущны. Повторив наспех несколько заученных фраз, они переходят к девушкам или к погоде. Немцы методичны, пропаганда дошла до их кишок, до их ногтей, до их мозолей. Одно сближает всех – простаков и фанатиков, неаполитанцев и пруссаков: они приехали в Испанию, чтобы воевать против испанского народа, или, как они говорят, чтобы «помочь испанскому народу», но никто из них ничего не знал и не знает об Испании, никто не читал испанских писателей, никто не заинтересовался прошлым этой земли, никто даже не полюбостествовал, какой в ней строй. Один сказал мне, что Асанья – анархист, другой заверял, что Сервантес – генерал.

Это не те люди – голодные, измученные двумя годами войны, которые, купив на Рамбле книжку, жадно ее читают в окопе или в полутемной комнате Барселоны. Это не «красная чернь», как изволил выразиться один из немецких летчиков. Это люди с высшим образованием, гордость двух империй.

Джино Поджи – веселый, смысленный юноша. Ему двадцать два года. Сын адвоката. Он учился в коммерческом техникуме. Потом его призвали на службу, зачислили в авиацию. В декабре 1937 года Джино на аэродроме в Болонье проверял приборы. Было это вечером. Ему сказали: «Завтра утром ты вылетишь в Рим, а потом...» Джино не успел даже попрощаться с родителями. Из Рима – на Майорку, оттуда в Севилью, потом в Логронью. На аэродроме было тридцать итальянских бомбардировщиков. Командовал всеми полковник Винтинчелли, который у себя на родине именуется Купини. Итальянцы усердно бомбили открытые города.

«Скажите, это вам по душе – убивать женщин?»

Джино качает головой:

«Мы все говорили, что это – безобразие. Даже полковник Винтинчелли говорил, что это – безобразие».

Джино морщит свой детский лоб: «Мне прежде жилось хорошо, и я ни о чем не думал. Когда человеку хорошо, он не думает. А теперь...»

Это не абруццкий пастух, это студент из Болоньи. Но я вижу, как в его глазах появляется блеск, и я – свидетель рождения первой мысли в голове этого двадцатидвухлетнего младенца. Он вдруг говорит: «А кто правит?.. Несправедливость...» [265]

Гейнцу Клавери двадцать три года, на вид ему не больше восемнадцати. Берлинец. Курчавый, светлоглазый подросток. Отец его санитар, мать больна. Дома жили плохо. А тут еще пригрозили, что продадут с торгов крохотный домик отца. Гейнц был наборщиком. Но книги не пушки, и в Германии много безработных наборщиков. Пришлось менять ремесло. Гейнц записался на вечерние курсы и стал радистом. Потом ему предложили: «Хочешь в Испанию?» Дело было не столько в возвышенных идеях генерала Франко, сколько в пятидесяти марках, которые Гейнцу дали авансом. Уезжая, он ничего не сказал старикам: боялся их огорчить. На немецком пароходе он добрался до Лиссабона, его направили в Бургос. Ему уплачивали ежемесячно сто пятьдесят марок. Политика его никогда не занимала. Он не читал газет. У него в Берлине невеста. «Я в Испании не поглядел ни на одну девушку...» Он, пожалуй, в Испании вообще ни на что не поглядел. «В Бургосе мы были всегда в своей немецкой компании. Нам подавали немецкие обеды – «зальцкартофель» (вареная картошка)». Вот и все. Фашизм? Демократия? Нет, сто пятьдесят марок и «зальцкартофель».

Вилли Гессе родом из Дрездена. Отец его был коммерсантом. Он приехал в Испанию давно, в октябре 1936 года. Политикой Вилли не интересовался так же, как и Гейнц. Он читал в газете только рубрику спорта. «У меня была мания – летать». Его наняли в пилоты почтовой линии. Он возил корреспонденцию германского «легиона Кондор». Потом ему сказали: «Займись теперь делом. Кончится война, мы дадим тебе постоянное место на линии Севилья – Канарские острова». Что же, Вилли занялся «делом»... бомбардировщик «Хейнкель-111» что ни день бомбил испанские города. На аэродроме Альфаро находились свыше тридцати германских бомбардировщиков – «легион Кондор». Все шло хорошо если не для испанских городов, то для немецких летчиков. Но в марте бомбардировщик сделал вынужденную посадку. Вилли оказался в плену. Прежде он никогда не читал книг. Теперь он начал читать. Он начал даже думать. Это пессимист в стиле Шпенглера: «Европа – ведьмовский шабаш.

Придут желтые и все уничтожат...» Правда, пока что Испанию уничтожают не желтые, но сугубо белые. Вилли сокрушенно вздыхает. «Я не скидывал бомб. Я пилот. А бомбы скидывали другие. А я вам сказал: у меня одна мания – летать...» [266]

Альфонсо Карачиоли взяли три недели тому назад. Да и в Испании он новичок: его прислали сюда в феврале 1938 года. Он из Неаполя. У отца были знаменитые виноградники. Альфонсо – изысканный юноша. Он изучал юридические науки. В душе он мечтал об ином: «Я хотел стать знаменитым летчиком. В летном деле трудно выдвинуться без войны. Вот я и прилетел сюда». Один из предков Альфонсо, по имени Нерон, тоже мечтал о славе и даже поджег, чтобы прославиться, Рим. Скромный Альфонсо решил ограничиться испанскими городами. «Вы что-нибудь знали про Испанию?» – «Как же...Бой быков, серенады...» С таким запасом познаний высококультурный Альфонсо – он говорит на иностранных языках, он знает назубок римское право – начал «освобождать Испанию». Я спрашиваю: «Как вы лично относитесь к бомбардировке открытых городов?» Альфонсо вежливо улыбается: «Как человек я ее осуждаю, но как летчик...» Он не заканчивает фразы. Он начал свою карьеру, он будет «знаменитым».

Перикло Баруфи – сын крупного интенданта. Он родом из Рима. Кончил военную академию. Лейтенант итальянской армии. Находился в Удино. Осенью 1937 года был направлен в Испанию. Летал на «фиате». Аппарат сбили в конце мая возле Балагера. Перикло спасся на парашюте. Он очень вежлив и очень глуп. Южная беспечность придает его идиотическим сентенциям характер веселой арлекинады. Он, например, уверяет, что читал Маркса и что Маркс ему не понравился. «Что именно вы читали?» – «Кое-что. Нам давали в академии. Что такое марксизм? Сейчас я вам объясню. Фабрикант вложил в дело большой капитал и труд. А Маркс хочет, чтобы рабочие подожгли его фабрику». После экономического обзора Перикло переходит к международной политике: «Всем понятно, что Средиземное море – это наше море. Значит, те государства, которые находятся на Средиземном море, должны стать фашистскими. На Норвегию нам наплевать (спешу сообщить эту отрадную весть друзьям норвежцам. – И.Э.)... Другое дело – Франция или даже Англия». Однако международная политика быстро утомляет Перикло. Он только со стыдливой скромностью признанного автора добавляет: «Пока что мы помогаем родному испанскому народу»...

Франсоис Леончини – сын коммерсанта из Витербо. Был

коммивояжером, стал летчиком. У него нет лба. Все [267] остальное примерно на месте: глаза, уши и подбородок. Но лба ему не отпущено. Как легко догадаться, это придает ему вид скорее неодоухотворенный. В Испанию Франсоиса направила некая официальная организация «СИАИ». Понатужившись, Франсоис расшифровывает: «Синдикате италяно аиуто Ибериа» – «Итальянский союз помощи Иберии». «Помогать» Иберии Франсоис начал в апреле 1937 года. «Вы думали...» Он меня перебивает. «Я вообще ни о чем не думал. Думают начальники». Я смотрю на затылок, который переходит в брови, и спрашиваю: «А для чего у вас голова?» – «Только для того, чтобы управлять аппаратом. У начальников головы покрупней. У них головы для того, чтобы думать. Начальники никогда не ошибаются». Трудно говорить с человеком, который гордится тем, что он не думает. Я все же его расспрашиваю о фашизме, о войне, о будущем. Наконец он изрекает: «Когда во Франции фашисты заварят кое-что, мы и туда полетим – надо подсобить. Если все станут фашистами, на море будет спокойно...» Он замолкает. Я думаю о Паскале, который назвал человека «мыслящим тростником»...

Луиджи Мариотти – сын заводского мастера. Он вышел в люди и презирает народ. Он был студентом в Турине, потом стал летчиком. Соблюдая приличия, он называет себя «лейтенантом в отставке». Конечно, он состоял и состоит на действительной службе. Он презрительно отзывается об испанских фашистах: «Лентяи, тунеядцы...» Он говорит прямо: «Я здесь сражался за священные интересы Италии». Когда я упоминаю об убитых женщинах и детях, Луиджи иронически хихикает: «А кто в этом виноват? Республиканцы. Почему они, например, не эвакуируют население из больших городов?» Я ему отвечаю, что в крохотном городке Гранольерс итальянцы убили эвакуированных женщин и детей. Он с удовлетворением улыбается и говорит: «Это красные сами подстроили. Дайте-ка лучше еще папиросу...»

Лео Зигмунд родом из Нейденбурга в Восточной Пруссии. Сын помещика. Ему двадцать девять лет. Он хитро ухмыляется в рыжую бороду. Говорит и что ни слово врет. «Мои родители были людьми небогатыми, я хотел поехать по свету, людей поглядеть, себя показать. Я, например, мечтал съездить в Россию. А меня взяли и не впустили туда. Вот я и приехал в Испанию. Для проверки аппаратов. Ну, конечно, и летал...» Одним словом, [268] перед нами турист, который заинтересовался красотами Севильи и Гранады. Кстати, этот турист – майор и состоит на действительной службе. Если он и помышлял о поездке в Россию, то

отнюдь не в качестве интуриста. Когда я его спрашиваю об Испании, он пожимает плечами. Этот любознательный путешественник вдруг забывает о своем туристическом призвании. «Испания меня не интересует. Я – немец, и только. Самолеты «мессершмитт» – вот это штука!» Он снова смеется в рыжую бороду.

Ганс Карлевский тоже не штафирка. Он родился в Восточной Пруссии. Его отец, увы, – доктор. Зато дядя – генерал от кавалерии. Ганс решил ориентироваться на дядюшку. Он «работал» на «Хейнкеле-111». Свое появление в Испании он объясняет резонами дипломатическими и гуманными. «В начале революции в Барселоне пострадало много немецких коммерсантов. Германия была вынуждена вмешаться». Потом он с удовлетворением вспоминает, как германские суда обстреляли Альмерию, – «это был счет за немецких моряков». – «Но вы убили там женщин». – «Ничего подобного. Я читаю только немецкие газеты. Я верю только немецким газетам». Конечно, он не щелкает шпорами. Он – летчик, у него нет шпор. Но дядюшка, генерал от кавалерии, может быть доволен: племянник пошел в него.

Первое место в ряду «героев» и последнее в моем обзоре по праву принадлежит Курту Кетнеру. Родом из Бранденбурга. Сын архитектора. Бледное лицо, мутные блуждающие глаза. Лейтенант германской армии. Был наблюдателем на «Хейнкеле-111». Один из старейших: приехал в Испанию 12 октября 1936 года. Взят в плен 10 марта 1938-го. Он злобно шепчет: «Наши заклятые враги – русские...» На лбу капли пота. Повторяет катехизис расизма: «Одна раса – одна история...»

«Но немцы здесь сражаются вместе с итальянцами, с испанскими фашистами, с марокканцами. Что же, у всех вас одна история? Вы все одной расы?»

«Конечно, это неприятно. Но, чтобы уничтожить марксистов, можно пойти даже на это... Я не знаю, какие во Франции фашисты... Наше правительство это знает. Если французские фашисты не против Германии, мы поможем и французским фашистам... Надо уничтожить марксистов...» [269]

Он кое-что читал. Это не только убийца, это к тому же пропагандист. Однако когда он берет в руки книгу, он знает заранее, что в ней написано. Он читал Гюго, потому что Гюго «показывает гниение французской нации». Он не читал Льва Толстого и не станет его читать: «Это воняет...» Он переходит к философии:

«Война всегда будет. Я верю в бога, и я знаю, что бог хочет войны. Конечно, не бог из евангелия, а наш бог. Война будет вечно».

Он вытирает рукавом лоб, этот фанатик смерти, задыхается от ненависти. Я спрашиваю: «Вы бомбили испанские города?» Он смеется...

Я сознаю всю ответственность этого рассказа, я ничего не добавляю. Он говорит:

«Опять эти истории с «мухерес и ниньос» (он говорит по-немецки, но эти слова он нарочно произносит по-испански, смеясь, – «женщины и дети») ... Вздор!»

«А Барселона? А Гранольерс? Аликанте?»

«Вздор! Недавно я видел после бомбежки дым, я это видел из окна. Это, наверное, снова дымились мухерес и ниньос?»

...Он опять смеется. Потом он глядит на стенную карту, где флажками проставлена линия фронта, и, весело ощерясь, шепчет: «Ага!» Его мутные глаза – глаза пьяного.

Один из немецких летчиков презрительно сказал об испанцах: «Ну, такие дикари!..» Фашистские самолеты разрушили в Аликанте изумительную церковь эпохи Возрождения. Они повредили в Барселоне университетские лаборатории. Они уничтожили десятки библиотек и школ. Республиканцы устроили на фронте две тысячи пятьдесят школ. Семьдесят шесть тысяч неграмотных в окопах научились читать. Впрочем, не в грамоте дело. Я спросил Карлевского, человека с высшим образованием: «Вы читали Томаса Манна?» Он удивленно ответил: «Что это?» Ни один из пленных летчиков – это все дети зажиточного класса, люди с высшим образованием или студенты – ни один не знал даже имен Веласкеса, Гойи, Лопе де Веги, Кальдерона. Ни один. Притом они отнюдь не стыдились своего незнания, и Перикло Баруфи, представитель золотой молодежи Рима, мне просто ответил: «Мы не знаем того, чего мы не должны знать».

Вот люди, которые уничтожают Испанию.

Барселона, 20 июня, 1938 [270]

Вокруг Лериды

Как известно, фашисты держатся среди развалин Университетского городка, и одна из фашистских радиостанций начинает свои передачи весьма кичливо: «Говорит национальный Мадрид». С большим правом я мог бы в конце этого очерка поставить «Лерида» – я сейчас в Лериде. Если город захвачен фашистами, республиканцы укрепились на левом берегу

Сегре – в заречье Лериды. Развалины трех улиц, театр (среди мусора – клочок афиши: «Завтра премьера»), городской сад, который носит громкое имя «Елисейские поля». Итак, я на Елисейских полях Лериды. Напротив – узкие горбатые улицы старого города. Там фашисты. Тишину летнего полдня изредка перебивают короткие реплики пулемета. Среди искалеченных деревьев чирикает пичуга-сумасбродка. Дома напротив пусты. Я помню приказ генерала Франко: такой-то назначается гражданским губернатором Лериды. Что делает этот труженик? В Лериде было свыше сорока тысяч жителей. В ней не осталось и четырехсот.

Грустен был знакомый путь от Барселоны до этих развалин. Я еще раз пережил горечь мартовского отступления. Сколько раз я приезжал в Лериду с Арагонского фронта! Красивый шумный город казался глубоким тылом. Вон там было кафе. Завсегдатаи спорили о «раскрепощении эроса» или о «свободе воли». Теперь вместо круглых столиков – мешки с песком и пулеметы. Я физически ощущаю потерю территории – обычно так человек, вернувшись на знакомые места, переживает ход времени. Сариньена, Бухаралос, Фрага, Барбастро... Они взяли и это – голый, скудный, жесткий Арагон, который едва успел проснуться после вековой спячки.

Я знал в Лериде парикмахера. Он брил меня каждый раз, когда я возвращался с Арагонского фронта. Весело усмехаясь, он точил бритву и приговаривал: «Самолеты где? Танки? Где город Лондон? Кто бреем лорда Плимута?»¹²³ Он не мог пойти на войну: он был старым кривым Фигаро. Если он не успел выбраться, они, наверное, его убили.

Я знаю – на войне нельзя унывать. Когда Наполеон захватил Испанию, свободной оставалась только Андалусия, и Андалусия победила. Не с унынием – с яростью [271] я гляжу на замок Лериды. Какой был город! Набережные, аркады, фонари. Развалины...

Один француз сказал мне: «Не понимаю, почему фашисты остановились в Лериде. Сегре? Речушка! У Франко загадочные методы». Француз явно склонялся к мистицизму. Конечно, никто не станет спорить, Сегре – речушка. Но фашисты не остановились в Лериде, их остановили. Здесь, вот в этом парке, Испания снова собралась с духом после мартовского удара. Это повторялось не раз. Заглянув в первые дома Мадрида, фашисты принуждены были остановиться на самом пороге столицы. Они пробились к шоссе Мадрид – Валенсия. Казалось, столица через несколько дней будет окружена. Они не смогли окружить Мадрид. Они дошли до Тортосы и не взяли Тортосы. Они не смогли перейти и эту речушку.

Велика здесь сила сопротивления. Я был недавно у Антонио Мачадо. Это – самый крупный поэт старшего поколения. Старый, очень худой, с трудом ходит. Исступленно работает. Живет, как беженец. В городе нет ни кофе, ни табаку. Ночью нельзя спать: лай зениток, грохот бомб. Антонио Мачадо каждый день пишет статьи для фронтовых газет. Он пишет также сонеты, строгие и чистые. Не случайно в решающие дни большой испанский поэт оказался с народом: таковы традиции испанской литературы, таков ее внутренний пафос. Она создала не Фауста, не Гамлета – Дон Кихота. Антонио Мачадо говорил мне о глубоких корнях испанского сопротивления. «Ошибочно думают, что испанцы – фаталисты... Нет, они умеют бороться против смерти».

Вялый артиллерийский огонь. После боев у Балагера на Восточном фронте затишье. Жарко. Стрекогут цикады. Осколок снаряда убил бойца. Красивый, смуглый, курчавый. Товарищи его звали Куррито. Он – андалусец из Сьерры-Морены, пастух. Лицо кажется живым; легкая гримаса, как будто солнце ему режет глаза. Все молчат. Только один из бойцов лопочет: «Я ему обещал рубашку зашить...» Это – весельчак, барселонский портняжка. Он шевелит губами, чтобы сдержать слезы. Они вместе дрались с начала войны.

В бригаде почти все андалусцы: горняки, виноделы, пастухи. Они сначала сражались возле Кордовы, потом на Гвадалахаре. Теперь стерегут берег Сегре. Старый боец-анархист говорит: «В марте было плохо. Валентино [272] помог... Валентино – вот это командир!» Он ухмыляется, вспоминая подвиги Валентино Гонсалеса – Кампесино.

Пушки замолкли. С того берега – крик громкоговорителя: «Сдавайтесь, пока не поздно! Мы заняли Кабельон». У фашистов хорошие громкоговорители – немецкие. Далеко окрест разносится рык победителя. У республиканцев на этом участке нет громкоговорителей. Впрочем, до вражеских окопов рукой подать, и андалусцы не теряются. Комиссар сложил в трубу руки, кричит: «Испанцы, чему вы радуетесь? Что итальянцы взяли еще один испанский город? Но мы отберем Кабельон назад. Не завтра, так через год». Бойцы восторженно подхватывают: «Отберем!» Фашисты молчат. Я спрашиваю комиссара: «Социалист? Коммунист? Республиканец?» Он отвечает: «Нет. Из конфедерации. Анархист». Помолчав, добавляет: «Испанец». Молодой. До войны работал как батрак на виноградниках. Он многому научился. Он рос вместе со своей страной.

Напротив – марокканцы. Это кажется сказкой про белого бычка, и все же это правда: бьют их, бьют; из Африки привозят новых. Недавно одного

взяли в плен. Из Французского Марокко. Лопочет по-французски: «Мсье, я не знаю. Мне дать деньги. Мне сказать стрелять»... Вероятно, при описи иностранцев, которые сражаются в Испании, этого «мсье» лондонские спецы причислят к бесспорным испанцам.

Противник хорошо закрепился. Тонкий заслон – людей у него мало. Республиканские позиции теперь куда сильнее прежних. Особенно радуется дух бойцов – и ветеранов, и новеньких, мобилизованных. Это не победители, это и не побежденные. Это – армия накануне генерального сражения. Каждый понимает, что на карту поставлено все. В окопах чувствуется настороженность. Позади усердно роют укрепления. Все с охотой идут на занятия. Кто сумеет рассказать, как эти люди хотят победы! Они больше не говорят о ней: одни потому, что война сделала их суеверными, другие потому, что им опостытели все слова. Они молча смотрят на тот берег – горячие, сухие глаза.

Снаряд попал в персиковое дерево. Сломанная ветвь с тяжелыми, душистыми плодами. Замечательные в Лериде персики! Мы сидим на корточках, едим, улыбаемся, а сок течет на землю. Портной вдруг говорит: «Куррито любил»... [273]

Позади – нивы, оливковые рощи, еще дальше горы, виноградники – зеленый сад – Каталония. Позади – сотни городов и сел с ранами: мусор, обломки мебели, раскиданная утварь – фашистская авиация. Один боец рассказывает: «В Тортосе всего два дома осталось: остальные разрушены. А что из того? В Тортосу они не вошли...» Он сам из Тортосы: у него была лавчонка детских игрушек.

Каждый день, каждую ночь фашисты уничтожают города Испании. Они думают, что испанский народ не выдержит этой пытки страхом. Они не знают испанского народа. Почему бы итальянскому генералу Бергонцоли не прислушаться к ответу моего комиссара: «Мы отберем Кастельон – не завтра, так через год»? Почему бы Муссолини не почитать на досуге Антонио Мачадо? Испанский народ часто пугался жизни. Он прятался от нее в облака, кочующие над Пиренеями, в сны прошлых столетий, в мглистый полуафриканский зной Ла-Манчи. Испанский народ никогда не страшился смерти, и вся поэзия этой страны от Хорхе Манрике до Антонио Мачадо, вся поэзия, не только та, что в книгах, но и другая – та, что в песне пастуха, в усмешке путника, в скупых слезах девушек, – вся поэзия Испании дышит одним:

Смерть зовет меня в бой.

Я вылью воду на угли.

Я разобью кувшин о камень.

Я пойду против смерти,

Один на один.

Перед тем как захватить Лериду, фашисты бомбили ее день и ночь. Они убили сотни женщин и детей. Потом они ворвались в город и, думая кем-то управлять, назначили гражданского губернатора. Перебежчик с того берега рассказал мне: «Город пустой, как съерра. Все ушли. Я не мог – лежал в жару. Вчера ночью переполз. Помнишь большой дом на площади Паэрия, рядом с гостиницей «Палас», там была кондитерская? На этом доме написано красной краской: «Мы не хотим жить с теми, которые убили наших жен и детей». Это не солдаты написали, это написал кто-то из жителей. Когда уходили...»

Что прибавить к словам, написанным красной краской на пустом доме Лериды?

Курсы для низшего командного состава. Кругом колосья, маки. Зной: испанское лето входит в силу. Третье лето... Майор на грифельной доске чертит разрез фортификаций. [274] Весельчак портной напряженно слушает, он наклонил голову набок: ловит каждое слово. Недели через две он будет капралом.

Восточный фронт, 18 июня 1938

О верности и вероломстве

Вчера фашистские самолеты снова убили 16 испанских детей. Каждый день – детские трупы. У меня перед глазами летчики немцы Кетнер и Карлевский, они открыто хвастали налетами на города. Тем временем во Франкфурте-на-Майне протекал 13-й Международный конгресс по охране детства. Открыл конгресс Геббельс. Французы и англичане сердечно улыбались германским фашистам: они такие симпатичные, эти арийские дяди, они так любят ребятишек, они готовы дать каждому карамельку. Одно обидно, почему не выписали на конгресс несколько германских летчиков из «легиона Кондор»? Это ведь спецы по охране детства. Доклад Кетнера и Карлевского: «Воспитание испанских детей при помощи фугасных и осколочных бомб».

Святой отец в Риме принимает посланника генерала Франко. Святой отец растроган. Что ему дети Гранольерса? Он говорит: «Господь послал генералу Франко счастье возвестить божью волю на земле». Теперь, по

крайней мере, мы знаем, что такое «божья воля» ватиканского мудреца: бомбы, бомбы, бомбы. «Божью волю» несут самолеты с Майорки, и неизвестно только одно, к какому ангельскому чину причислить фашистских летчиков – к архангелам или серафимам?

Правительство Великобритании удручено слишком энергичной охраной детства, слишком рьяным выявлением «божьей воли» и предлагает устроить комиссию. Немцы и итальянцы будут убивать детей, а комиссия будет подсчитывать, сколько детей убито, – того требует больная совесть английских консерваторов. Образовав комиссию, они смогут спокойно спать. Комиссия тоже будет спокойно спать, так как поселить ее решено не в Барселоне, где по ночам рвутся бомбы, а в мирной Тулузе. Однако даже комиссию трудно создать: шведы не хотят без норвежцев, норвежцы не хотят без голландцев. А голландцы вообще не торопятся, зачем им считать, [275] сколько испанских детей убили немецкие самолеты? Они предпочитают считать, сколько голландских коров они продали Германии. Бомбы продолжают сыпаться на города и села Испании.

Я хочу сейчас рассказать о народе, родном Испании, о народе, который не раз в истории показал себя горячим, отзывчивым, великодушным. Когда приезжаешь из Фиге-раса в Перпиньян – те же люди, они говорят на одном языке, у них одинаковые виноградники. Нет, не отречься Франции от родства с Испанией! Французы, жители Перпиньяна, Баньюльса, Колиура, с мукой следят за уничтожением Испании. Народ несет братьям по ту сторону границы большие хлебы, кульки с сахаром, сгущенное молоко для детей. Народ... но мы будем говорить не о народе.

Какие-то шутники говорят о «закрытии французской границы». Ее нельзя было закрыть, она была закрыта. Можно было только пойти еще дальше – дальше лорда Плимута, дальше Чемберлена. 17 июня французские таможенники получили новый циркуляр: удесятерить бдительность. Что к этому добавить? Что однажды не был пропущен вагон с проволокой? Что французские талмудисты долго гадали над тем, являются ли лопаты смертоносным оружием? Тем временем по морю в Кадис, в Виго, в Малагу, в Бильбао идут суда из Италии и Германии с самолетами, с орудиями, с бомбами, с солдатами. Французское правительство удесятерило бдительность: вдруг прошмыгнет грузовик в Барселону! Тем временем...

Мне хотелось бы поставить ряд неделикатных вопросов лорду Галифаксу¹²⁴. Известно ли ему, например, что в течение мая 11 тысяч тонн военного снаряжения проследовало из великобританской колонии (которую мы по привычке называем независимой Португалией) в Испанию генерала

Франко? Известно ли ему, что на португальских станциях Эворе, Коимбре находятся огромные склады германской амуниции, предназначенной для генерала Франко? Впрочем, вряд ли лорд Галифакс станет отвечать на мои вопросы. Он ведь не отвечает даже на вопросы герцогини Атольской... Так или иначе, французское [276] правительство решило проявить сугубую бдительность. Возможно, что банки со сгущенным молоком вскоре будут тоже отнесены к боеприпасам.

Германские летчики, с которыми я недавно беседовал, объяснили мне, что германская авиация работает предпочтительно на севере Испании. Немцы народ северный, и знойной Андалусии они предпочитают Пиренеи. Кстати, Пиренеи – это французская граница. Еще недавно французы считали, что во время войны район Тулузы будет глубоким тылом. Теперь мы знаем, что этот «глубокий тыл» находится в ста километрах от германских аэродромов.

Итальянские летчики говорили мне: «Придется скоро побомбить и Францию». Это народ экспансивный: что думают, то говорят. А французы озабочены одним: зачем республиканцам понадобилась проволока? Может быть, чтобы не пропустить итальянцев в Валенсию? Ай-ай-ай! Какие они беспокойные! Мы ведь за невмешательство...

Я могу рассказать о многом другом. Прошлой осенью из департамента Нижней Шаронты выслали испанских беженков. Они сказали: «Мы хотим ехать в Барселону». Им дали бумажку, на которой было сказано, что они хотят ехать в Бургос. Женщины были неграмотными и поставили внизу крестики. Это о чувствах. Можно поговорить и об интересах. В Андорре имеется электростанция, которая снабжала Каталонию энергией. Андорра – государство еще более независимое, нежели Португалия, – в ней стоит сотня французских жандармов. Станция к тому же принадлежит французам. Недавно станция перестала отпускать энергию в Каталонию...

Фашистская газета «Гренгуар» объявила конкурс: «Когда генерал Франко возьмет Барселону?» Читатели должны угадать радостную дату. Счастливец получит 50 тысяч франков (марками? лирами?). Открыт тотализатор: фашисты, облизываясь, кто на Барселону, кто на денюжки, шлют ответы. Там люди борются, там гибнут женщины, дети. А эти низкие души играют в орлянку на человеческие жизни.

Недавно в Перпиньян привезли 40 испанских детей. Жители встретили их ласково, принесли сдобные булочки, шоколад. Один только человек в хорошем костюме с мутными глазами сказал: «Зачем пускают во Францию

эту заразу?» Я знаю, что народ не ответствен за таких [277] негодяев, но он ответствен за то, что голоса негодяев, изменников, убийц иногда заглушают голоса народа. Я буду бестактным до конца. В 1917 году Барселона дала французским художникам 300 тысяч золотых франков. В 1918 году немецкие «берты» громили Париж. Тысячи парижских детей нашли приют в Барселоне. Было время, когда Порт-Бу был мирным поселком, а в Сербере плакали вдовы. Теперь Испания задыхается в кольце блокады. Худые, бледные дети – восьмушка хлеба. Во Франции газеты встревожены: предвидится хороший урожай, избыток хлеба. Что делать? Одна газета предлагает денатурировать пшеницу, обратить ее в корм для свиней.

На этом можно кончить. Одна тема волнует теперь людей по разным причинам на разных концах света. Это тема писателя. Это тема каждого. Это страшная тема: о дружбе и о предательстве, о верности и о вероломстве.

Перпиньян, 30 июня 1938

Барселона в июне 1938

Каждую ночь фашистские самолеты нападают на Барселону. Несколько разрушенных домов, несколько убитых. Люди просыпаются, поворачиваются на другой бок и засыпают: завтра надо работать, а июньская ночь коротка.

Сейчас «Неделя книги». На улицах киоски различных издательств. Девушки бойко торгуют военными учебниками, романами, стихами. Вот женщина покупает новинку – «Битва на Марне». Боец с фронта выбрал сборник стихов Гарсия Лорки.

В самом сердце Барселоны – десятки разрушенных домов. Спиралями свисают лестницы, распотрошенные комнаты шестого или седьмого этажа показывают прохожему приплюснутую кровать, стенные часы, детский стульчик. Неподалеку, в маленьком еще не разрушенном доме, искусный ремесленник делает макет разрушенного квартала для выставки в Лондоне. Это мастер, преданный своему делу. Прежде он изготавливал другие макеты: он воссоздавал храмы Греции, арены Рима, разрушенные временем. Теперь он старательно передает трагедию родного города. Гипсовый макет кажется невыносимо хрупким. [278] Он может этой ночью рассыпаться. Ведь в соседних домах давно нет окон. А вокруг – дети, хрупкие, но неизменно веселые дети Барселоны, хрупкие дети вокруг хрупкой игрушки...

На площади Каталунья сквер. 19 июля 1936 года по этому скверу ползли рабочие, штурмовавшие гостиницу «Колумб». В сквере – стулья; если

сядешь, надо заплатить десять сантимов. Кругом – развалины. Но старуха аккуратно взимает десять сантимов, выдает билетки. Что можно теперь купить на десять сантимов?.. В сквере – голуби. Какие-то старики приносят им крошки хлеба – птичий паек от скудного человеческого пайка. Бомбы падают на Барселону, но голуби не улетают.

Я дал двум девочкам плитку шоколада. Они позвали других; плитка была поделена между одиннадцатью ребятами. Когда я вспоминаю о том кусочке, который достался каждому, мне становится не по себе.

Жизнь продолжается. Большой рабочий город не хочет сдаться. По ночам фейерверк: прожекторы, разрывы снарядов, бомбы. Дрожат стекла там, где стекла уцелели. Рано утром из парков выходят первые трамваи; люди спешат на работу. Стучат станки. В магазинах хозяйки покупают бумагу от мух, чашки, лампы. В филармонии репетиция концерта классической музыки. Школьники зубрят теоремы. Дантистка успокаивает пациента: «Это не больно»... Влюбленные в парках ссорятся, мирятся, целуются. Перед барскими особняками крохотные огороды. Солнце принесло салат и черешни. Квартал песен и рыбаков, веселая Барселонета, уничтожен итальянскими самолетами. На Рамбле – ларьки с цветами, и никогда, кажется, в Барселоне люди не покупали столько цветов. В газетах объявление – черная рамка – «погиб при бомбардировке».

Судьба Барселоны разворачивалась на наших глазах. Кто забудет ночи первого лета войны? До рассвета на Рамбле люди пели. Город рвался к счастью, бредил, кричал. Той Барселоны больше нет. Изуродованный город остался прекрасным. Он не научился улыбаться. Он научился ненавидеть.

Мужчины ушли воевать, женщины стали токарями, сплавщиками, механиками. Старые рабочие, кончив работу, учат женщин. Они ничего за это не получают: они хотят победы. [279]

Рехине Агиле семнадцать лет. Хорошенькая веселая девушка. Еще недавно она была модисткой. Теперь она учится работать на фрезерке. Пять братьев на фронте. Рехина, по-детски улыбаясь, говорит: «Надо выиграть войну».

Одна из женских школ уже выпустила сто восемнадцать квалифицированных работниц. Школ много. Эльвира Риго работала в Париже у Ситроена. Там вдоволь хлеба и там нет ночных тревог. Она приехала в Барселону. Утром на заводе, вечером в школе:

– Что мне там делать? Я испанка...

Витории Гурьерес двадцать шесть лет. Она была ткачихой. Теперь работает на оборону. Ее муж на фронте. Отец на фронте. Брат на фронте. Она говорит, не отрываясь от работы:

– Им нужны снаряды...

Тридцать четыре девушки. Они учились три месяца в техникуме. Теперь они работают в автомобильном парке. Ни одного мужчины. Сюда привозят негодные грузовики. Девушки разбирают мотор, заменяют части, собирают. Каждый день десятки грузовиков уходят отсюда к Лериде или к Тортосе. Тересе Грульес двадцать один год. Ее отец служащий; брат на фронте. Она с гордостью показывает инструменты:

– Мы тоже воюем...

Эти девушки сродни Барселоне. Они по-прежнему приветливы, проворны, смешливы. Свой грустный обед они едят, как праздничную трапезу. Они покупают на Рамбле цветы. Они пишут бойцам горячие сумасбродные письма, письма, полные тоски, ревности, нежности и веры в победу. Они работают серьезно, ожесточенно, непримиримо.

Я знаю, что муж Фелисидад Хименес убит возле Тремпа. Но она не говорит мне о своей горе. Она старается быть веселой. Это мужество ребенка – ей девятнадцать лет. Она хорошо работает на заводе, все ее хвалят.

– Нужно много снарядов. Много, очень много. Ее детское лицо вдруг становится жестким.

Испанская женщина ненавидела войну. Суеверно она страшилась оружия. В пьесе Гарсиа Лорки «Свадьба крови» женщина прокликает все, что несет мужчине смерть: [280] «Нож? Пусть будет проклят тот, кто его выдумал! Пусть будут прокляты ружья и пистолеты, самое маленькое лезвие, даже топоры и вилы! Пусть будет проклято все, что может ранить тело человека, который идет, молодой, в оливковую рощу!..»

Недавно итальянская бомба попала в кладбище; далеко окрест разлетелись кости мертвецов. Вчера бомба разрезала высокий дом. За час до этого женщина родила. Погибли и роженица, и новорожденный. В окне – клоч простыни. Но это не белый флаг. Барселона не сдастся. У нее сейчас не только улыбка, не только розы Рамбле, но и та жесткость, суровость, которые я увидел на лице ребенка-вдовы.

июнь 1938

В деревне

Пять часов утра. В полях уже идет работа: женщины убирают хлеб. Девушка, увидав фотоаппарат, застыдилась. Старик смеется:

– А ты возьми в руку колосья... Я в кино видал – одна американка ходила с колосьями...

Сейчас убирают «ардито» – скороспелую пшеницу. Едешь по Испании – в каждой деревне развалины. Но поля повсюду возделаны, засеяны. Когда мужчины ушли воевать, среди колосьев зазвенела долгая женская песня.

Молодых мужчин в деревне не найти. Женщин и ребят больше прежнего: каждая деревушка приютила беженцев. Вот несколько цифр из записной книжки:

Ухихар, провинция Гранада: 3012 жителей, 804 беженца.

Онтанар, провинция Толедо: 579 жителей, 119 беженцев.

Кастильбланко, провинция Бадахос: 1 053 жителя, 219 беженцев.

Камарма-де-Эстеруэлас, провинция Мадрид: 580 жителей, 290 беженцев.

Пуидж Верд, провинция Лерида: 1 155 жителей, 210 беженцев.

Войдешь в крестьянский дом. Девчонка одета нарядней других детей. Незачем спрашивать – чужая: из Мадрида [281] или из Лериды. Детей-беженцев все балуют, несут им персики, черешни, оладьи.

Деревня Пуидж Верд находится в 12 километрах от линии огня. 182 человека на фронте. Старик несет беженцам мешок гороха.

– В Испании мало земли осталось для испанцев. Видишь, эти из Фраги. У них тоже была земля...

Пуидж Верд недавно бомбили немецкие самолеты. Час кружили они над деревней. Разрушили несколько домов, убили старика и двух женщин, восемь человек ранили. Старик – тот, что нес горох, – грустно усмехается. Это философ, весь высохший, седой, беззубый.

– Священник прежде говорил: «Уповайте, он пошлет манну небесную». Послал... А священник удрал к фашистам. Наверно, теперь молится на эту самую манну. В прошлую субботу наши одного сшибли. Вот на кого уповаем – на «мух» и на «курносых»¹²⁵.

Пшеница – до горизонта. Можно подумать, что это где-нибудь на Кубани. Чудесная люцерна, оливы, табак. Земля здесь щедрая, теперь она кормит всех. В Пуидж Верде было 112 семейств безземельных. 68 получили наделы, 44 образовали коллективиад – артель. В окопах Лериды я встретил бойца из Пуидж Верда. Он сказал:

– Если не убьют, заживем. Ты видел, какая она?.. Он даже не прибавил: «земля». Такой знает, за что идет на смерть.

Алькальд – приземистый, косолапый крестьянин. Он, занят теперь сбором урожая. Урожай на редкость хороший. В прошлом году собрали 480 центнеров пшеницы, теперь соберут никак не меньше 1000 центнеров.

Альгвасил – деревенский глашатай – ходит по деревне с рожком и кричит:

– Все, кто не могут сами убрать хлеб, должны заявить об этом алькальду. Алькальд пришлет людей.

Алькальд послал альгвасила, но, сказать по правде, алькальд и сам не знает, откуда взять обещанных людей. Мужчины – на фронте: роют укрепления. А тут еще скоро молотить... В деревне три молотилки, но нет ни энергии, ни трактора.

– Конечно, что укрепления строят, это правильно. Зачем собирать хлеб, если те придут?.. Но у меня своя [282] забота. Меня кто выбрал? Крестьяне. Потом без хлеба не повоюешь...

Алькальд сидит озабоченный. На столе списки мобилизованных, книга для записи браков, рыжее седло и портрет молодого Горького. Наконец, он что-то придумал:

– Подвези меня.

Мы едем в полевой штаб бригады X. Алькальд объясняет комиссару:

– Такие дворы есть, где одни женщины...

Комиссар расспрашивает. Можно ли представить себе алькальда деревни, занятой фашистами, который, размахивая широкими, узловатыми, как корни дерева, руками, говорил бы фашистскому полковнику:

– Слушай, надо подсобить. Потом насчет трактора... Тебе легче достать, а мы в два дня обмолотим.

Комиссар, подумав, соглашается:

– Завтра с утра пришлю ребят. Сорок хватит? Трактор достанем.

Комиссар угощает алькальда папиросой. Трудно, ох, как трудно с табаком!

– Табак в этом году неважный. Зато пшеница замечательная. А как у вас с укреплениями?

– В порядке. Вчера оттуда двое перебежали...

Они говорят друг с другом, как старые приятели. Они никогда прежде не встречались, но алькальд знал, что может прийти к комиссару и тот, несмотря на военные заботы, войдет в его крестьянское дело. В этом все отличие республики от фашистской Испании, в этом залог победы республики.

Полдень, поля опустели – зной немилосердный. Я обедаю в крестьянской семье. Суп, потом фасоль с салом, потом салат. Кофе (только сахара нет). Хлеба много, и хлеб хороший. Говорят о политике:

– Мы слушали Негрина по радио. Плохо было слышно, но говорил он правильно. Если те придут, куда нам податься?..

Этому лет шестьдесят. Три сына на фронте. Потом он спрашивает меня:

– Какой у вас в России табак?

У него полполя отведено под табак, и он расспрашивает как специалист. Пришел алькальд:

– Слушай, у вас в Барселоне с этим туго... Я тебе дам курицу. [283]

Тревога: вражеская авиация. Альгвасил не доиграл партии в домино.

Он жалуется:

– Боюсь. Я где только не был? Во Франции был, в Италии был, в Мексике был. Я моря не боюсь, землетрясения не боюсь, ядовитых змей не боюсь, честное слово! А вот этого боюсь.

Альгвасил – болтун. Впрочем, у него такое ремесло. Ему под пятьдесят, он недавно женился и, видимо, счастлив. Конечно, не будь этих «юнкерсов»!..

– Теперь у нас нет больше ни одного безземельного. Только я безземельный. Но как я могу возиться с землей, когда я занят государственными функциями? Конечно, алькальд – глава Пуидж Верда, но он сидит и думает, а я объявляю. Следовательно, я – язык алькальда. А на что годен человек без языка?

Ночь. Один из беженцев рассказывает:

– Они прошлым летом зажигательные бомбы кидали. Двести фанег¹²⁶ пшеницы сожгли.

Алькальд бормочет:

– Хоть бы комиссар не подвел!

Комиссар не подвел: с утра в полях бойцы бригады Х. Это – кастильские

крестьяне. Они работают на совесть: на несколько часов они вернулись к любимому делу.

Армия республики – на три четверти крестьянская армия. С оружием в руках крестьяне защищают свою землю. Но и те, что в тылу, сражаются: они не хотят отдать врагу ни одной скирды. Они сеют под артиллерийским огнем, и я знал в Съетамо крестьянку, которую убила бомба, когда она жала полосу. Прошлым летом я попал в деревню Вальдеморилю – это возле Эскуриала. По приказу военного командования деревня была эвакуирована. Крестьяне поместились в брошенных бараках. Стоял сухой, горячий июнь. Снаряды громили домишки Вальдеморилю. Но каждый день – только вставало солнце – крестьяне подымались к линии огня: они убирали хлеб. Я был позавчера в каталонской деревушке Алькалечос. Деревня пуста: она под огнем неприятеля. Крестьяне ушли в тыл. Но с утра поля оживают. Наперекор пушкам женщины спокойно режут колосья. Я знаю, многие скажут: «инстинкт». Не будем играть словами. Это тяжелая крестьянская работа – из века [284] в век, и это – мужество высоких, худых, чернобровых женщин.

Я видел, как снаряд вырвал клоч нивы. Это было мучительно, сам не знаю почему. Часто я видел, как снаряды ломают деревья, крошат дома, взрывают землю. Но вот это черное пятно среди колосьев казалось раной на живом теле. Может быть, виной тому воспитание? В детстве, когда я ронял кусок хлеба, мне говорили: «поцелуй». Хлеб был образом труда, тяжелого и высокого.

Какая в этом году пшеница!.. Неподалеку от свежей раны девушка вяжет снопы. Вечереет. На западе небо цвета красного вина: багрово-лиловое и густое. Иногда ветер доносит короткую дробь пулемета.

Барселона, июнь 1938

Во весь голос

Два года живут врозь две Испании. Одну я знаю хорошо. Я изъездил ее от края до края. Я видел ее в дни первых надежд. Я видел ее и когда она узнала меру человеческого горя. Другую Испанию я знаю только по столбцам газет, да еще по рассказам беженцев, путаным и торопливым, – человек, убежавший от смерти, всегда боится чего-то недосказать.

Недавно на несколько часов я очутился в той, другой Испании. Крестьянский дом; я знаю такие дома. Большой камин, женщина в черном, на беленой стене – распятие. Те же дома, те же женщины... Эта была старой и глухой. Меня привел к ней Антонио. Я не знаю, как уцелел этот

человек. Антонио сказал:

– Они убили ее сына. Его убили рекете. Там, где мы шли, возле «Каса Роса». Он лежал и ругался. Она не знала, а когда она пришла, он был уже мертвый. Они ее оставили здесь потому, что она очень старая.

Старуха смотрела то на него, то на меня. Антонио крикнул ей в ухо:

– Они тебя оставили потому, что ты очень старая!

Она радостно закивала головой:

– Да, очень старая.

Потом она сжала острыми пальцами черный платок: [285]

– Он не был старым. Он был молодым.

Она громко заплакала. Антонио поднес к губам палец: гвардеец. Я посмотрел в щели ставень, никого. Вдали слабо затенькал колокол. Антонио крошил сухой хлеб и рассказывал.

– Здесь его все боятся. Он грозит: «Я девятнадцать лет на службе, меня не проведешь...» Я был в Элисондо на ярмарке. Там тоже никто рта не раскроет, боятся фалангистов. А фалангисты боятся рекете. Да, верно, и рекете кого-нибудь боятся! Зайдешь в кафе, все смотрят, кто пришел? Мне один прямо сказал: «Я только с женой говорю, и то страшно. Я сам из Вильмедианы». Это маленькая деревушка, сто шестьдесят душ. Они расстреляли двадцать девять. Вот и боятся. Я тебе говорю – дышать боятся.

Я мало увидел в той, второй Испании, но мне кажется, что я прожил в ней долгие месяцы: я дышал ее воздухом. Это – тот воздух, которым нельзя дышать.

Вечером из Андаля видны яркие огни Ируна и Фуэнтарраби, фашисты не боятся воздушных налетов. В Сан-Себастьяне казино, кабаре, роскошные рестораны, музыканты в красных фраках, дамы в сандалиях, с ногтями на ногах, выкрашенными в багровый цвет, дипломаты, курящие гаванские сигары. Когда попадаешь в Порт-Бу, сразу темнота, развалины, хвосты возле булочных. Ирун – парадный подъезд, Порт-Бу – черная лестница. В той, второй Испании много хлеба, много люстр, много мундиров. В той, второй Испании нет одного: воздуха. Глаза людей, которых я там видел, похожи на глаза рыб, выхваченных из воды: это – муть удушья.

Вторая Испания? Бар «Гамбринус» с немецким пивом и с немецкими хамами, которые за несколько песет покупают испанских девушек. Одну ночь они убивают женщин Барселоны, другую – измываются над

женщинами Бильбао. Вторая Испания? Наварра с ее одиннадцатью тысячами расстрелянных. Наварра и наваррская деревня Перальта. В Перальте четыре тысячи жителей. Они расстреляли девяносто. Они расстреляли в Перальте одного человека и его дочь. Он молил: «Убейте сначала ее». Он знал, о чем просит. Они сначала убили его, потом они изнасиловали девушку, а изнасиловав, убили ее. Это – та, вторая Испания. Наемники старого охранника Мартинеса Анидо рыщут по деревням. На заводе «Патрисия Чиверсия» триста пленных изготавливают бомбы, те самые [286] бомбы, которыми итальянцы убивают детей. Немецкий инженер отмечает в книжечке, сколько всыпать нерадивому горячих. Панихиды. «Вива дуче», ночь, расстрелы, тишина. «Я только с женою говорю, и то страшно...» Та, вторая Испания? Крестьянский дом, распятие на стене и глухая старуха, которая не смеет плакать над расстрелянным сыном.

На французскую границу пришли недавно четыре человека в лохмотьях. У одного была прострелена нога, другой был ранен в шею. Люди были вооружены – пулемет, автоматическое ружье, винтовка, два револьвера.

– Мы из Астурии.

Один, ему девятнадцать лет, тихо попросил:

– Хлеба.

Они не ели перед тем трое суток. Они вышли из Астурии 6 мая. Пятьдесят два дня они шли по горам. Их было семеро, и четверо из семерых дошли до Франции. Хосе двадцать пять лет. Это красивый смуглый испанец. До войны он был кочегаром. Он сражался вместе с горняками Миереса. Когда фашисты захватили Астурию, Хосе не сдался, он ушел в горы. Там он встретил товарищей. Горы Астурии неприветливы и пустынные, но теперь эти горы ожили, по ним бродят партизаны. Крестьяне несут им хлеб, молоко, яйца. Та, вторая Испания? Это не только бар «Гамбринус», это еще люди в горах, которые не сдаются.

Хосе решил пробраться во Францию, а оттуда в первую, настоящую Испанию. Они ждали весны, в горах было чересчур много снега. Они вышли в путь навьюченные, каждый нес поклажу в двадцать пять кило. Был май, но на перевалах еще лежал глубокий снег. Они вязли в снегу. Они шли и шли. Один не выдержал, отстал. Шестеро шли дальше. Я смотрел с Хосе карту, они блуждали, обходя заставы и караулы. Они пересекли Овьедо, Леон, Бискайю, А лаву, Гипускоа, Наварру. В пятьдесят два дня они прошли свыше тысячи километров.

10 июня на горе Горбейя их окружил отряд гражданской гвардии. Бой

длился больше часа. Астурийцам удалось прорваться. Пять дней спустя они отдыхали в горах возле Толосы. Двести гвардейцев и рекете окружили астурийцев. Один вскочил босой, он так и не успел обуться. Он шел босиком две недели, он перешел босиком Пиренеи. Хосе убил одного гвардейца. Но фашистов было [287] много, кольцо смыкалось. Я не называю живых: у них остались семьи в той, второй Испании. Я назову только мертвых. Гвардейцы убили Хустино Мартинеса, астурийского крестьянина. Они тяжело ранили бывшего командира 2-й бригады Уральдо Родригеса. Уральдо Родригес не мог идти дальше. Он отдал ружье Хосе и застрелился: он не хотел даваться живым в руки врага. Пуля пробила ногу Хосе, но Хосе не переставал стрелять. Двести тех, четверо этих, и четверо победили.

Они шли дальше. 22 июня в горах Наварры над Элисондр астурийцы столкнулись с отрядом фалангистов. Они снова выдержали бой. Два дня спустя возле поселка Урепель они увидели французского пограничника. Хосе едва шел, его раненая нога распухла, но он крепко сжимал ружье.

– Я хочу в Барселону, в Испанию, на фронт!

Я видел его в госпитале. Вокруг был мир, море, виноградники, розы. Он повторял: «Скорей бы туда...»

Вот она, настоящая Испания! Нет двух Испании, есть одна, бесстрашная и бессмертная. Эти четыре астурийца – ее дети. Они пришли сюда из той, второй Испании. В пути они видели лачуги, треугольники гвардейцев и женщин в черном. Они видели также человеческое тепло. Рискуя жизнью, крестьяне давали астурийцам хлеб, сыр, вино.

Темны ночи Испании. Воят сирены, грохочут бомбы. Потом светлеет небо, голодный рассвет среди мусора и битого стекла. Да, но здесь люди громко говорят, они мечтают, спорят, судят. Здесь нет ни гнусного шушуканья доносчиков, ни шепота запуганных. Люди здесь не боятся друг друга, они все в осажденной крепости. Голод и фашистские бомбы скрепили новое братство. Прежде солдатам считали месяц в осажденной крепости за год. За сколько веков история зачтет испанскому народу эти два невыносимых года?

19 июля 1936... Барселонцы руками берут пулеметные гнезда. Безоружный народ Мадрида штурмует казармы Монтанья. Потом пришли итальянцы. Потом прилетели «фиаты», «юнкерсы», «хейнкели», «савойи», «мессершмитты». Испанский народ защищался, как мог. Он защищается и сейчас среди мертвых садов Леванта. Он не [288] хочет жить так, как живут

люди в деревне, где я недавно побывал: он не хочет жить шепотом. Он хочет жить во весь голос.

Андай – Барселона, июль 1938

18 июля 1938 года

Испании не до праздников. Крохотные бумажные флажки: дорог каждый аршин материи. Короткие, отрывистые речи: дорога каждая минута. Да о чем говорить? Давно брошен жребий, давно выбран путь. Там, в Леванте, идет бой насмерть: когда-то веселая Валенсия хочет сорвать с шеи наброшенную петлю. В Барселоне, не замирая ни на минуту, работают заводы. Бойцы учатся. Это – жизнь за шаг до атаки.

Душны южные ночи, трудно уснуть. Как уснешь – все равно разбудят. Всю ночь сегодня отчаянно орали зенитки, ревели боевые бомбы, и небо было полно гудков. Я живу высоко – на седьмом этаже. С балкона я глядел на фейерверк: прожекторы, как красные диски, снопы дыма. Потом закричал петух, и по улице пронеслась санитарная машина.

Сейчас я увидел, что они сделали: они на славу отпраздновали их праздник – два года убийства. С Майорки прилетели десять итальянских бомбардировщиков. Разумеется, они преследовали только военные цели. Для этого они убили восемь детей и изувечили древние камни. Они ненавидят эту страну: они хотят уничтожить ее будущее и ее прошлое.

Я был на узкой улице старого города. Там не проехать автомобилю. Темные дома, дети, кошки... Женщины толпились, прижимая к себе живых ребят. Сверху скидывали камни, и пыль вокруг развалин казалась дымом. «Еще одного...» Из-под камней вытащили ребенка. Это страшные раскопки: седой старый человек выгребает из-под камней ребенка, может быть, своего сына. Отцы меня поймут. Я не добавлю ни слова.

Я знаю, что человеколюбивых англичан этими строками не проймешь: они тоже отцы, но, вероятно, других, [289] неприкосновенных детей. Я все же скажу им – не о детях, а о камнях.

Есть камни, которые дороги, как люди. В Барселоне изумительный собор XIII – XIV вв.: романское зодчество, готика и предчувствие Возрождения. Этот собор – каменная летопись. Видя камень, я всегда дивлюсь: искусство хрупко, как жизнь ребенка, который задохся под камнями. Как уцелели эти колонны, порталы, корабли, статуи!

Сегодня под утро итальянская бомба пробила крышу собора. Вот разорвано каменное кружево оконца, вот осколки витражей, вот пыль

вместо колонн: труп собора, смерть камня, конец искусства.

Этот собор пощадили века. Его обошли войны. Перед ним склоняли головы завоеватели. Народ простил ему торжество и злобу священников: народ знал, что прекрасные камни не отвечают за низость торгашей. В июле 1936 года, когда Барселона горела ненавистью к иезуитам, которые превратили церкви в фашистские арсеналы, в эти беспокойные дни гнева и надежд, ни одна рука не посягнула на собор. О нем говорили: «Это наше...» Искусство – чье оно? Ревнителем одной секты, владельца одной галереи или оно всех, как воздух? Кто изувечил собор Барселоны? Католики – две недели тому назад их благословил папа. Итальянцы. Фашисты. Люди, которые непрестанно твердят о национальных святынях, о традициях, о прошлом. Они расплатились с собором, как с ребенком, – с прошлым, как с будущим. Дикари. Они прилетели из страны Донателло, Леонардо да Винчи, Веронезе. Но это дикари. Их надо отделить от человечества: не то такие черные, душные ночи станут последними ночами Европы.

Но я хотел сказать англичанам о соборе. Вы колесите по миру с бедкерами, в которых перечислены диковины, все, что народы создали потом и кровью, все, над чем мучились художники. Вы любопытны, вы любите красоту. Так вот: этот собор помечен в ваших бедкерах двумя звездочками как чудо средневековья. О нем на вашем языке имеются ученые монографии. Я видел вас в Барселоне до войны. Вы проезжали по узким улицам, вы любовались собором. Может быть, эти обломки вас смутят. Если вы не вступились за детей, которых вытаскивают из-под обломков (не ваши дети), если вы не вступились за Испанию (не ваша земля), может [290] быть, вы вступитесь за собор, за прошлое человечества, за то искусство, которое не знает границ! Спешите, пока на этой вдохновенной земле еще остались камни, не тронутые смертью!

Барселона, 19 июля 1938

Сражение в Леванте

Три месяца длится сражение за Валенсию, самое ожесточенное сражение этой войны. В первый период наступления фашисты с боями продвигались по побережью. Корпус генерала Аранды занял Кастельон и Бурриану. Республиканцам удалось его остановить. Тогда противник повел атаку на дорогу Теруэль – Сагунто. Ему удалось захватить Саррион и Барракас. Это создало серьезную угрозу для республиканских частей, еще удерживавших Мора-де-Рубьелос. Фашисты уже слали за границу телеграммы об окружении республиканского корпуса, говоря, что не сего дня-завтра они

захватят большое количество войск и трофеев. Однако республиканское командование вывело из мешка все части, вывезло все снаряжение. Такая операция свидетельствует о большом опыте командиров республиканской армии, о выдержке и дисциплине ее бойцов.

Противник нажимает на юго-западе от Теруэля, стремясь выйти к Сегорбе. Он сосредоточил здесь крупные силы. Если на всем фронте сражения находится до 250 тысяч фашистских солдат и 100 батарей, то на узком фронте, где последние дни происходили особенно жестокие бои, противник располагает 120-130 тысячами солдат и 40 батареями. Здесь ведут атаки: фашистский корпус генерала Варелы, корпус «Турия» (название по имени реки, протекающей в этом районе), находившийся прежде в резерве, наконец, итальянский корпус.

В связи с идиллическими разговорами в Лондоне о выводе иностранных «добровольцев» небезынтересно отметить, что в настоящем сражении участвуют все итальянские части, находящиеся в Испании: дивизия «Литторио» (17000 штыков), дивизия «23 марцо», дивизия «Стрелы». Авиация интервентов также целиком сосредоточена на этом фронте. За последнее время бывают дни, когда действуют 450, даже 480 фашистских самолетов. [291]

Следует напомнить, что интервенты обладают достаточным количеством боеприпасов для своей артиллерии.

При таких условиях республиканцы без всякого преувеличения могут быть названы исключительно стойкими. В марте фашисты быстро продвигались вперед при помощи авиации и артиллерии. За исключением некоторых частей республиканцы тогда отступали без пехотного боя. Теперь противник дорого оплачивает каждую пядь земли. Пулеметным огнем республиканцы косят наступающих. Ряд фашистских частей уничтожен. Республиканцы проявляют боевую инициативу, то и дело прибегая к небольшим контратакам. Обычно эти контратаки направлены на высоты, которые неприятель только что занял и еще не успел укрепить. Таким образом, потери республиканцев относительно невелики.

В течение последних двух дней неприятель проявляет особую активность, готовясь к новым атакам. Он оголил Центральный, Южный, Каталонский фронты, оставив повсюду тонкие заслоны. Как азартный игрок, забыв о благоразумии, он все поставил на левантскую карту.

Республиканцы обладают большими человеческими резервами, и сопротивление, подлинное сопротивление, которое началось три месяца

тому назад, с успехом может длиться месяцы и месяцы. В итоге настоящего сражения противник будет осужден на длительное бездействие. Сейчас еще невозможно сказать, где именно он будет остановлен, и удастся ли ему оправдать перед своим тылом взятие крупного политического пункта путем обескровления своей армии. Это зависит от количества самолетов, которые интервенты продолжают привозить в Испанию, а также от нервов республиканских бойцов.

На долю последних выпало труднейшее испытание: они защищают Валенсию от врага, технически прекрасно оснащенного. Названия мелких деревушек Теруэльской провинции могут войти в историю наравне с именем Мадрида. Апельсиновые рощи между Бурриано и Сагунто являются той ареной, на которой испанский народ еще раз показывает миру свое мужество.

Барселона, 20 июля 1938 [292]

Две притчи

I

Когда-то я не доверял притчам, теперь я знаю, что они правдивы, как голод или как боль.

Я помню огромный зал в Париже. На трибуне стоял Жак Дорио. Он не был согласен с решениями партии. Он говорил:

– Я коммунист и никогда не предаю дела рабочих! Наш спор – это спор о деталях...

На следующий день фашистская газета писала: «Жак Дорио произнес блестящую речь...»

Несколько месяцев спустя я снова увидел Жака Дорио. Это было возле стены Коммунаров. Он шел впереди кучки приверженцев. Кто-то в толпе неуверенно крикнул: «Предатель!» Жак Дорио презрительно усмехнулся и поднял кулак: он салютовал мученикам Коммуны. Он уверял других (а может быть, и себя), что это «спор о деталях». Он думал, что перерос всех. Он считал себя академиком революции. На самом деле он был приготовишкой предательства.

6 июля вечером я стоял возле Ирунского моста. Был тот предзакатный час, когда особенно спокойны и нежны зеленые холмы над Бидассоа. На испанской стороне чувствовалось оживление: сновали люди в форме и в штатском, офицеры, жандармы, сыщики, фотографы. Я думал, что они поджидают какого-нибудь германского генерала. По мосту, как всегда, проносились машины: шпионы спешили на работу. В окрестных садах пели птицы. Потом по мосту проехал автомобиль представителя Франко г-на Солера. Все притихли. Из автомобиля вышел Жак Дорио. Он поднял руку: он приветствовал обетованную землю. Он приветствовал тех, что в форме, и тех, что в штатском, офицеров, жандармов, сыщиков. Фотографы работали. Губернатор Гипускоа маркиз Росалехо, человек, который приставил к стенке тридцать женщин, раскрыл объятия и прижал к своей груди Жака Дорио.

Фашистские газеты посвятили приезду Дорио длинные статьи. Он красовался на фотографиях с поднятой рукой. Испанские «националисты» произвели его в испанцы наравне с германским генералом Фейдтом и итальянским [293] генералом Бергонцоли: Жак Дорио стал Хаиме Дорио. Официальное сообщение начиналось так: «Вчера в Испанию вождя Франко прибыл Хаиме Дорио, француз хорошей расы...»

В Сан-Себастьяне имеется фешенебельная гостиница «Мария Кристина». Недавно оттуда выселили английских журналистов: «Марию Кристину» облюбовали немецкие офицеры. Где чествовать «француза хорошей расы», как не в гитлеровском штабе? В «Марии Кристине» был устроен пышный банкет. Жак Дорио произнес речь; он обещал, что Франция пойдет по стопам генерала Франко. Немецкие офицеры аплодировали: все-таки этот Хаиме, или Жак, куда симпатичней покойника Клемансо!..

Потом Дорио повезли на Левантский фронт. Он увидел развалины Нулеса, уничтоженного в июне итальянскими и немецкими самолетами. Дорио тотчас заявил: «Я видел развалины Нулеса, уничтоженного красными дикарями». Газета «Унида» сопроводила эту декларацию следующими словами: «Бесспорно, Хаиме Дорио самый честный из всех французов».

Теперь он перерос многих; это не приготовишка, это академик предательства. С удовлетворением он глядел, как германские орудия уничтожали деревни Леванта. Он радовался, когда марокканцы убивали испанских рабочих. Он хвалил итальянских летчиков. Улыбаясь, глядел он в полевой бинокль; люди по ту сторону проволоки умирали. Это не было

«спором о деталях», это было обыкновенным пулеметным огнем.

Я не забыл, как Жак Дорио салютовал стене Коммунаров. Кулак послушно разжался, и та же рука (ведь люди меняют перчатки, не руки) просалютовала наследникам Галифе.

Это было отвратительно, и все же я рад, что я это видел. Предательство, как запах, – его нельзя описать, его надо почувствовать. Велики соблазны всеприемлющей мудрости, зеленые холмы над Бидассоа. Но теперь я знаю противоядие: стоит только вспомнить Жака Дорио на Ирунском мосту...

II

Весной прошлого года в Валенсии я пришел в мексиканское посольство. Особняк был набит людьми. Дамы [294] аристократического происхождения шпыняли горничных. Молодые люди возмущенно восклицали:

– Какое безобразие! Почему кофе без молока?

Это были фашисты, укрывшиеся в мексиканском посольстве в Мадриде. Их везли в Париж. Оттуда они могли направиться в Бургос. Герои «Пятой колонны» были вполне довольны жизнью. Одно их возмущало: почему им дали кофе без молока? Атташе посольства, несколько смущенный, сказал мне:

– Конечно, мы им не сочувствуем. Но они укрылись от возможных преследований, и это вопрос человеколюбия...

Во всех посольствах Мадрида отсиживались вожди фашистского заговора. Некоторые посольства они превратили в арсеналы и крепости. Весной, когда стало ясно, что генерал Франко Мадрид не возьмет, фашисты решили переехать в Бургос. Иностранные дипломаты занялись переселением «Пятой колонны». Они, разумеется, говорили о человеколюбии. Особенное рвение проявили англичане; можно было подумать, что «человеколюбие» – первое слово, которому учит мамка будущего дипломата Великобритании.

Вчера я встретил в Андаё молодую женщину с двумя маленькими детьми. Ее зовут Долорес Руфиланчас. Она мне рассказала, как погиб ее

муж, профессор мадридского университета и депутат кортесов. Фашистский мятеж застал Луиса Руфиланчас в Галисии. Он скрывался. Фашисты арестовали Долорес Руфиланчас, Потом они нашли «преступника»...

По уставу фашистского военно-полевого суда подсудимый не имеет права защищаться. Он может только отвечать на вопросы. Защищает его офицер по назначению. Луис Руфиланчас написал защитительную речь и попросил своего защитника огласить ее. Бравый лейтенант, прочитав несколько фраз, запнулся:

– Господин председатель, прошу освободить меня от моих обязанностей ввиду внезапного заболевания.

Его, конечно, освободили. Приговорить к расстрелу можно и без речей. Среди военных судей заседали два итальянских офицера. Председатель, торопясь, огласил приговор.

Долорес Руфиланчас разрешили попрощаться с мужем через двойную решетку. Луис Руфиланчас сказал жене: [295]

– Когда меня искали, я попытался найти убежище на английском крейсере, который стоял в Ла-Корунье. Я рассказал им, кто я. Они выслушали, а потом отправили меня на берег.

Долорес Руфиланчас побежала к английскому консулу. Консул спокойно ответил ей:

– Я знаю об этом – мне рассказали офицеры флота. Но, во-первых, нам, англичанам, трудно себе представить, что человека можно убить только за его убеждения...

– Они приговорили мужа к расстрелу.

– Да, я прочел об этом в газетах. Во-вторых, мы, англичане, соблюдаем абсолютный нейтралитет. Я ничем не могу быть вам полезен.

11 июля 1937 года фашисты расстреляли Луиса Руфиланчас.

В Мадриде они говорили о человеколюбии. Они забыли о человеколюбии, посадив в шлюпку Луиса Руфиланчас. Они не вспомнили о человеколюбии, увидев женщину с двумя детьми. Это тоже горькая притча: о двух мерах и о лжи слов. Мораль? Она в словах Долорес Руфиланчас:

– Я хочу туда, в Мадрид...

Не словами уничтожить всю ложь слов.

июль 1938

Долорес Ибаррури

Актриса Массалитинова дала мне в Москве маленькую шкатулку: «Это серьги моей бабушки, самое дорогое, что у меня есть. Отвезите их Пасионарии». Большие голубые серьги цвета испанского неба. Долорес на минуту отвернулась, взволнованная, как будто безделушка еще хранила тепло русской любви. Потом она надела серьги и побежала к зеркалу. Все в ней просто, живо, естественно.

Как она умеет говорить! Это было в парижском цирке. Сорок тысяч французов слушали ее, затаив дыхание. Они не понимали испанских слов, но они понимали Пасионарию: до сердца доходил голос, паузы, волнение, чистота. [296]

Незадолго до фашистского мятежа я был в кортесах. Выступал усмиритель Астурии Хиль Роблес. Он говорил уверенно, развязно. Вдруг встала Долорес Ибаррури, депутат Овьедо:

– Убийца!

Хиль Роблес побелел, его губы дрожали, он вытер платком лоб, он долго не мог вымолвить слово.

В детстве Пасионария мечтала стать сельской учительницей. Она была дочкой горняка в нищем поселке. Она стала не учительницей, но служанкой; она вставала до рассвета, ложилась в два часа ночи, стирала, мыла полы, ходила за коровами. Маленькая черноглазая Долорес... Иногда она думала: «Вдруг все переменится, и я стану учительницей...»

Вот Долорес уже не девочка: она жена, мать. В доме нужда. Бывает, нет хлеба. На руках у Долорес умирает ребенок. Долорес пишет статьи для первых подпольных газет. Горняки внимательно ее слушают: «Женщина, а как говорит!..» Теперь ее зовут «Пасионария» – так она подписала свою первую статью. «Пасионария» по-испански страстоцвет – ярко-красный или синий цветок.

Ее посадили в тюрьму вместе с проститутками. Начальник науськивал: «Это коммунистка, чистоплюйка, она вами брезгует». Долорес знала человеческое горе. Ее слушали, ее спрашивали, ей верили. Несколько дней спустя начальник тюрьмы докладывал губернатору: «Это опаснейшая преступница, заключенные ее боготворят».

1932. Снова тюрьма. Долорес вздумали судить. Все на месте: и бюст Фемиды, и тога судьи, и колокольчик.

– Подсудимая...

Долорес встает:

– Скоро вы ответите за все перед народом. Есть правда. Есть совесть...

Напрасно судья схватился за колокольчик: у Долорес звонкий голос. Жандармы выволокли ее из зала.

Все знают, как она освободила заключенных Овьедо. Она прошла одна сквозь строй солдат и скомандовала:

– Вольно!

Потом вышла к народу и показала большой ржавый ключ:

– Тюрьма пуста.

Смеясь, она рассказывает, как весной 1935 года перешла через французскую границу: [297]

– С одним товарищем... Мы пятнадцать часов шли, не останавливаясь.

Ночь, горы, обрывы, речки. За ними гнались пограничники. Долорес слышала лай полицейских собак. Долорес смеется:

– Это смешная история...

– Смешная?

– Ну да, смешная. У товарища был новенький костюм. Мы переходили вброд реки, ползли по колючкам. Костюм его сразу погиб. Но он все время вздыхал: «О, мой костюм!» Он боялся, что собаки порвут брюки...

Долорес хорошо поет народные песни. Она с бойцами на фронте. Товарищ нервно смотрит на часы:

– Заседание... Опоздаем...

– Погоди.

Долорес еще не спела с бойцами одной веселой песни. Она знает, что значит накануне атаки мелодия, знакомая с детства.

В Мадриде она шла впереди женщин. Был холодный пыльный день. Она остановила дружинников, убежавших от марокканцев, – не упреком – глазами. Бойцы клялись ей: «Отстоим Мадрид!»

Один отряд с трудом удерживал позицию. Долорес добралась туда в танке. Бойцы радостно кричали: «Теперь ни за что не уйдем». Коммунисты показывали партийные билеты:

– Долорес, напиши здесь твое имя...

Штурмовые гвардейцы приревновали:

– Мы тоже деремся за республику.

Они вынули свои удостоверения:

– Напиши.

У одного молоденького дружинника ничего не было, кроме фотографии матери. Долорес обняла его и написала: «Долорес».

Мы знаем, что такое для оратора аплодисменты. Я слышал, как речи Долорес прерывали оружейные выстрелы. Среди снарядов привычные слова звучали по-иному. Ее слова обходят мир быстрее, чем песня. Они становятся анонимными, как эпос. Они становятся словами народа. Многие ли знают, кто первый кинул в лицо смерти два чудодейственных слова «?No pasaran!»? Она, Долорес.

Страшный зной арагонского лета. Ни капли воды. Пронесут раненых фашистов. Один боец вытащил фляжку: глоток на дне. [298]

– Пей, Долорес!

Раненый шепчет:

– Пить!

Долорес дает ему фляжку:

– Раненый...

Налетела авиация. Одна часть дрогнула. Кто-то кричит:

– Труссы! Не видите, что здесь Пасионария?..

Бойцы тотчас остановились, пристыженные.

В Бельчите к Долорес привели трех священников. Они дрожат от страха. Один, самый хитрый, говорит:

– Я лично всегда любил бедных. Я толковал папскую энциклику «Рерум новарум», посвященную социальному вопросу, в духе снисхождения к низшим классам...

Он запнулся и вдруг стонет:

– Мы два дня ничего не пили...

Воды нет. Долорес ушла и вернулась с кувшином, с лимонами.

– О, святой Иисусе из Сео! О, святая дева пиларская! Благословите эту добрую сеньору!

Один боец, смеясь, спрашивает:

– А ты знаешь, кто эта сеньора?

– Наверно, супруга старшего командира.

Бойцы хохочут:

– Это Пасионария.

Три священника всплеснули руками:

– Святая дева пиларская! Нам говорили, что Пасионария злая женщина, которая любит кровь, а она дала нам воду и лимоны.

Вечером три священника выступили по радио:

– Неправда, что красные убивают пленных. Неправда, что Пасионария злая женщина. Неправда, что республиканцы враги Испании.

Командир Модесто кричит:

– Долорес, сейчас же уходи!.. Убьют!..

Она улыбается. Бойцы весело говорят один другому:

– Долорес с нами...

Два года войны. Она на своем посту; работает с раннего утра до поздней ночи. Душные ночи. Грохот зениток. Тревожные телеграммы. За сколько лет сойдут эти недели?.. По-прежнему Долорес смеется, ободряет других.

– После победы выспимся... [299]

В маленьком андалусском домике я увидел портрет Долорес рядом с изображением святой Терезы. Я спросил крестьянку:

– Ты знаешь, кто это?

– Пасионария. Бедная женщина, как я. Только у нее большое сердце. Ее все слушают – министры, генералы. А я смотрю на нее, и мне легче плакать: у меня все трое там...

июнь 1938

В фашистской Испании

Генерал Франко, подражая Муссолини, ввел новое летосчисление. 18 июля начался «3-й триумфальный год». Как живет фашистская Испания после двух «триумфальных» лет? Фашистские газеты ограничиваются описанием военных побед, восхвалениями каудильо Франко, отчетами о молебнах и светской хроникой. Английские и американские журналисты, находящиеся в фашистской Испании, немногим разговорчивей своих

испанских собратьев. Конечно, приезжая в Сен-Жан-де-Люз или в Андай, за стаканом виски они рассказывают много любопытного, но в газеты они посылают только благонамеренные корреспонденции: они дорожат своим местом. Таким образом, по печатным материалам трудно составить представление о жизни фашистской Испании. Зато рассказы людей, которые приезжают оттуда, весьма поучительны. Каждый день через границу переходят несколько смельчаков. В Сен-Жан-де-Люз, в Биарриц, в Байонну приезжают англичане, американцы, французы, проживающие в фашистской Испании. Наконец, среди сотни шпионов, которых генерал Франко ежедневно направляет во Францию, попадает один безобидный обыватель, благодаря личным связям получивший заграничный паспорт и приехавший во Францию, чтобы купить костюм или вставить золотой зуб. Я разговаривал со многими людьми, приехавшими оттуда, с испанцами и с иностранцами, с левыми и с фашистами, с крестьянами и с докторами. Я тщательно проверял рассказы каждого. Я попытаюсь обрисовать жизнь фашистской Испании, точнее, ее северных провинций, воздерживаясь от личных суждений. [300]

В руках фашистов находятся сельскохозяйственные провинции. В фашистской Испании много хлеба, растительного масла, сахара, рыбы, табака. Из продуктов питания сказывается недостаток в мясе, рисе и кофе. Мясо продается два или три раза в неделю. Цены на продовольствие возросли. Крестьяне, не доверяя бумажным песетам, вкладывают деньги в скот. В Наварре свинья стоила до войны 2 песеты 10 сантимов за кило, теперь она стоит 4 песеты 25 сантимов. Поросенок стоил 40-50 песет, теперь продается за 200-225 песет. На ряд продуктов установлены твердые цены, однако крестьяне отказываются продавать мясо или овощи по этим ценам. Так, например, цена на картошку в Наварре равняется 17 сантимам за кило. Обходя постановления, интендантство платит крестьянам по 30 сантимов за кило. Кочан капусты в Бургосе стоит 3 песеты, десяток апельсинов 4 песеты 50 сантимов.

Мало кожи: обувь вздорожала втрое. Особенно остро чувствуется недостаток в одежде: нет больше каталонских фабрикантов – приходится довольствоваться незначительным итальянским импортом и продукцией второстепенных фабрик. Самая что ни на есть скверная рубашка стоит 20-25 песет, плохие чулки – 9 песет. Тапочек нет: нет ниток. Все текстильные товары вздорожали в 5-6 раз.

Коммерсанты боятся продавать дорого – установлены контрольные комиссии. Они не хотят продавать дешево – покупательная сила песеты все

время понижается. Они предпочитают вовсе не продавать, но закрыть магазины они не могут: за это полагается крупный штраф. Витрины полны товарами (коммерсант обязан содержать витрины в должном виде), но внутри магазины пусты.

Впрочем, и покупателей немного: фашисты снизили заработную плату. Металлист Бискайи, который прежде получал 12 песет 50 сантимов, теперь получает 9 песет 60 сантимов. Батрак в Кастилии, прежде получавший 6 песет, получает теперь 4 песеты 50 сантимов. Рабочие обязаны работать бесплатно один или два добавочных часа: «На войну».

Рабочих на севере Испании почти что не осталось: их заменили каторжники, и владельцы шахт в Бискайе перешли на даровой труд. Франко образовал из военнопленных «трудовые батальоны» – нечто вроде арестантских [301] рот: рабочие получают 30 сантимов в день, они живут в лагерях и за нарушение дисциплины подвергаются дисциплинарным наказаниям. В шахтах Бискайи работают 3000 пленных. На автомобильном заводе «Сароса» в Бильбао работают исключительно военнопленные. В Астурии только 15 процентов горняков работают по вольному найму, остальные – каторжники из «трудовых батальонов».

Население разорено принудительными сборами. Вот перечень этих налогов: «День одного блюда», «День без сладкого», «На крейсер «Эспанья», «На памятник погибшим», «Подарки солдату», «Дом раненого», «Солдатский очаг», «Поход против холода», «Национальная помощь», «Солдатский табак», «Социальное вспомоществование», «Оболо католико», «Голубая карточка». Служащий, который зарабатывает в месяц 200 песет, всегда ел не три блюда, но одно. Теперь он должен вносить 2 песеты в неделю – это предполагаемая разница между обедом в три блюда и обедом в одно блюдо. Он платит за «День без сладкого» 4 песеты в месяц. Он подписался на «Голубую карточку» – 3 песеты. С него требуют 5 песет на «Социальное вспомоществование». Каждый месяц он отдает правительству 55 песет, больше чем четверть своего заработка. Для казны Франко эти сборы – находка: например, «День одного блюда» приносит в Бильбао ежемесячно 300 тысяч песет.

Крестьяне также должны платить за «День одного блюда», за «День без сладкого» и за многое другое. Наваррские крестьяне говорили мне, что в прошлом году у них отобрали треть доходов. Крестьянам досаждают реквизициями. Происходит это так: в Наварре раз или два в год крестьяне приезжают на ярмарки; туда они гонят скот для продажи, и там фашисты этот скот реквизируют. В ряде северных городов, в Элисондо, в

Вильяфранке, в Ируне, военные власти недавно забрали на ярмарках весь рабочий скот. В Наварре реквизирована «на корню» вся шерсть. За реквизированное добро крестьянам ничего не платят.

Население не верит песете Франко, оно прячет не только серебро, но даже медяки. В фашистских газетах можно найти длинные списки людей, оштрафованных «за укрывание звонкой монеты».

Синдикаты, которые согласно программе фашистов должны быть базой государства, ничем себя не проявляют. [302] В Бискайе не было случая, чтобы рабочий синдикат вступился за рабочих. Во главе синдикатов стоят фашистские чиновники. Недавно в Сан-Себастьяне состоялось собрание крестьянского синдиката. Крестьяне надеялись, что на собрании будет поставлен вопрос о твердых ценах. Вместо этого председатель, отнюдь не крестьянин, но адвокат сеньор Хуан Пуэнте, прочитал длинный доклад «О преимуществе вертикальных синдикатов».

Для передвижения по железной дороге или по шоссе требуются особые пропуска. Эти пропуска выдаются при наличии двух поручителей, отвечающих за политическую благонадежность. Крестьянин, чтобы съездить на базар, должен получить такой пропуск.

За передвижение без пропуска взимают крупный штраф. Вообще штрафы наравне с различными «добровольными» сборами – основа финансовой политики Франко. За одну неделю губернатор Гипускоа ухитрился набрать штрафами 136250 песет. Штрафы взимаются также за «недоброжелательство к установленному строю». За такое «недоброжелательство» пастух Хуан Ласа оштрафован на 25 песет, а Хосе Сарасола в Бильбао – на 50 тысяч: сколько с кого могут, столько и берут.

Конечно, военные поставщики зарабатывают неплохо. Помещики, получившие назад свои земли, тоже довольны жизнью. В Сан-Себастьяне собралось несколько тысяч людей, которые умеют тратить деньги. Открыто много новых кабаре, домов свиданий. В католической газете «Ла-Вердад» один рекете пишет: «Недавно я побывал в Сан-Себастьяне. Перед этим я был там в 1935 году. Какая перемена в нравах! Конечно, не к лучшему... Это подлинный скандал. В Сан-Себастьяне собрались аристократы, укрывшиеся от мобилизации, которые прожигают жизнь».

Другой моралист в журнале «Дестино» утверждает, что молодые буржуа явно предпочитают биллиард фронту. Он говорит, что буржуазию занимают только доходы, и, когда какой-то фабрикант швейных машин, выбравшись из Барселоны, приехал в Сан-Себастьян, другой фабрикант

швейных машин донес на него, как на «красного шпиона».

Доносят, впрочем, не только фабриканты швейных машин, доносят все, кому не лень: сводят старые счета или подрабатывают. Губернатор Алавы заявил, что его канцелярия не может справиться с работой ввиду огромного [303] количества «писем патриотов, предупреждающих о врагах Испании». Многие заняты одним: они выслеживают, кто из обладателей радиоаппаратов слушает передачи Барселоны. За каждого «любопытного», указанного полиции, выдают премию – 25 песет.

Люди боятся говорить, боятся писать письма. Все письма вскрываются. Рекете и фалангисты тыловой службы сидят в почтовых отделениях – это цензоры. Заказное письмо из Бильбао в Сан-Себастьян надо сдавать открытым «для облегчения работы цензуры».

О терроре в фашистской Испании писали не раз. Я все же приведу некоторые данные. Среди городов северных провинций по количеству расстрелов первое место занимает Наварра – 11 тысяч; за ней следует Овьедо – 10 тысяч. В тюрьмах Бильбао сейчас находится 700 приговоренных к казни. Каждый раз, когда население проявляет «недоброжелательство к установленному строю», власти расстреливают 25-30 осужденных. Списки расстрелянных вывешивают на тюремных воротах. Республиканцы называют сторонников Франко «Пятой колонной», фашисты в Бильбао называют сторонников республики «90 процентов». Это показывает, как, при некотором наличии юмора, они сами расценивают свою популярность.

Один благочестивый рекете по имени Мануэль Делорме недавно опубликовал статью «Крах снисходительности». Он пишет: «Какая-либо снисходительность по отношению к врагу несовместима с нашим пониманием культуры». Надо сказать, что фашисты не грешат «снисходительностью». В тюрьмах Бильбао до сих пор пытаются заключенных. Недавно в тюрьме Адоратрисес фашисты засекли насмерть плотника Мартина. В Сан-Себастьяне в тюрьме Ондарета сидят женщины с маленькими детьми. Весной там началась эпидемия дифтерита. Фашисты отказались вызвать в тюрьму врача, и шесть детей умерли на глазах у матерей.

Несмотря на «трудовые батальоны» и на ежедневные расстрелы, все тюрьмы переполнены. Фашисты хотят их разгрузить. Они решили использовать политических заключенных для работы на плантациях в Западной Африке. В июне из Витории была отправлена первая партия

каторжан.

Особое рвение фашисты проявили в деле истребления национальной культуры басков. Запрещены баскские слова [304] на вывесках. Представительство Франко во Франции помещается в «Натчо Энея», – будь это не в Сен-Жан-де-Люзе, а в Сан-Себастьяне, владелец дома уплатил бы штраф: «Натчо Энея» – баскское имя. Запрещены книги на баскском языке, больше того – на этом языке запрещено разговаривать. Запрещено давать детям баскские имена. Яростные католики, рекете убили семнадцать священников басков. Люди Франко, на которых папа призывает теперь благословение бога, зверски убили 63-летнего священника Хосе Пеньягаригано только за то, что он говорил проповеди на родном языке.

Хозяевами в стране являются интервенты. Одна испанка рассказала мне, что она ехала с двумя детьми из Вальядолида в Бургос. Ночью ее выкинули из вагона первого класса на перрон. «В чем дело?» – «Первый класс приказано очистить». Женщину испанские солдаты впустили в переполненный третий класс, а вагон первого класса заняли немцы. Они были одеты в штатское, все в одинаковые новенькие костюмы, и оказались артиллеристами, только что прибывшими из Германии. В больших городах лучшие гостиницы заняты немцами: в Сан-Себастьяне – «Мария Кристина», в Бургосе – «Мария Исабель», в Бильбао – «Карльтон», в Сарагосе – «Гран отель». В свои гостиницы, рестораны, клубы, кафе немцы неохотно впускают испанцев. Они живут, как европейские колонизаторы где-нибудь в Центральной Африке, стараясь избегать сношений с туземцами.

За пушки и снаряды генерал Франко расплачивается натурой. Крестьяне Наварры знают, куда идет реквизируемый скот: в порт Пасакес, а оттуда в Германию. В Германию фашисты отправляют шерсть, растительное масло, вино. Горняки, каторжники «трудовых батальонов» работают также на Германию: руда Бискайи и Сантандера грузится на немецкие суда. С января по май из Бильбао прошло в Германию грузов на 14 миллионов марок. Во главе шахт и металлургических предприятий стоят немецкие инженеры.

Итальянцы раздражают население чванливостью («это мы вас спасли от красных») и вымогательствами. Каждый день жалобы: итальянцы не платят в ресторанах, ездят без билетов в автобусах, грабят базарных торговков. В Вальядолиде выходит газета на итальянском языке «Иль леджионарио». В Паленсии находится итальянский госпиталь. Ввиду этого охрану порядка в Паленсии [305] итальянцы взяли на себя: они проверяют документы проезжающих через этот город. Один испанский лейтенант жаловался мне,

что итальянцы заполняют все публичные дома: «Мы получаем только жалованье, а им дают еще диеты (суточные)...» В Сан-Себастьяне на улице Гарибай открыт роскошный «Дом фашио». Лекционный зал пустует, зато в баре всегда дым коромыслом. Послу Италии графу Виола да Кампальто пришлось выступить с педагогической речью: «Все итальянцы, находящиеся теперь в Испании, наравне с legionерами сражаются за дело фашизма и должны соответствующе себя вести».

После мобилизации многие добровольцы – рекете, которые находились в отпуску, отказались вернуться на фронт. Население защищало их, и дело дошло до кровавых стычек с гражданской гвардией. Наварра была испанской Вандеей. Но не прошли даром ни террор, особенно свирепствовавший в этой провинции, ни потери, понесенные наваррскими дивизиями. О том, какое опустошение произвела война в Наварре, можно судить по следующему примеру: в деревне Леиса 1800 жителей, из них 46 убиты на фронте. Каждый день поезда привозят в Наварру раненых. Улицы Памшюны полны инвалидами. Наваррцы спрашивают: «Когда это кончится?»

На границе с Францией стоит бригада мобилизованных басков. Среди них почти нет фашистов. «Почему не уходите во Францию?» Ответы однообразны: «Они расстреляют отца» или «Они убьют жену».

Кто правит фашистской Испанией? Немцы, итальянцы и кучка политиканов старой монархической Испании: католическая СЕДА – друзья Хилия Роблеса, каталонская «Лига» Камбо, Мартинес Анидо, его приятель министр внутренних дел Серрано Суньер. Это – правительство помещиков, иезуитов и банкиров.

Рекете считают, что их надули. Они возмущены насильственным слиянием с фалангой. Наваррский капеллан Иларио Ябен в «Диарио де Наварра» упрекает фалангистов за безбожие. Фалангисты отвечают ему в «Эральдо де Арагон»: «Мы признаем религию, но без исповедей, без икон и без глупых попов». Рекете считают законным королем Испании дон Хавьера, а в Бургосе «англоманы» теперь поговаривают о возвращении на престол сына Альфонса XIII дон Хуана. Это, разумеется, весьма огорчает рекете, которые вот уже целый век дерутся, чтобы посадить на престол представителя династии [306] Бурбонов Пармских. 2 июля в Памплоне состоялось тайное совещание рекете «Ла хунта карлиста де герра». Было произнесено немало горьких речей: «Рекете несут самые большие жертвы. После Биельсы их сразу послали в Левант. Пора взять то, что принадлежит нам по праву». Генерал Франко, однако, не уступает. Недавно он сместил

памплонского председателя «Объединенной фаланги» рекете Хуана Ортигоса. Муниципальный совет Памплоны в виде протеста подал в отставку.

Каждый день происходят столкновения между рекете и фалангистами. Я видал подпольные листовки, изданные так называемыми «старыми рубашками», то есть фалангистами первой формации. Они обвиняют генерала Франко в измене «священным принципам Отсутствующего» (так фалангисты называют расстрелянного основателя фаланги Антонио Примо де вивера¹²⁷) Газета «Арриба Эспанья» в одном из последних номеров пишет: «Фаланга ждет, когда придет ее час, и этот час должен прийти скоро». Некоторым неохота ждать. Всем памятна речь генерала Ягуэ. Генерал-фалангист был арестован, потом выпущен на свободу; по слухам, он находится теперь под домашним арестом. Начальник штаба генерала Москардо полковник Гасапо взял сторону генерала Ягуэ. Генерал Москардо – друг рекете, и он уволил начальника своего штаба. Многие видные фалангисты сидят за решеткой: бунт в Сан-Кристобале не сего дня-завтра может повториться.

Конечно, до поры до времени раздоры в лагере фашистов носят характер семейных сцен: их останавливает страх перед республикой. Худой мир сможет стать доброй ссорой только в том случае, если фашистская армия потерпит крупное поражение или одержит крупную победу.

В горах Астурии, Галисии, Леона бродят небольшие отряды партизан. Для армии Франко они не представляют военной опасности: они плохо вооружены и разрозненны. Однако то, что они существуют, что население их кормит и предупреждает об опасности, показывает, насколько ненадежен фашистский тыл. Мигель Унамуно [307] накануне смерти сказал фашистам: «Вы можете победить, но не убедить». При помощи интервентов фашисты захватили две трети Испании, но, победив, они никого не убедили. В «недоброжелательности к установленному строю» можно действительно обвинить «90 процентов» испанского народа. Никогда, кажется, не было в Испании столь мало популярного правительства, и по сравнению с генералом Франко даже диктатор Примо де Ривера может быть назван народным любимцем. Гражданская война уступила место иностранному нашествию: речь идет не столько о политических воззрениях, сколько о национальном самолюбии. Если «3-й триумфальный год» не принесет генералу Франко решительной военной победы, он может оказаться последним годом эфемерного летосчисления.

Андай – Тарб, август 1938

Эбро

Эбро – Волга Испании. В стране, где мало рек, Эбро – настоящая полноводная река. Об Эбро издавна поют песни. Но никогда еще испанский народ так часто не поминал свою любимую реку, как теперь: Эбро стала смертью и славой.

Горы рыжие и розовые, на них серебристо-пепельные камни. Деревни без зелени, с домами цвета камня, уходящие вверх. Внизу быстрая ярко-желтая река.

Это было в ночь на 25 июля в два часа с четвертью: армия переправилась на вражеский берег. Застигнутые врасплох, фашисты открыли беспорядочный огонь. Лодка за лодкой причаливали к правому берегу. Переправа была нелегкой: быстрое течение, мало лодок. Одна бригада переправилась на семи лодках.

Правый берег был прекрасно укреплен. (Возле деревни Флис можно полюбоваться работой германских инженеров.) Проволочные заграждения опутывали берег. Республиканцы прорвались через проволоку, выбили фашистов из укреплений, с боем пошли брать высоты. Кое-где фашисты сразу сдавались; в других местах они оказывали сопротивление. Иногда они попадали впросак. Один боец крикнул фашистам: [308]

– Вы что здесь делаете?

– Мы в карауле.

– Идите вниз.

– Нельзя. Смены нет.

Боец рассмеялся.

– Теперь мы всех сменим. Понятно?

Надо было перебросить артиллерию. Работали паромы. Понтонеры начали наводить мосты. По какому мосту я проехал вчера? По двадцатому? По тридцатому? На следующий день, после того как республиканцы перешли реку, в два часа пополудни «хейнкели» начали бомбить мосты. Фашисты и по нынешний день не отказались от своей мечты – уничтожить переправы через Эбро. Вот привычное гудение, облака зениток, грохот. А по мосту идут грузовики со снарядами, с рыбой, с газетами. Понтонеры поют частушку:

Они их тысячу раз разрушат,

А мы их тысячу раз построим.

Мы – упрямые черти,
Мы – понтонеры Эбро.

Раненный осколком бомбы понтонер Сантьяго Альфонсо крикнул санитарам:

– Какая там к черту перевязка, когда надо делать мост!

«Хейнкели» прилетали по десяти, по двадцати раз в день. Один день был – двадцать шесть залетов. Тысячи и тысячи бомб. А по мосту идут бойцы, машины. Работают зенитки. В рыжих скалах динамит вырыл убежища для понтонеров.

Фашисты открыли шлюзы возле Тремпа, чтобы повисить воды Эбро. Четыре метра глубины, двести тридцать метров ширины. Быстрота течения – двенадцать метров в секунду. Водовороты. Но Эбро не остановила республиканцев.

Во время переправы в воду упали девять автоматических ружей. Один капитан решил спасти добро. Девять раз он нырял, а в том месте водоворот, но вытащил: ружья.

Республиканцы освободили одиннадцать сел. Все помнят первую сводку фашистов; успехи республиканской армии они объясняли содействием «марксистских элементов, оставшихся в деревнях». Я видел эти «марксистские элементы» – женщины, дети, старики. Фашисты захватили окраину Каталонии во время весеннего выступления. [309] Они старались подкупить население: привезли сахар, треску, табак. Однако крестьяне с радостными криками встретили республиканцев. Сахар сахаром, сердце сердцем. На стене одного дома я видел изображение Муссолини в каске среди стрел фаланги. Крестьянка, плача (ее дом распотрошила фашистская бомба), сказала мне, показав на республиканцев:

– Это – наши...

Она не знает «тринадцати пунктов Негрина»¹²⁸. Она даже не знает, кто такой Муссолини, хотя фашисты нарисовали его портрет на соседнем доме. Она знает одно: республиканцы это – «наши».

В деревне Аско на дверях записка: «Товарищи! Охраняйте этот дом. Хозяин ушел в горы, потому что стреляют. Да здравствует республика!».

Крестьяне мало-помалу возвращаются в деревни. В деревне Миравет бойцы недавно устроили для крестьян праздник. Но немецкие бомбовозы не простили «марксистским элементам» простодушной радостной встречи со своими. Мора-де-Эбро, Аско, Фатарела – в каждой деревне десятки

разрушенных домов. Среди развалин играют ребятишки; по улицам, загроможденным мусором и обломками мебели, осторожно ступают ослики. Они везут оливковое масло или хворост. Девушки весело беседуют с бойцами.

Бойцы армии Эбро знали, зачем в ясную июльскую ночь они форсировали реку: они не только возвратили республике десяток каталонских деревень – своим наступлением они защитили Валенсию. Фашисты, уже подступившие к окрестностям Сагунто, принуждены были остановиться. Когда показывались двадцать немецких бомбардировщиков, бойцы говорили: «Двадцатью бомбардировщиками меньше на Леванте».

Наступление республиканцев представляло угрозу коммуникациям фашистских частей, которые весной вышли к Средиземному морю. Кроме того, переход через Эбро поколебал престиж генерала Франко. Генерал Гарсиа Валиньо как-то заявил иностранным журналистам: «Красные, разрезанные на два куска, не смогут продержаться дольше двух недель». Это было в конце апреля, а [310] три месяца спустя «красные» нанесли тяжелый удар фашистам, освободили восемьсот квадратных километров территории и захватили около пяти тысяч пленных. Как мог снести генерал Франко такой афронт? Фашисты стали подтягивать новые дивизии. Они перебросили на фронт Эбро почти всю боевую авиацию, подвезли большое количество артиллерии, пулеметов, минометов и 4 августа перешли в контрнаступление.

Сегодня сорок второй день фашистских атак. Я гляжу с высоты на широкую долину: поля, виноградники, оливковые рощи, деревни, дороги – все это взято у фашистов и, несмотря на численное превосходство противника, не отдано назад. Генерал Гарсиа Валиньо, который командует одной из фашистских армий у Эбро, должен призадуматься, видя эту неприступную цепь высот.

С 4 по 16 августа фашисты атаковали высоты Сьерра-Пандолос. Эти горы покрыты низкими соснами. Некоторые высоты – 705, 698, 644 – по многу раз переходили из рук в руки. 11-я дивизия, недавно награжденная правительством республики, отбивала все атаки. Фашисты выпускали тысячи снарядов по высоте – воронка здесь переходит в другую. Двадцать залетов авиации в день. Можно сказать, что рельеф некоторых высот изменен. По интенсивности артиллерийского огня бои напоминали Верден или Сомму. На высоте 705 беспрерывно шли бои: атака, потом контратака. Захватив верхушку горы, фашисты взяли восемьдесят республиканцев в плен и расстреляли их на месте. Республиканцы видели это из своих

окопов. С яростью они пошли в контратаку и взяли верхушку горы. Со стороны фашистов здесь сражалась лучшая часть – 4-я наваррская дивизия. Высоту 705 фашисты взяли, но дальше они не смогли пройти. Немецкая авиация стала скидывать зажигательные бомбы. Леса загорелись. Трудно в строках, которые я пишу наспех, на телеграфных бланках, рассказать о том, что пережили защитники Сьерры-Пандолос. Они не отступили.

17 августа фашисты переменили направление удара: они атаковали республиканские позиции вокруг Гаеты. Бои шли до 31 августа. 3 сентября фашисты еще раз перегруппировали свои части: они провели свое наступление на высоте возле Корберы. 14 сентября наступило затишье до новых атак.

На фронте Эбро сражаются все лучшие части фашистской армии: четвертая, первая и пятая наваррские дивизии, [311] тринадцатая и семьдесят четвертая дивизии, пятидесятая, семьдесят четвертая, восемьдесят вторая и сто пятьдесят вторая «смешанные дивизии» (в них входят марокканские части). О насыщенности артиллерией можно судить по тому, что на фронте в три километра фашисты сосредоточивают сто семьдесят орудий. Тридцать-сорок бомбардировщиков засыпают бомбами республиканские позиции. Штурмовая авиация непрерывно обстреливает республиканцев из пулеметов. Механизированная итальянская бригада пытается танками прорвать фронт; были атаки, в которых участвовало до шестидесяти итальянских танков.

10 сентября фашисты вели наступление на высоту 544. Ее защищала одна рота, которая входит в 3-ю дивизию. Несколько раз бомбардировщики засыпали высоту бомбами. Потом фашисты открыли ураганный огонь. Казалось, на высоте не осталось ни одного живого человека. Два батальона фашистов из восемьдесят четвертой дивизии спокойно пошли занимать мертвую высоту 544. Когда они находились на расстоянии ста метров от макушки, республиканцы открыли пулеметный и ружейный огонь. Два фашистских батальона были уничтожены. Ночью к республиканцам перешел десяток солдат из восемьдесят четвертой дивизии. Они рассказывают, что их дивизия потеряла в боях у Эбро восемь тысяч человек ранеными и убитыми. Так высоту 544 отстояла одна рота.

Бойцы спрашивают:

– Как с чехословаками? Неужели Европа не отстоит?

Я молчу. Если бы Европа обладала мужеством и стойкостью защитников высоты 544, я знал бы, что ответить.

20 августа близ Фатарелы пятьдесят итальянских танков прошли в глубь республиканских расположений. Артиллерия республиканцев тотчас открыла огонь. Четыре танка были подбиты, остальные повернули назад. Все бойцы оставались на позициях.

На высоте возле Гаеты фашисты вели наступление компактными массами, иногда по шести атак в день. Если республиканцы после налета штурмовой авиации очищали высоту, как только авиация уходила, они отвоевывали утерянные позиции. Саперы приходят ночью в окопы и дивятся: как могла здесь удержаться пехота? Пыль... Ничего не осталось от окопов, от мешков с землей – воронки, а в них люди, и эти люди держатся. [312]

На спокойных участках небольшие отряды республиканцев с ручными гранатами ночью идут в разведку. Они возвращаются домой с пулеметами и винтовками, перебив фашистов.

На одной высоте снаряды фашистов убили командира и роту солдат. Остался боец 3-й дивизии Хосе Фонсере с восемью товарищами. Он принял командование и отстоял высоту.

3-я дивизия – прекрасная дивизия. Вот уже пятьдесят пять дней, как она в бою – от первых лодочек на Эбро до высот Корберы. Комиссар дивизии Карлос Гарсиа, раненный, остался в строю. Когда его хотели представить к награде, он возмутился:

– Ни в коем случае! Или представьте к награде всех бойцов – они это заслужили больше меня.

Капитана 3-й дивизии Франсиско Санчеса окружили фашисты. Он застрелил командира фашистского батальона. Франсиско Санчес погиб в этом бою, но фашисты дальше не прошли.

Капитан Анхель Осарин был убит, когда он пытался спасти два республиканских танка, подбитых вражеской авиацией.

Итальянцы были убеждены в том, что их тактика беспроигрышна: они ставили на превосходство вооружения и на численный перевес. После маневров в Аbruцких горах итальянская печать писала о новых специфических приемах «итальянской войны». Вряд ли было что-нибудь новое в итальянском плане: большое количество авиации, концентрированный артиллерийский огонь, массовые атаки на коротком участке. Однако итальянцы уверяли, что они нашли верный способ быстрого завершения войны. Аbruцкие теории получили проверку у Эбро.

8 сентября в газете «Пополо д'Италия» Луиджи Барзини писал: «Фронт красных у Эбро нельзя прорвать, так как укрепления следуют за укреплениями и фронт идет в глубину».

Между тем днем, когда республиканцы заняли оспариваемые высоты, и первыми массированными атаками фашистов прошло не более трех суток. Неужели республиканцы за три дня воздвигли линию Мажино? Очевидно, объяснения фашистских неудач надо искать в другом. Итальянские разговоры о быстром завершении войны, может быть, и напугали французских стратегов из «Кафе де Коммерс». Они не напугали бойца Хосе [313] Фонсере, который с восемью товарищами отстоял высоту.

Английские и французские специалисты определяют сопротивление республиканцев на фронте Эбро как «победу пехоты над авиацией». Мне и это объяснение кажется спорным: в некоторых боях три фашиста сражались против одного республиканца – пехоты у генерала Франко достаточно. Вернее назвать битву у Эбро победой человека над машиной, ибо к машинам мы можем отнести не только бомбовозы, немецкие орудия и минометы, но и фашистскую пехоту. Я разговаривал с пленными – это либо полудикие марокканцы, либо испанские крестьяне, которые не знают, почему их погнали под огонь. Если можно говорить о торжестве человеческого начала в столь бесчеловечном деле, как война, то оно – здесь, у Эбро, – торжество сознания над грубой автоматической силой. Смерть не остановила бойцов республики, когда они переходили Эбро. Смерть не заставила их отойти назад – под бомбами среди горящих лесов, измученных огнем штурмовой авиации, они оказались душевно сильнее фашистов, и поэтому они победили.

Вот несколько бойцов армии Эбро. Мигель Тагуэнья. Еще по-детски припухшее лицо: ему двадцать пять лет. Он кончил накануне войны университет, занимался оптикой, готовил диссертацию. Когда фашисты подняли мятеж, он взял винтовку и пошел сражаться в сьерру. Теперь он командует корпусом.

Боец Анхель Сапика. Ему пятьдесят два года. Он жил спокойно в Париже. Пошел на фронт добровольцем. Усмехаясь, он говорит:

– Смерть – это феномен, случай: умирают, как рождаются. Главное, прожить достойно, не презирая себя.

Боец Пабло Диас говорит о том же другими словами – он никогда не был в Париже. Это арагонский крестьянин.

– А мы их гранатами... Ты что думаешь! Убьют, так убьют. Но под ними

жить я не согласен.

Такие люди побеждают «хейнкели», танки и наваррские дивизии. Они побеждают потому, что они – люди.

Сражение не закончено. Враг сосредоточивает новые резервы. Он перекинул на Эбро итальянский корпус, заново пополненный. Вероятно, в ближайшие дни фашисты снова попытаются вернуть потерянную ими в июле территорию. Республиканские части укрепляются, готовятся [314] к новым битвам. Какие это прекрасные части! Среди бойцов много ветеранов, героев Мадрида, Брунете, Теруэля. Много и молодых, для этих Эбро – первый страх и первая победа. Все они хорошо обучены. Подготовка к наступлению была тщательной. Два месяца бойцов учили переправе через реку. Пленные и перебежчики говорят о меткости республиканских стрелков – республиканцы не расходуют зря патронов.

В эти смутные дни на Эбро дышишь легко. Еще горячо южное солнце. Пользуясь передышкой, бойцы моются – сейчас подвезли цистерны. Для Европы завтрашний день зависит от непонятной и загадочной силы, от любезности Чемберлена, от нелюбезности Гитлера, от рока. Для этих людей завтрашний день ясен. Они смеются, поют песни, греются на солнце – выпал тихий день, – они веселы, потому что между позором и борьбой они давно выбрали борьбу.

сентябрь 1938

Смерть одного мифа

В Нюрнберге Гитлер говорил: «Немцы, вы вправе ныне поднять голову». Услышав гудение, я поднял голову: восемь германских самолетов в 99-й раз бомбили Барселону.

Италия и Германия давно решили завоевать Испанию с воздуха: это представлялось наиболее быстрым, экономным и дипломатичным. Итальянская пехота появилась в Испании в конце декабря 1936 года, а уже в августе 1936 года, то есть в первые недели войны, один из итальянских бомбовозов сделал вынужденную посадку в Алжире и тем самым оповестил мир о переброске на фронты Испании итальянской авиации. Вслед за тем в сентябре 1936 года я увидел над деревушкой Арагона первые германские бомбардировщики. С тех пор прошло два года. Члены «Комитета по невмешательству» успели несколько постареть. А Испания все еще не завоевана.

Я никогда не присутствовал на заседаниях лондонского комитета, и для

меня работа фашистской авиации в Испании не спорная проблема, но повседневная добука. Я хочу теперь рассказать о силах и о деятельности этой авиации. [315]

В первый год войны немцы слали самолеты морем. В Севилье, в Паленсии, в Бургосе имелись сборочные базы. Теперь германские самолеты направляются в Испанию летом через Италию, а иногда и через Францию (конечно, пока что над Парижем они не задерживаются).

Германский воздушный флот в Испании называется «легион Кондор». Трудно сказать, почему понадобился этот псевдоним – из уважения к лондонскому комитету или из любви к романтике. Штаб немецкой авиации находится в Саламанке. Командует воздушным флотом генерал Фейдт. Эскадрильи разбиты на три группы под командой майоров Геншельса, Гернета и Менерта.

В настоящее время в Испании – 135-140 немецких самолетов. В последних боях на фронте Эбро германская авиация была представлена 25 истребителями «мессершмитт», 25-30 бомбардировщиками «Хейнкель-111», 12-15 «Дорнье». На Майорке, где сосредоточена итальянская авиация, имеется также германская база: там находится эскадрилья «Хейнкель-59». Устаревшие «юнкеры» служат для тыловой связи: иногда они бомбят незащищенные города.

На германских самолетах летают исключительно немцы: весь технический персонал, включая охрану аэродрома, – немцы.

Порой удается увидеть совместную работу «союзников», когда «мессершмитты» прикрывают итальянские бомбовозы; но обычно итальянцы и немцы действуют на различных участках. Итальянцы облюбовали побережье: они бомбят города Каталонии и Леванта. Впрочем, монополии на это они не получили: 16 сентября Барселону бомбили пятнадцать немецких двухмоторных бомбовозов.

Итальянский воздушный флот в Испании количественно сильнее, качественно слабее немецкого. Встречаясь с республиканскими истребителями, которые народ зовет «москас» («мухи»), итальянские истребители «Фиат-32» обычно терпят поражение. Достаточно сказать, что в течение трех последних месяцев республиканцы сбили 69 «фиатов». Есть у итальянцев новая модель «Фиат-50», но первый из «Фиатов-50» в первый же день был сбит республиканским истребителем. На Майорке находятся шесть эскадрилий итальянских бомбардировщиков «савойя». Всего в Испании действуют около 260-270 итальянских самолетов. Командует

итальянской авиацией генерал [316] Барнаскони. Его заместитель – полковник Кастильени. Отдельные группы носят поэтические наименования: «Кукарача», «Железные ноги», «Герои Бастоса».

Несмотря на угрозу мировой войны, две фашистские державы продолжают доставлять в Испанию новые самолеты.

На итальянских самолетах летают только итальянцы. Если на земле действия Италии и Германии можно назвать интервенцией, в воздухе мыслимо только одно определение: «захват». Правда, итальянцы попробовали было посадить на десяток старых самолетов испанских фашистов. Эта «национальная авиация» показала в Эстремадуре, где война еще носит полукустарный характер, но республиканцы сразу сбили несколько самолетов, взяли в плен испанцев летчиков, и на этом деятельность «национальной авиации» закончилась.

О народонаселении воздуха фашистской Испании легко составить представление, заглянув в тот дом Барселоны, где содержатся пленные летчики: двадцать немцев, человек пятьдесят итальянцев, два португальца и один испанец.

Я не раз описывал германских и итальянских летчиков, с которыми мне приходилось беседовать. В человеческом плане – это люди дефективные: невежды, фанатики или автоматы. Однако не следует думать, что фашистские державы послали в Испанию «брак», с технической стороны эти люди – цвет фашистской авиации. Весной республиканцы взяли в плен немецкого пилота, прославившегося своими перелетами в Южной Америке. Да и все пленные прошли по нескольку школ, великолепно обучены, хорошо маневрируют.

«Мессершмитты», «хейнкели», монопланы «Фиат-50» – лучшие из серийных самолетов Италии и Германии. Таким образом, мы имеем здесь кровавые маневры той воздушной войны, которая, по замыслу Берлина и Рима, должна покорить Европу.

Разумеется, итальянская база на Майорке, превосходно оборудованные германские аэродромы в районе Пиренеев, наконец, испытания некоторых новых моделей самолетов преследуют цели более далекие, нежели уничтожение испанской независимости. Однако для осуществления этих целей Германии и Италии необходимо прежде всего завоевать Испанию. Отдавая должное качеству некоторых фашистских самолетов, техническому образованию [317] фашистских летчиков, мы вправе теперь задуматься над достигнутыми результатами.

Фашисты считают, что уничтожение открытых городов является необходимой предпосылкой завоевания страны. На первый взгляд, фашисты достигли значительных успехов. Мы видим развалины в центре больших городов – Мадрида, Барселоны, Валенсии. Варварски изуродованы высокие ценности прошлого от Паласио-дель-Инфантадо в Гвадалахаре до барселонского собора. Искалечены десятки городов – Таррагона, Фигерас, Лерида, Картахена, Альбасете, Реус, Хаен, Аликанте, Алкала, Фальсет, Альмерия. Некоторые города уничтожены – Герника, Пособланко, Нулес, Тортоса. Убиты тысячи и тысячи людей (я говорю, понятно, не о бойцах, но о гражданском населении).

16 сентября 15 германских бомбовозов бомбили Барселону. Бомба попала на рыбный рынок и перебила сотню женщин. Это самая что ни на есть стандартная бомбардировка.

Я не буду сейчас рассказывать о тех страшных сценах, которые видел не раз, но ограничусь некоторыми сухими цифрами.

30 октября 1936 года – немцы бомбят Мадрид. 425 жертв.

12 января 1937 года – итальянцы и немцы бомбят Малагу. 410 жертв.

Апрель 1937 года – фашисты четыре раза бомбят Дуранго. 1270 жертв.

26 апреля 1937 года – Герника. 2545 жертв.

Октябрь 1937 года – Кангас-де-Онис. 612 жертв.

Ноябрь 1937 года – немцы дважды бомбят Лериду. 615 жертв.

Январь 1938 года – фашисты двадцать один раз бомбят Барселону.

19 января 1938 года – 198 жертв.

30 января – 153 жертвы.

17 марта 1938 года – в течение суток фашисты одиннадцать раз бомбят Барселону. 2113 жертв.

4 марта 1938 года – Альканис. 408 жертв.

8 марта 1938 года – Пуэбло-де-Ихар. 267 жертв.

25 мая 1938 года – итальянцы трижды бомбят Аликанте. 328 жертв.

31 мая 1938 года – Гранольерс. 506 жертв.

Я перечислил только некоторые, наиболее «удачные» [318] для фашистов даты. С начала войны фашистская авиация 1108 раз бомбила мирные города Испании. За последние шесть месяцев итальянцы и немцы 624 раза бомбили открытые города: чтобы увеличить число жертв, они

сплошь да рядом скидывают осколочные бомбы.

В международном комитете помощи испанским детям имеются сведения о 9000 детей, убитых или изуродованных «хейнкелями» и «савойями». Труднее приводить эти цифры: статистика здесь граничит с безумием.

Я сказал, что, уничтожая Испанию с воздуха, фашисты, на первый взгляд, добились серьезных успехов. Однако если сопоставить цели, которые они преследовали, с достигнутыми результатами, придется признать, что фашисты потерпели поражение. Конечно, среди фашистских летчиков имеются садисты, которым нравится убивать женщин и детей. Я сам видел трех-четырех. Однако посылая самолеты в Испанию, Гитлер и Муссолини думали не об удовлетворении болезненных потребностей некоторых из своих соплеменников, но о захвате страны. Уничтожение открытых городов они рассматривали как стратегический маневр: они хотели терроризировать испанский народ и тем самым заставить его капитулировать. Но испанский народ не Чемберлен: на угрозы он отвечает не мольбой о пощаде, но еще большей волей к сопротивлению. 1108 воздушных нападений на города принесли Испании не только развалины и могилы: они породили в испанском народе ненависть, твердость; в немалой степени они способствовали перерождению этой мирной и беззаботной страны. Я решусь сказать, что дух армии Эбро родился среди дымящихся развалин, из-под которых вытаскивали трупы детей.

На фронте фашистская авиация достигла несколько больших результатов, однако и они не были решающими. В течение долгого времени республиканская армия, сколоченная наспех, молодая, не обладавшая опытными кадрами, была подвержена психозу «авиафобии». В начале войны дружинники убегали, завидев над собой несколько «юнкерсов». Еще весной этого года в Арагоне многие части республиканской армии, необстрелянные и недостаточно дисциплинированные, очищали позиции после ряда воздушных бомбардировок. Между тем авиация оказалась куда менее смертоносной, нежели другие виды оружия. Обычно по количеству жертв она идет на последнем месте после пулеметов, после мортир, после артиллерии. [319] Страх перед всемогуществом авиации был мифом, и потребовалось долгое время, прежде нежели этот миф перестал жить в сознании республиканских бойцов.

Республиканская армия училась на своих ошибках. Майское наступление республиканцев в районе Балагера оказалось безуспешным, несмотря на исключительную активность республиканской авиации и на интенсивный артиллерийский огонь. Республиканцы не продвинулись

вперед: неприятель встретил их пулеметным огнем. Это было неудачей республиканцев и в то же время плодотворным уроком: бойцы поняли, что численное превосходство авиации еще не предрешает исхода боя и что господство в воздухе не означает господства на земле.

Миф о всемогущей авиации умер окончательно на фронте Эбро. В начале операции фашистская авиация пренебрегла республиканской пехотой: фашисты пытались уничтожить мосты. Это, конечно, замедлило переброску артиллерии, но все же республиканцы дошли до ближайших окрестностей Гандесы. Тогда фашисты решили обратить в пыль республиканские позиции на высотах Пандельс и Кабальс. Вряд ли история знала столь энергичные бомбардировки с воздуха. Однако республиканцы удерживали захваченную в июле территорию, а число жертв в их рядах от авиационных бомб относительно невелико.

Количественно куда более слабая республиканская авиация все же в сильной степени мешает «хейнкелям» и «савойям». В течение трех последних месяцев республиканские истребители сбили 98 вражеских самолетов: 69 «фиатов», 18 «мессершмиттов» и 11 бомбовозов. Мужество испанских летчиков достойно изумления. Много раз мы присутствовали при боях, когда республиканские самолеты атаковали противника, вдвое более многочисленного. Конечно, немцы маневрируют не хуже республиканцев, но мужество не преподается в военных академиях: вопреки представлению большинства людей оно и не является прирожденным. Дело не в тех качествах, которые фея кладет в колыбель младенцу, дело – во внутренней дисциплине, в сознании, в совокупности чувств. Каждому ясно, что летчик-захватчик, уроженец Штеттина или Милана, летая над испанскими городами, не испытывает того, что испытывает испанец. Любовь к родине, любовь к свободе вдохновляет и бойцов Эбро, и республиканских летчиков. Я напомним о восемнадцатилетнем [320] летчике, который недавно сбил шестнадцатый фашистский самолет. Он говорит, улыбаясь:

– Зачем они летают над нашей землей?

Это – ненависть и страсть всей Испании.

Противовоздушная оборона в Испании растет, крепнет. Переправы через Эбро отстояли зенитчики. Бывали дни, когда зенитная артиллерия на фронте Эбро расходовала в сутки до ста сорока тонн боеприпасов: это свидетельствует об интенсивности ее работы.

Авиация помогла фашистам захватить отрезанный от остальной

республиканской территории плохо вооруженный и дезорганизованный север. Авиация не раз способствовала счастливым дебютам фашистских операций. Она позволила фашистской пехоте пройти от Уэски до Лериды, от Кинто до Тортосы. Но как только республиканская пехота преодолевала панику, кончалась магическая сила «хейнкелей» и «савой». Самолеты не помогли фашистам взять Тортосу или перейти узкую речку Сегре. Самолеты фашистов не помешали республиканцам форсировать Эбро. Они не вернули фашистам потерянной территории на правом берегу этой реки.

Фашистские державы блефуют: «Наша авиация всесильна. Мы можем стереть с лица земли Париж и Лондон. Что линия Мажино для нашей пехоты, поскольку у нас имеются сотни и сотни современных бомбовозов? При помощи авиации мы можем выиграть войну в кратчайший срок». Тень «хейнкелей» и «савой» перестала пугать в Испании даже старух, которые не спеша идут в «рефухис» (убежище), как они ходили прежде в церковь, – «на всякий случай». Но эта тень еще страшит миллионы людей в других европейских странах.

Я помню старуху в Мадриде. Это было в квартале Куатро Каминос, сильно поврежденном авиацией. Среди развалин на складном стульчике сидела старуха и преспокойно вязала. Мы спросили ее:

- Почему вы не уехали?
- Надо им показать нашу силу.

Если бы эта мадридская женщина была премьер-министром Франции!

Испанская война способствовала гибели многих мифов, которые жили в Европе. В окрестностях Гвадалахары умер миф о «железной твердости» римских солдат. На испепеленных горах по ту сторону Эбро умер другой миф – о непобедимой силе фашистской авиации.

Барселона, сентябрь 1938 [321]

Третья осень

Вой, ветер осени третьей...

В. Брюсов

В Мора-де-Эбро женщина испуганно крикнула: «Пепе, иди сюда!» – пятилетний мальчуган играл среди развалин. Мора чуть ли не каждый день бомбят фашисты. Жители привыкли к бомбам: что скажешь против смерти, которая проходит мимо дома каждый день, как почтальон? Женщина испугалась не бомб: она испугалась, как бы на ее сына не свалился кирпич полуразрушенного дома.

В Фигерасе люди собрали кирпичи, некоторые дома залатали. Многие живут в домах с прорехами: с улицы видны кровать, буфет. Может быть, завтра починят и эти прорехи, а может быть, снова прилетят бомбардировщики и разрушат сорок домов. Рамы без стекол: нет стекол. Нет мыла. Женщины отчаянно мнут, трут, колотят белье. Сегодня воскресенье, все ребята в чистых костюмах или платьицах. Вечером бал объединенной молодежи. Танцуют солдаты. Танцует несколько инвалидов. У красивого парня нет правой руки – Теруэль. Левой он обнимает девушку; девушка улыбается.

Голодно. Картошку сажают повсюду – и на цветочных клумбах, и на теннисных площадках. Длинные очереди за хлебом, за растительным маслом, за треской. В очередях измученные люди, но ни ропота, ни ссор. Вчера я видел – к очереди подошел человек, он продавал игрушку вроде Ваньки-встаньки: боец падает и вскакивает, а под ногами римская моська. Измученные женщины глядели на игрушку и весело смеялись.

В центре Барселоны выставка детских рисунков. Дети теперь рисуют только самолеты: они изображают их очень яркими – изумрудными или багровыми. Вчера немецкие самолеты убили в Барселоне еще восемнадцать детей.

Добровольцы собирают утильсырье: тряпки, дырявые кастрюли, железо. Семнадцатилетний Лупо недавно вытащил из дома, разрушенного авиацией, восемь железных полос, каждая весит восемьдесят кило.

«Союз девушек» устроил сельскохозяйственную школу: девушек учат птицеводству, пчеловодству, уходу за скотом. [322]

Крестьяне деревни Пуэбла-де-Альмеррадиель постановили вырыть убежище. Делегат Сикундес представил рапорт правительству: «Наше убежище имеет 10 метров 25 сантиметров глубины. Оно снабжено девятью вентиляторами и электрическим освещением. Имеются пять входов: с площади Республики, два с базарной площади, которая называется «Площадь 14 апреля», один соединяет убежище с аптекой, один – со школой. Как только показывается вражеская авиация, все население деревни, а именно 3200 душ, уходит в убежище. Да здравствует республика!»

Барселона (на днях была «юбилейная», сотая бомбардировка) живет жизнью большого города. Работают фабрики. В школе бледные, худые ребята. Учительница, тоже худая и бледная, объясняет: «Если наложить треугольник А...» Любители литературы обходят лавочки букинистов. В

драматическом театре премьеры: «Укрощение строптивой». Одни критики хвалят, другие ругают. В Барселоне открыты двенадцать театров и пятьдесят четыре кино. Вышел очередной номер журнала «Филателист Барселоны».

Вчера на фронте Эбро снова отбиты все атаки фашистов.

Это третья осень. Война давно стала бытом. Героизм оделся в защитный цвет, его не сразу увидишь.

Победа у Эбро нелегко далась: два года республика строила армию. Теперь очередь за тылом. Я не буду скрывать трудностей: испанский народ научился глядеть правде в глаза.

Сельскохозяйственные области Испании с начала войны захвачены фашистами: Галисия, Эстремадура, часть Кастилии, три четверти Андалусии – хлеб, масло, свекловица, побережье океана, богатого рыбой. В республиканской Испании всего несколько производящих районов, как, например, Альбасете или Куэнка. В Каталонии население теперь увеличилось втрое: армия, беженцы. А в Каталонии мало хлеба, мало скота – большие промышленные центры, горы, виноградники да еще огороды, которые давали зелень для экспорта.

Изверившись в «хейнкелях» и в марокканцах, фашисты хотят взять республику измором. Что такое «невмешательство»? В фашистскую Испанию преспокойно доставляют итальянские бригады и немецкую артиллерию. [323]

В республиканскую Испанию трудно доставить даже банку со сгущенным молоком. Английское правительство отказалось защитить свои суда; их спокойно топят немецкие и итальянские бомбардировщики. Конечно, никто в палате общин не произнес слова «блокада». Но в Испанской республике 3 миллиона 900 тысяч детей, из них 386 тысяч грудных, и, по мнению английских «гуманистов», некоторых детей должны убить фашистские бомбы («помолимся о них»), а остальные умрут голодной смертью («еще раз помолимся»).

Республика яростно борется с голодом. Весь хлеб собран. На помощь деревне пришли города. Промышленные поселки Каталонии – Сабадель, Бадалона, Маторо – послали бригады для уборки хлеба. В Куэнке для полевых работ мобилизовали подростков, женщин, стариков. В Фуэнте-де-Сас тринадцатилетний мальчик за два с половиной дня убрал 14 гектаров люцерны. Теперь в Леванте собирают рис: работать часто приходится под бомбами.

В Каталонии удалось повысить хлебный паек: вместо ста граммов хлеба теперь выдают полтора. Крестьянам оставили по двести граммов муки на душу и еще семян – 120 кило на гектар.

За последнюю неделю продовольственный комитет роздал в Барселоне 185 тысяч кило мороженого мяса, 148 тысяч кило гороха, 172 тысячи кило рыбы, 74 тысячи кило сахара. Этого, разумеется, недостаточно; выручают сады, огороды, виноградники. Картошка здесь дает три урожая в год. Сейчас сушат фрукты на зиму. Распределительный аппарат еще не налажен. В стране, например, достаточно оливкового масла (на нем испанцы готовят все), а в Барселоне масла не достать. Тыл отстал от фронта, его только начинают организовывать.

Бойцы армии Эбро шлют рабочим Барселоны оливковое масло, виноград. 10-я дивизия прислала союзу учителей грузовик с маслом. В Барселоне много детских столовых содержится за счет армии. Все высокие качества испанского народа нашли выражение в эти трудные дни.

Нелегко крестьянам: нет сахара, нет трески, нет табака. Феодальные формы землевладения ликвидированы в первые дни войны, и землей владеют крестьяне. Однако переход земли во владение крестьян не закреплен законом. [324] В Каталонии отдел земледелия (во главе его стоят представители крестьянской партии рабасайрес) подготавливает декрет о юридическом закреплении земли за крестьянами. Это еще крепче свяжет судьбу каждого крестьянина с судьбой республики.

Во время весеннего наступления фашисты захватили мощные станции, снабжавшие Каталонию электрической энергией. Страна разбита на два отрезка: сырье приходится перебрасывать из портов Леванта в Каталонию. Несмотря на это, военные заводы работают безостановочно. Рабочие показали себя героями. Всем памятна эпопея завода в Сагунте: рабочие оставались у станков под бомбами.

Кампания по повышению производительности охватила всю страну. Продукция многих заводов увеличилась в полтора, даже в два раза. Я видал машину, которая выпускала 70 патронов в минуту. У машины стоит маленькая курчавая девушка – Кончита (прежде она была модисткой). Эта машина выпускает теперь в минуту 112 патронов. Кончита работает одиннадцать часов в сутки. На заводе все женщины нарядные и веселые, живут они впроголодь, но работают ожесточенно.

Горняки по двенадцать часов остаются под землей. Республика вывозит не только миндаль или апельсины, но свинец, ртуть, ткани, даже изразцы.

Народ спасает страну от разрухи. Мало бумаги, но газеты выходят вовремя, без опоздания; книги прекрасно напечатаны; иллюстрированные издания могут посоперничать с парижскими. Мало кожи, но все обуто пристойно, и чистильщики сапог по-прежнему яростно трут ботинки. В народных столовых подают тарелку с бобами, но на столе чистая скатерть, официанты улыбаются, улыбаются и посетители, как будто они едят индюшку. Это – заговор народа против смерти: отстаивать каждый клочок земли, каждое мельчайшее достижение культуры, охранять ту форму жизни, которая связана с ощущением собственного достоинства.

В ближайшие дни откроет двери Барселонский университет; начнутся занятия в средних школах. Растет число библиотек. В книжных магазинах много покупателей. Я видел в убежищах понтонеров Эбро передвижные библиотеки: Сервантес, Гюго, Толстой. Журналы печатают прекрасные сонеты Антонио Мачадо. Бойцы в театре аплодируют пьесам Гарсиа Лорки. [325]

Конечно, в тылу осталась кучка политиканов, для которых мировая история – закулисные интриги и министерские кризисы. Они шепчут на ухо: «Надо все предоставить дипломатии...» Очевидно, им хочется, чтобы Испанию изрубили для нового обеда в Берхтесгадене. Но сколько этих «героев» в отставке? Двадцать, тридцать, будем щедрыми – сто. А миллионы испанцев согласны скорее умереть, нежели сдаться.

Победа на Эбро была подготовлена долгой работой, неудачами, отступлениями, весенним разгромом, двумя годами неравной борьбы. На Эбро сражались хорошо обученные бригады. Впервые республиканская армия показала свое умение защищать позиции летом на Леванте. Укрепления Сьерры-Пандолос и Сьерры-Кабальс – действительно серьезные укрепления. Опыт инженерных частей, занятия стрельбой, организация походных кухонь – все это было необходимыми предпосылками той победы на Эбро, которая удивила мир. Теперь произошло чудо (такое чудо мы наблюдали в Мадриде): бойцы на Эбро поняли, что они не уйдут с позиций, и это сознание является их главной силой. Слова: «Я из армии Эбро» звучат магически, они обязывают к мужеству.

Третья осень начинается для Испании победой на Эбро и капитуляцией Европы перед фашистскими захватчиками. Бесспорно, ободренные вторым бескровным Седаном, интервенты кинут в Испанию новые корпуса итальянцев, сотни новых самолетов. Бойцы Эбро это знают, и они стойко защищают родную землю. Не раз мы в Испании переживали страшные дни:

многим казалось, что все потеряно; из темных углов выползали капитулянты; они шептали: «Кончено!» То, что казалось им концом, было только началом подлинной войны.

В июле 1936 года испанский народ атаквала армия, запуганная или заласканная мятежниками... Фашисты двинули из Африки марокканцев, иностранный легион, Италия и Германия кинули на полуостров свою авиацию. Каждый день в фашистских портах выгружали артиллерию и танки интервентов. Соседняя Португалия при попустительстве Англии стала базой фашистской армии. Французы придумали «Комитет по невмешательству», и, обрадованные этим, итальянцы высадили в Испании свои дивизии. Гибель казалась неизбежной. Но Испания не капитулировала. [326]

Темно вечером в испанских городах; нет хлеба; в каждой семье кто-нибудь на фронте; в каждом поселке развалины. А рядом, за горами, в счастливой Франции города залиты светом, и в булочных сколько угодно нежного белого хлеба. Но как там людям смотреть друг на друга, да еще при ярком свете, не краснея? А у нежного белого хлеба легкий привкус предательства.

В 1919 году Валерий Брюсов написал стихи о народе, который третью осень голодал, мерз и сражался. Этот народ победил. Среди позора Европы на высотах вокруг Гаэты стоят гордые люди, которые не хотят расстаться с мечтой о победе.

Барселона, сентябрь 1938

Рождение армии

Всякий, кто видел тайгу, а потом большой город, выросший на пустом месте, знает, что такое чудо рождения. Проходя по освещенным улицам между высокими домами, он невольно вспоминает землекопов, экскаваторы, скрип пил, грязь, бараки.

Когда 18 июля 1936 года фашисты подняли мятеж, у народа, защищавшего республику, не было никакого представления о военном деле. Французской революции, воевавшей против шуанов и интервентов, достались не только арсеналы монархии, но и ее старые солдаты. Октябрьская революция разразилась после трех лет империалистической войны, и низший командный состав царской армии обладал большим военным опытом. Испанская республика была застигнута врасплох. Свыше 80 процентов командного состава армии тотчас примкнули к мятежу. Они увлекли за собой почти все полки. Первые победы народа были одержаны

только благодаря исключительной отваге, и они были оплачены непомерно дорогой ценой.

В Мадриде рабочие с таранами и револьверами штурмовали казармы. В Барселоне рабочие с ручными бомбами кидались на пулеметные гнезда. В этой уличной войне они победили, но как только война вышла в поле, сказало преимущество организованной армии над необученными и недисциплинированными дружинами. Война [327] в мадридской сьерре еще напоминала баррикадные бои, небольшие отряды, прикрываясь камнями, отстаивали горную цепь. Фашисты учли это и стали наступать с юга и с юго-запада. Они быстро подошли к Мадриду.

Дружинники, видя измену генералов, не хотели повиноваться своим командирам. С бесцельным героизмом они кидались под пулеметный огонь, а час спустя, увидев несколько танков, бежали в панике назад. Они не хотели рыть окопы, считая это недостойным делом. Суеверно боялись они самолетов противника. Будучи от природы храбрыми, они каждый день сдавали врагу 10-20 километров и не понимали при этом, что они отступают. Не было связи между отдельными частями. Командиры не умели пользоваться картой. Когда артиллеристы устанавливали батареи, выяснялось, что нет снарядов. Разведка неприятеля работала открыто, пользуясь правительственным телеграфом и телефоном. В сентябре после двух месяцев войны дружинники отправлялись на фронт после 3-5 дней обучения, причем в казармах не было учебных патронов, и половина дружинников вообще не умела стрелять. Майор Паррита, бывший тореадор, теперь один из лучших командиров Южного фронта, рассказывал мне, что в первый день на фронте он вертел в руках винтовку, стыдясь признаться товарищам, что не умеет стрелять.

Когда коммунисты решили организовать 5-й полк, они надеялись набрать тысячу дисциплинированных бойцов. Генеральный штаб считал эти надежды необоснованными и называл 5-й полк 5-м батальоном. Как известно, 5-й полк дал республиканской армии не 500 и не 1000, но 120 тысяч бойцов. Бывший монастырь в рабочем квартале Мадрида Куатро Каминос был колыбелью республиканской армии. Когда один отряд неожиданно для всех отбил атаку марокканцев, впервые было произнесено слово «армия».

Армии, однако, еще не было. Сражались несколько прекрасных батальонов. Кругом по-прежнему были храбрые, но недисциплинированные люди. Слово «колонны» заменили словом «дивизии», но дивизий еще не было. Родились политические комиссары. Их роль была нелегкой: они

строили армию среди военных неудач, среди политических интриг в тылу, встреченные недоверчиво, зачастую недружелюбно. Я помню первые собрания на фронте, горячие, сбивчивые речи, тщетные призывы к [328] дисциплине. Комиссары обращались к гражданской совести каждого бойца, и далеко за полночь затягивались беседы, споры, увещевания. Походные печатни в грузовиках выбивали листовку «Азбука бойца», наставления, как окапываться или как укрываться от авиации. Десятки фронтовых газет расширяли горизонт бойца. Показались кинопередвижки, и в прифронтовых деревнях бойцы переживали драму Чапаева. В его ошибках они узнавали свои. Можно сказать, что в первую зиму войны одним из самых влиятельных комиссаров в республиканской армии был Фурманов. Начались военные занятия. Комиссары родились до армии: они убедили дружинников, что армия необходима.

Армия училась на своих неудачах. Нужно было обеспечить тайну военных операций. Противник был заранее предупрежден о наступлении в Каса-де-Кампо, о наступлении на Уэску, о второй Сарагосской операции. Жизни тысяч бойцов были расплатой за беспечность. Армия насторожилась, и операции под Теруэлем, переход через Эбро застали противника врасплох. Несогласованность действий авиации, артиллерии и пехоты сказались в Брунете, под Уэской. На Эбро эти недочеты оказались устраненными. Страх перед вражеской авиацией, преувеличенные надежды на свою авиацию долго парализовывали республиканскую пехоту. Неудачное наступление возле Балагера весной этого года показало бойцам, что авиация не решает исход боя, и на Эбро они в свою очередь показали это неприятелю. Неподготовленность пехоты сказалась в дни мартовского отступления. Во всех частях начались усиленные занятия, и армия, форсировавшая Эбро, готовилась к этой трудной операции свыше двух месяцев.

Новые полководцы вышли из народа. Модесто был прежде пильщиком, Листер – каменотесом, Кампесино – десятником на строительных работах, Дуран – композитором, Тагуэнья – физиком, Мера – каменщиком. Это все молодые люди – командующему дивизией Дурану двадцать девять лет, а командующему корпусом Тагуэнье – двадцать пять лет.

Командующий армией Эбро Хуан Модесто – сын андалусского рабочего. Он мыл бутылки на винном складе, потом пошел на лесопилку. Он не читал газет, увлекался футболом. Он рассказывает: «Я видел много несправедливого и задумался...» Доктор, работавший на лесопилке, [329] как-то дал ему газету «Пролетарский голос», и Модесто стал коммунистом.

В первые дни войны он набрал батальон. Когда он взял в плен первого марокканца, он сам не мог поверить в такую удачу. Он мне говорил теперь на Эбро, что тот день был для него самым радостным в жизни. Он командовал частями на Хараме, у Брунете, под Теруэлем. Дважды был ранен. Это веселый андалусец. В Мерте, когда всеми овладело отчаяние, он шутил, пел песни – он ни на минуту не сомневался в победе. Между двумя боями он сидел над книгами. Его палатка на Эбро – рабочий кабинет. Это уже не тот Модесто, которого я знал в Мадриде и который шумно радовался, взяв в плен одного марокканца. Это командир мощной армии, человек с огромным военным опытом.

Кампесино – это подлинный Чапаев Испании, с лицом араба, страшный, храбрый до безрассудства, хитроумный и наивный. Прекрасный организатор, талантливый стратег. Его жизнь – роман приключений, Он пас овец; служил на флоте; записался в иностранный легион; был анархистом, сражался против марокканцев, а потом помогал им в их борьбе за независимость; сидел в тюрьмах; сочинял коммунистические прокламации. В начале войны он дрался в сьерре. Они сами там мастерили ручные гранаты. Он разбил итальянцев под Бриуэгой. Тогда армия еще жила партизанщиной. Каждая бригада старалась набрать побольше боеприпасов, оружия, грузовиков. Помню, как Кампесино боялся сказать мне, сколько он взял итальянских пулеметов: «Ты в газете пишешь... скажу, а потом отберут пулеметы». Это было давно. Кампесино все тот же: хитрые, горячие глаза, борода, столь неожиданная в Испании, фантастические истории. Но методично, изо дня в день он занимается со своими бойцами, и враг теперь боится имени Кампесино, его части слывут непобедимыми, бойцы его любят трогательной любовью. Один сказал мне: «Это не просто командир, это Кампесино». Он всегда позаботится, чтобы было сало, горох, чтобы бойцов разместили на отдых в спокойные деревни. Война для этого поэта также большое, сложное хозяйство.

Я знал Дурана до войны. Он был одним из лучших композиторов Испании. В двадцать семь лет его жизнь разломалась. На Северном вокзале Мадрида в июльский день он пытался связаться с железнодорожниками Вальядолида и Бургоса. Он стал во главе моторизованной [330] колонны, которая сражалась возле Толедо. В Аранхуэсе, после толедского разгрома, он собрал деморализованных бойцов и вдохнул в них волю к победе. Он забыл о музыке и только на отдыхе, если попадает в дом с пианино, два-три часа играет, не отрываясь. Он стал прекрасным командиром и в боях за Валенсию показал свои качества; несмотря на численное превосходство,

противник был остановлен.

Я мог бы рассказать о судьбе других командиров, но при всей разности этих людей мы увидели бы одно: за два года люди, весьма далекие от военного искусства, стали настоящими командирами. За ними стоят настоящие бойцы.

На Эбро я не мог отвязаться от невольных сопоставлений: то и дело я вспоминал первые недели войны, ту тайгу, на которой вырос город. Против Испанской республики сражаются две сильные империи. Никогда дотоле фашистская авиация не была столь многочисленной -и активной, как на Эбро. Итальянские моторизованные части обновлены и пополнены. Немцы, командуемые фашистскими дивизиями, – люди большого опыта, проделавшие мировую войну. Наконец, у противника вдвое больше пехоты. Однако семь наступательных операций, предпринятых фашистами на Эбро, не дали им решающих успехов. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что пехота фашистов сражается хуже республиканской. Никто не станет отрицать боевых качеств, проявленных фашистами в Толедо, возле Мадрида, в Бельчите. Это были солдаты иностранного легиона, офицеры регулярной армии, марокканцы. Это были, наконец, добровольцы – рекете и фалангисты, которые знали, за что они дерутся. Потом на помощь им пришла итальянская пехота, но и она не решила исхода войны. Фашистам пришлось призвать крестьян и рабочих. Конечно, они окружили мобилизованных унтерами, преданными Франко. Немецкие инструкторы обучали новобранцев. Фашисты создали большую хорошо организованную армию. Она обладает всем, кроме духа.

До недавнего времени у республиканцев был только «дух». Древние религии обычно так представляли рождение человека: в глиняного истукана вдувают душу. Фашисты не могут вдохнуть душу в свою армию: вместо политических комиссаров у них фельдфебели, а вместо слова – палка. Тот «дух», о котором я говорил, – [331] сознание, воля к победе у республиканцев постепенно облекались плотью. В одном из последних номеров газеты «Джорнале д'Италия» помещена корреспонденция с фронта Эбро. Итальянский журналист пишет: «Напрасно некоторые нетерпеливые обзреватели упрекают военное командование. Ликвидировать красных, укрепившихся на правом берегу Эбро, нелегко, ибо мы имеем дело не с оравами дружинников, но с крепкой, превосходно обученной армией».

Сегодня, во вторую годовщину начала обороны Мадрида, мы видим, что не напрасно пролилась кровь лучших сынов испанского народа. Итало-германские бандиты надеются теперь взять Испанию измором. Они

сговариваются с «героями» Мюнхена. Но на беду им, на счастье всем честным людям, помимо дипломатов, посредников, лондонского комитета и Лиги наций, на свете еще есть молодая испанская армия.

Париж, 6 ноября 1938

Большое сердце

Тяжело теперь в Европе. Стыдно за людей. Разбойников с большой дороги называют «сторонниками мира». Их тупые кровожадные лица показывают на экранах, и зрители аплодируют. Палачи открывают приюты для сирот. Предатели читают доклады о морали, а трусы гордо дефилируют, осыпаясь цветами.

В этом мире зверства и лжи не все предали и не все сдались. Миллионы людей борются за человеческое достоинство. Есть чувства, которые красят человека, и есть люди, которые красят землю. Я хочу рассказать об этих чувствах, об этих людях.

Люди, которые выше всего ставят деньги, карьеру и честолюбие, не знают, что такое дружба. «Человек человеку – волк», – говорили предки Муссолини. А французские лавочники придумали поговорку: «Маленькие подарки поддерживают большую дружбу».

21 августа 1937 года в Турине была арестована студентка Габриелла Брентани. У нее нашли листовку, которая кончалась словами: «Да здравствует Испанская республика!». Это была девятнадцатилетняя болезненная [332] девушка, изучавшая математику и больше всего на свете любившая симфонические концерты. На допросе она показала, что листовку ей дали накануне и что никогда прежде она не занималась политикой.

– Хорошо, но кто вам дал листовку? Тогда девушка покраснела от гнева.

– Как вы смеете меня об этом спрашивать?

Ей грозили расправой. Четыре дня ее держали без воды. Ей обещали свободу. Она молчала: она не хотела выдать свою подругу. В тюрьме девушка заболела туберкулезом в острой форме. Ее освободили за три недели до ее смерти. Она прожила короткую жизнь, но она успела узнать высокое чувство: дружбу.

Фашисты учат один народ ненавидеть другой. Они натравливают венгров на украинцев, поляков – на чехов, арабов – на евреев. Прежде разбойники, сговариваясь друг с другом, заключали союз. Теперь слово «союз» кажется им чрезмерно человеческим, и, когда один бандит

договаривается с другим, это называется «осью». Они жмут друг другу руки, а сами думают, как бы потопить партнера. Германия хочет отбить у Италии Венгрию. Италия хочет отнять у Германии огрызки Чехословакии. В Испании интервенты друг друга ненавидят, и в Саламанке имеется немецкий ресторан, куда не пускают итальянских офицера в. Французское правительство недавно подписало мир с Гитлером и объявило войну французским рабочим. Казалось, эти люди должны быть спаяны общей ненавистью, общим позором, общим страхом. Но что ни день – до нас доходят вести о кознях одного министра против другого. Когда какой-нибудь капиталист накануне банкротства, другие радуются: больше будет наживы. Чешские буржуа не хотят пускать к себе других буржуа, таких же чехов, как они сами, убежавших из областей, занятых немцами: фабриканты посуды или маслобоек боятся конкуренции. Французы написали слово «братство» на всех правительственных зданиях, включая тюрьмы. Но сегодня из Франции выслали двадцать калек – бывших бойцов интернациональных бригад, безруких, безногих. Сражаясь в Испании, они отстаивали французскую границу от Гитлера и Муссолини, а в награду их выкидывают из Франции. Когда они спрашивают: «Куда нам ехать?» – им отвечают: «Не наше дело». Таково их братство. [333]

Тысячи людей из разных стран два года тому назад пришли на помощь испанскому народу. Они не подписывали протестов. Они сражались и умирали. Одни оставили дома любимую работу, другие – любимых людей. Были среди них храбрецы, пробравшиеся в Испанию из! Гамбурга, из Милана, с Балкан, люди, знавшие тюрьму, каторгу, пытки. Были приехавшие из мирных стран, из тихих зажиточных городов Швеции и Дании. Они не знали испанского языка, не знали, что такое рекете или фалангисты. Но они знали, что испанский народ изнемогает, и, не задумываясь, они пришли ему на подмогу. Когда этой осенью они покидали Испанию, в деревушках Каталонии крестьянки их обнимали, плача: сестры – братьев.

Весной в Бремене полиция арестовала 14 грузчиков. Они отказались грузить пушки для генерала Франко. Это была неравная борьба: что могли сделать 14 человек против полиции и армии? Но все же настанет день, когда 14 грузчиков, замученных штурмовиками, будут названы не только героями, но и победителями. Накануне Французской революции Бурбоны перебили тысячи крестьян. Тени этих крестьян брали Бастилию. Тени рабочих, погибших на Лене, были среди отрядов, штурмовавших в Октябре Зимний дворец. 14 бременских грузчиков – это бойцы интернациональной

бригады, так и не увидевшие берегов Испании. У них тоже были семьи, уют, жизнь. Они все отдали за братство.

Наши враги не знают, что такое верность, и вероломство они возвели в добродетель. Муссолини гордится тем, что он был социалистом и предал рабочий класс. Когда гитлеровцы захватили власть, нашлись социал-демократы, которые пошли к ним на службу. Гитлеровцы перебили тысячи рабочих, но предатель Носке получает от них пенсию. Гитлеровцы искромсали Чехословакию. Тотчас чешские «социалисты» предали свой народ. Они прикрыли партию, как обанкротившийся лавочник прикрывает лавочку. Иуда всегда почитался нищим, с брезгливостью люди говорили о 30 сребрениках, а теперь Иуда стал мессией капитализма. Его поцелуй – высокая политика, а 30 сребреников – честный доход: гонорары, субсидии, пенсии, премии. Во главе французских фашистов стоит Дорио. Он велик только одним: предательством. Пять лет назад он называл себя коммунистом. Этим летом он поехал на поклон к Франко. [334]

В Саламанке Дорио встретился со своим одноплеменником – французом Жан-Мари Бланшаром. Встреча произошла в тюрьме. Молодой токарь Бланшар поехал в Испанию как доброволец. Вместе с другими бойцами интернациональной бригады он защищал Мадрид. В январе 1937 года Бланшара взяли в плен возле Боадильи. Это было ночью – Бланшар не успел даже выстрелить. Он просидел в тюрьме 17 месяцев. Его били на допросах. Он молчал. Его держали в темной, сырой камере, есть давали гнилой горох. Он грустил об одном: в Аньере (предместье Парижа) у Бланшара осталась мать, и он не мог сообщить ей, что он жив.

В июне в тюрьму, где находился Бланшар, прибыл Дорио. Ему сказали:

– Это француз.

Дорио приветливо улыбнулся, спросил:

– Ты откуда, старина?

Бланшар молчал. Дорио спрашивал его:

– Хочешь что-нибудь передать своим?

Бланшар молчал. Его предупредили:

«Это – Дорио. Если ты будешь с ним полюбезнее, тебя отпустят во Францию».

Дорио протянул руку. Бланшар не пожал ее. Когда Дорио ушел, Бланшара избили. Англичане, которые недавно вырвались из плена, рассказывают, что многих французских коммунистов после посещения Дорио саламанкской

тюрьмы фашисты расстреляли. Может быть, среди них был и Бланшар. А Дорио?.. Иуды теперь не ищут осины, они редактируют газеты. Все же с ужасом я думаю о судьбе такого Дорио. Как все, он был ребенком, играл, рос. Что он должен был почувствовать, выходя из саламанкской тюрьмы? А Бланшар перед смертью дышал одним: верностью. Это тот воздух, который делает людей твердыми и непобедимыми.

Есть еще одна добродетель нашего мира: мужество. Я знаю, что среди фашистов имеются храбрые по природе люди. На сто человек у них всегда приходилось несколько сорвиголов. Я говорю не об этой храбрости, но о том внутреннем напряжении, которое превращает тихих, скромных людей в героев. Чем гордятся фашисты? Они празднуют «взятие Рима». Но они взяли Рим без единого выстрела. Они празднуют также завоевание Абиссинии. Они пустили авиацию и танки против безоружных людей. Германия гордится присоединением Австрии и разделом [335] Чехословакии. Кого они победили? Шушнига¹²⁹? Английского буржуа с зонтиком? Нет, они еще не узнали настоящих испытаний, войны, блокады, голода. История рабочего класса Европы – это не только история горя: это также история славы – от июльских инсургентов до обороны Флорисдорфа, от баррикад Коммуны до восстания астурийцев.

В Испании против одного республиканского самолета – восемь фашистских; против одного орудия – десять, против одного штыка – три. Сильные державы – Германия и Италия – вот уже два года как ведут войну против Испанской республики. Они подошли к Мадриду и Мадрида не взяли. Они приблизились к Валенсии. Их остановили. Они шли на Барселону. Их отбросили, и республиканцы перешли Эбро. Мужество испанского народа в каждой женщине, которая спокойно переносит страшные ночи Барселоны; в ученых, которые продолжают работать без хлеба, без света, под бомбами; в крестьянах, которые убирают хлеб под пулеметным огнем; в детях, которые учатся натошак и спокойно разглядывают вражеские эскадрильи.

Я помню Фернандо Санчеса. Он служил в Барселоне в бюро спальных вагонов. Это был робкий человек. Товарищи рассказывали, что он научился танцевать, но никогда не танцевал: конфузился. Он был в молодежной дивизии, которой командует юный герой Тагуэнья. 48 человек в сентябре защищали одну из высот Сьерра-Кабальс. Среди них – Фернандо. Их там бомбили 27 «хейнкелей». Высоту закидали снарядами. Холм стал непохожим на то, чем был. Когда фашисты пошли в атаку, республиканцы встретили их гранатами и пулеметным огнем. Фашисты отступили. Из 48

защитников высоты уцелели 17 человек. Раненный в ногу Фернандо кидал ручные гранаты.

Мы видели, как от страха побледнели Париж и Лондон. Мы видели людей, которые радовались тому, что сдались на милость врага. Правда, теперь им невесело. Их мутит, как с перепоя. Человек, который поддался страху, потом презирает себя и злобу вымещает на других, а человек, победивший страх, – весел. Кроме того, [336] он мудр: он понял, что есть на свете то, что дороже жизни.

В мире идет страшный бой. С одной стороны, военная техника фашизма. Эссен, золото Сити, хитроумие дипломатов, предательство мнимых друзей. С другой – только люди, те, что стоят у станков Эссена или стучат на машинках в Сити, те, кто, озираясь, передают друг другу крохотные листовки, и те, что своими телами теперь защищают высоту Эбро, – люди, настоящие люди с тяжелыми, как жизнь, добродетелями.

В Испании есть старая песня:

Победа – это девушка,

Она любит утро в горах,

Она любит горячие ладони,

Она любит большое сердце.

Париж, 6 ноября 1938

Народ Парижа встречает своих героев

Сегодня в Париже летний день. С раннего утра тысячи парижан ждали возле Аустерлицкого вокзала героев интернациональных бригад. Люди, измученные бесчестием и трусостью правящих классов Франции, наконец-то увидели свободных и гордых людей.

Вот они идут по улицам Парижа – героини Харамы и Гвадалахары, Теруэля и Эбро. На некоторых еще шапчонки испанской армии. Над бойцами – испанское трехцветное знамя. Они поют песню, с которой дрались под Мадридом, – «Интернационал».

Работницы принесли тысячи букетов. Это скромные и прекрасные цветы бедняков. Парижане после двух лет разлуки увидели снова родной город. Девушка кричит: «Жан!»

Бойцы проходят по улицам рабочих кварталов. Десятки тысяч рабочих стоят на тротуарах. Из окон кидают цветы. Вот идет полковник Дюмон, командир бригады «Парижская коммуна». Крики «Спасите Испанию!»...

Многих я знаю – я их видел в окопах Испании. Молодой рабочий, красавец. Один рукав пустой – Теруэль. Он поднимает кулак и улыбается. [337]

Вот ведут на веревке ветерана – дворняжку, любимицу батальона.

Проспект Республики запружен толпой. Я не знаю, сколько людей сегодня встречали героев, но я знаю, это все тот же великий бессмертный Париж. Его дети были не в Мюнхене, но в Каса-де-Кампо. Они отдали свою кровь за свободу другого народа. Предали другой народ не они. Все улыбки, все фиалки, все астры им – героям Франции.

Они увидели родину в горькие часы. Им запретили остановиться во французском городе Перпиньяне. Для «героев» сегодняшнего дня – это чуть ли не преступники. Для парижского народа – это герои.

Париж, 13 ноября 1938

Ночь над Европой

У греков был миф о начале Европы. Европой звали прекрасную финикиянку, дочь Агенора. Зевс, влюбившись, ее похитил. Агенор послал своего сына Кадма на розыски Европы. Кадм долго блуждал. Дельфийский оракул сказал ему: «Следуй за коровой и там, где корова ляжет, заложи новый город». Кадм последовал совету и, увидев корову, воскликнул: «Здесь будет Европа!»

Недавно я прочитал в газете «Фелькишер беобахтер» следующие строки: «Наши крестьяне были мудрее наших книжников: они понимали, что такое чистота расы. Если мы справедливо гордимся прусскими коровами, которые во многих отношениях выше фионских и герефордских, то никто у нас не станет гордиться Марксом, Гейне или ублюдком Эйнштейном».

Что же, вспомним Кадма и, взирая на великолепную прусскую корову, скажем: «Здесь была Европа».

7 ноября 1917 года рабочие и крестьяне разоренной, нищей России обратились к Европе со словами братства. На эти слова ответили орудия. По улицам Киева гарцевали германские уланы. Японцы захватили Владивосток. Сторонники самоопределения народов высадились в Архангельске. Присяжные пацифисты кровью залили Одессу.

В те памятные годы они глядели свысока на нашу страну: сколько неграмотных и сколько лаптей! Они заверяли, [338] что для буржуазной Европы наступает эра мира и счастья. Отвоевав, победители и побежденные ночи напролет танцевали – это была эпоха фокстрота. В Вене люди

умирали с голоду, но и в Вене не умолкал джаз. Демократы клялись помирить волков и овец. Ученые готовились к новым открытиям. Писатели обещали читателям длинные романы. Восторженно глядели обыватели на самолеты – они еще помнили извозчиков. Как они презирали нашу страну! В Москве голодные люди, устраивая субботники, руками подталкивали вагоны.

Потом Европа оттанцевала. Во всех европейских городах поставили памятники героям войны. Под памятниками валялись люди: дружно, как всходят хлеба, всходило поколение без работы и без хлеба.

Где теперь законники, которые осуждали балтийцев за то, что балтийцы отдали будущему не избирательные бюллетени, но свою кровь? Фашисты убили Ратенау и Эрцбергера, Амадола и Маттеоти. О Веймарской конституции упоминают только учителя истории. В домах Вены, построенных социал-демократами, поселились берлинские штурмовики. Чехословакия поделена между захватчиками, а Бенеш¹³⁰ изгнан немцами из своей страны.

Детям свойственно играть, подросткам – мечтать. Все люди рождаются для счастья. Новое поколение Европы так и не узнало счастья. Юноши весь день бродят по улицам: они ищут работу – так некогда люди искали клад. В Манчестере закрыты фабрики. Экономисты говорят, что в Англии чересчур много текстиля. Но я видел в том же Манчестере людей без рубашек, они заворачивались в газеты. Во Франции особая комиссия обсуждает, каким способом уничтожить избыток пшеницы, а газеты пишут, что во французских колониях голод. Датчане несчастны потому, что в Дании слишком много коров. Шахтеры Боринажа голодают потому, что в Бельгии чересчур много угля. Зачем люди прокладывали через Европу пути? Все страны наглухо закрыли двери. На чужестранцев устраивают ночные облавы, как на зверей.

На пустыре между Германией и Чехословакией, под открытым небом ютятся триста человек. Германия их выслала, Чехословакия их не впустила. Они обречены на голодную смерть. Несколько дней тому назад одна женщина родила ребенка. Ей никто не помог: врачи были по [339] ту сторону двух границ. Она рожала осенью 1938 года, как в пещерный век.

Поезд с ранеными бойцами интернациональной бригады подошел к французской границе. Поезд не впустили во Францию. Фашисты тотчас сообщили итальянской авиации, что в Порт-Бу – бойцы интернациональной бригады, и, чтобы спасти людей от итальянских бомб, испанские

железнодорожники отвели состав в туннель. На пороге Франции люди в темноте корчились и стонали.

В Германии палач, надев черные перчатки, отрубил голову молодой женщине: ее заподозрили в том, что она коммунистка. Остался грудной ребенок. Я не скажу – звери: у зверей нет жалости, но у них нет и жестокости, звери знают голод, а люди, которые теперь правят Германией, всю цивилизацию своей страны, весь технический прогресс посвятили одному – жестокости. Они изучили анатомию, чтобы лучше пытаться арестованных рабочих. Они изучили механику, чтобы без промаха убивать испанских детей. Они изучили химию, чтобы завтра удушить народы Европы. Во имя чего? Во имя «чистоты расы», во имя той прусской коровы, которая выше Маркса и Гейне. Черная ночь опустилась на Европу, и по сравнению с штурмовиками варвары, уничтожившие Древний Рим, кажутся нам гуманистами.

В новом Риме засели комедианты. Они были бы смешны, если бы им не дали свободы грабить и убивать. Они говорят о древней латинской культуре и мимоходом рассказывают, с каким наслаждением они травят абиссинцев ядовитыми газами. Я видел в Испании пленных итальянцев. Эти представители «древней латинской культуры» были вшивыми, голодными, неграмотными. В нашей стране имелись народы, до революции не обладавшие алфавитом, не знавшие оседлости, никогда не выдавшие поезда, но Муссолини может теперь пригласить в Сицилию шорцев или ненцев с букварями и с мочалками.

Где открытия? Где бальзаковские романы? Где культура? Начало века сулило народам Европы достоинство и мир. Я не говорю о достоинстве – прусская корова... но кто теперь говорит о мире? Капитализм, разлагаясь, как огромный труп, отравил водоемы Европы. В Италии восьмилетние сопляки учатся колоть штыком. Гейдельбергские студенты заменили курсы философии маршировкой.

Гитлер вызвал к себе представителей двух демократических [340] держав. Он показал им сначала танки, потом карту Чехословакии. Они поняли и не стали перечить. Среди бела дня разграбили страну, как лавочку. Каждый старался схватить побольше. Я знаю Бреслав. Это чешский город. Его заняли немцы. Жители убежали, и Бреслав стал новой Помпеей: пустые улицы, брошенные дома.

Завтра венгры войдут в Ужгород, в Мукачево, в села Закарпатской Украины. Два дипломата провели карандашом по карте. Теперь жандармы

могут исчерчивать плетками спины крестьян.

После этого бессовестные люди в странах, гордых «Хабеас корпусом»¹³¹ или «Декларацией прав человека», спокойно говорят, что восторжествовало право.

Французские буржуа откупились на год или на полгода. Они предали все ради покоя и все же покоя не нашли. Я видел в газете объявление пошляка, не лишенного смекалки: «Ввиду тревожного времени ищу хотя бы на краткий срок веселую беззаботную блондинку». Они стараются повкуснее есть и принимают на ночь снотворное. Они хлещут вперемешку коньяк и валерьянку. Судьба Португалии – вот их затаенная мечта, и они хотят завести у себя своего французского Салазара.

Обыватели с ужасом смотрят на небо. Они думали, что самолеты заменят извозчиков. Фашистские самолеты воскресили чуму 1000 года.

В Испанской республике нет хлеба. Недавно над маленьким каталонским городом показались пять «хейнкелей». Немцы скидывали не бомбы, но хлеб. Голодные женщины и ребята выползли из убежищ и стали подбирать хлеб. Тогда-то германские летчики принялись расстреливать их из пулеметов. Это новый спорт – охота на людей с приманкой, величайшее достижение Европы 1938 года.

Мужественно испанский народ защищает свою родину и культуру Европы. Мужественно в Париже и в Лондоне, в Берлине и в Риме миллионы рабочих, измученных одни безработицей и нуждой, другие кнутом и решеткой, отстаивают ценности большой цивилизации.

Мы взяли все, что было лучшего в Европе. Мы взяли Гёте и Гегеля, Маркса и Гейне, мы им оставили Геббельса. [341] Мы взяли Леонардо да Винчи, Леопарди, Гарибальди. Мы им оставили скоморохов в черных рубахах. Мы взяли Вольтера и Конвент, Гюго и Бальзака. Мы оставили им грустных героев этой осени. Мы взяли Байрона в Греции. Мы оставили им лорда Ренсимена¹³² в Праге.

Настанет день, и все живые люди повернутся лицом к той стране, которая одна сохранила традиции всеевропейской культуры. Подлинная Европа теперь у нас, и теперь их черед открыть окно в Европу.

Париж, ноябрь 1938

Волки

На парижских экранах часто можно увидеть Муссолини: он любит сниматься. Мы видим его то воинственного в каске, то в трусиках на пляже.

Недавно он снялся на сельском празднике с косой. Жаль, позади не сняли стогов – детей Харрара и Барселоны, скошенных этим державным косцом.

В Риме, согласно обычаю, проживает тощая, облезшая волчица. Ей дают в день два кило конины, и она никого не пугает. Рядом с ней теперь засели двуногие волки. Сотни тысяч матерей в Риме и Аддис-Абебе, в Неаполе и в Мадриде плачут оттого, что эти двуногие волки любят не конину, но человечину.

Тучный, обрюзгший человек, который снимается на пляже в трусиках, объявил убийство подвигом, грабеж – добродетелью: «Война – дело божественного происхождения. Война для мужчины – то же, что материнство для женщины».

Придворный шут академик Маринетти развил мысль своего учителя: «Война прекрасна, потому что она создает единую симфонию из выстрелов, грохота бомб, немых пауз, ароматов и трупного смрада».

Сын правителя – Бруно – собственноручно принимал участие в создании «единой симфонии»: он бомбил абиссинские деревни и каталонские города. Этот «герой» выпустил книгу воспоминаний, в которой он пишет: «При помощи зажигательных бомб мы подожгли лесистые [342] холмы и деревни. Все это было чрезвычайно занимательно...»

Есть русская поговорка: «Сын в отца, отец в пса, а все в бешеную собаку».

Один из вожаков германских волков – тщедушный графоман Геббельс поделился с миром своей философией: «Война – самая простая форма утверждения жизни. Нельзя уничтожить войну, как нельзя уничтожить феномен рождения».

Эти люди не в палате для буйных, они управляют огромными странами.

Капитализм когда-то строил библиотеки, обсерватории, мосты. Теперь, обезумев от страха, он призвал на выручку убийц, которые жгут библиотеки, разрушают обсерватории, взрывают мосты. В стране Данте и Леонардо да Винчи отец Бруно спокойно заявляет: «Я предпочитаю одну ручную бомбу десяти томам».

В стране Гёте и Шиллера графоман Геббельс говорит: «Когда я вижу интеллигента, мне хочется выхватить из кармана револьвер».

В стране Сервантеса фашистский генерал Мильян Астраи провозглашает: «Смерть разуму!»

Я повторяю: они не в клинике для помешанных, они – на командных

постах.

Они учат детей одному: убивать. Даже арифметика у них смердит: они считают трупы. Немецкий «Бунд дер лерер» («Союз учителей») издал новый задачник. Вот несколько задач:

«Каждая зажигательная бомба весит полтора кило. Сколько бомб может захватить самолет грузоподъемностью 600 кило?»

«47 бомбардировщиков бомбят вражеский город. Каждый самолет взял по 500 бомб весом в полтора кило каждая. Сколько сброшено кило взрывчатых веществ? Принимая во внимание, что 70 процентов бомб не попадут в цель и что только 20 процентов попавших в цель произведут нужное действие, сколько пожаров произойдет в городе?»

Это для десятилетних немцев. Для десятилетних испанцев – бомбы зажигательные, фугасные или осколочные.

Фашисты – грабители. Среди них имеются и взломщики – итальянцы в Испании, и «форточники» – поляки в Тешине. Грабеж они оправдывают высокими [343] побуждениями. Они захватили Абиссинию потому, что там вместо культуры было рабство. Оказывается, неграмотные крестьяне Калабрии и Сардинии принесли абиссинцам просвещение. В Италии нет свободных людей, там все рабы, кроме тучного человека, который любит сниматься, и вот сотни тысяч рабов пришли освобождать абиссинцев. Они принесли им высшую форму волчьей культуры: иприт и портреты человека в каске.

Ворвавшись в Испанию, фашистские варвары тоже говорили хорошие слова. Они заверяли, что каталонцы – дикари, что в Мадриде на площадях насилюют монахинь и что в горах Астурии бродят преступники. Эти неучи объявили народ с высокой культурой, за счет которой долго жили другие народы Европы, народом дикарей. Смотрители концлагерей, рыцари кнута, топора и касторки, освобождали испанский народ от республики, от парламента, от свободы.

В сентябре этого года все тот же графоман Геббельс назвал дикарями чехов. Истребители книг, профессиональные поджигатели решили просветить «дикарскую Прагу» с ее старейшим в Европе университетом.

Когда в сентябре Гитлер произнес очередную речь, вся Европа сидела у радиоприемников. Неуравновешенный душевно человек кому-то грозил, и философы, ученые, поэты слушали, затаив дыхание: их судьба зависела от этого невнятного и, скажем прямо, нечеловеческого воя.

Один крупный и два мелких разбойника разграбили страну. Запуганные буржуа Европы вежливо кивали головами, и грабеж они называли «самоопределением национальных меньшинств».

Фашистские волки нахальны, но трусливы. Мы знаем, до чего победоносен Муссолини в Риме. Мы знаем также, как удирают его храбрые дивизии в Испании всякий раз, когда против них оказывается несколько батальонов.

Почему правители Англии и Франции не остановили захватчиков? Один француз цинично сказал: «Это могло бы привести к усилению Народного фронта». Чемберлен говорил: «Я боюсь, что у нас мало самолетов». Он думал про себя: «Я боюсь, что у Гитлера слабый тыл». Он боялся одного: свалить германский фашизм. В Мюнхене ни о чем не договаривались. В Мюнхене только завтракали, обедали, а потом оставили на память четыре автографа. Все было решено заранее. Гитлеру выдали с головой [344] не только Чехословакию, но и немецкий народ. Даладье приехал в Париж гордый, как победитель при Аустерлице. Он сразу сказал шоферу адрес: к Триумфальной арке.

Теперь все живут одной мыслью: чей черед? Куда двинутся захватчики? На Литву или на Эльзас? На Румынию или на Данию? Во Франции жизнь замерла. Лаборатории ученых стали кочевыми: их эвакуируют, потом возвращают. Писатели больше не пишут длинных книг: все равно до конца не допишешь. Война скребется у дверей.

Фашисты не могут жить мирной жизнью. Им больше десяти лет, и они уже решили все задачи с зажигательными бомбами. Они хотят жечь, грабить, убивать. Ввиду антракта правители Германии предложили своим храбрым воинам заняться еврейскими погромами. В ноябрьскую ночь людей вытаскивали из домов и обливали ледяной водой, у стариков выдергивали бороды, женщинам набивали рот нечистотами. Геббельс назвал это «высоким проявлением германской души»; он сказал: «Никаких грабежей не было. Если женщина и взяла шубу в магазине, чтобы поднести ее матери на рождество, я не могу назвать это грабежом».

Можно ли назвать грабежом, если женщина арийской расы стащила для маменьки неарийскую беличью шубку? Это только торжество справедливости. Теперь Геббельс и Даладье договариваются с Муссолини. Дело идет не о беличьей шубке: Муссолини хочет получить Испанию. Этот ребенок капризен, и Чемберлен, вздыхая, говорит: ничего не поделаешь! Чемберлена прозвали «крылатым вестником мира»: он присутствует при

европейских грабежах – такова его специальность. Притом мы знаем, что, присутствуя при грабежах, он всегда ходит с зонтиком и всегда говорит о мире.

В испанском городе Фигерасе одна женщина, сына которой убили итальянские летчики, сказала мне: «Может быть, у этого Чемберлена нет детей?» Я не знаю, имеются ли у него дети. У него зонтик в руке, а в голове – Сити. Что касается Муссолини, у него много детей, это образцовый семьянин, и, может быть, именно его сын Бруно убил мальчика в Фигерасе. Не будем ждать человеческих чувств от тех, что поклялись уничтожить человека.

Американские газеты пишут, что в Европе воцарилось средневековье. Зачем оскорблять предков? Люди средневековья [345] жили в городах-крепостях с узкими темными улицами. Они верили в дурной глаз и боялись ада. Они еще многого не знали, и с улыбкой изумления человечество вышло из узких улочек на площади Возрождения. Но люди средневековья любили жизнь. Они создали прекрасные соборы, гениальные поэмы. Они оставили примеры мужества и дружбы. Можно ли сравнить с ними Бруно Муссолини или двух громил из Берлина? Что оставят потомкам эти убийцы, кроме фотографий дуче в каске, кроме развалин, кроме песни о сутенере Хорсте Весселе, кроме колючей проволоки концлагерей?

Они всегда были жадными. Они всегда говорили, что человек человеку – волк. Но теперь они взбесились. Мы знаем, что значат эти мутные глаза и слюнявые пасти. Страшно и стыдно подумать, что в 1938 году по городам Европы бродят эти проклятые стаи.

Париж, декабрь 1938

Сила сопротивления

Все знают о мужестве испанской армии. Линия фронта превратилась в границу, и вот уже шесть месяцев, как враг не завоевал ни пяди испанской земли. Окопы – лицо обороны. Ее изнанка – анонимное будничное мужество военной промышленности. Для обороны нужны снаряды, бомбы, патроны. Фашисты получают снаряжение из Италии и из Германии. Кроме того, в их руках превосходно оборудованные заводы Севильи, Трубии, Страны Басков. В Каталонии не было ни одного военного завода. Здесь мало горючего, не хватает энергии. Итальянский флот блокирует побережье, металл приходится по нескольку раз переплавлять. Мало хлеба, и рабочие работают, как заводы, – на голодном пайке. Героизм тружеников военной промышленности лишен внешнего пафоса. Добавлю, что мне

приходится о многом умалчивать, – страна воюет. Люди труда поймут все же, что значат эти сухие строки, и оценят силу испанского сопротивления.

Я повторяю – до войны в Каталонии не было ни одного военного завода. Теперь Каталония изготавливает снаряды, гранаты для минометов, винтовки, патроны, капсульные втулки и много другого. За последние полгода [346] освоено свыше 40 новых видов военного снаряжения. На военных заводах прежде изготавливали патефоны и радиаторы, дверные приборы и кровати, велосипеды и посуду, игрушки и радиоприемники. Если многие музыканты теперь стали пулеметчиками, то на заводе, изготавливавшем патефоны, теперь делают гранаты. О том, как трудно человеку переменить свою судьбу, написаны тысячи романов. Знают ли все, как трудно переменить судьбу заводу?

Вот крохотный заводик. Прежде он изготавливал запасные части для швейных машин. Восемнадцать рабочих знали свое дело: из года в год они делали одно и то же. Началась война. Завод стал изготавливать снаряды и взрыватели. Из Барселоны прислали заказ. Не было ни моделей, ни чертежей. Старый мастер сделал матрицы для прессов и переделал станки. На завод пришли крестьяне, женщины. Теперь здесь работают 80 человек. Раздобыли маленький двигатель. На заводе нет ни одного инженера, и к техникам следует отнести 18 старых металлистов. Они не только работают, – они изобретают. Они сделали несколько автоматических станков для выработки жала взрывателя – это трудное производство, оно требует большой точности. Работают безостановочно в три смены. За последние два месяца производство возросло втрое. Во главе завода рабочий Серафим Торне. Бывают дни – он работает по 16 часов. На заводе холодно, голодно, но рабочие говорят об одном: как увеличить производство. Есть глубокая связь между людьми, которые стоят у этих самодельных станков, и другими, которые стоят в окопах на Сегре. Каждая сводка отражается на ходе станка.

Другой завод – далеко от Барселоны. Здесь делали радиоприемники и нарядную мебель. Инженеры (иностранцы), когда началась война, уехали. На заводе было 80 рабочих, теперь 400. Столяры делают ложе винтовок. Любовно старик гладит дерево: «Орех должен сохнуть 29 дней». На тридцатый орех может стать... винтовкой. О любви испанского рабочего к материалу, о тщательности отделки можно написать подлинную поэму. Старательно окрашены в два цвета снаряды и гранаты. Нет нужды, что они идут прямо на фронт. Горячка военного времени, тяжесть обстановки – жизнь впроголодь, бомбардировки и воздушные тревоги с их

останавливающей все темнотой – никак не отражаются на [347] качестве работы. Снаряд отделан, как ювелирная безделушка.

Этот завод изготавливает гранаты для миномета и пулеметные диски. Портнихи и белошвейки четыре дня смотрят, на пятый они начинают работать. Еще недавно в месяц изготавливали 600 лож для винтовок, теперь – 24 тысячи. Вместо 28 тысяч магазинных коробок – 600 тысяч. Рабочие переделали все машины. Они оборудовали цех для антикоррозийного покрытия. А на старом буксире они нашли паровой двигатель в 80 лошадиных сил. Так был разрешен вопрос об энергии.

Сиксто Рекасенс – старый механик. Он сидит над чертежами: он переделывает машину. У него болен сын. В Испании теперь нет многих лекарств, и у Сиксто Рекасенса грустные глаза. Потом он оживляется: он придумал, как использовать один бездействующий станок. Теперь у него глаза поэта. Амелия Барбара – смешливая девушка. Ей девятнадцать лет. Она была модисткой. Все ее братья на фронте. Она училась пять дней и теперь изготавливает в неделю 10 тысяч частей взрывателя. Улыбаясь, говорит: «Мало. Буду выпускать 15».

Я рассказал о двух маленьких заводах. Они ничем не отличаются от других, это рядовые военной промышленности. Может быть, какой-нибудь инженер из Эссена усмехнется, ознакомившись с достижениями каталонских рабочих. Но вряд ли станут усмехаться его соотечественники в Лериде или Балагере: они успели ознакомиться с гранатами и снарядами, изготовленными на заводах Каталонии. Притом я склонен предпочесть человека, который изобрел колесо, коммивояжеру Форда.

В стране, как я сказал, мало сырья. Рабочие это знают и с хозяйской бережливостью относятся к материалу: ничего не пропадает. Часто приходится изготавливать вещь без чертежей: на завод присылают поломанную модель. Освоение нового вида не берет и трех месяцев. Вместо токарных станков зачастую работают на фрезерках. Вместо резьбофрезерных станков – на сверлильных. Процент брака не выше, чем в странах с передовой индустрией. Испанский рабочий – искусник, и только невежды могут говорить об испанской лени. Инженеры обладают политехническими познаниями, и часто один техник обслуживает различные цехи.

Женщины в старой Испании были обречены на затворнический образ жизни, но они быстро приспособились [348] к машинному труду. На одном снарядном заводе 80 процентов женщин. В цехах работают сплошь

женщины. Несмотря на отмеченные мною трудности, некоторые предприятия достигли исключительно высокого уровня. На одном заводе осуществлено литье снарядов механизированным процессом. Знающие производство поймут, что это означает.

Сила испанского сопротивления не только в окопах – она на этих заводах, где романтическая кустарщина превращается в индустриальную мощь. Народ, которому грозят петлей блокады, не сдастся.

Он разводит картошку на балконах шестиэтажных домов и в мастерских, где недавно изготавливали детские игрушки, он изготавливает снаряды. Так в слащавые и циничные беседы европейских дипломатов вмешивается голос Испании, которая хочет жить.

Барселона, 25 декабря 1938

Три конкистадора

Вчера я провел день с итальянцами. Для этого мне не пришлось даже съездить в Рим. С двумя итальянскими фашистами я беседовал на испанской земле. Мистер Чемберлен заявил в парламенте, что Муссолини вывел из Италии всех «волонтеров», которые находились в законной отлучке свыше 18 месяцев. Однако итальянец, с которым я беседовал, а именно капрал Кармело Индичелли, прибыл в Испанию в феврале 1937 года. Таким образом, Индичелли воюет в Испании 22 месяца, и если со вчерашнего дня он перестал убивать испанцев, то в этом повинны не столько английские дипломаты, сколько бойцы республиканской армии, которые взяли в плен капрала. Индичелли преспокойно рассказал мне, что в его роте все – «ветераны» – участники героического бегства под Гвадалахарой. Значит, капрал не исключение.

Английское правительство столь же категорично заявило, что после 1 октября в Испанию прибыло весьма малое количество итальянцев. Капрал Индичелли, видимо, не посвящен в дипломатические тонкости. С живостью, присущей его южному темпераменту, он указывает, [349] что Италия шлет в Испанию подкрепления: «В нашем батальоне много солдат, которые приехали из Италии в начале декабря, за несколько дней до наступления». Обидно, если мистер Чемберлен перед тем, как беседовать с Муссолини, не поговорит по душам с Кармело Индичелли. Последний мог бы рассказать английскому премьеру о том, как 15 тысяч новых «волонтеров» заменили 10 тысяч эвакуированных. В наступлении на Сегре принимают участие итальянские дивизии «Литторио» и «Черные стрелы». В резерве находятся 4 итальянские дивизии: «Синие стрелы», «Зеленые

стрелы», «Черное пламя» и «23 марта» (две последние, якобы расформированные, на самом деле пополнены).

Капрал Кармело Индичелли, конечно, заявляет, что он – пламенный фашист. Но его политические познания весьма ограничены. Он говорит, что генерал Франко всем генералам генерал и что в генеральских владениях не жизнь, но рай. Четверть часа спустя капрал сокрушенно объясняет, что в раю не всем сладко: «У рабочих и крестьян нет никаких прав». Почему же фашистская Испания кажется капралу, который родом из нищей Сицилии, раем? «Мне платили в день жалованье в песетах, а помимо этого в Италии накапливаются денежки – каждый день 20 лир!»

Капрал Кармело Индичелли, как я сказал, был под Гвадалахарой. Не останавливаясь, он бежал от Трихуэки до Бриуэги. Это – лавры истории. Что касается новых побед, то капрал простодушно поясняет: «Нам приказали вступить в Барселону». Слов нет, капрал вчера вступил в Барселону, правда, несколько иначе, нежели он предполагал.

Лейтенант артиллерии Ладислао Эдельштейн, тщедушный и уродливый человек, он родом из Южного Тироля и хорошо говорит по-немецки. Однако будучи патриотом, он переименовал фамилию Эдельштейн на Эдели. Это, конечно, самое невинное из его занятий. Он – военный инженер, полиглот и тонкий политик. Он охотно поясняет высокие мысли дуче: «Мы приехали в Испанию, чтобы освободить эту страну от иностранных влияний, именно от английского, французского и русского. Англия в своей ненависти к Италии готова была опереться на Россию, но этому мы помешаем. Англия и Франция должны быть удалены с Иберийского полуострова». [350]

Должен признаться, что накануне римского свидания¹³³ мысли лейтенанта Эдельштейна – Эдели о коварстве англичан звучат особенно трогательно.

Лейтенант думает, что Италии не придется воевать против Франции: «Мы добьемся своего и без войны». Конечно, не сразу. Сначала мы получим автономию итальянцев в Тунисе, на Корсике и в Ницце. А потом все пойдет само собой...»

Лейтенант спешит добавить, что Корсика всегда принадлежала Италии и что в Ницце нет французов.

Лейтенант по природе неглуп. На нем нашли письмо итальянского полковника, который горячо рекомендует лейтенанта Эдельштейна – Эдели как образцового командира. Если рассуждения лейтенанта кажутся

пародийными, то виноват в этом не он. Я приведу несколько афоризмов лейтенанта: «Папа непогрешим только в канонических вопросах, а Муссолини непогрешим везде и во всем. Я люблю стихи Д'Аннунцио, а вот поэт Леопарди – почти фашист. Большевики – фаталисты вроде Льва Толстого. Испанская история показывает, что испанцы могут только воевать, в то время как Италия с древнейших времен создавала и создает мирную цивилизацию. В Испании было два выдающихся человека – Сервантес и Примо де Ривера».

Памятуя об «оси», я посвятил часок еще одному пленному: унтер-офицеру рейхсвера Гергарду Импингу. Этот родился не в Тироле, а в Вестфалии, и ему не пришлось менять фамилию. С унтером приключился неприятный казус. По дороге возле Тремпа на мотоцикле ехал немец в испанской форме. Его остановил патруль. Унтер показал удостоверение. Испанцы в ответ отобрали у немца револьвер. Унтер закричал, но республиканские солдаты не понимали немецкого языка, а немец, который вот уже два года как сражается в Испании, не знал ни слова по-испански. В итоге злополучный унтер проснулся пленным.

Унтер охотно рассказывает о жизни немцев в Испании. Он нес главным образом тыловую службу. В Бургосе духовная семинария отведена под казармы для немцев. Что касается немецких офицеров, они забрали лучшую в Городе гостиницу «Мария Исабель». Живут немцы в Испании неплохо. Унтер получал в месяц полторы тысячи [351] песет, из них часть в валюте – 300 марок. Унтер с презрением говорит об итальянцах, которые женятся на испанках: «Ни один немец не женился и не женится на испанке».

Рассуждения немецкого унтера находятся на уровне «оси». Он недоволен тем, что в фашистской Испании чересчур много ревностных католиков. Он считает, что, обладая Гитлером и расистской теорией, можно обойтись без других предрассудков. Я спрашиваю: «Почему немцы воюют в Испании?» Унтер отвечает: «Мы воюем против врагов Германии». Потом он поясняет, что у Германии, как у Карла в опере «Гугеноты», тьма-тьмущая врагов: Франция, Бельгия, Россия, США, Англия и т.д. Однако вспомнив о подписании франко-германской декларации, унтер, как истинный дипломат, спешит исправить оплошность: «Франция теперь не вполне враг, так как мы отказались от французских территорий. Зато Бельгия – вот это враг!» Каждому – свое.

Немцы в фашистской Испании расположились как у себя дома. Письма в Германию они посылают без почтовых марок, а письма из Германии вместо адреса снабжены пометкой «S-89». Унтер рассуждает, как колонизатор:

«Конечно, в Испании красивые пейзажи, но это – отсталая страна, и ее необходимо просветить...»

Надо ли напоминать о том, как немцы и итальянцы «просвещают» Испанию? Об этом говорят развалины и могилы. В дни, когда итальянские дивизии, подкрепленные германской авиацией, под командой немцев наступают на Каталонию, мой долг, долг писателя, долг человека, любящего испанскую культуру, испанский народ, рассказать всем о полудиких конкистадорах, которые при трусливом молчании европейских демократов пытаются захватить эту прекрасную страну.

Барселона, 26 декабря 1938

На фронтах Испании

Наступление противника началось 23 декабря около полудня на всем фронте Сегре от Тремпа до Эбро. В первый день сильные ветры несколько препятствовали действиям неприятельской авиации. Но в последующие [352] дни противник, как обычно, старался использовать свое превосходство в воздухе. За последние месяцы в Испанию были доставлены новые самолеты из Италии и Германии. Вчера на правом крыле противника действовали 200 фашистских бомбардировщиков, а на левом, тоже в районе Тремпа, – около 80. Такой концентрации авиации противника мы не видели даже при боях на Эбро. В районе Тремпа противник сосредоточил марокканский корпус и две дивизии. Достигнув в первый день незначительных успехов, он не мог продвинуться дальше.

Бои происходят при морозе до минус 20 градусов. Сопротивление республиканцев возрастает. Атаки неприятеля в центре не имели успеха, и теперь на этом участке затишье. Особенно ожесточенно неприятель атакует в районе Сероса. В бой пущены три итальянские дивизии и одна наваррская. В резерве находятся три итальянские дивизии и некоторые части мятежников. Неприятель пускает в ход итальянские танки. Артиллерийский огонь по интенсивности превосходит бои на Эбро. Несмотря на материальное превосходство противника, он и на этом участке до сих пор не одержал серьезных успехов. Неся крупные потери, он несколько продвинулся вперед и занял четыре деревушки.

Вчера на левом фланге участка Сероса противник столкнулся со славной 10-й дивизией республиканской армии. Произошел встречный бой. Дрались предпочтительно ручными гранатами. Обе стороны вернулись на исходные позиции. Республиканцы захватили некоторое количество пленных и трофеи. Сегодня неприятель продолжает атаковать. На левом фланге он

пытается продвинуться к Борхас Бланкас, на правом – в сторону Фальсета. Повсюду он встречает упорное сопротивление.

Итальянцы, мечтавшие о повторении мартовского наступления, обманулись. Предстоят длительные и тяжелые бои.

Барселона, 26 декабря 1938

Вчера неприятель атаковал с необычайной настойчивостью как в районе Сегре, так и в районе Тремпа. В районе Тремпа атаку ведут марокканцы и части «Терцио [353]». Неприятель здесь пытается прорваться к Аспеху. В районе Сегре части, ведущие наступление на Борхас Бланкас, встречают упорное сопротивление.

Итальянская дивизия «Литторио» 26 декабря уведена на вторые линии. Атакуют четыре итальянские дивизии-«Синие стрелы», заменившие «Литторио», «Зеленые стрелы», «Черные стрелы» и «9 маггио». Итальянцы несут очень серьезные потери.

Вчера итальянцы заняли деревни Аспа и Солерас, но потом были остановлены. Сегодня бои идут с выигрышем для республиканцев.

Итальянские и германские бомбардировщики бомбят республиканские позиции. Силы фашистских интервентов впервые демонстрируются с такой откровенностью. Новые виды вооружения фашистских держав нашли проверку и применение на Сегре. Вчера республиканцы захватили, помимо германского танка «мерседес», другой германский танк новой модели.

Итальянскими силами командует генерал Гамбара, один из крупных военных итальянского генштаба. 27-го числа захвачено 105-миллиметровое итальянское орудие вместе с прислугой. На трупе итальянского подполковника найдены изданные в Риме карты, которые показывают, с какой тщательностью разрабатывал итальянский генеральный штаб наступление на Каталонию.

В южной части сектора Нижнего Сегре неприятель вчера пытался проникнуть в тыл республиканского расположения. Сильно пересеченная местность благоприятствует здесь обороне. Сегодня на этом участке затишье.

Бесспорно, пятидневное наступление принесло интервентам некоторые территориальные успехи, но оно не разбило сил республиканцев и не позволило итальянцам захватить военные стратегические центры. План итальянцев захватить до римского свидания какой-либо крупный пункт, имеющий политическое значение, можно теперь причислить к неосуществившимся мечтам: как и при предшествующих наступлениях противника, сила сопротивления республиканцев возрастает с каждым днем.

Мы можем еще раз отметить мужество молодой республиканской армии, которая, несмотря на материальное превосходство итальянцев, оказывает стойкое сопротивление и переходит в успешные контратаки.

Барселона, 28 декабря 1938 [354]

Под новый год

Год тому назад я ехал из Теруэля в Москву. Мне теперь кажется, что это было давно. Путь лежал через много стран. Предпраздничный Париж беспечно улыбался: это было до мюнхенского грехопадения, и французы тогда еще не знали всей меры добра и зла. Незадолго перед этим полиция раскрыла фашистский заговор: в центре Парижа нашли склады оружия. Парижане посмеивались, и куплетисты слагали песенки о «глупых заговорщиках в колпаках». Потом замелькали бледно-зеленые холмы Шампани. Был теплый день. Альткирхен мирно нежилась на солнце со своими стрельчатыми крышами и прозрачными садами. Кто тогда думал в Альткирхене, что осенью город заполнит встревоженным гулом тихий вокзал и побежит по дорогам? Кто во Франции тогда думал о войне? Я проехал через Тироль. Вечером среди снега деревни светились, как пряничные домики, освещенные изнутри елочными свечками. В вагоне-ресторане толстый тиролоец говорил соседу: «Все-таки Австрия самая спокойная страна на свете». Тогда еще была Австрия... Вена кокетливо охорашивалась: в витринах пестрели цветы, флаги, ярлычки шампанского. Чехословацкий пограничник играл с котенком. На вокзале суетились школьники с лыжами. Они не знали, что скоро их объявят немцами. Вечером, стоя в коридоре, я увидел огни одинокого дома и смутно подумал о чьем-то счастье. Поезд снова врезался в ночь. Неужели это было всего год назад?

Нет нужды перечислять события: они еще не стали историей. По радио мы слушали, как германские дивизии входили в Вену... Я видел чехов, потерявших города, работу, счастье. Я видел Париж в сентябрьские дни. Я

видел его и в декабре. Давно на свободе фашистские заговорщики. В тюрьмах теперь сидят рабочие. С гневом, с презрением прочтут дети иного века о Европе 1938 года.

Через несколько дней люди в разных странах будут встречать новый год. На одну ночь они попытаются забыть унижения, тоску, страх. Им помогут грохот джаза, винный туман, условность границы во времени – «С Новым годом! С новым счастьем!»

«Я боюсь утром раскрыть газету», – сказала мне француженка. У нее сын двадцати лет. До сих пор она не [355] научилась понимать язык газет, «перемена статута... новый карлсбадский ультиматум... угроза второго Мюнхена...» Она жадно читает, что сказал Муссолини в Карбонии, что пишут берлинские газеты о Клайпеде, что ответил Чемберлен Эттли – от этих лицемерных и загадочных слов зависит жизнь ее сына.

Мы живем среди человеческого несчастья, оно стало плотным, окутало города, как зимний туман. Недавно я встретил старого немецкого еврея, поросшего седой бородой, с глазами затравленной собаки. Он ехал в Парагвай. Его жену убили погромщики в Бреславле. Я спросил: «Почему в Парагвай?» Он покачал головой и не ответил. Он сам не знал, куда он едет и зачем. Он остался один на свете. Где-то на бумажку поставили визу, он даже не может ее прочесть. Сколько таких людей сейчас мечется по свету? Я все вспоминаю тот домик ночью с освещенными окнами... Может быть, люди, которые в нем жили, сейчас сидят на каком-нибудь полутемном промерзшем вокзале с ребятами, с узлами.

Я говорю не о политике, но о простых чувствах, из которых складывается жизнь миллионов людей. Когда-нибудь о бойцах интернациональных бригад напишут удивительные книги. За дело чужого народа они отдали жизнь. Как встретили уцелевших героев? С цветами? С мандатами на арест. В «странах свободы» – в Швейцарии, в Голландии – для них отвели тюремные камеры. Низкое время!

Я знаю в Париже бедную женщину, поденщицу. У нее лицо недоуменное и тусклое: заботы, приниженность, может быть, личное горе. У нее двое детей. 30 ноября, в день всеобщей забастовки, она пошла на работу: боялась потерять место. Я повторяю – у нее двое детей. Она получила 20 франков; эти деньги ей жгли руки; она отнесла их в «Комитет помощи испанским детям». Кто расскажет о том, что она пережила? Все высокие чувства теперь под запретом. Государство-левиафан требует от людей трусости, подлости, измены.

Варвары равно грозят культуре и судьбе отдельного человека, книгам и детям, лопарям Швеции и камерунским неграм, поэту Полю Валери и той поденщице, о которой я рассказал. В Италии недавно издали циркуляр «О борьбе против антифашистских предрассудков». Этих «предрассудков» много: рукопожатия, банкеты, наконец, «милосердие к евреям». Да, новое варварство много [356] страшнее древнего: оно вооружено техникой, оно владеет всей механической цивилизацией – радио, линотипам, бомбардировщиками. Оно может не считаться с пространством. Немцы теперь проверяют, как люди служат в конторах Стокгольма, и требуют увольнения негодных. В Данциге открыты высшие курсы для террористов из Львова. Эссен шлет снаряды, которыми итальянцы уничтожают Мадрид. Представитель японского посольства объезжает села Закарпатской Украины «для борьбы против коммунизма». В Брюсселе германский посол потребовал, чтобы на концерте один тенор не исполнял немецкий романс: у тенора «неарийское происхождение».

А Париж? Лондон? Что же, демократы угощают Риббентропа или Шахта. Теперь они собираются выпить на брудершафт с Вейдеманом. Французский писатель Шатобриан восторженно описывает подбородок Геринга. Лондонские снобы, приятели Мосли¹³⁴, стараются даже в мелочах подражать Муссолини. Когда Древний Рим распадался, его дети не думали о борьбе. Оружью они предпочитали косметику. Они наносили себе увечья, чтобы их случайно не отправили на войну. Римские «мюнхенцы» носили светлые парики, стремясь походить на северных варваров. Самые рьяные «пацифисты» обожествляли вождей варваров и закалывали в их честь петухов. Конечно, французские радикалы не занимаются жертвоприношениями. Они только мирно голосуют в парламенте (когда по недосмотру парламент бывает открыт), а потом они едят петухов в винном соусе – это гордость французской кухни. Притом каждый из них вам скажет: «Надо еще разок откусать петушка – кто знает, что будет завтра?» Теперь они готовятся к новогоднему ужину: «С Новым годом! С новым счастьем!»

Черны ночи Испании. Тишину прерывает крик сирен. Иногда слышишь в темноте, как кричит ребенок. В Барселоне теперь много голодных детей: у матерей нет молока. Вчера отправили телеграмму в Париж: «Необходимо сгущенное молоко. Тридцати тысячам детей в Мадриде грозит голодная смерть». Я много раз писал о матерях после бомбардировок – как они смотрят на уцелевших детей. К страстям испанских матерей прибавились новые – голод. Женщины работают в полях, в гаражах, на заводах. Дома –

голодные дети. А во Франции все [357] еще обсуждают – как денатурировать излишки пшеницы? Мне могут сколько угодно говорить, что это «экономическая проблема», я знаю, что это преступление.

Новогодняя ночь будет девятой ночью войны Над одним или над пятью городами покажутся бомбардировщики. Утром сводка отметит: «Имеются жертвы». Холод нетопленного Мадрида, который под снарядами слушает музыку, читает стихи, – полуразрушенный, изголодавшийся, трижды прекрасный.

Несколько дней тому назад немцы уничтожили каталонскую деревню Эль-Перельо. Они разрушили бомбами все дома... Жители убежали в поле. Тогда немцы стали расстреливать крестьянских ребят из пулеметов. Деревни больше нет: ни домов, ни людей. Солдаты разгребают горы мусора. Среди развалин бродит старик: он ищет внуку. Его хотят увести, он отбивается. Может быть, он лишился рассудка. Это обыкновенная история.

Я мог бы рассказать, как люди ищут картофельную кожуру. В Барселоне, когда человек на улице курит, за ним следят жадные глаза: где он бросит окурок? Темно. Я видел, как школьник готовил уроки, стоя на табурете: даже у самой лампочки трудно было разобрать буквы.

Я знаю все это, знаю много другого и все же думаю, что здесь люди могут встретить новый год без страха. Слова о «новом счастье» здесь не звучат как издевка. Конечно, это не то простое, теплое, как овечья шерсть, счастье, о котором, устав, мечтает иногда каждый. Это счастье подвига; обычно оно достается в удел немногим: здесь оно выпало на долю всего народа. Здесь тоже жили тихо и не мудрствуя, любили танцы, терпкое вино вальдепеньяс, длинные споры в кафе, сладкую нугу, жизнь вне истории. Здесь тоже когда-то встречали новый год, который бывал хорош именно тем, что походил на старый. Народ закалился в борьбе. Он живет одним: борьбой за прямой взгляд, за громкий голос.

В первую весну войны Долорес Ибаррури как-то рассказала нам о мотоциклисте. Его послали с приказом. Дорога находилась под обстрелом. Он отдал приказ, повернул назад. Долорес замолкла, а потом тихо добавила: «Мотоциклист не вернулся». Я никогда не видал этого человека, но запомнил рассказ Долорес. Я думаю о счастье мотоциклиста, который умер как человек. Я думаю о счастье Долорес – этот человек был испанцем. [358]

Большие чернильные тучи грузятся над Сегре. Дождь идет без

остановки. Все обмерзли. В грязи окопов бойцы усмеваются: они ждут атаки врага. Они будут драться на Сегре, как дрались на Эбро: не отступая. Это счастье народа, который победил страх.

Так на окраине Европы полузабытый небольшой народ принял бой. Другие торговались со смертью, закладывали свою свободу, продавали честь. Он один сказал: «Нет». Год позора для него был гордым годом.

С новым счастьем, Испания!

Барселона, декабрь 1938

Сообщения из Фигераса

Республиканец профессор университета, выбравшийся из Барселоны, рассказывает о фашистском терроре. Арестованных держат в трех казармах. В бывшей гостинице «Колон» разместились одна из контрразведок. Среди арестованных много лиц умеренно правых и аполитичных. Так, арестованы правый каталонский депутат Барриоберо и далекий от политики судебный деятель Помарес. Арестованы семь профессоров университета.

Население проводит тревожные ночи, ожидая арестов. Одна старуха сказала моему собеседнику: «Даже когда они бомбили, и то не было так страшно»...

3 февраля 1939

Вчера Фигерас подвергся жестоким бомбардировкам с воздуха. На улицах Фигераса еще ютятся десятки тысяч беженцев, лишенных крова. Число жертв за вчерашний день достигает 400. Убито около ста детей. Беженцы продвигаются к Хункере.

На всех фронтах герои республики пытаются замедлить натиск неприятеля, который пускает вперед танки. На крохотном отрезке северной Каталонии еще идет борьба. Один раненный в руку боец, возвращаясь на фронт, сказал мне: «Мы их остановим, а если нет, – еще достаточно здесь земли, чтобы нас похоронить». [359]

С большими трудностями спасены картины Прадо Вчера при содействии представителей Лиги наций они переправлены через французскую границу.

Сегодня неприятель с утра бомбит Херону.

4 февраля 1939

Борьба до конца

Когда несколько тысяч республиканских солдат, охваченных паникой, перешли французскую границу, некоторые французские газеты осмелились говорить о «трусости республиканцев». Герои Мюнхена, сдавшие без единого выстрела свою линию Мажино в Богемии, попрекали республиканцев, сдавших железное кольцо вокруг Барселоны. Я не стану сейчас на этой несчастной и героической земле спорить с французскими журналистами. Мы разно понимаем честь, дружбу и храбрость. Я предпочитаю даже этих оборванных, обросших бородами, голодных солдат парижским приказчикам лондонских купцов, битым не в бою Я этим гордых.

Железного кольца вокруг Барселоны не было. Была армия, недостаточно вооруженная и подточенная сначала боями у Эбро, потом неприятельским наступлением.

Каталония, с прошлой весны отрезанная от Леванта, от Мадрида, от центра, была, скорее, осажденным городом, нежели областью. Беженцы из Малаги, из Астурии, из Арагона принесли с собой горе, ощущение жизни, как гибели. Их надо было кормить, а хлеба не было.

Незадолго до падения Барселоны я получил письма барселонских школьников. Я должен был их переслать в Москву. Дети писали детям о своей жизни. Маленькие испанцы, они не жаловались, но в каждой строке чувствовался голод. Один мальчик двенадцати лет писал: «Война – самая жестокая игра из всех, которые я видел в моей жизни». Ребенок, он думал, что война – это игра. Ребенок, он думал, что многое видел в своей жизни. Игра...

23 воздушные бомбардировки в сутки. Ночи, полные воя сирен, грохота, криков. Огромная усталость разъедала город. Люди не договаривали фраз, разучились смеяться. Муссолини поздравил свои дивизии в связи с блестящей [360] победой. Однако если итальянцы, битые под Гвадалахарой, теперь дефилируют по проспектам Барселоны, дело не в боевых качествах итальянских солдат, но в концентрации живой силы и материала. Я не буду повторять цифр. Они не раз приводились в печати. Итальянские моторизованные части могли легко маневрировать. Противник избегал лобового удара. Он просачивался в бреши. У республиканцев не было ни должного количества автоматического оружия, ни резервов, чтобы

прикрыть все долины, все проходы. Натыкаясь на сопротивление, итальянцы тотчас сворачивали в сторону. Их авиация, их артиллерия не давали республиканцам ни часа передышки. Мы можем только преклоняться перед мужеством многих республиканских дивизий, которые отражали в таких условиях атаки противника.

Части, находившиеся на побережье, расплылись, и фашисты подошли к Барселоне с юга. Они пытались охватить город. Оборона в районе Субадельи была более упорной, и кольцо не сомкнулось. Противник тем временем продолжал бомбить город. В Барселоне не было продовольствия. Несколько сот голодных женщин пытались рыть окопы. Началась паника среди населения. Люди бросились прочь из города. Они врывались в грузовики, ехали на ослах, шли пешком, забивая все дороги. Итальянцы их расстреливали на бреющем полете.

Командование решило оставить город и спасти армию. Одна старуха, плача, говорила уходившим солдатам: «Вам воевать, а для нас война теперь кончена, – ведь наши не бомбят городов».

Начались дни паники. О них говорил Негрин на заседании кортесов. За годы войны я сжился с испанским народом. В нем много детского, он легко переходит от безоблачного оптимизма к отчаянию. Тщетно в первые дни министры, командиры, отдельные стойкие люди пытались остановить лавину. Провокаторы распространяли вздорные слухи. Не было ни газет, ни радио. В Хероне уверяли, что в Порт-Бу высадился вражеский десант, в Фигерасе говорили, что пала Херона...

Дорога между Хункером и границей была забита. Люди ехали шесть километров в сутки. Север Каталонии превратился в табор – миллион людей кочевал. Ночью горели костры. Не было хлеба. Лил холодный дождь. В районе Пуисчерды стояли сильные морозы. Дети, женщины умирали. Раненые, выбравшиеся из барселонских [361] госпиталей, валялись на земле без перевязок. Крестьяне везли скарб, гнали коз, баранов. Земля на десять километров от границы покрыта тряпьем, брошенной утварью,дохлыми ослами, сломанными машинами, мебелью – всем, что еще недавно было аксессуарами мирного быта. Кто-то приволок кресло, потом бросил. Кто-то оставил узел с голубыми лентами.

Что означал этот исход народа? Ушли не только рабочие Барселоны, ушли крестьяне. Известна привязанность крестьянина к своей земле, к своему дому. Страх перед фашистами, ненависть к захватчикам заставили этих людей бросить все. Кажется, мир еще не видел столь трагического

плебисцита. Французские газеты полны рассказов о беженцах. Они молчат об одном – о глубоком значении этих страшных дней. Каталония еще раз проголосовала против изменников.

Правительство работало не покладая рук. Бойцы на фронте стали укрепляться. Вышли газеты – крохотные листочки «Френте рохо», «Эхерсито популар», «Требаль». Радиостанция Хероны передала первую сводку. Навели порядок на дорогах. От отчаяния люди легко перешли к надежде. Беглецы отдышались, отоспались, побрились и пошли бодро на фронт. Эвакуация женщин во Францию проходит теперь в порядке. На кострах пограничники жгут память недавних дней – тряпье, рухлядь.

Положение остается исключительно трудным. Север Каталонии – это фронт без тыла. Сотни тысяч беженцев кочуют, их негде разместить. Итальянцы каждый день бомбят городки и села. Беженцы, ночуя на улицах Фиге-раса, узнали ряд трагических бомбардировок. Одно учреждение поместилось в лавке, другое – в деревенском сарае. Нет типографии, нет бумаги, нет даже пишущих машинок.

Противник продолжает энергично наступать. Многое зависит теперь от лопат: укрепления могут остановить противника, уставшего и понесшего тяжелые потери. Новые назначения и объединение двух каталонских армий в одну облегчат оборону. Мы помним, как фашистов остановили под Мадридом и близ Валенсии. Север Каталонии еще не потерян.

Учитывая серьезность положения, правительство собрало кортесы. Сессия длилась несколько часов. На последнем отрезке свободной Каталонии... парламент собрался [362] в подземелье, чтобы избежать опасности воздушной бомбардировки. Свободный парламент, который должен заседать в убежище под землей, – этого я никогда не забуду. В речи Негрина было много горькой правды. Он рассказал о том, как французское правительство после падения Таррагоны отказалось принять испанских женщин и детей, как англичане посадили под арест героический экипаж «Хосе Луиса Диаса», как демократические государства приложили свою руку к петле блокады. Он говорил о страшной борьбе испанского народа против военной мощи двух фашистских империй. В этой речи были слова высокой надежды. Негрин напомнил, что это война не между испанцами, но испанцев. Испания не может умереть. Потом один за другим вставали депутаты – республиканцы, коммунисты, социалисты, католики, называли свое имя и говорили: «Да». Это было присягой на верность Испании. А по дороге шли на фронт грузовики с бойцами, и среди черной ночи горели костры беженцев.

Я говорил с главой правительства и с солдатами, с командирами и с беженцами. У всех те же слова: «Бороться до конца». Женщина в палатке с детьми. Я спросил: «Почему вы не уходите во Францию?» Она покачала головой: «Они еще не пришли, а здесь я у себя – испанка».

Когда испанский народ боролся против Наполеона, были тяжелые дни. От Испании оставался только один город Кадис. Испания победила. Я думал об этом на маленьком куске свободной Каталонии. Там – за врагами и за городами – свободная Испания от Мадрида до Альмерии. Испания не может умереть. Испания победит.

Фигерас, 4 февраля 1939

Исход

Кажется, я не видел ничего горше этого исхода. Народ согнан со своей земли. Идут по дорогам из Фигераса, из Риполя, из Сео-де-Уржеля. Фашисты бомбят дороги. Идут без дорог, через горы. Женщины с детьми, с узлами. Идут по скользким, обледеневшим скалам, вязнут в снегу. Многие идут уже шестой день. Весь север Каталонии [363] заполнен людьми, которые идут, и кажется, что сдвинулись с места Пиренеи. Идут каталонцы, беженцы из Мадрида, из Малаги, из Овьедо, работницы, крестьяне, старые актрисы, беспризорные дети. Женщины тащат на головах тюки. Крестьяне гонят мулов, овец. Одна женщина сегодня родила на горе, а рядом падали бомбы. Я не знаю, где найти слова, чтобы об этом рассказать.

Трудно понять, что люди уносят с собой, покидая жизнь. Зачем этой женщине на чужбине трюмо? Интеллигент в очках, он идет, прихрамывая, а под мышкой несколько книг, связанных бечевкой. Девочка прижимает к груди уродливую куклу. Возле Пуисчерды много снега. Сколько там погибло в пути? Приходят с отмороженными ногами. Итальянские летчики истребляют беженцев. Возле Порт-Бу сидит женщина и кормит грудью ребенка. Ребенок мертвый – осколок бомбы, а мать сошла с ума. В Перпиньяне в госпитале много умалишенных.

Дети из Бильбао. Для них это не первый исход. Они перешли через горы возле Пратс-де-Молло. Я видел детей, где-то на перевале потерявших мать, я не забуду, женщины, которая в снегу кричала: «Пепе, Пепе!» Она потеряла сына. Французы говорят, что границу уже перешли сто тысяч. Сегодня с утра идут все новые и новые: у каталонцев отняли Каталонию.

Франции нелегко: все здесь уплотнено. Что делать стране с чужим горем и с чужим народом? Я не хочу ничего осуждать. Я только расскажу о том, что видел. В тяжелые часы все ясней – и низость, и великодушие.

Застигнутое врасплох французское правительство быстро наладило питание беженцев и эвакуацию. Жители французской Каталонии хотели приютить у себя десятки тысяч испанских каталонцев. Муниципалитеты рабочих предместий Парижа просили прислать им десятки тысяч детей. Однако французское правительство решило не допускать ни в Париж с его предместьями, ни в пограничные области испанских беженцев. Поезда направляются в центр Франции.

Несколько дней тому назад французскую границу охраняли сенегальцы. Это хорошие солдаты и, наверное, добрейшие люди, но им трудно разобраться в европейских делах. Выполняя слепо приказы, они по непониманию разлучали матерей с детьми. Мне хочется перебить этот грустный рассказ смешным воспоминанием – те же сенегальцы по ошибке вытолкали одного французского [364] журналиста правого толка в Испанию. Теперь на границе французские солдаты. Они помогают женщинам и нянчатся с детьми.

Негде разместить беженцев. В приграничных городках у ребят каникулы – во всех школах приютили испанцев. Есть города гостеприимные и негостеприимные – как люди. Впрочем, зависит это не от доброты людей, но от политической окраски мэра. В Арль-сюр-Теке все теперь живут одним – спасают испанских женщин и ребят, а в Серете мэр отказался предоставить для беженцев даже бывшую тюрьму.

Я видел со стороны французских властей много участия и человечности. Видел я и другое. В Булю я пытался разыскать одну испанку с двумя детьми – у меня было для нее письмо от мужа и деньги. Мэр, тучный и бездушный, сказал: «Их чересчур много». А представитель полиции стал кричать на меня. Я ему напомнил о человеческих чувствах. Тогда он гордо ответил: «Человеческие чувства меня не касаются». Я внимательно оглядел его. Он и впрямь не походил на человека.

Конечно, среди десятков тысяч беженцев имеются скверные люди. Газеты здесь пишут только о них, и местный листок завел даже особую рубрику «Неблагодарность испанцев». Стыдно читать такие газеты – на горе целого народа они отвечают глупыми анекдотами или клеветой. Местных жителей пугают: «Это анархисты, бандиты, убийцы». Группа правых советников парижского муниципалитета опубликовала расистское заявление. Эти господа требуют закрытия границы даже для испанских детей, так как дети, рожденные на испанской земле, должны неминуемо стать преступниками. Я знаю гостеприимство испанского народа, не раз я ел хлеб испанских бедняков. Когда я читаю статьи о бесстыдстве испанских

беженцев, мне стыдно за перо, за бумагу, за письменность.

Среди беженцев фашисты – испанские и французские – ведут агитацию: «Поезжайте в Бургос. Франко вас примет, как родных детей». Вчера над французским городом Сен-Лоран-де-Сердан летали три итальянских самолета и скидывали листовки: «Франко вас прощает» (французов?). Тем, кто соглашается ехать в фашистскую Испанию, дают деньги. Несмотря на посулы и обиды, таких мало. Вероятно, скоро их будет больше: ведь не зря [365] поехал в Бургос почтенный Леон Берар¹³⁵. Он договорится, а потом французские жандармы «раскроют глаза» разоруженным солдатам республики.

Прекрасно зрелище человеческого братства, оно одно помогает пережить жизнь. Во всей Франции люди теперь собирают деньги, муку, ботинки. Дают те, которым трудно дать. На вокзалах беженцев встречают с едой, с подарками, со словами утешения и надежды. Железнодорожники выбились из сил, но они все на посту, и с каким вниманием они слушают жалобы измученных женщин на непонятном языке. В Лионе на вокзал пришел Эдуард Эррио, чтобы ободрить испанских женщин, и все дети ему улыбались. В Арль-сюр-Теке механик круглые сутки ездит на границу и спасает в горах обессиленных ходьбой детей. Учитель в Пратс-де-Молло все время на посту. Он на перевале дает беженцам горячий кофе и хлеб. В Сен-Лоран-де-Сердане две с половиной тысячи жителей. Мимо села прошли пять тысяч беженцев. Крестьяне их всех кормили. Крестьяне носили детей на плащах с перевалов. Я видел этих крестьян, я видел механика и учителя. Это – обыкновенные французы, люди труда и борьбы. Я хочу, чтобы в нашей стране знали: настоящая Франция – не журналисты с их грязными статейками, но вот эти простые и благородные люди. В Сен-Лоране солдаты бегают в лавчонку и покупают для испанских детей шоколад. В Баньюльсе рыбаки окружили журналистов, клеветавших на беженцев, и пригрозили им не на шутку. У Пратс-де-Молло пусты все амбары, все кладовые – люди ничего не пожалели для других людей в беде.

Я видел на перевале Арее, как пограничник прощался с женой и двухлетним сыном. Они пошли вниз, во Францию. Он долго следил за ними глазами. Потом он повернул в другую сторону, к своему посту. Этот не уйдет – я видел его глаза, столько в них было ненависти и гордости! Со своим автоматическим ружьем, с кучкой товарищей он еще отражает атаки итальянцев. Говорят: «Горе побежденным», но сейчас среди метели на перевале я думаю об этих глазах бойца, об этой ненависти, и в моей голове вертятся другие слова: «Горе победителям».

Перпиньян, 5 февраля 1939 [366]

Испания не сложила оружия

Лучшие части героически отражают атаки противника, чтобы дать возможность населению перейти границу. Фашисты находятся в Торелье и Фласе – на полпути между Хероной и Фигерасом. Отступление прикрывают части Модесто, Листера и Тагуэньи. В районе Риполя каталонцы под командой дель Баррио задерживают неприятеля. Боевые части не отойдут во Францию прежде, нежели будет закончена эвакуация женщин, раненых и военного снаряжения.

Правительство во главе с Негрином продолжает оставаться в одном из поселков Каталонии, еще не занятом врагом. Правительство решило после потери Каталонии продолжать борьбу в центральной зоне. Малодушные говорят о капитуляции – первыми проникли во Францию дезертиры и некоторые политиканы. Но армия не для того прикрывает отступление, чтобы сдать на милость врагу.

Вчера весь день итальянцы бомбили Фигерас, Порт-Бу и рыбацкие поселки. Число жертв среди беженцев велико. Перейдя границу, дети не доверяют тишине и, заслышав шум мотора, бросаются врассыпную.

Дороги забиты. Французы отсылают беженцев в концлагерь. Охрану различных пунктов, где сосредоточены беженцы – Булю, Пратс-де-Молло и в других местах, несут сенегальцы. Вчера я был в Лас-Илласе. Беженцы и раненые, перевалив через горы, шли пешком в Морельяс – двадцать километров. Многие женщины с детьми.

Большинство французских газет продолжает науськивать население на испанских беженцев. Демонстрация сочувствия Испании в Перпиньяне запрещена. Во многих пунктах среди солдат, перешедших границу, идет пропаганда: «Поезжайте к Франко». Зачастую политических и военных руководителей республики, которые были принуждены перейти границу, отправляют в концлагерь. В некоторых местах испанским солдатам предлагают записываться во французский иностранный легион. До сих пор правительство Франции не приняло решений о дальнейшей судьбе солдат, перешедших границу.

Французским капитулянтам следует помнить, что Испания не сложила оружия. Мадрид шлет по радио слова бодрости и надежды. Война еще не кончена.

Перпиньян, 7 февраля 1939 [367]

Умер поэт Антонио Мачадо

В дни горя Испании еще одно горе, еще одна потеря: умер большой поэт Антонио Мачадо. Я познакомился с ним перед войной в Мадриде. Он писал стихи, легкие и прозрачные. Он был окружен любовью молодых поэтов – Гарсиа Лорки, Неруды, Альберти. Сухая сьерра Кастилии, когда он глядел на нее, убиралась цветами, как в старых серанильях испанских пастухов.

Под бомбами в Мадриде Мачадо писал стихи, и я думаю об этом как о большой победе человека в наши бесчеловечные дни. Его насильно увезли в Валенсию, потом в Барселону. Он часто вспоминал любимый Мадрид. В 63 года он жил жизнью бойца. Работая, он не знал передышки. Он писал стихи, он писал статьи, он писал листовки. Он говорил о прекрасных камнях Испании и о мужестве бойцов Эбро, о Дон Кихоте и о сердце ротного комиссара. Он жил в Барселоне в промерзшей комнате. Он работал ночью. Друзья иногда приносили ему папиросы, кофе. Он никогда не жаловался. У него были молодые глаза, а он едва ходил. Он написал бойцам Эбро: «Испания Сида, Испания 1808 года узнала в вас своих детей», и я видел, как, волнуясь, командир Тагу энья читал эти строки бойцам.

В последний раз я был у Мачадо незадолго до падения Барселоны. Мы говорили о поэзии. Мачадо повторял любимые стихи испанского поэта XV века Хорхе Манрике:

Наши жизни лишь реки,
А смерть – это море.
Берет оно столько рек!
Туда уходят навек
Наша радость и горе,
Все, чем жил человек!

Потом он сказал о смерти: «Все дело в том «как». Надо хорошо смеяться, хорошо писать стихи, хорошо жить и хорошо умереть».

Он не был моралистом. Он был поэтом, и он был испанцем, – он был бойцом.

Он увидел перед смертью самое страшное – исход народа. Он увидел, как бездушные люди оскорбляли его братьев. Он умер в деревушке Кольюр, близ испанской границы. Из последних домов Кольюра виден пляж Аржелеса. [368] Антонио Мачадо перед смертью видел муки своего народа: на песке Аржелеса пытали голодом и обидой бойцов Эбро, молодых поэтов

Испании, друзей и учеников Мачадо. Когда фашисты убили в Гранаде Гарсиа Лорку, Мачадо писал: «Преступление свершилось в Гранаде». Может быть, перед смертью он еще повторял: «Преступление свершилось в Аржелесе...» Потомкам достанутся стихи Мачадо, чистые, как вода Мадрида. Друзья Мачадо не забудут человека – детская улыбка, горячие глаза, жизнь в звуках, смерть в походе.

23 февраля 1939 [369]

Вячеслав Попов, Борис Фрезинский. Верность сердцу и верность судьбе (Испанские страницы жизни и творчества Ильи Эренбурга)

Народно-революционная война в Испании стала вехой в творческой судьбе советского писателя Ильи Эренбурга. В конце тридцатых годов его имя – имя военного корреспондента «Известий» в Мадриде – в сознании читателей прочно ассоциировалось с испанскими событиями. Потом, в Отечественную войну, когда слово Эренбурга набатом звучало в солдатском окопе, когда сотни газет всего мира нарасхват печатали его статьи и репортажи, испанская страница биографии писателя была как бы затенена. После войны выстраданная радость победы еще дальше отодвинула на периферию памяти давнюю боль от поражения в Испании. Но сам Эренбург никогда не забывал Испанию, и последующие события ничего в этом не могли изменить. «... В те далекие годы, – писал Алексей Эйсер, – он был на стороне побежденных, и побежденные были правы. Преданность им, служение Испании остались одним из главных двигателей его творчества, сутью его существа, и он нес эту службу до последнего вздоха»¹³⁶.

«Испания давно притягивала меня к себе. Как часто бывает, я начал ее понимать через искусство. В музеях различных городов я долго простаивал перед холстами Веласкеса, Сурбарана, Эль Греко, Гойи. В годы мировой войны я научился читать по-испански, переводил отрывки из «Романсеро», из поэм Гонсало де Берсео, протоиерея Итского Хуана Руиса, Хорхе Манрике, Кеведо. В произведениях этих, непохожих одно на другое, меня привлекали [370] некоторые общие черты, присущие национальному гению Испании (их можно найти и в «Дон Кихоте», и в драмах Кальдерона, и в

живописи): жестокий реализм, неизменная ирония, суровость камней Кастилии или Арагона и одновременно сухой зной человеческого тела, приподнятость без пафоса, мысль без риторики, красота в уродстве, да и уродство красоты»¹³⁷, – так писал Илья Эренбург в своей книге «Люди, годы, жизнь».

Испанский язык стал вторым, наряду с французским, с которого переводил Эренбург. Некоторые сюжеты, связанные с историей Испании и со старой испанской поэзией, настолько сильно волновали Эренбурга, что в конце концов становились содержанием его собственных стихов (например, «Сем Тоб и король Педро Жестокий»).

Испанская тема впервые возникла у Эренбурга в военных очерках 1916 года¹³⁸. Тогда же писатель побывал на франко-испанской границе, но увидеть Испанию не через пограничный шлагбаум ему удалось не скоро. Случайная и мимолетная встреча Эренбурга с Испанией произошла в августе 1926 года, когда, оказавшись неподалеку от испанской границы, он смог проехать в городок Сео-де-Уржел, расположенный в десяти километрах от Андорры. Вот что сообщал об этом Эренбург 5 сентября 1926 года Николаю Тихонову: «Я успел побывать в Испании, хотя недолго, зато вполне авантюрно, т.е. без визы, благодаря доброте пограничника и своему легкомыслию. Будь я один, я добрался бы до Барселоны. Жаль было поворачивать назад во Францию – кроме России Испания единственная страна, где»*Couler locale*»¹³⁹ – душа, а не приманка для английских туристов»¹⁴⁰. Эренбург смог увидеть лишь краешек Испании, тем не менее он многое заметил, например, что «политикой здесь занимаются исключительно военные. Это политика без газет и без партий, похожая на полковой анекдот или на дуэль после [371] солидной выпивки»¹⁴¹. Итог беглых впечатлений был скорее грустным: «Это – не улица, это – тупик, нежный и душный, в стороне от биржевой толчеи и от механических кавалькад Европы, чулан с драгоценным храмом, жизнь вне жизни, слишком мудрая или же слишком пустая для нас»¹⁴².

Как только в апреле 1931 года в Испании свергли монархию, Эренбург попытался получить испанскую визу. К тому времени не только его сатирические романы, но и публицистика, вошедшая в книги «Хроника наших дней» и «Виза времени», были переведены на многие европейские языки, включая испанский. Эти книги вызвали бешеную реакцию их «жертв», вплоть до судебного преследования автора. Эренбургу все труднее становилось получать европейские визы. «Альфонса XIII прогнали в апреле 1931 года, – вспоминал он, – а мы получили визы только осенью: консулу

не нравились ни советские паспорта, ни мои книги»¹⁴³.

Испанская революция не кончилась свержением монархии – она только еще начиналась. Куцая земельная реформа осуществлялась черепашьими темпами. Надежды народа на быстрое обновление страны не оправдывались. В республиканском лагере не было единства. Противники республики поднимали голову.

Приехав в Испанию осенью 1931 года, Эренбург, конечно, ознакомился с историческими достопримечательностями, музеями и памятниками архитектуры. Но прежде всего его интересовала жизнь страны, ее люди. В Мадриде он беседовал с политическими деятелями, писателями и художниками. «Был в кортесах, – писал Эренбург 25 октября 1931 года своему другу писателю О. Г. Савичу. – Здесь революция – это литература, адвокаты, клубы и пр. На селе несколько иначе»¹⁴⁴. В Барселоне Эренбург проспори́л несколько часов с вождем анархистов Дуррути. Он объездил не только крупные города страны, но и те районы, куда никогда не забирались туристы, – познакомился с литейщиками Сагунто и батраками [372] Эстремадуры, увидел нищету крестьян Санабрии и Лас-Урдеса. От его цепкого взгляда не укрылись прекрасодушные адвокаты и вороватые чиновники, бездельники-кабальеро и католическое духовенство, обирающее нищих. Все они старались сохранить под пышной вывеской «республики трудящихся всех классов» уклад прежней, дореволюционной жизни. Эренбург разглядел это с остротой, характерной для его художественного зрения. Он разглядел и как зрело народное недовольство, становясь решающим фактором общественного развития. В этом Эренбургу-политику помогал Эренбург-художник – недаром больше всего в Испании его поразило чувство достоинства трудового народа, органически присущее ему стремление к свободе. Об этой черте испанцев Эренбург знал и раньше – из книг испанских классиков, но увидел это и понял только теперь, в 1931 году.

Трудно удержаться от сравнения двух картин Испании, запечатленных Эренбургом с интервалом в пять лет.

1926 год: «Помпезная и по существу жалкая история Эскуриала, величественные нищие, офицеры из плохой оперетки, которые правят страной, растерянные, как носовые платки, колонии, анархисты с бомбами, лопухий король, тираж романов Бласко Ибаньеса, смертники, обдаваемые ладаном, пустота»¹⁴⁵.

И 1931 год: «Испания – это не Кармен и не тореадоры, не Альфонс и не

Камбо, не дипломатия Лерруса, не романы Бласко Ибаньеса, не все то, что вывозится за границу, вместе с аргентинскими сутенерами и «малагой» из Перпиньяна, нет, Испания – это двадцать миллионов рваных Дон Кихотов, это бесплодные скалы и горькая несправедливость, это песни грустные, как шелест сухой маслины, это гул стачечников, среди которых нет ни одного «желтого», это доброта, участливость, человечность»¹⁴⁶. Эти слова не стерлись от частого цитирования, в них – самая суть впечатлений Эренбурга от Испании, в них – объяснение его любви к этой стране.

В том же году Эренбург дважды был в Германии. Там к власти рвался фашизм, поощряемый щедрыми подачками военных магнатов. Отсутствие единства в антифашистском лагере объективно играло на руку нацистам. [373] Эренбург с его острым политическим умом понимал, что предстоит война с фашизмом – ее первые окопы были вырыты в Испании. Впоследствии он писал: «В 1931 году я понял, что судьба солдата не судьба мечтателя и что нужно занять свое место в боевом порядке»¹⁴⁷.

1931 год – рубеж в творчестве Ильи Эренбурга. Решению «занять место в боевом порядке», принятому после глубоких раздумий, он следовал до конца своих дней.

Первой книгой Эренбурга, в которой отчетливо выразилось его новое понимание ответственности писателя, была «Испания»¹⁴⁸. Она написана в декабре 1931 – январе 1932 года с оперативностью, характерной для Эренбурга. 25 декабря 1931 года в «Вечерней Москве» появился очерк «Рай, как он есть» – это первая публикация из «Испании». Полностью книга была напечатана в 1-3 номерах журнала «Красная новь» за 1932 год и в том же году вышла отдельным изданием.

Еще до того как эта книга вышла в Москве, она была издана в Мадриде под названием «Испания – республика трудящихся». Реакция испанской прессы на книгу Эренбурга была темпераментной. Газета «Либертад», например, требовала не только конфискации зловердного издания и привлечения автора к ответственности, но и дипломатического давления с целью запрета книги в других странах¹⁴⁹. Журнал «Интернациональная литература» (1933, № 1) опубликовал материалы испанской дискуссии о книге Эренбурга. В «Письме одного республиканца великому русскому писателю Эренбургу» книга подвергалась нападкам с проправительственных либерально-демократических позиций. Автор письма выступал против критики Эренбургом испанского правительства, его непоследовательности в решении острых социальных вопросов. «Споря со мной, – отвечал Эренбург на эту критику, – вы защищаете не Испанию, а

партию, стоящую у власти в настоящий момент... Я верю, что среди руководителей республики есть люди, искренне стремящиеся помочь рабочему классу. Но у истории свои законы. История не считается с добрыми намерениями того или иного мечтателя». Отвергая обвинения в «презрении к [374] испанскому народу», Эренбург писал: «Все дело в том, что я называю народом рабочих и крестьян, а вы, вероятно, чиновников и адвокатов. А их я, конечно, изображаю бездельниками, невеждами, зачастую жестокими. Да, это упрек, но упрек не народу, а классу». В «Письме Эренбургу революционного писателя Филиппе Ф. Арместо» книга «Испания» критиковалась с позиций ультрареволюционных, левацких. Его автор обвинял Эренбурга в «недостаточной революционности». Отвечая оппоненту «слева», Эренбург заметил: «Я отнюдь не думаю, что моя книга – это книга о причинах и перспективах испанской революции. Это не социально-политический трактат. Это всего-навсего путевые очерки. Я писал о том, что видел и слышал...»

Полемика об «Испании» отражала положение в среде республиканцев – пассивность и прекраснодушие одних и догматическую непримиримость других. Потребовалось немало времени, испытаний и жертв, чтобы сотрудничество антифашистов Испании стало реальным фактом.

С 1931 года Испания становится не только одной из постоянных тем Эренбурга, но и частью его жизни. Находясь в Париже в качестве корреспондента «Известий», он пристально следит за событиями в Испании. Они воспринимаются Эренбургом в свете поляризации сил в Европе – приход к власти в Германии Гитлера, разгром в Вене восстания рабочих, подавление фашистского мятежа во Франции.

«Спасти культуру от фашизма!» – лозунг Парижского конгресса писателей, одним из организаторов которого был Илья Эренбург. Слова об ответственности писателей были для него не сиюминутным лозунгом. Еще в 1933 году в статье «Мигель Унамуно и трагедия «ничьей земли» Эренбург выступил с предостережением, не потерявшим актуальности и через 50 лет: «Велика опасность опрощения, нивелировки, замены всех инструментов одним барабаном, отрицания глубины и многообразия жизни. Но не менее страшна и другая опасность – чрезмерного усложнения, подмены живой жизни игрой, жонглирования легкими идеями и редкими словами, инфляции мысли, за которой неизменно следует инфляция крови»¹⁵⁰. [375]

В феврале 1936 года на всеобщих выборах в Испании победил Народный фронт. Во Франции дело также шло к победе Народного фронта. Создавалась реальная возможность остановить фашизм в Европе. Весной

1936 года Эренбург увидел новую Испанию. Он поехал в Астурию; в Овьедо еще не успели ликвидировать следы разгрома восстания горняков, а гвардия уже выступила против нового правительства. В стране вызревал военный мятеж. Поездка писателя не осталась незамеченной – выходящая в Севилье газета «АВС» 30 апреля сообщала о вояже «советского эмиссара» Ильи Эренбурга¹⁵¹ (накануне мятежа правым нужна была «рука Москвы» в испанских делах).

Вернувшись в Париж, Эренбург стал свидетелем внушительной победы Народного фронта. Однако это не сняло тревоги за положение в Испании. Эренбург выступил на собрании левых интеллигентов с докладом об испанских событиях. Вот каким запомнил Эренбурга присутствовавший на этом собрании писатель А. В. Эйснер: «Сидя за столиком на эстраде банкетного зала ресторана, где собралось около ста человек, он, заложив руки в карманы, раскачиваясь на стуле, с убийственным сарказмом обрисовывал типы титулованных контрреволюционеров мадридских салонов. С грустной иронией он рассказывал о мягкотелости правительства... о белобородых старичках, проповедующих Бакунина и Кропоткина в портовых тавернах. Он говорил о голодающем народе и о широкоплечих контрабандистах в черно-красных шарфах, проносящих через границу французский коньяк и парижские духи. Насмешливая улыбка постепенно сползала с его губ. Стул под ним перестал раскачиваться. Тонкий голос звучал все громче, в нем зазвенели металлические нотки. Он предупреждал. Народный фронт в Испании в опасности. В стране, где на шесть солдат приходится генерал и на десять человек – сутана, попы и генералы готовят мятеж. Министры из профессоров ничего не видят и ничего не делают. Полиция на стороне заговорщиков. Народ безоружен. Рабочие разъединены. Армия в руках аристократического офицерства. Зреет международный заговор против Испанской республики. Фашизм точит нож... Расходясь, взбудораженные слушатели [376] обменивались недоуменными репликами: «Откуда он взял это?.. Почему молчат наши газеты?»¹⁵²

18 июля 1936 года застало Илью Эренбурга в Париже за работой над книгой рассказов «Вне перемирия» (в ней 15 коротких сюжетов – разные страны, разные герои; три рассказа связаны с темой астурийского восстания; книгу объединяет одно чувство – тревога)... Поздним душным вечером радио передало первое сообщение о фашистском мятеже в Испании... Оглядываясь на прожитые годы, Эренбург напишет потом, что «для одних жизнь раскололась надвое 22 июня 1941 года, для других – 3

сентября 1939, для третьих (и для него самого) – 18 июля 1936»¹⁵³. С этого дня борьба с бесстыдной идеологией и бесчеловечной практикой фашизма стала главным содержанием деятельности Ильи Эренбурга. Он немедленно обратился в редакцию «Известий» – его место в Испании. Но вопрос о посылке военного корреспондента в Мадрид редакция согласовывала долго. Томление Эренбурга было тем более сильным, что многие его друзья – Андре Мальро, Жан-Ришар Блок, Поль Низан – тотчас же отправились в Мадрид; 8 августа в Барселону прибыл корреспондент «Правды» Михаил Кольцов; даже далекий от политической злобы дня Сент-Экзюпери поехал в Испанию – а Эренбургу приходилось довольствоваться пересказом чужих сообщений. 25 июля он передал в «Известия» первый обзор положения в Испании, основанный на анализе французской и испанской прессы, на сообщениях очевидцев и радио.

Военный мятеж, начавшийся одновременно во всех гарнизонах Испании, был во многих городах подавлен практически безоружным народом. План молниеносного захвата власти мятежниками провалился. Началась подготовка к походу мятежников на Мадрид. Этот поход, осуществленный армиями генералов Франко, Мола и Кейпо де Льяно, к середине августа захлебнулся. У республиканской Испании была реальная возможность покончить с мятежниками уже в конце августа 1936 года, если бы испанские события оставались локализованными. Прикрываясь словами о «невмешательстве в испанские дела», французское правительство социалиста Леона Блюма уже в конце июля 1936 года закрыло границу с [377] Испанией для военных грузов. Однако эта мера ударила лишь по республиканской Испании – мятежники получали морем и через Португалию энергичную помощь фашистских Германии и Италии: оружие, технику, советников.

«Борьба идет между трудовой Испанией и фашистами всего мира», – писал Эренбург в «Известиях» 31 июля 1936 года. Помимо ежедневных корреспонденции для газеты, он работает над фотоальбомом об испанских событиях и 24 августа отправляет в Москву рукопись альбома и фотографии. 26 августа Эренбург посылает в редакцию последний материал из Парижа – корреспонденцию о защите Ируна и Сан-Себастьяна – и затем поездом отправляется в Барселону. Отныне его адрес для всей корреспонденции – Барселона, отель «Мажестик».

Первые десять дней в Каталонии Эренбург провел на колесах. Понять, что происходит в стране, было трудно. Не приходилось и думать о статьях для газеты. Эренбург вспоминал: «Не только крестьяне не знали, что

происходит в соседней деревне, – в Барселоне никто не мог ответить на вопрос, в чьих руках Кордова, Малага, Бадахос, Толедо»¹⁵⁴. Вместе с кинооператорами Карменом и Макасеевым Эренбург совершает пятидневную поездку на Арагонский фронт, знакомится с авиачастью «Красные крылья», приезжает под Уэску, где линию фронта держат анархисты, руководимые Дуррути. Только 4 сентября Эренбург отправил первую телеграмму в «Известия»: «Барбастро (по телеграфу). Сегодня ваш корреспондент присутствовал при обстреле населения деревни Монт-Флорид семью трехмоторными самолетами «юнкере», предоставленными мятежникам Германией. Фашисты вторглись в Тардиенте и уничтожили крестьянский урожай». Впоследствии он вспоминал об этом дне: «Я впервые увидел обстрел людей с бреющего полета; крестьяне рыли на гумне, молотили; потом старая женщина громко плакала: убили ее сына. Крестьяне знали, что я корреспондент советской газеты, просили: «Напиши! Может быть, русские нам помогут...» Конечно, в тот день происходили события более значительные: корреспондент «Известий» сообщал из Лондона, что Сан-Себастьян отрезан (и это было правдой), что республиканцы взяли Уэску (это было [378] уткой); я же находился в деревне Монт-Флорид, и мне казалось, что необходимо срочно написать о том, как фашисты с помощью немецких самолетов убивают безоружных крестьян. Для военного корреспондента это, может быть, было наивно, но я думал не о газете – об Испании»¹⁵⁵.

Приехав в Мадрид, Эренбург беседует о положении в Каталонии с советским послом в Испании М. И. Розенбергом, с военным атташе В. Е. Горевым, с М. Е. Кольцовым, а также с руководителем испанских коммунистов Хосе Диасом. По предложению Розенберга он изложил свои соображения в специальной телеграмме в Москву и вернулся в Барселону.

По поручению Международной ассоциации писателей в защиту культуры 17 сентября 1936 года Эренбург выступил на собрании каталонских писателей, а 18 сентября на десятитысячном митинге. Первоначальные трения и даже враждебность между различными антифашистскими партиями постепенно удалось сгладить, и в начале октября 1936 года представители анархистов вошли в состав каталонского правительства. Это позволило ослабить сепаратистское движение в Каталонии, и взаимопонимание между Мадридом и Барселоной стало налаживаться.

19 сентября Эренбург ненадолго вернулся в Париж. Отсюда он отправил в «Известия» серию корреспонденции. Это были беглые зарисовки,

свидетельства очевидца. В газете они шли с подзаголовком «Письма из Испании». В «Письмах» не было того соотнесения частных эпизодов с общим ходом военных и политических событий, которое отличает последующие эренбургские статьи... «Писал я наспех, – вспоминал Эренбург, – не в рабочем кабинете, а на фронтах; занимал меня не литературный стиль, а самолеты и танки, без которых испанцам не выстоять»¹⁵⁶.

В Лондоне заседал Комитет по невмешательству. Советский Союз принял участие в его работе, исходя из возможности победы сил испанской демократии над мятежниками в случае локализации конфликта. Однако когда в течение сентября 1936 года выяснилось, что державы фашистской оси при попустительстве Англии и Франции [379] развязали интервенцию против Испанской республики, Советский Союз заявил об оказании испанскому народу необходимой помощи в его антифашистской борьбе и одновременно использовал трибуну комитета для разоблачения действий фашистских держав и их фактических пособников.

Меньше месяца отсутствовал в Париже Эренбург, тем разительнее показались перемены – воздух Парижа уже был отравлен бактериями страха перед безнаказанным разбоем Германии и Италии, опасениями, что любая помощь республиканской Испании спровоцирует войну с фашистскими режимами.

В Париже работы у Эренбурга было по горло. Он помогал Мальро собирать средства на интернациональную эскадрилью; к нему обращались добровольцы, направлявшиеся в Испанию, за советами и адресами. По пути в Барселону Эренбурга разыскал в Париже В. А. Антонов-Овсеенко¹⁵⁷, чтобы сообщить: «Вашу телеграмму обсуждали, согласились с вами. Я назначен консулом в Барселону. В Москве считают, что в интересах Испании сближение Каталонии с Мадридом»¹⁵⁸. Согласились в Москве и с предложением Эренбурга организовать кинопередвижку и походную типографию. Были переведены деньги на покупку грузовика и оборудования, присланы фильмы «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». «Еще я нашел, – вспоминал Эренбург, – чудесный мультипликационный фильм: Микки-Маус боролся с котом, побеждал и подымал над мышеловкой красное знамя – я уже знал, что без улыбки в Испании не проживешь»¹⁵⁹.

В начале октября грузовик доставили в Барселону и оформили в комиссариате пропаганды при каталонском правительстве. «Поезжайте обязательно на Арагонский фронт, – сказал Эренбургу Антонов-Овсеенко. – Вы умеете разговаривать с анархистами. Там нет никого из наших – они

всех выживают. А с вами они разговаривают. Вы можете их урезонить...»¹⁶⁰ Закончив первую поездку с агитгрузовиком на Арагонский фронт, Эренбург [380] докладывал Антонову-Овсеенко: «Нам удалось в течение 4 дней выпустить 7 газет, которые мы напечатали на позициях или в ближайшем тылу... и устроить 7 киносеансов с показом «Чапаева» и с небольшими митингами... После «Чапаева» дружинники постановляли выставлять ночные дозоры... Необходимо серьезно поставить дело пропаганды на фронте, в прифронтной полосе, а также среди частей неприятеля. Я отдельно пишу Вам о плане организации пропаганды на фронте с помощью 3-х грузовиков. Если Вы найдете нужным, буду продолжать работать над этим»¹⁶¹. Опыт работы с агитфургоном, выпуск фронтовой газеты и листовок пригодился Эренбургу и в годы Отечественной войны, когда ему ежедневно приходилось писать не только для центральной, но и для армейской печати.

Работа с агитгрузовиком продолжалась три-четыре месяца, и все это время «Известия» регулярно получали «Письма из Испании».

В декабре 1936 года Эренбург приехал в Мадрид. Город оставался фронтом, хотя ноябрьская атака франкистов и была отбита. Бои шли в пригородном парке Каса-де-Кампо. Артиллерия и авиация фашистов обстреливали Мадрид. Гражданское население гибло, терпело невероятные лишения. «О чем писать? Кричать в телефонную трубку снова и снова, что фашисты – звери, что люди не могут жить с ними на земле, что бой в Каса-де-Кампо – это начало отчаянной, длительной битвы, в которой жизнь сражается против смерти? Но об этом знают все – и дряхлые гуманисты Запада, и маленькие пионеры Союза. Об этом знает каждый камень Мадрида, каждый воробей в его уцелевших садах», – так писал об этих днях Эренбург в очередной известинской корреспонденции¹⁶².

Из статей И. Эренбурга в «Известиях» и М. Кольцова в «Правде», из сообщений корреспондентов ТАСС советские читатели узнавали нечто большее, чем просто новую информацию о гражданской войне в Испании, – они узнавали, что несет человечеству фашизм.

В январе 1937 года Эренбург – в Париже. В этом месяце он не послал в газету ни одной статьи: работал над вторым испанским фотоальбомом, сделанным иначе, [381] чем первый. Писатель принял теперь за основу не фотографии, а тексты «Писем из Испании», проиллюстрировав их снимками и репродукциями антифашистских плакатов, созданных испанскими художниками за полгода войны. Напряженная работа отвлекала от тревожных, мыслей, оснований для которых было хоть отбавляй.

В начале февраля Эренбург возвращается в Испанию, он едет вместе с близким другом писателем Овадием Савичем, корреспондентом «Комсомольской правды». Снова Барселона, отель «Мажестик». Савич вспоминал: «Гостиница «Мажестик» – старая, добротная. Маленький юркий директор, говорящий на всех языках, мгновенно и навсегда запоминающий людей...

На этом этаже помещалось ваше консульство, пока не переехало в свой дом. Здесь жил сам мсье Антонов-Овсеенко. В вашей комнате останавливался мистер Хемингуэй. Какие новости в Париже, мсье Эренбург? У нас? У нас что же? Война. Каталонское правительство становится сильнее, но пока у нас не будет мадридского настроения... На ночь можете выставить обувь за дверь, мы еще чистим ее. Вы ведь написали в вашей книге «Испания – республика трудящихся», что самый бедный идальго протягивает ногу чистильщику, даже когда его обувь ослепительно блестит. Это очень верно...»¹⁶³

Война пришла в Барселону. 15 февраля в «Известиях» – очерк Эренбурга «Барселона под обстрелом»: «Развалины домов и стоны раненых сделали свое дело. Эпоха пестрых флагов, красивых лозунгов, беззаботного оптимизма кончилась и для Барселоны...»

С начала 1937 года Эренбургу, помимо Мадрида и, Барселоны, все чаще приходилось бывать в Валенсии, куда переехало правительство Испанской республики. В Валенсии Эренбург постоянно встречался со своим близким другом Андре Мальро (его эскадрилья располагалась неподалеку от города). Весной в Мадриде он познакомился с Эрнестом Хемингуэем, писателем, книги которого очень любил. Вместе с Хемингуэем Эренбург не раз ездил на фронт, не раз бывал в легендарной 12-й интербригаде, которой командовал генерал Лукач – венгерский писатель Мате Залка. Можно исписать несколько страниц, только перечисляя тех, кого встречал Эренбург на дорогах Испании в 1936-1939 годах. Мы [382] упомянули здесь лишь встречи, без которых рассказ об испанских страницах жизни Ильи Эренбурга был бы существенно неполным.

4 июля 1937 года в Валенсии открылся 2-й Международный конгресс писателей; Эренбург был одним из самых деятельных работников его оргкомитета. 6 июля началось наступление республиканцев на Брунете, и Эренбург вместе с Вс. Вишневским и В. Ставским отправился туда. Дорога сильно простреливалась, Эренбургу вместе с московскими гостями едва удалось уйти от марокканской контратаки. При переезде делегатов конгресса из Валенсии в Мадрид машина, в которой ехали Мальро и

Эренбург, наскочила на грузовик со снарядами, чудом не произошла катастрофа.

Репортажи с заседаний конгресса Эренбург передавал в «Известия» ежедневно. Весной и летом 1937 года он много пишет в газету, добиваясь создания полной и глубокой картины испанских событий, что не всегда удавалось ему в корреспонденциях 1936 года. Многие статьи Эренбурга (наряду с выступлениями Кольцова) печатаются в испанских газетах; его имя хорошо знали руководители республики, наши военные советники, интербригадовцы. Не случайно одна из рот «Колонны 19 июля» называлась «Центурия Илья Эренбург».

18 июля 1937 года, в годовщину гражданской войны в Испании, «Известия» печатают статью Эренбурга «Испанский закал». 19 июля Эренбург высылает в Москву выправленные тексты своих статей для книги «Испанский закал. Апрель – июль 1937» и предисловие к ней. Тогда же у него окончательно сложился замысел прозы на материале испанских событий. Он пишет в редакцию «Знамени», резервируя место в ноябрьском номере для будущей книги, а 28 июля уезжает на юг Франции, в деревушку Tour de Faure. «Там было тихо, порой даже слишком тихо. Зеленели поля табака, и медленно сочилась река Лот. Я написал повесть об испанской войне; вернее назвать эту книгу записями о событиях и людях... Я мог оторваться на несколько месяцев от жизни военного корреспондента. Но уйти от войны я больше не мог»¹⁶⁴. 3 сентября в «Известиях» появился первый [383] отрывок из повести; в конце сентября работа над ней была закончена. Как и предполагал автор, повесть «Что человеку надо» была напечатана в одиннадцатом номере «Знамени».

Критика оценила актуальность книги, отметив в то же время дробность ее композиции, обилие и пестроту персонажей, затрудняющие чтение. Как и в «Письмах об Испании», в повести «Что человеку надо» свидетельства очевидца, остро схваченные детали, разрозненные куски, наметки будущих героев и тем, – в которых узнается почерк Эренбурга, – не воссоздают в должной мере трагической картины событий; повесть, скорее, напоминает страницы лирического дневника. Пройдут десятилетия, и Эренбург вернется к Испании тех лет, посвятив ей многие страницы своей книги «Люди, годы, жизнь».

Осень 1937 года писатель проводит во Франции. В резких, саркастических статьях он анализирует политику «невмешательства», толкающую Европу к мюнхенской сделке, к открытой агрессии Германии. После короткой поездки в район Теруэля Эренбург получил возможность

приехать в Москву. «Есть в истории народа такие дни, которые нельзя понять даже по рассказам друзей, их нужно пережить»¹⁶⁵, – написал он о том времени. В Москве писателя иногда приглашали выступить с рассказом об испанских событиях; за пять месяцев он написал всего четыре статьи – не работал, ожидая разрешения вернуться в Испанию.

«Ночью у себя в комнате я слушаю радиопередачу Барселоны, – писал Эренбург в «Известиях» 30 марта 1938 года. – За окном – девятый этаж – огни большого города, Москвы. Глухо доносится голос: «В секторе Фраги мы отбили атаку...» Против смерти борется сейчас не один испанский народ, за ним лучшие люди всего мира. Мы слышим здесь каждый выстрел в горах Арагона. Мы знаем, что миру грозит смерть – эта «новая культура» римских и берлинских разбойников. Против смерти – жизнь. Одна мысль: оборона, оборона, только оборона. Красноармейцы, стоя сейчас на рубежах страны, обороняют не только родину, они обороняют самое высшее благо – жизнь – не одну нашу – человечества».

Весной 1938 года в Москве вышла книга «Испанский закал»; в нее вошло тридцать статей, написанных в [384] феврале – июле 1937 года. «За эти пять месяцев, – писал автор в предисловии, – Испания создала мощную армию, и теперь после потери Бильбао, будучи свидетелями отступления на севере, мы все же можем сказать, что проигранные битвы только эпизоды в истории освободительной борьбы испанского народа, которая должна завершиться победой». Утверждая это, Эренбург не обманывал ни себя, ни читателей. «Он стойко верил в победу. Он верил в нее вопреки очевидности, в самые тяжелые минуты, когда уныние охватывало сердца. Эту веру он черпал не в себе. Он находил ее в тех фактах, которые высматривал своим острым глазом и улавливал своим чутким слухом. Рассказы его о сокровенных чувствах и помыслах испанского народа утешают и сейчас»¹⁶⁶, – писал А. Эйсер в 1957 году.

Вернувшись в Париж в мае 1938 года, Эренбург приступил к сбору материалов для сборника памяти Мате Залки; в начале июня он выехал в Испанию. «В пограничный испанский город Порт-Бу я приехал рано утром и попал сразу под бомбежку. Испания меня встретила кровью: на мостовой лежал убитый ребенок. Я уехал из Испании в дни боев за Теруэль, когда еще все верили в победу. Вернувшись полгода спустя, я увидел другую картину»¹⁶⁷.

Прорвав в апреле 1938 года Арагонский фронт, франкисты вышли к Средиземному морю, разрезав республику на две части. Это в значительной степени предопределило исход испанской войны.

В Испании Эренбург немедленно включается в работу, он пишет в июне восемь статей, в июле – девять. Статьи 1938 года – безусловная вершина испанской публицистики Эренбурга. Написанные со всей силой его художественного темперамента, они органически сочетали в себе гнев и мужество, пафос и иронию, элементы очерка, репортажа и памфлета, документы. В этих статьях неповторимый голос художника-публициста обрел полную свободу дыхания, он звучит естественно и убедительно.

Летом республиканской армии Модесто удастся добиться важной победы – она форсирует реку Эбро. Однако закрепить этот успех не удалось. [385]

Линия фронта подходила к франко-испанской границе так близко, что Эренбург иногда ездил писать статьи во французский приморский городок Баньюльс. Весь август он работал над большой книгой испанских статей. Все статьи пришлось переделывать, сокращать, снимать повторы, иногда умерять былой оптимизм (события в Испании близились к трагической развязке). 27 августа 1938 года Эренбург пишет в Москву: «Сегодня отправил заказным пакетом рукопись книги «В Испании. 1936-1938». В рукописи 260 листов... Большинство очерков я переработал основательно. Несколько новых. Включил также о Мате Залке... Работа над рукописью отняла у меня десять дней. Теперь вернусь к рассказам»¹⁶⁸. Уже подготовленный к печати сборник Эренбурга «В Испании» не был издан. Некоторые из испанских статей Эренбург включал в оба свои послевоенные собрания сочинений, но только книга, которую читатель держит сейчас в руках, представляет испанскую публицистику писателя в сравнительно полном объеме.

Летом 1938 года после пятнадцатилетнего перерыва неожиданно для себя Эренбург начал писать стихи.

Испанский цикл стихов Эренбурга складывался постепенно. «Я сочинял стихи в машине или в поезде, в часы отдыха или на шумливом собрании, на улице, во фронтовых землянках. Записывал я их позднее; стихотворения были короткими, и я их знал на память»¹⁶⁹. Испанские стихи Эренбурга – горькие и выстраданные; в них не только пережитое, но и предчувствие будущих испытаний. Поэт Лев Озеров описал их сжато и точно: «В стихах тихий голос, короткая задыхающаяся фраза, часто без глагола, пропуски смысловых звеньев, напряженность, крик души, выражающийся в спокойной, канонической, невозмутимой строфе. Так все вокруг громко, шумно, тревожно, надрывно, что остается одно – быть спокойным и тихим, чтобы тебя слышали»¹⁷⁰. Испанские стихи Эренбурга появились в

сдвоенном 7-8 номере «Знамени» за 1939 год. Сохранилось много свидетельств современников о том, какое сильное впечатление они произвели. Вот слова Маргариты Алигер: «Эти стихи, даже шрифт [386] машинки, на которой они были напечатаны, я помню с тех пор той, давней, молодой памятью первого сильного впечатления... я долго повторяла про себя, долго жила во власти их звучаний, пронзенная тем особенным трепетом, который способна вызывать только истинная поэзия»¹⁷¹.

Вернемся к осени 1938 года. 11 октября в «Известиях» появилась корреспонденция «Политическая борьба во Франции», подписанная новым для читателей именем – Поль Жослен. Это – псевдоним Эренбурга. Испанские статьи он подписывал своим именем, а всю французскую информацию поставлял в газету Жослен. Обстановка в Европе становилась все более зловещей, и Эренбургу (он оставался постоянным корреспондентом газеты в Париже) приходилось все больше внимания уделять французским делам.

Одна из статей, написанных Эренбургом осенью 1938 года, называется «Ночь над Европой». Это название, очень точно выражающее обстановку того страшного времени, заставляет вспомнить другую вещь Эренбурга – написанный им еще в 1923 году сатирический роман «Трест Д. Е. История гибели Европы». В этой книге рассказывалось о том, как американские миллиардеры поощряют гибель Европы, этого источника «социалистической заразы», и как у буржуазной Европы не находится сил противостоять своему уничтожению. При всей фантастичности этого сюжета многие страницы книги оказались пророческими. Ночь, спустившаяся на Европу в конце 30-х годов, кровавая пляска фашизма, бессилие большинства европейских стран противостоять наглому натиску не могли не напоминать о «Тресте Д. Е.».

Эренбург продолжал напряженно работать. «Газетная работа, – писал он 25 октября 1938 года В. Ставскому, – отнимает у меня теперь очень много времени. Вчера приехал из Эльзаса, недавно был в Испании, завтра еду в Марсель. Все надеюсь, что события пойдут чуть медленней и удастся посвятить месяц-другой «изысканной словесности», но вряд ли эти надежды оправданы. Жаль мне, что Вы не повидали теперь Эбро: это куда сильней и ясней Брунете. В Барселоне людям очень трудно, это Вы знаете из газет. Много изменилось в ней с прошлого [387] года. Париж сейчас испуган, растерян, и жизнь в нем нелегка. Передавайте сердечный привет всем друзьям и товарищам и не забывайте, что где-то между Эбро и Рейном блуждает один советский писатель»¹⁷².

В декабре 1938 года развернулась битва за Каталонию. Несмотря на подавляющее превосходство фашистов в технике, республиканцам удалось продержаться два месяца. Эренбург был с ними до конца. Всю последнюю неделю эвакуации Каталонии он провел на границе Испании с Францией, помогая чем мог республиканцам. 1 февраля 1939 года Эренбург и Савич присутствовали на последнем заседании кортесов в Фигерасе. «Фашистские самолеты бомбят города и дороги, – рассказывает Савич. – У въезда в Херону – гигантская пробка. Очередь у бензоколонки на двенадцать-четырнадцать часов. Фашисты бомбят именно въезд в город. В Фигерасе они бомбят площадь... Внезапно на площадь выходит человек сорок солдат с офицером и трубачом... Труба звучит как сирена гибнущего корабля... Кто-то плачет... Слезы на глазах Эренбурга. Потом он напишет стихи о том, как «Испания шла, доспехи волоча», и об этом трубаче»¹⁷³.

«Шестого февраля я в последний раз шел по испанской земле. Это было у горной деревни Компродон. Вокруг еще шли бои, – вспоминал Эренбург. – Французское правительство отдавало бесчеловечные приказы. А на местах люди действовали по-разному. Каждый день я видел и солидарность, доброту, участие, и откровенную низость... Шестого марта в Мадриде командующий армией Центрального фронта полковник Касадо, с благословения свадебного генерала Миаха, произвел переворот, поставил на место Негрина кучку людей, решивших капитулировать. Однако развязкой испанской трагедии были не судороги обреченного Мадрида, а те зимние дни, когда армия Эбро в полном порядке, с оружием перешла французскую границу, надеясь, что ее перебросят в Валенсию. (Спасенное бойцами оружие французы передали генералу Франко.)»¹⁷⁴

Тысячи испанцев, перешедших французскую границу, были интернированы по решению французского правительства. Последнее, что мог сделать для своих испанских [388] друзей Эренбург, – это вызволить хоть кого-нибудь из лагеря для интернированных. И он занимался этим несколько месяцев, мобилизуя все мыслимые и немыслимые возможности и жалкие остатки того, что еще недавно было общественным мнением Франции.

1939 годом кончаются хронологические рамки испанской публицистики Ильи Эренбурга, вошедшей в эту книгу, но, конечно же, не кончается испанская тема в его творчестве – она продолжалась в стихах, в переведенной им книге Пабло Неруды «Испания в сердце», во многих статьях и выступлениях, наконец, в книге «Люди, годы, жизнь».

Вячеслав Попов, Борис Фрезинский [389]

Примечания

С 1931 по 1939 год И. Г. Эренбург написал около 350 статей, очерков, репортажей об Испании. Из них в настоящий сборник включено больше ста. Ниже использованы следующие сокращения:

В – Эренбург И. В Испании. 1939. Верстка книги.

И – газета «Известия».

И-2 – Эренбург И. Испания (фотоальбом). М.: Изогиз, 1937, т. 2.

ИЗ – Эренбург И. Испанский закал. М.: ГИХЛ, 1938.

КН – журнал «Красная новь».

С-54 – Эренбург И. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1954, т.5.

С-66 – Эренбург И. Собрание сочинений. М.: ИХЛ, 1966, т. 7.

Осел, иди! – Впервые КН, 1932, № 1; печатается по С-66.

Небоскреб и окрестности. – Впервые КН, 1932, № 1; печатается по С-66.

Переименовывают. – Впервые КН, 1932, № 1; печатается по С-66.

Республика трудящихся. – Впервые под названием «Рай, как он есть» – Вечерняя Москва, 1931, 25 декабря; печатается по С-66.

Лас-Урдес. – Впервые КН, 1932, № 2; печатается по С-66.

Что такое достоинство. – Впервые КН, 1932, № 2; печатается по С-66.

Эстремадура. – Впервые под заголовком «Испанское захолустье» – Прожектор, 1932, № 2; печатается по С-66.

«Guardia Civil». – Впервые под заголовком «Клеенчатая треуголка» – Вечерняя Москва, 1932, 11 января; печатается по С-66.

Ученик Бакунина. – Впервые КН, 1932, № 2; печатается по С-66.

О человеке. – Впервые КН, 1932, № 3; печатается по С-66. [390]

Испанский эпилог. – Впервые КН, 1932, № 3; печатается по С-66.

Мигель Унамуну и трагедия «ничьей земли». – Впервые Литературная газета, 1933, 29 мая; печатается по тексту книги Эренбург И. Затянувшаяся

развязка. М.: Советский писатель, 1934.

В горах Астурии. – Впервые И, 1934, 7 ноября; печатается по книге Эренбург И. Испания. М.: Гослитиздат, 1935.

Женщины Испании. – Впервые И, 1936, 9 марта.

В Испании. – Впервые И, 1936, 20 апреля; не переиздавалась.

Враги. – Впервые И, 1936, 9 мая; не переиздавалась.

Те же и революция. – Впервые И, 1936, 15 мая; не переиздавалась.

Семь дней боев. – Впервые под редакционным названием «Героическая борьба испанских рабочих и крестьян» – И, 1936, 27 июля; не переиздавалась.

Испания не будет фашистской. – Впервые под названием «Борьба испанского народа» – И, 1936, 3 августа; не переиздавалась.

Барселона в августе 1936. – Впервые С-54; печатается по В.

Мадрид в сентябре 1936. – Впервые С-54; печатается по В.

Ночью на дороге. – Впервые И, 1936, 23 сентября; печатается по В.

В Толедо. – Впервые И, 1936, 23 сентября; печатается по В.

Под Талаверой. – Впервые И, 1936, 27 сентября; печатается по В.

Мальпика. – Впервые И, 1936, 29 сентября; печатается по В.

У Дуррути. – Впервые И, 1936, 5 октября; печатается по В.

Вокруг Уэски. – Впервые И, 1936, 6 октября; печатается по В.

Вечером в Гвадарраме. – Впервые И, 1936, 9 октября; печатается по В.

«Красные крылья». – Впервые И, 1936, 12 октября; печатается по В.

Мохаммед бен-Амед. – Впервые И, 1936, 18 октября; печатается по В.

Песня. – Впервые под названием «О песне» – И, 1936, 20 октября; печатается по В.

Барселона в октябре 1936. – Впервые И-2; печатается по В.

Художник Гомес. – Впервые И, 1936, 21 октября; не переиздавалась.

«?Salud y animo!» – Впервые И, 1936, 7 ноября; не переиздавалась. [391]

Интернациональные бригады. – Впервые И, 1936, 17 декабря; печатается по В.

Мадрид в декабре 1936. – Впервые под заголовком «О Мадриде» – И,

1936, 20 декабря; печатается по В.

«Мы пройдем!» – Впервые И, 1937, 1 января; не переиздавалась.

Нейтралитет. – Впервые И, 1937, 6 февраля; не переиздавалась.

Барселона в феврале 1937. – Впервые под названием «Барселона под обстрелом» – И, 1937, 15 февраля; печатается по ИЗ, название по В.

Малага. – Впервые И, 1937, 16 февраля; печатается по ИЗ.

Рабочие «Дженерал моторе». – Впервые И, 1937, 19 февраля; печатается по ИЗ.

Герои «третьей империи». – Впервые И, 1937, 28 февраля; печатается по ИЗ.

Под Теруэлем. – Впервые И, 1937, 3 марта под названием «Возле Теруэля»; печатается по В.

Судьба Альбасете. – Впервые И, 1937, 5 марта; печатается по ИЗ.

Трагедия Италии. – Впервые И, 1937, 12 марта; печатается по ИЗ.

Сапожник Грегго Сальватори. – Впервые И, 1937, 16 марта; печатается по ИЗ.

На поле битвы. – Впервые И, 1937, 27 марта; печатается по ИЗ.

Партизаны Испании. – Впервые И, 1937, 23 марта; не переиздавалась.

В деревнях Испании: «У синего моря» – впервые И, 1937, 27 февраля; печатается по Колхозник, 1938, № 2; «Виноделы» – впервые Колхозник, 1938, № 2, не переиздавалась; «Уэрто» – впервые Колхозник, 1938, № 2, не переиздавалась; «Деревня Буньоль» – впервые И, 1937, 18 марта, печатается по Колхозник, 1938, № 2; «Кампесино – крестьянский командир» – впервые И, 1937, 4 апреля, печатается по Колхозник, 1938, № 2.

«Красный Аликанте». – Впервые И, 1937, 8 апреля; печатается по ИЗ.

«Парижская коммуна». – Впервые И, 1937, 10 апреля; печатается по ИЗ.

Мадрид в апреле 1937. – Впервые С-54; печатается по В.

День в Каса-де-Кампо. – Впервые И, 1937, 10 апреля; печатается по ИЗ.

14 апреля. – Впервые И, 1937, 14 апреля; не переиздавалась. [392]

Весна в Испании. – Впервые И, 1937, 1 мая; печатается по ИЗ.

Вирхен-де-ла-Кабеса. – Впервые И, 1937, 4 мая; печатается по ИЗ.

На Южном фронте. – Впервые И, 1937, 6 мая; печатается по ИЗ.

- Дивизия без номера. – Впервые И, 1937, 9 мая; печатается по ИЗ.
- По ту сторону. – Впервые И, 1937, 11 мая; печатается по ИЗ.
- Битва за хлеб. – Впервые И, 1937, 30 июня; печатается по ИЗ.
- Под Уэской. – Впервые И, 1937, 16 июня; не переиздавалась.
- Арагонский фронт. – Впервые И, 1937, 21 июня; печатается по ИЗ.
- Репортажи с второго Международного конгресса писателей. – Впервые ИЗ, 1937, 11 июля; не переиздавались.
- Речь на втором Международном конгрессе писателей. – Впервые под названием «Наступление» – И, 1937, 12 июля.
- Брунете. – Впервые печатается по В.
- Первая победа после Гвадалахары. – Впервые И, 1937, 14 июля; не переиздавалась.
- Испанский закал. – Впервые Пропаганда и агитация, 1938, № 13-14; печатается по В.
- Герои Астурии. – Впервые И, 1937, 2-3 ноября.
- Перед битвами. – Впервые И, 1937, 14 декабря; не переиздавалась.
- На Теруэльском фронте. – Впервые И, 1937, 18 декабря; не переиздавалась.
- Горе и счастье Испании. – Впервые И, 1938, 1 января; печатается по В.
- За жизнь! – Впервые И, 1938, 30 марта; не переиздавалась.
- Да здравствует Дон Кихот! – Впервые под названием «Кровь зовет в бой» – И, 1938, 1 мая; название по В.
- Мятеж против мятежа. – Впервые И, 1938, 1 июня; не переиздавалась.
- Мате Залка, генерал Лукач. – Впервые И, 1938, 12 июня; печатается по В.
- Правды! – Впервые И, 1938, 14 июня; не переиздавалась.
- Семьсот дней. – Впервые И, 1938, 17 июня; не переиздавалась.
- Кто они? – Впервые И, 1938, 21 июня; не переиздавалась.
- Вокруг Лериды. – Впервые И, 1938, 28 июня; не переиздавалась. [393]
- О верности и вероломстве. – Впервые И, 1938, 2 июля; не переиздавалась.
- Барселона в июне 1938. – Впервые под названием «В Барселоне» – И, 1938, 17 июля; печатается по В.

- В деревне. – Впервые И, 1938, 4 июля; печатается по В.
- Во весь голос. – Впервые И, 1938, 18 июля; не переиздавалась.
- 18 июля 1938 года. – Впервые И, 1938, 20 июля; не переиздавалась.
- Сражение в Леванте. – Впервые И, 1938, 21 июля; не переиздавалась.
- Две притчи. – Впервые И, 1938, 27 июля; печатается по В.
- Долорес Ибаррури. – Впервые Ленинградская правда, 1938, 1 августа; печатается по В.
- В фашистской Испании. – Впервые И, 1938, 9 августа; не переиздавалась.
- Эбро. – Впервые И, 1938, 20 сентября; печатается по В.
- Смерть одного мифа. – Впервые И, 1938, 29 сентября; не переиздавалась.
- Третья осень. – Впервые И, 1938, 9 октября.
- Рождение армии. – Впервые Красная звезда, 1938, 7 ноября; не переиздавалась.
- Большое сердце. – Впервые Комсомольская правда, 1938, 7 ноября; не переиздавалась.
- Народ Парижа встречает своих героев. – Впервые И, 1938, 14 ноября; не переиздавалась.
- Ночь над Европой. – Впервые одновременно в газетах «Правда» и «Известия», 1938, 7 ноября; не переиздавалась.
- Волки. – Впервые Комсомольская правда, 1938, 4 декабря; не переиздавалась.
- Сила сопротивления. – Впервые И, 1938, 26 декабря; не переиздавалась.
- Три конкистадора. – Впервые И, 1938, 27 декабря; не переиздавалась.
- На фронтах Испании. – Впервые И, 1938, 27, 29 декабря; не переиздавалась.
- Под новый год. – Впервые под названием «С новым счастьем, Испания!» – И, 1939, 1 января; название по В.
- Сообщения из Фигераса. – Впервые И, 1939, 4, 5 февраля; не переиздавалась.
- Борьба до конца. – Впервые И, 1939, 5 февраля; не переиздавалась.
- Исход. – Впервые И, 1939, 6 февраля. [394]

Испания не сложила оружия. – Впервые И, 1939, 8 февраля; не переиздавалась.

Умер поэт Антонио Мачадо. – Впервые И, 1939, 24 февраля; не переиздавалась.

Постраничные примечания в тексте, кроме специально оговоренных, принадлежат составителям. Написание географических названий и имен приведено в соответствие с современным правописанием.

В книге публикуются фотографии, сделанные в Испании Капа, Шимом, Б. М. Симоновым, И. Г. Эренбургом и другими.

Составители выражают глубокую благодарность Ирине Ильиничне Эренбург, предоставившей в их распоряжение материалы личного архива И. Г. Эренбурга. [395]

Подстрочные примечания

1 Испанский парламент.

2 Карточная игра.

3 А. М. Коллонтай (1872-1952) – революционерка, писательница, дипломат.

4 Повесть русского советского писателя Н. Огнева (1888-1938).

5 Имеется в виду 2-я Международная конференция революционных писателей, состоявшаяся в Харькове в ноябре 1930 года.

6 Альфонс XIII (1886-1941) – король Испании в 1902-1931 годах.

7 Хаимисты – сторонники претендента на испанский престол Хаиме (ск. в 1932 году).

8 Франсиско Камбо (1875-1947) – каталонский буржуазный общественный деятель.

9 Александр Леррус (1864-1949) – лидер радикальной партии, премьер-министр Испании в 1933-1935 годах.

10 Франсиско Масиа (1859-1933) – лидер левой республиканской партии Каталонии, первый председатель каталонского автономного правительства

(1931-1933 годы).

11 Мигель Примо де Ривера (1870-1930) – генерал, установивший в 1923 году с согласия короля Альфонса XIII военную диктатуру.

12 Мигель Маура (1887-1971) – лидер правой республиканской партии, входил во временное правительство республики (апрель – октябрь 1931 года).

13 Мигель Унамуно (1864-1936) – писатель и философ, классик испанской литературы; после недолгих колебаний осудил фашистский мятеж 1936 года; умер, находясь под домашним арестом.

14 Нисето Алкала Самора (1877-1949) – правый республиканец, ортодоксальный католик, президент Испанской республики (1931-1936 годы).

15 Алькальд – глава муниципалитета, в деревне – выборный староста.

16 Индалесио Прието (1883-1962) – лидер центристского крыла Испанской социалистической рабочей партии, занимал министерские посты в правительстве Народного фронта.

17 Шведский магнат, «король спичек».

18 Персонаж романа И. Эренбурга «Единый фронт»; его прототипом послужил Крейгер.

19 Имеются в виду штрейкбрехеры.

20 Женщина.

21 Гражданская гвардия (исп.).

22 Хосе Санхурхо (1872-1936) – генерал, один из организаторов мятежа в 1936 году, погиб в авиационной катастрофе.

23 Кура (исп.) – священник.

24 Франсиско Ларго Кабальеро (1869-1946) – лидер социалистов, министр труда в 1931-1933 годах, премьер-министр Испанской республики в 1936-1937 годах.

25 Речь идет об организациях анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда, обладавшей большим влиянием в Андалусии.

26 Пабло Иглесиас (1850-1925) – основатель и председатель Испанской социалистической рабочей партии и Всеобщего союза трудящихся.

27 Рамон Гомес дела Серна (1891-1963) – писатель, один из наиболее известных испанских авангардистов.

28 Буэновенкуро Дуррути (1896-1936) – один из руководителей анархистов.

29 Макс Штирнер (1806-1856) – немецкий философ, теоретик анархизма.

30 Камареро (исп.) – официант.

31 Габриэль Д'Аннунцио (1863-1938) – итальянский писатель-декадент, политический деятель, идеолог фашизма.

32 Филиппо Маринетти (1876-1944) – итальянский писатель, глава и теоретик футуризма.

33 Страдающий манией величия.

34 Роман «Безразличные» (1929), отражающий духовную опустошенность молодого поколения, выросшего при фашизме, принес Моравиа широкую известность.

35 Л. И. Шестов (1866-1938) – русский философ, писатель-экзистенциалист.

36 В январе 1933 года отрядом гражданской гвардии в деревне Касас Вьехас были убиты 30 крестьян, пытавшихся занять земли герцога Мединасели.

37 Бронепоезда.

38 Долорес Ибаррури (р. 1895) – деятель испанского и международного рабочего движения, одна из организаторов Народного фронта; с 1942 по 1960 год генеральный секретарь, с 1960 года председатель Испанской Компартии.

39 Хосе Мария Хиль Роблес (1908-1980) – реакционный политический деятель, основатель правокатолической организации Испанская конфедерация автономных правых (СЭДА), в 1934 и 1935 годах входил в правительство, после 1939 года – в оппозиции к франкизму.

40 Мануэль Асанья (1880-1940) – писатель, один из лидеров республиканского движения, приведшего к свержению монархии; в 1932-1933 годах и в 1936 году – глава правительства, в 1936-1939 годах – президент Испанской республики.

41 Хосе Кальво Сотело (1883-1936) – министр финансов при диктатуре Примо де Ривера, затем – один из лидеров антиреспубликанских сил; убит офицерами штурмовой гвардии, его смерть была использована франкистами как предлог для начала мятежа.

42 Речь идет о сокращении ввоза испанских товаров в Италию,

вызванном агрессией Италии в Абиссинии.

43 Хуан Марч (1884-1962) – миллионер, финансировавший мятежников.

44 Представители клерикально-абсолютистского движения, развязавшего в XIX веке гражданские (карлистские) войны; после свержения монархии они основали партию «Комунион традиционалиста».

45 Испанская фаланга – партия фашистского типа, создана в 1933 году.

46 Речь идет о религиозных процессиях, во время которых их участники несут статуи святых.

47 «UP» – сокращение от «Union Patriótica» (исп.) – «Патриотический союз».

48 «УНР» – сокращение от «Union Hermanos Proletarios» (исп.) – «Союз братьев-пролетариев».

49 Хосе Диас (1895-1942) – генеральный секретарь Испанской Компартии.

50 Здесь и ниже имеются в виду члены Федерации социалистической молодежи, которая в апреле 1936 года объединилась с молодежной организацией Компартии Испании

51 Рафаэль Альберти (р. 1902) – выдающийся поэт, активный участник борьбы с фашизмом.

52 Слуга.

53 Эмилио Мола (1887-1937) – генерал, один из главных руководителей мятежа.

54 Гонсало Кейпо де Льяно (1875-1951) – генерал, один из организаторов мятежа, захвативший власть в Севилье.

55 Это – неточность: Алькасар продержался до подхода армии Франко.

56 Название испанских акций (примечание И. Эренбурга).

57 Один из парижских вокзалов (примечание И.Эренбурга).

58 Фермин Галан – капитан, поднявший восстание против монархии, расстрелян 14 декабря 1930 года.

59 Андре Мальро (1901-1976) – французский писатель, активный участник борьбы с фашизмом, впоследствии министр культуры Франции.

60 Горная цепь.

61 Бульвар в центре Барселоны (примечание И. Эренбурга).

62 Панча Вилья (настоящее имя Доротео Аранга; 1877-1923) – руководитель крестьянского движения в Мексике, убит реакционерами.

63 Центральный орган Испанской Компартии.

64 Знаки различия в испанской армии носились над левым грудным карманом, на рукаве и головном уборе.

65 Один из зачинщиков фашистского мятежа (примечание И. Эренбурга).

66 Федерация анархистов Иберии.

67 Мария Тереса Леон (р. 1905) – писательница, активная участница антифашистского движения.

68 Густаво Дуран – композитор, музыковед, во время гражданской войны командир бригады, затем дивизии, корпуса; после войны работал переводчиком в ООН.

69 «CNT» – сокращение от «Confederación Nacional de Trabajo» – Национальная конфедерация труда.

70 «UGT» – сокращение от «Union General de Trabajadores» – Всеобщий рабочий союз, объединение профсоюзов, созданное Испанской социалистической рабочей партией; в 1936 году в него вошел также профсоюз, примыкавший к Компартии Испании.

71 Знамя испанской монархии.

72 Последний везиготский король Испании, разбитый маврами в 711 году.

73 Мануэль Альтолагирре (1904-1959) – поэт-антифашист.

74 «Привет и мужество!» (исп.).

75 «?Viva! Noch!» (исп., нем.) – «Да здравствует!»

76 Имеется в виду Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании, учрежденный в августе 1936 года. В нем принимали участие 27 европейских государств, включая СССР. Комитет заседал в Лондоне.

77 Центральная площадь Мадрида.

78 Имеются в виду итальянцы, оккупировавшие Абиссинию.

79 В Эссене (Германия) были сосредоточены заводы по производству вооружения.

80 При Капоретто итальянские войска понесли поражение во время первой мировой войны (примечание И. Эренбурга).

81 Генерал фон Фаупель был назначен в 1936 году послом фашистской Германии при правительстве Франко.

82 Уменьшительное от Франсиско.

83 В феврале 1937 года в битве при Хараме одержала победу республиканская армия.

84 Символика итальянского фашизма, заимствованная из эпохи Древнего Рима, – связка прутьев, олицетворявшая «единство».

85 Англо-итальянское соглашение от 2 января 1937 года представляло попытку защитить английские интересы в Средиземноморье; оно не накладывало никаких обязательств относительно прекращения итало-германской интервенции в Испании.

86 На Липарских островах находилась тюрьма.

87 Центурион – командир военного подразделения в итальянской армии (центурия – сотня).

88 Итальянский генерал, воевавший в Испании на стороне Франко.

89 Сорт салата.

90 Кампесино – один из военных руководителей республиканской Испании, впоследствии отошел от коммунистической партии.

91 Гимн республики. Рафаэль Риго-и-Нуньес (1785-1823) – герой испанской революции 1820-1823 годов.

92 Имеются в виду участники вооруженного выступления венских рабочих в 1934 году.

93 Людвиг Ренн (1889-1979) – немецкий писатель-антифашист.

94 Ральф Фокс (1900-1937) – английский критик-марксист, погиб в Испании.

95 Баскское название Страны Басков.

96 Рекете (красные береты) – вооруженные отряды карлистов.

97 Участники корриды.

98 Военное формирование, созданное Компартией Испании.

99 Квинтал – вес 100 литров жидкости (в Кастилии – 48 кг).

100 Пьер Лаваль (1883-1945) – премьер-министр Франции в 1931-1932 и

1935-1936 годах. В 1942-1944 годах глава коллаборационистского правительства Виши. Казнен как изменник.

101 Касик – вождь племени у индейцев, здесь – лицо, пользующееся неограниченной властью в деревне.

102 Скороспелая пшеница (примечание И. Эренбурга).

103 Густав Реглер – немецкий писатель, комиссар 12-й интербригады; после гражданской войны в Испании эволюционировал вправо.

104 Антони Иден (1897-1977) – политический деятель Великобритании, в 1935-1938 годах министр иностранных дел.

105 Формирования народной милиции.

106 Терсио (испанский легион) – добровольческий корпус из наемников-профессионалов; участвовал в подавлении астурийского восстания и в гражданской войне. Бандера – воинское формирование, аналогичное полку, входившее в «Терсио».

107 Здесь – местные комитеты Национальной конфедерации труда и Федерации анархистов Иберии.

108 Хуан Негрин (1894-1956) – один из лидеров Испанской социалистической рабочей партии; с 1937 года премьер-министр Испанской республики, до 1945 года возглавлял испанское правительство в изгнании.

109 Хулио Альварес дель Вайо (1891-1975) – писатель, один из лидеров левого крыла Испанской социалистической рабочей партии, министр иностранных дел Испанской республики в 1936-1939 годах и руководитель Генерального военного комиссариата.

110 Антонио Апарисио (р. 1917) – поэт, коммунист, автор популярных у воинов-республиканцев романсов.

111 Луис Компанис (1883-1940) – глава каталонского автономного правительства; в 1940 году был выдан правительством Виши франкистам и расстрелян.

112 POUM – т.н. Рабочая партия марксистского единства – левозэкстремистская организация троцкистского типа, организатор путча против правительства республики в мае 1937 года.

113 Представитель фашистской Италии в «Комитете по невмешательству».

114 В Бургосе находилась резиденция «правительства» Франко, в Саламанке – штаб-квартира франкистского командования.

115 Герцог Альба – неофициальный представитель Франко в Лондоне; с 1939 года – посол.

116 Псевдорадикальные положения программы фаланги призывали к свершению национал-синдикалистской революции.

117 Члены французской террористической организации 30-х годов.

118 Коста Хоакин (1844-1911) – испанский писатель и историк.

119 А. В. Эйсер (1905-1984) – адъютант генерала Лукача, активный участник гражданской войны в Испании; впоследствии советский писатель.

120 Англо-итальянское соглашение, заключенное 16 апреля 1938 года; содержало обещание Италии отозвать своих «волонтеров» из Испании после окончания войны.

121 Сиприсиано Мера (1897-1975) – один из руководителей анархистов, участник заговора против республики в марте 1939 года.

122 Мигель Тагуэнья (1913-1971) – республиканский военачальник, командир корпуса во время боев у Эбро.

123 Председатель «Комитета по невмешательству».

124 Лорд Галифакс (1881-1959) – один из лидеров консервативной партии Великобритании, в 1938-1940 годах министр иностранных дел; проводил политику «умиротворения» фашистских агрессоров.

125 Так народ прозвал республиканские истребители (примечание И. Эренбурга).

126 Фанега – около 60 аров.

127 Антонио Примо де Ривера (1903-1936) – сын бывшего диктатора Испании, основатель фашистской партии «Испанская фаланга»; находясь в тюрьме, отдал распоряжение о начале мятежа в июле 1936 года; расстрелян республиканцами.

128 Программа правительства Негрина, опубликованная 30 апреля 1938 года, предусматривала глубокие социально-экономические преобразования.

129 Курт Шушниг (1897-1977) – последний федеральный канцлер Австрии до ликвидации ее самостоятельности германским фашизмом в 1938 году.

130 Эдуард Бенеш (1884-1948) – в 1935-1938 и в 1946-1948 годах президент Чехословацкой республики.

131 Закон о неприкосновенности личности, принятый английским

парламентом в 1679 году.

132 Глава английской миссии во время переговоров Чехословакии с судетскими немцами в августе – сентябре 1938 года; поддерживал отчленение Судетской области от Чехословакии.

133 Речь идет о встрече Чемберлена и Муссолини в Риме.

134 Лидер английских фашистов в 30-е годы.

135 Французский сенатор, ведущий переговоры об условиях признания Францией правительства Франко.

136 Воспоминания об Илье Эренбурге. М.: Советский писатель, 1975, с. 77.

137 Эренбург И. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1966, т. 8, с. 568. При ссылках на это издание далее приводятся только том и страницы.

138 «В испанском кафе». «Утро России», 1916, 15 января.

139 Местная окраска (франц.).

140 Личный архив Н. С. Тихонова.

141 Эренбург И. Белый уголь, или Слезы Вертера. Л.: Прибой, 1928, с. 288.

142 Там же.

143 Т. 8, с. 570.

144 Личный архив О. Г. Савича.

145 «Белый уголь, или Слезы Вертера», с. 227.

146 Т. 7, с. 519.

147 Т. 8, с. 591.

148 Часть статей из книги «Испания» вошла в первый раздел настоящего сборника.

149 Интернациональная литература, 1933, № 1.

150 Эренбург И. Затянувшаяся развязка. М.: Советский писатель, 1934, с. 217.

151 Пожарская С. От 18 июля 1936 года – долгий путь. М.: Молодая гвардия, 1977, с. 55.

152 Иностранная литература, 1957, № 6, с. 251-252.

153 Т. 9, с. 100.

154 Т. 9, с. 102.

155 Т. 9, с. 110.

156 Там же.

157 В. А. Антонов-Овсеенко (1883-1939) – руководитель штурма Зимнего дворца в 1917 году, активный участник гражданской войны, С 1924 года – на дипломатической работе, в 1936-1937 годах – генеральный консул СССР в Барселоне.

158 Т. 9, с. 11:.

159 Т. 9, с. 119.

160 Т. 9, с. 120.

161 Вопросы литературы, 1973, № 9. с. 211-212.

162 Известия, 1936, 20 декабря.

163 Савич О. Два года в Испании. М.: Советский писатель, 1981, с. 8.

164 Т. 9, с. 177-178.

165 Т. 9, с. 185

166 Иностранная литература, 1957, № 6, с. 252.

167 Т. 9, с. 194.

168 Личный архив И. Г. Эренбурга.

169 Т. 9, с. 208.

170 Воспоминания об Илье Эренбурге. М.: Советский писатель, 1975, С. 187.

171 Алигер М. Тропинка во ржи. М.: Советский писатель, 1980, с. 184-185.

172 Вопросы литературы, 1973, № 9, с. 216.

173 Савич О. Два года в Испании, с. 272.

174 Т. 9, с. 226-227.

Список иллюстраций

Список схем

Линия фронта в октябре 1936 г.

Список фотографий

Илья Григорьевич ЭРЕНБУРГ

Год 1936: транспарант на улице Мадрида: «Они не пройдут! Мадрид станет могилой фашизма!»

Генеральный секретарь Испанской Компартии Хосе Диас

Долорес Ибаррури выступает на фронте под Мадридом

«Мы победим!» – такую клятву давали защитники республики

Плакат Объединенной социалистической партии с надписью по-каталонски: «Чтобы остановить фашизм – вступайте в авиацию!»

В бою под Уэской

Батальон республиканцев на марше (вверху слева)

Фронт подошел к столице

Вождь анархистов Буэновенкуро Дуррути (справа) (фото вверху слева)

Агитфургон Ильи Эренбурга «Печатня и кино» на улице Барселоны

Фашистские бомбардировщики несли смерть женщинам и детям. Зенитчики-республиканцы отражают очередной воздушный налет

Полковник Энрике Листер и генерал Лукач (Мате Залка) под Гвадалахарой

Интербригадовцы болгарин Фердинанд Козовский, венгр Мате Залка, итальянец Галлеани, русский Павел Батов

Поэт Рафаэль Альберти

Премьер-министр Испанской республики Хуан Негрин выступает на 2-м Международном конгрессе писателей в защиту культуры (вверху слева)

Министр иностранных дел Испанской республики писатель Хулио Альварес дель Вайо (вверху справа)

Художник Элиос Гомес

Поэт Антонио Мачадо

Поэт Эмилио Прадос, корреспондент ТАСС Овадий Савич, Илья Эренбург и поэт Хосе Эррера Петере в Барселоне

Советские делегаты 2-го Международного конгресса писателей на встрече с Долорес Ибаррури

Илья Эренбург у знамени центурии его имени

Роман Кармен, Эрнест Хемингуэй и Йорис Ивенс (вверху справа)

Илья Эренбург с летчиками эскадрильи «Красные крылья» под Уэской.
В центре – командир эскадрильи Альфонсо Рейве

Михаил Кольцов в Испании

Советский Союз стал для этих испанских детей второй родиной. Москва,
1937 год (вверху слева)

Сын Долорес. Ибаррури Рубен (четвертый слева в нижнем ряду) с
советскими пионерами в Артеке. Он погиб в боях за Сталинград

Испанские республиканцы на Красной площади в Москве 7 ноября 1937
года

Содержание

П. И. Батов. К читателям

Декабрь 1931 – май 1936

Осел, иди!

Небоскреб и окрестности

Переименовывают

«Республика трудящихся»

Лас-Урдес

Что такое достоинство

Эстремадура

«Guardia civil»

Ученик Бакунина

О человеке

Испанский эпилог

Мигель Унамуно и трагедия «ничьей земли»

В горах Астурии

Женщины Испании

В Испании

Враги

Те же и революция

Июль 1936 – февраль 1939

Семь дней боев
Испания не будет фашистской
Барселона в августе 1936
Мадрид в сентябре 1936
Ночью на дороге
В Толедо
Под Талаверой
Малышка
У Дуррути
Вокруг Уэски
Вечером в Гвадарраме
«Красные крылья»
Мохаммед Бен-Амед
Песня
Барселона в октябре 1936
Художник Гомес
«?Salud y animo!»
Интернациональные бригады
Мадрид в декабре 1936
«Мы пройдем!»
Нейтралитет
Барселона в феврале 1937
Малага
Рабочие «Дженерал моторс»
Герои «третьей империи»
Под Торуэлем
Судьба Альбасете
Трагедия Италии
Сапожник Грегго Сальватори
На поле битвы

Партизаны Испании
В Деревнях Испании
«Красный Аликанте»
«Парижская коммуна»
Мадрид в апреле 1937
День в Каса-де-Кампо
14 апреля
Весна в Испании
Вирхен-де-ла-Кабеса
На Южном фронте
Дивизия без номера
По ту сторону
Битва за хлеб
Под Уэской
Арагонский фронт
Репортажи с второго Международного конгресса писателей
Речь на втором Международном конгрессе писателей
Брунете
Первая победа после Гвадалахары
Испанский закал
Герои Астурии
Перед битвами
На Теруэльском фронте
Горе и счастье Испании
За жизнь!
Да здравствует Дон Кихот!
Мятеж против мятежа
Мате Залка, генерал Лукач
Правды!
Семьсот дней

Кто они?
Вокруг Лериды
О верности и вероломстве
Барселона в июне 1938
В деревне
Во весь голос
18 июля 1938 года
Сражение в Леванте
Две притчи
Долорес Ибаррури
В фашистской Испании
Эбро
Смерть одного мифа
Третья осень
Рождение армии
Большое сердце
Народ Парижа встречает своих героев
Ночь над Европой
Волки
Сила сопротивления
Три конкистадора
На фронтах Испании
Под новый год
Сообщения из Фигераса
Борьба до конца
Исход
Испания не сложила оружия
Умер поэт Антонио Мачадо
Вячеслав Попов, Борис Фрезинский. Верность сердцу и верность судьбе
(Испанские страницы жизни и творчества Ильи Эренбурга)

«Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939. – М.: АПН, 1986.

Книга на сайте: militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig1/index.html

Иллюстрации: militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig1/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.

1Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931-1939 / Составители Попов В. В. и Фрезинский Б. Я. – М.: Издательство АПН, 1986. – 398 с., ил. – (Библиотечка АПН). Тираж 100 000 экз. / Составление, послесловие и примечания В. В. Попова и Б. Я. Фрезинского. Предисловие дважды Героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова.